

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Н. А. МАЖИТОВ

ЮЖНЫЙ УРАЛ
в VII—XIV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

В монографии на основе археологических, письменных, антропологических источников исследуется этническая история и культура населения Южного Урала эпохи раннего средневековья; на основе широкого использования новых археологических материалов, данных письменных источников, фольклора башкир рассматривается хозяйство и религиозные представления народов края.

Ответственный редактор

А. К. АМБРОЗ

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена археологическим памятникам Южного Урала VII—XIV вв. Степные просторы Южного Урала в те времена играли роль своеобразных ворот на пути прохождения орд кочевников с востока на запад, что нарушало нормальный ход развития жизни народов Восточной Европы. Этим обуславливалась не только сильная смешанность населения края, но и быстротечность происходящих событий, смены культур. С данной территорией в той или иной мере связаны ранние этапы развития многих восточноевропейских народов, в том числе башкир. Однако раннесредневековая история Южного Урала исследована очень слабо. В своем кратком историографическом обзоре¹ мне хотелось показать, как проходили накопление источников и разработка отдельных вопросов выбранной темы.

Начало систематическому изучению археологических памятников Южного Урала положил неутомимый краевед XIX в. Р. Г. Игнатьев, над этой темой работали известные русские археологи Ф. Д. Нефедов, А. А. Спицын и Н. И. Булычев. Первые научно поставленные раскопки памятников раннего средневековья в начале XX в. были проведены В. В. Гольмстен (уфимское Чертово городище), А. В. Шмидтом (Кара-Абызское городище, Бахмутинский грунтовой, Кинзикеевский курганный могильник). Выявлением и раскопами памятников данного круга занимались также краеведы Н. К. Минько (Синеглазовские курганы), М. И. Касьянов (Бахмутинский могильник) и др. Несколько интересных памятников середины и конца I тысячелетия н. э. было исследовано в 40—50-е годы XX в.: Уфимские погребения (М. И. Касьянов, Б. А. Кошневский, Р. Б. Ахмеров), Уфимское городище III (П. Ф. Ищерилов), Стерлитамакский могильник (Р. Б. Ахмеров).

Сведения о раннесредневековых памятниках начали быстро накапливаться после 50-х годов, когда в полевые исследования включились молодые тогда археологи: В. Ф. Генинг, Г. И. Матвеева, М. Х. Садыкова,

¹ Данный вопрос подробно рассмотрен в ряде работ последних лет: Бикбулатов Н. В., Мажитов Н. А. Археология и этнография Башкирии за 50 лет.— В кн.: Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969; Васюткин С. М. История изучения археологических памятников юго-западного Приуралья I тысячелетия н. э.— «Вестник МГУ», 1968, № 1; Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968 (Введение); Археологическая карта Башкирской АССР. М., 1976 (глава: История изучения археологических памятников Южного Урала).

С. М. Васюткин, А. Х. Пшеничнюк, В. С. Стоколос, А. П. Шокуров и др. В это время были раскопаны такие опорные памятники конца I и начала II тысячелетий, как Кушнаренокский, Шареевский могильники, Имендешевское, Юмакаевское городища, Сынтыш-Тамакские, Синеглазовские, Старо-Мусинские, Юлдыбаевские, Уфимские курганы и др.

Работы большинства из перечисленных исследователей на протяжении длительного времени координировались в рамках единой коллективной темы — «Археологической карты Башкирской АССР». Эта работа, завершенная в 1970 г. и вышедшая в свет в 1976 г.², содержит научное описание более 2000 памятников различных эпох, в том числе раннего средневековья. Наряду с общим реестром в работе имеются очерки развития археологических культур с глубокой древности до XIV—XV вв., тематические карты памятников по всем эпохам. Данный труд явился необходимым этапом в развитии археологических исследований на Южном Урале. Он подвел итог полевым работам за весь предшествующий период, помог яснее представить себе все археологическое богатство края, чтобы легче планировать целенаправленные работы по отдельным проблемам.

В течение последних 20 лет наряду с другими археологами выявлением и широкими раскопками средневековых памятников края занимался и автор данной работы. За это время экспедициями под его руководством были произведены полные раскопки Каранаевских, Муракаевских, I и II Бекешевских (совместно с А. Х. Пшеничнюком), Ямаш-Тауских, Башкир-Беркутовских курганов, Манякского, Кушулевского могильников; большие площади вскрыты на Бирском могильнике и городище, Юмакаевском, Старо-Калмашевском (совместно с Г. И. Матвеевой), Турналинском, Уфимском II городищах, в Ново-Турбаслинских, Лагереvских курганах и др. В 1974—1975 гг. начато планомерное изучение средневековых древностей в степях Оренбуржья, где в массовом количестве выявлены памятники X—XV вв.

В результате полевых работ в распоряжении автора оказался принципиально новый и хорошо документированный материал по средневековой истории Южного Урала, который количественно во много раз превосходит ранее известный. В научный оборот введены лишь Бирский могильник, Ново-Турбаслинские курганы и поселение II, материалы остальных памятников обобщаются впервые. Наряду с этим в книге полностью использованы все доступные сведения об археологических памятниках Южного Урала второй половины I и начала II тысячелетий.

По мере накопления полевых материалов в археологической литературе постепенно складывались представления о раннесредневековой истории края. Если самые первые печатные труды по теме носили информационный и публикаторский характер³, то в конце 20—30-х годов XX в. авторы делают уже попытку предварительно обобщить весь известный археологический материал. Именно таковой является статья А. В. Шмидта

² Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

³ Булычев Н. И. Древности Восточной России, вып. 1—2. М., 1902; Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. — МАВГР, М., 1899, т. III.

об итогах работ археологического отряда комплексной научной экспедиции АН СССР 1928 г. в Башкирии⁴. В ней не только дается систематизация и хронология добытых материалов, но и впервые ставится вопрос об этнической принадлежности исследованных памятников.

В 50-х годах успешную публикаторскую деятельность развил Р. Б. Ахмеров. Благодаря ему достоянием археологической общественности стали уникальные находки из раннесредневековых памятников — Стерлитамакского могильника и Уфимских погребений, разрушенных и доисследованных в ходе различных строительных работ. Сейчас ни одно исследование по данной теме не обходится без учета работ Р. Б. Ахмерова. Материалы этих памятников систематизированы, классифицированы и в основном правильно определена дата их существования⁵.

Большим событием в изучении древней и средневековой истории Южного Урала явился выход в свет фундаментального труда А. П. Смирнова «Железный век Башкирии». По существу это было первой попыткой системного изложения древней и раннесредневековой истории Южного Урала на основе известных тогда археологических и исторических источников. Он подробно рассмотрел этническую историю и культуру отдельных племенных групп и наметил основные этапы их развития⁶.

С конца 50-х годов в литературе все больше стало появляться данных о новых полевых открытиях в области изучения археологических памятников Южного Урала. Этому в немалой степени способствовали издания Института истории, языка и литературы БФ АН СССР: «Башкирский археологический сборник» (Уфа, 1959 г.), пять томов сборника «Археология и этнография Башкирии» (Уфа, 1963, 1964, 1968, 1971, 1973 гг.). В них были опубликованы материалы раскопок Ново-Турбаслинского могильника⁷ и поселения⁸, Старо-Мусинских⁹, Уфимских¹⁰ курганов, поселений типа Кара-Якуповского городища¹¹ и других памятников. Одновременно появились публикации о памятниках Южного Урала и в других сборниках¹², что значительно пополнило источниковедческую базу.

Серьезным толчком в развитии исследований средневековой археологии Южного Урала послужили состоявшиеся в г. Уфе Второе Уральское археологическое совещание (1962 г.) и научная сессия по этногенезу

⁴ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. — «Хозяйство Башкирии», (Уфа), 1929, № 8—9.

⁵ Ахмеров Р. Б. Древние погребения в г. Уфе. — КСИИМК, 1949, вып. 25; *он же*. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. — КСИИМК, 1951, вып. XL; *он же*. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. — СЭ, 1952, № 3; *он же*. Могильник близ г. Стерлитамака. — СА, 1955, № 22.

⁶ Смирнов А. П. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58.

⁷ Мажитов Н. А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы. — БАС, Уфа, 1959.

⁸ Мажитов Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II. — АЭБ, Уфа, 1963, т. I.

⁹ Садыкова М. Х. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. — БАС, Уфа, 1959.

¹⁰ Пшеничников А. Х. Уфимский курганный могильник. — АЭБ, Уфа, 1968, т. III.

¹¹ Матвеева Г. И. Памятники I тысячелетия н. э. левобережья р. Белой. — АЭБ, Уфа, 1968, т. III.

¹² Матвеева Г. И. Шареевский могильник. — В кн.: Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

башкир (1969 г.) с участием не только археологов, но и специалистов смежных дисциплин. В центре внимания совещания и сессии находились вопросы хронологии и периодизации древней и средневековой истории края, этнической принадлежности памятников, а также методика научного анализа материала. Одним из положительных результатов этих обсуждений явилась объективная оценка проделанной археологами работы по изучению средневековой истории Южного Урала на фоне общих достижений советской археологической науки и определение основных задач по организации археологических исследований на месте в ближайшее время. Научные результаты совещания и сессии опубликованы во II (Уфа, 1964) и IV (Уфа, 1971) томах сборника «Археология и этнография Башкирии».

Знакомство с работами археологов, занимающихся проблемами Южного Урала, показывает, что изучение многих узловых вопросов средневековой истории края вот уже на протяжении двух десятилетий носит дискуссионный характер. Спорными оказались не только такие традиционно трудные для археологов вопросы, как этническая интерпретация материала, но и метод и критерии выделения археологических культур, датировка памятников и др. Суть этой полемики можно сформулировать следующим образом.

Почти все достаточно полно раскопанные раннесредневековые памятники Западного Приуралья разнятся между собой по материалу и устройству. Более того, даже внутри отдельных памятников разнокомпонентными оказались вещевой материал, керамика, типы могил, форма погребения умерших (трупосожжение, труположение). Такая большая смешанность археологического материала по сравнению с материалом предшествующих веков была настолько разительной, что она многих исследователей навела на мысль о принадлежности каждой группы или отдельных памятников к самостоятельным археологическим культурам и различным этническим объединениям. Так в литературе появились понятия бахмутинская, мазунинская, кушнаренковская, турбаслинская, ромачовская, имендяшская, чермосанская, кара-якуповская, манякская культуры и типы¹³ памятников, существовавшие примерно в одно и то же время на ограниченной территории, охватывающей в основном бассейн р. Белой¹⁴. Ограниченность источников, безусловно,— одна из причин такого множества мнений по различным вопросам раннесредневековой археологии Южного Урала.

¹³ Зачастую оба термина применялись в одинаковом значении.

¹⁴ *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.— ВАН, Свердловск, 1961, вып. 1; *Сальников К. В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭБ, Уфа, 1964, т. II; *Генинг В. Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э.— АЭБ, Уфа, 1964, т. II; *он же.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.).— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; *Матвеева Г. И.* Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н. э.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; *Старостин П. Н.* О ромачовских и именковских памятниках.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; *Васюткин С. М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н. э.— СА, 1968, № 1; *Мажитов Н. А.* К изучению археологии Башкирии I тыс. н. э.— АЭБ, Уфа, 1964, т. II; *он же.* Бахмутинская культура. М., 1968.

Тем не менее приходится считаться и с тем, что сильная смешанность и разнокомпонентность составляет одну из важных особенностей раннесредневекового археологического материала с территории Южного Урала. Это очень затрудняет интерпретацию. В частности, многие особенности местного развития трудно объяснить, исходя лишь из общепринятого понятия об археологической культуре¹⁵. Здесь нельзя не согласиться с мнением В. Ф. Генинга о необходимости еще более дифференцированного, чем обычно, подхода к анализу материала.

В свете сказанного заслуживает также внимания метод, предложенный В. Ф. Генингом для классификации раннесредневековых древностей Южного Урала. Он исходит из того, что различия в типах керамики в сочетании с особенностями в формах могил и составе погребального инвентаря непременно носят этнический характер. Чтобы получить более четкое представление о составе древнего населения, согласно его мнению, смешанный материал должен быть расчленен по сочетанию признаков на отдельные различающиеся группы, названные им «археолого-этническими типами»¹⁶. Из контекста видно, что данный термин В. Ф. Генинг в большинстве случаев употребляет в смысле, почти приравненном к понятию археологической культуры¹⁷. Среди небольшого по объему материала Западного Приуралья V—VII вв. таким образом выделено 12 археолого-этнических типов, которые, по мнению исследователя, в разных сочетаниях входят как слагающие в состав различных памятников¹⁸.

Сложный археологический материал Южного Урала раннего средневековья можно понять и осмыслить лишь путем очень четкого расчленения его на составные части. В этом отношении указанный метод В. Ф. Генинга вполне оправдан и является необходимым звеном любого исследования на эту тему. Но с В. Ф. Генингом трудно согласиться в том, что эти особенности всегда носят этнический характер. Одно и то же население могло изготавливать и пользоваться различными типами керамики, а различные формы погребения умерших обусловлены не только причинами этнического порядка, но и социального, т. е. общественное положение часто предопределяло особенности погребения (форму могил, вид; трупоположение, трупосожжение и т. п.).

Согласно новым данным в эпоху раннего средневековья население Южного Урала представляло раннеклассовое общество со складывающимися феодальными отношениями, и поэтому происхождение и распространение в нем элементов культуры могло в значительной степени зависеть уже от культурно-торговых связей.

¹⁵ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры. — СА, 1970, № 2; Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971; Смирнов А. П. К вопросу об археологических культурах. — СА, 1964, № 4.

¹⁶ Генинг В. Ф. Южное Приуралье III—VII вв. н. э. (Проблема этноса и его происхождение). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 247—250.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 251—295.

Происхождение башкирского народа — одна из узловых проблем раннесредневековой истории Южного Урала. Другой важный вопрос — пребывание на Южном Урале древнемадьярских племен. Ввиду своей сложности изучение этногенетических вопросов требует привлечения всего комплекса источников. Однако до недавнего времени археологический материал почти полностью отсутствовал, и очень узок был привлекаемый круг источников по языку, этнографии, антропологии, фольклору башкир. Это не помешало, естественно, появлению многочисленных высказываний предположительного характера¹⁹, которые сейчас являются отправным моментом любого исследования на эту тему. О доказательном решении проблемы происхождения башкир в указанных работах еще не могло быть и речи.

В первых обобщающих работах вопрос о происхождении башкир ставился в тесной связи с изучением памятников Южного Урала последних веков I тысячелетия. В частности, в работах 50-х годов Р. Б. Ахмерова, К. В. Сальникова, А. П. Смирнова высказано мнение о принадлежности к древнебашкирским племенам известных тогда памятников типа Уфимских погребений.

В настоящее время, когда археологический материал неизмеримо вырос в объеме, выводы указанных авторов остаются в силе. Но теперь нам известно гораздо больше о характере формирования башкирской народности и основных слагающих ее компонентах, и это ставит исследования на более прочный фундамент фактов. У специалистов смежных дисциплин, подошедших к изучению происхождения башкирского народа с позиций своих наук, конечные выводы не всегда совпадали. Например, в археологических работах ведущая роль в процессе этногенеза башкир отводилась племенам, обитавшим на Южном Урале к VII—IX вв., а этнографы решающими в нем считали IX—X и последующие века, когда сюда из южных степей проникли древнебашкирские племена, расселившиеся в скором времени в северном направлении, в горно-лесные районы. Эти точки зрения получили свое освещение в докладах и сообщениях археологов (В. Ф. Генинг, Н. А. Мажитов, Г. И. Матвеева, А. Х. Халиков) и этнографов (Р. Г. Кузеев) на научной сессии по этногенезу башкир.

Ограниченный характер источников был одной из причин, долго мешавших сближению точек зрения специалистов различных наук по вопросу о происхождении башкирского народа. В этом отношении последнее десятилетие ознаменовалось появлением фундаментальных исследований, которые значительно продвинули наши знания по ряду разделов данной проблемы. Сюда относятся работы М. С. Акимовой по палеоантропологии Южного Урала²⁰, Р. Г. Кузеева по исторической этнографии башкир²¹, Дж. Г. Киекбаева и его коллег по истории башкирского язы-

¹⁹ Смирнов А. П. Железный век Башкирии, с. 5—6; Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкиро-мадьярская проблема. — АЭБ, Уфа, 1962, т. I.

²⁰ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

²¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974.

ка²², а также А. Н. Киреева, М. Х. Мингажетдинова, М. М. Сагитова по башкирскому фольклору²³.

На фоне указанных достижений стала особенно заметна недостаточная разработанность средневековой археологии Южного Урала, материалы которой были заполнить важные пробелы в картине, воссозданной смежными науками, прежде всего проследить в глубь веков процессы, отмеченные исторической этнографией. В какой-то мере этот пробел существовал потому, что многие известные средневековые памятники датировались по слишком ранним аналогиям, в результате чего необоснованно смещались вглубь реконструируемые исторические события. Следует признаться, что и в некоторых ранних работах автора²⁴ вопрос о происхождении башкир рассматривался, исходя из убеждения о непогрешимости существовавших ранее датировок средневековых памятников Южного Урала.

В ходе работы мне пришлось существенно пересмотреть свое отношение к хронологии археологического материала, омоловив возраст опорных памятников. Например, нами выделены памятники XI—XIV вв., которые ранее суммарно рассматривались в числе памятников IX—X вв. Это вносит новые аспекты в этногенетические исследования по этому вопросу: 1) появилась возможность на достаточно обширном археологическом материале изучить особенности культуры населения Южного Урала первых веков II тысячелетия; 2) исчезает существовавший до сих пор большой хронологический разрыв между археологическими, с одной стороны, и историко-этнографическими, антропологическими и фольклорными материалами о ранних башкирах — с другой; 3) сомкнулись основные виды источников, которые позволяли полнее обрисовать картину сложного процесса формирования башкирского народа и в целом общий ход развития исторического процесса в крае, чем это представлялось до сих пор. В этом отношении автор пришел к примерно аналогичным выводам, которые были сделаны в фундаментальном исследовании Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа»²⁵.

Таковы некоторые обстоятельства, сопутствовавшие выполнению данной работы. В качестве одной из главных задач являлся не только ввод в научный оборот новых материалов по раннесредневековой археологии Южного Урала, но и систематизация накопленных до сих пор данных под единым углом зрения. Этой необходимостью подсказана структура исследования — в значительной мере оно носит источниковедческий характер.

²² Кисебаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

²³ Киреев А. Н. Башкирские эпические памятники. Уфа, 1970; *он же*. Этногенетические легенды и предания башкирского народа. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; Мингажетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; Сагитов М. М. Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV.

²⁴ Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение). — АЭБ, Уфа, 1964, т. II; *он же*. Археология Башкирии (на башкирском языке). Уфа, 1968; *он же*. Происхождение башкир (историко-археологический анализ). — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; *он же*. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.

²⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974.

Во всем предыдущем периоде изучения раннесредневековой археологии края научная мысль нередко опережала накопление фактов; по многим узловым ее вопросам было много различных, противоречивых мнений. Этому хотелось противопоставить максимально полную сводку фактов и предложить читателю те выводы, которые вытекают лишь из анализа первоисточников. Можно быть уверенным в том, что приведение в систему всей источниковедческой базы по данной теме послужит гарантией плодотворности дальнейших поисков.

Работа состоит из введения и шести глав. Являясь первым опытом монографического исследования одного из самых сложных периодов истории Южного Урала, работа не претендует на характеристику поставленных вопросов с исчерпывающей полнотой. Источниковедческая база, хотя и по сравнению с 50—60-ми годами более значительна, но она еще неравномерно охватывает всю территорию края и хронологические периоды. Отрицательно сказывается плохая изученность степной полосы Южного Урала VII—XIV вв., поэтому сейчас возможно лишь дать анализ археологических источников, разработать периодизацию и наметить общие контуры этнической и социальной истории.

Автору приятно сознавать, что написание настоящего труда стало возможным благодаря успешным исследованиям по раннесредневековой археологии Поволжья, Прикамья и Западной Сибири В. Н. Чернецова, А. Х. Халикова, В. А. Оборина, В. Ф. Генинга, М. В. Талицкого, В. Д. Викторовой и др. Привлечение этнографических работ дало мне возможность в ряде случаев посмотреть на археологический материал глазами этнографа-исследователя.

К ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Начало разработке хронологии раннесредневековых древностей Южного Урала положил А. В. Шмидт. В 1929 г. он опубликовал краткий обзор своих раскопок Бахмутинского могильника, выделив хронологические периоды: V—VI и VI—VII вв. Основными признаками для раннего периода он считал бронзовые пряжки круглой формы с длинными изогнутыми язычками, некоторые типы пряжек В-образной формы, мелкие рубленные бусы, пастовые бусы красного цвета; для позднего — крупные бусы из янтаря, серьги с напущенным многогранником, серебряные пряжки с литыми щитками, коньковые подвески и др.¹ А. В. Шмидт при этом опирался на параллели в памятниках юга СССР и Прикамья. Исследования в Прикамье вообще оказали большое влияние на изучение южноуральской хронологии.

Первую периодизацию средневековых древностей Прикамья предложил, как известно, А. А. Спицын, выделив два периода: ломоватовский (VIII—IX вв.) и поздний (X—XII вв.)². В данном направлении изучение хронологии продолжалось (Л. В. Борисов, А. В. Шмидт, М. В. Талицкий) до выхода работ В. А. Городцова и особенно А. П. Смирнова. В. А. Городцов изменил первоначальную дату Подчеремского клада, предложенную А. В. Шмидтом в пределах VII—VIII вв.³, на гораздо более раннюю — IV в. н. э., ссылаясь на параллели некоторых вещей в сарматских древностях⁴.

Некритически восприняв выводы В. А. Городцова, многие археологи начали вслед за ним пересматривать или устанавливать дату средневековых памятников Прикамья и соседних территорий в сторону ее удреждения. Так, о Прикамье появилась серия работ, где началом ломоватовского времени считались IV—V вв. (А. П. Смирнов, О. Н. Бадер) или III—IV вв. (В. Ф. Генинг). На западносибирском материале эта тенденция удреждения проявилась в отнесении к IV—V вв. Перейминского могильника⁵, который содержал вещи подчеремского типа и считался эталонным для датировки сходных с ним памятников.

¹ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР.— «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929, № 16—23.

² Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР. СПб., 1902, с. 26.

³ Шмидт А. В. О кладе из Подчерема.— Сообщ. ГАИМК, 1931, № 11-12.

⁴ Городцов В. А. Подчеремский клад.— СА, 1937, № 2, с. 140.

⁵ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.— МИА, 1957, № 58, с. 176.

Естественно, что когда в 50—60-х годах началось подробное изучение средневековых памятников Южного Урала, были заимствованы новейшие в то время взгляды на хронологию Прикамья, которые, как мы старались показать, явились результатом пересмотра первоначальных датировок. От этого влияния в какой-то мере свободны только ранние работы Р. Б. Ахмерова, в которых развивалось направление, намеченное А. В. Шмидтом. В частности, на основании южных аналогий VI—VIII вв. он датировал богатые уфимские погребения⁶. Ему решительно возразил А. П. Смирнов. Ссылаясь на ранние аналогии из памятников гунно-сарматского времени, уфимские погребения и подобные им памятники Башкирии он отнес к V—VI вв.⁷ Им же была пересмотрена дата Бахмутинского могильника: возраст ранее выделенных в нем двух хронологических групп он соответственно определил IV—V и V—VI вв.⁸ Одновременно А. П. Смирнов подчеркнул наличие среди материалов могильника предметов, характерных для III—IV вв. Таким образом, первоначальные даты, предложенные А. В. Шмидтом, подверглись значительному удревнению. Точка зрения А. П. Смирнова о хронологии бахмутинских памятников затем была развита мною в ряде работ.

Раскопки больших памятников бахмутинской культуры — Бирского, Кара-Тамакского, Бахмутинского (более 230 погребений) дали новый богатый материал для суждения о раннесредневековой хронологии Южного Приуралья и позволили автору настоящей монографии подробно остановиться на их дате.

Материал могильников был разделен на два этапа. В пределах позднего этапа датированы также памятники турбаслинской культуры (Ново-Турбаслинские, Уфимские курганы, Кушнаренковский могильник). Следуя установившемуся тогда мнению относительно датировки комплексов Прикамья, Южного Приуралья, бассейна р. Оки, Северного Причерноморья и Кавказа, автор определил дату раннего этапа бахмутинской культуры II—IV вв., а позднего V—VII вв.⁹ Уже тогда было очевидно, что накопленные в Башкирии материалы из памятников середины I тысячелетия не укладываются в существовавшую хронологию. Поэтому нами были высказаны возражения против чрезмерного занижения В. Ф. Генингом датировки III—V вв. таких памятников Южного Урала, как Кушнаренковский могильник¹⁰.

После публикации материалов Бирского могильника и других памятников вопрос об их дате стал предметом ряда исследований. Они подтвердили двухступенчатую периодизацию бахмутинской культуры и датировку таких памятников, как Ново-Турбаслинский, но их авторы высказались за некоторое сужение общих рамок бахмутинской культуры до III—VII вв., III — середина VI в. или IV—VII вв.¹¹

⁶ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. — КСИИМК, 1951, вып. XL.

⁷ Смирнов А. П. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58, с. 64.

⁸ Там же, с. 52.

⁹ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968, с. 18, 29 и др.

¹⁰ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. — АЭБ, Уфа, 1964, т. II, с. 104, 105.

¹¹ Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. — Автореф. канд. дисс. М., 1969; она же. Лесная и лесостепная Башкирия во второй по-

Как видим, полного единства среди археологов в этом вопросе нет, вероятно, потому, что в ряде случаев (например, в хронологии В. Ф. Генинга) сказывается упоминавшаяся выше тенденция к удревнению дат. Не противоречат хронологии Бирска и даты новооткрываемых памятников. Так, Г. И. Матвеева отнесла к III—V вв. Имендашевское городище, а к VI—VIII вв. — Шареевский могильник и поселения с керамикой кара-якуповского типа, исследованные ею в 60-х годах ¹².

Принципиально новой оказалась точка зрения А. К. Амброза, изложенная в серии статей 1971—1974 гг. Им показано, что современная хронология раннесредневековых археологических памятников Восточной Европы и Сибири унаследовала многие методические ошибки исследователей начала XX в., которые определяли возраст крымских и кавказских памятников не столько на основании массового материала, сколько на основании монет из погребений. Не имея археологических критериев проверки дат и оперируя обычно изолированными местными группами памятников или отдельными памятниками, они, как правило, прямо отождествляли дату памятника с датой, найденной в нем монеты. Они не учитывали того, что не все монеты попадали в могилу вскоре после изготовления, многие могли попадать туда через много десятков лет и даже столетий. Так как материалы этих памятников служили эталонами для определения последующих находок, один раз допущенная ошибка вызвала серию других, в результате чего не все даты оказывались надежно обоснованными, а даты многих памятников и целых археологических культур сильно заниженными.

Исследования А. К. Амброза заставляют изменить бытовавшее до сих пор представление о памятниках Башкирии III—IV вв., так как в его хронологической системе они получили место позже IV в.; на несколько столетий омоложены и археологические культуры Прикамья, ранее датировавшиеся в пределах III—V вв. ¹³ Выводы по хронологии А. К. Амброза оказались неожиданными, но по существу, если вдуматься, они полностью соответствуют той тенденции к упозднению дат, которая подспудно присутствовала в работах, написанных в последние годы на материалах Башкирии.

Новые материалы и исследования отразились и на археологии Прикамья, заставив археологов заново пересмотреть существующую периоди-

ловине I тысячелетия н. э. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; Васюткин С. М. К дискуссии по бахмутинской культуре. — СА, 1971, № 3, с. 97—101; *он же*. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III—XIII вв.). — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, табл. 1, 2, с. 226—247 и др.; Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 96, 104, 106 и др.; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, 3.

¹² Матвеева Г. И. Шареевский могильник. — В кн.: Из истории Башкирии. Уфа, 1969; *она же*. Лесная и лесостепная Башкирия. — *она же*. Памятники железного века в бассейне р. Зилим. — АЭБ, Уфа, 1973, т. V.

¹³ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы; *он же*. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М., 1974, с. 35—45.

зацию местных памятников. Так появились новые работы В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной, где вопрос о хронологии местных памятников получил более точное освещение¹⁴. До них с аргументированной идеей об омоложении на несколько столетий даты этих памятников (Харино) выступил А. П. Смирнов¹⁵.

Несколько по-иному шло исследование хронологии археологических памятников конца I тысячелетия н. э. Южного Урала и прилегающих районов. Большое значение здесь имела публикация Р. Б. Ахмеровым материалов Стерлитамакского могильника, где обнаружено шесть южных монет VIII в.¹⁶ Множество монетных комплексов затем было выявлено в Больше-Тарханском, Мыдлань-Шайском и других могильниках Прикамья¹⁷. Материалы указанных памятников, а также основанная на монетах и большом сравнительном анализе хронология салтовских древностей Дона, Донца и Северного Кавказа послужили эталоном при выделении комплексов VIII—IX вв. Таким образом, например, автором были предварительно датированы многие памятники Южного Урала конца I тысячелетия, материалы которых легли в основу настоящего исследования. Прослеживаемые близкие параллели дали тогда основание считать их синхронными и все отнести к салтовскому времени, несмотря на то, что наблюдались определенные различия в составе находок¹⁸.

Вопрос о датировке памятников Южного Урала последующего времени затронут в двух работах, посвященных публикации результатов раскопок Старо-Мусинских курганов¹⁹ и Кушулевского могильника²⁰. Хотя оба памятника существенно различались друг от друга по составу находок, что непременно говорило об их разновременности, они были отнесены к одному времени — IX—X вв. Естественно, что эта дата сыграла некоторую роль при определении нами времени существования памятников со сходным инвентарем. На материалах памятника типа Кушулевского могильника в литературе сложилось мнение о том, что на Южном Урале они завершают развитие языческих погребальных сооружений, которые затем в XI—XII вв. сменяются раннемусульманскими.

Такова вкратце историография данного вопроса. Из нее видно, что разработанной хронологии средневековых древностей края пока нет. Смысл сказанного станет еще яснее, если иметь в виду, что основные

¹⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.; Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. — ВАН, Свердловск, 1973, вып. 12.

¹⁵ Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 165.

¹⁶ Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака. — СА, 1955, XXII.

¹⁷ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964; Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. — ВАН, Свердловск, 1962, вып. 3.

¹⁸ Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, Уфа 1964, т. II; он же. Археология Башкирии (на башкирском языке). Уфа, 1968; он же. Происхождение башкир. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; он же. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.

¹⁹ Садыкова М. Х. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. — БАС, Уфа, 1959.

²⁰ Эрдеи И. Большая Венгрия. — In: Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1961.

источники до сих пор оставались не введенными в научный оборот. Поэтому у нас есть некоторое основание свою работу рассматривать как первую попытку создания единой хронологии для всего южноуральского региона в пределах данного периода.

Предлагаемая ниже хронология базируется на всех известных могильных комплексах, которые по признаку сходства находок были объединены в отдельные группы, соответствующие различным хронологическим периодам. Всего выделено девять таких групп, и они охватывают период от VII по XV в. Основные датирующие признаки каждой группы показаны в табл. I. Последняя является синтезом продланной классификации и сравнительных сопоставлений. Подробные данные о классификации первоисточника по типам будут даны далее, здесь же для краткого обоснования возраста выделенных хронологических групп названы только некоторые важные датирующие аналогии.

Нижний рубеж наших хронологических изысканий ограничен VII в. В табл. I относительной хронологии этому соответствует ряд А. Опорным его памятником является Бирский могильник (погребения 21, 23, 25, 27, 35, 39—57, 77, 133, 136, 137, 140—205), сюда же относятся Кувыковский, Кара-Тамакский, Ангасякский, Старо-Кабановский, Югомашевский могильники, а также Дежневские курганы, ранняя группа Ново-Турбаслинских (8, 9, 11, 12, 14, 23, 27) курганов и уфимских погребений (на улицах Социалистическая, К. Маркса, Тукаева — сборы 1976 г.).

Для многих комплексов из указанных памятников общим является инвентарь так называемых дружинных погребений, откуда происходят богатые находки примерно с одинаковым составом: большие янтарные бусы, серебряные пластинчатые фибулы, бронзовые пряжки с золоченой серебряной фольгой и стеклянными вставками, пряжки с литыми щитками, одно-, двулезвийные короткие мечи, топоры, удила, трехлопастные, ромбические и треугольные в сечении наконечники стрел, кольчужные кольца (табл. I, I—40) ²¹.

При публикации материалов Бирского могильника погребения с аналогичным инвентарем нами были датированы V—VII вв. ²², с чем согласилась В. Б. Ковалевская ²³. В обобщающей работе В. Ф. Генинга они нашли место среди погребений группы B₂ (середина VI в.) ²⁴, а А. К. Амброз основным их временем считает VII в. ²⁵ Подойдя сейчас к этому вопросу с несколько иных позиций, а именно из данных ретроспективного анализа материалов более поздних погребений, следует добавить, что они полностью подтверждают правомерность сужения хронологических рамок, проведенного А. К. Амброзом.

²¹ Аналогичные находки см.: *Ахмеров Р. Б.* Древние погребения в Уфе. — КСИИМК, 1949, вып. XXV, с. 115, рис. 42; *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы. — БАС. Уфа, 1959, с. 123, рис. 1.

²² *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура, с. 39—40, табл. I.

²³ *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв., с. 106, рис. 8.

²⁴ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 236, рис. 3, 32; табл. 1—2.

²⁵ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, с. 107, табл. III, 52.

В отличие от большинства исследователей А. К. Амброз значительно увеличил количество погребений Бирского могильника, датируемых VII в. Например, сюда он отнес все комплексы, где найдены типично бирские поясные наборы с ромбическими накладками, широкими наконечниками из согнутых пополам пластин, бронзовые проволоочные пряжки с пластинчатыми щитками (табл. I, 19, 20, 23), серьги с литым многогранником и харинского типа (табл. I, 5, 33), фигурки медведя (табл. I, 29, 30) и «уточек» (табл. I, 35), кольцевые застёжки (табл. I, 27, 31) и много других предметов (табл. I, 21, 24—26, 28, 34, 36). Новые наблюдения позволяют полностью принять данную поправку²⁶.

Одновременно появляется возможность выделить комплексы VII в. и среди материалов Кара-Тамакского могильника, в составе которых полно представлены фигурки медведя²⁷. Как известно, часть вышеперечисленных датирующих предметов (фигурки медведя, коня, кольцевые застёжки) в большом количестве найдены также в Бахмутинском могильнике, что еще раз указывает на правоту А. В. Шмидта, выделившего в нем комплексы VI—VII вв. Тот же набор предметов (пряжки с прямоугольными щитками, серьги харинского типа, фигурки медведя, уточек, топоры и др.) мы видим в составе комплексов еще трех новых могильников бахмутинской культуры — Старо-Кабановского, Ангасякского и Югомашевского, раскопанных С. М. Васюткиным.

Своеобразие материала выражается прежде всего в том, что в них полно представлены большие бабочковидные фибулы мазунинского типа, что сближает их с памятниками среднекамского варианта. Наряду с вышеперечисленными предметами для определения даты могильников принципиальное значение могут иметь рамчато-ажурные подвески с лапчатыми привесками, которые могут быть сопоставлены с подвесками из Азелинских могильников на р. Вятке²⁸. Они принадлежат к числу шумящих подвесок развитых форм, широко бытовавших на рубеже I и II тысячелетий, но преобладание в комплексах предметов сугубо местного производства заставляет пока останавливаться на VII—VIII вв. как вероятной их дате.

Следует подчеркнуть, что бронзовые проволоочные пряжки с пластинчатыми щитками, серьги с литым многогранником на одном конце и харинского типа достаточно представлены в Ново-Турбаслинских²⁹ (табл. I, 37, 44) и Дежневских (табл. I, 43)³⁰ курганах, являясь там вместе с бронзовыми пряжками и накладками с золоченой фольгой самыми ранними находками. На этом основании сейчас можно утверждать, что первые захоронения в указанных могильниках появились не раньше VII или, если говорить с большой осторожностью, VI—VII вв.

Следующий хронологический ряд (Б) охватывает VIII в. (табл. I).

²⁶ Амброз А. К. Проблемы..., с. 107: *он же*. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы, с. 36—37.

²⁷ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 152, табл. 30, 2, 3.

²⁸ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. — ВАН. Ижевск, 1963, вып. 5, табл. XI, 1—3.

²⁹ Мажитов Н. А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы, с. 136, табл. IV.

³⁰ Найдены еще в кургане № 9. Раскопки М. Х. Садыковой 1969 г.

Он выделен на материалах главным образом Манякского могильника и ранних Лагереvских курганов. Отличительной особенностью их являются: а) поясные ремни с набором геральдических накладок, в том числе двучастные, якорьковидные, длинные ланцетовидные с отрезками по длинным сторонам или равными краями, Т-образные накладки различных форм с широким вырезом, куда вставлялись тонкие пластины с ложным зерненным орнаментом (табл. I, 93—110—113, 117), псевдопряжки, В-образные пряжки, в том числе с поднятыми бортиками на месте углубления для язычка (табл. I, 87—92); б) подвески в виде фигуры птицы-уточка и двуглавой или обычной лошади (табл. I, 115, 116, 124), серьги, подвески с ушком, отделенным от основания длинным перехватом, и насечками на поверхности, трубочки с изображением птицы или с рифлеными краями, колокольчики (табл. I, 113, 114, 120—123, 125), подвески, очевидно, от серег (табл. I, 118, 119), литые пластинчатые накладки с ушком на обороте и врезным орнаментом на поверхности (табл. I, 107), наконечники стрел типа срезень (табл. I, 108, 109); в) стремяна (табл. I, 127, 128) и другие предметы.

Сходный с манякским инвентарь содержат ранние лагереvские курганы (например, курганы 10, 46, 56, 57 и др.). Здесь мы видим подвески-грузики от серег, геральдические накладки ремней, пряжки, колокольчики, браслеты, круглые подвески с шишечками, восьмеркообразные стремяна (рис. 1, 1—8, 12—15). Из числа новых предметов следует выделить подвеску в виде четырех розеток круглой формы вокруг пятой (рис. 1, 10) и литую подвеску с ушком и изображением трех голов медведя на передних лапах (рис. 1, 9).

Ближайшие аналогии почти всем перечисленным предметам в массовом порядке представлены в Неволинском и Агафоновском могильниках, территориально очень близко расположенных от Манякского. Как известно, датировка Неволинского могильника явилась объектом специальных исследований А. К. Амброза, В. Б. Ковалевской и Ю. А. Краснова, написавших развернутую рецензию на книгу И. Эрдели, Е. Ойтози и В. Ф. Генинга с полной публикацией материалов памятника³¹.

Рецензентами подробно рассмотрено место Неволинского могильника среди других памятников северо-западной Азии и Восточной Европы с геральдическими поясами в плане уточнения хронологии. В результате они пришли примерно к одинаковым выводам. Согласно мнению А. К. Амброза, Неволинский могильник существовал сравнительно короткое время — в конце VII — первой половине VIII в.³², а В. Б. Ковалевская и Ю. А. Краснов основной его датой считают VIII в.³³ Рецензентами отмечена большая близость и синхронность Манякского и Неволинского могильников³⁴. В. Б. Ковалевская отнесла Манякский могильник ко второй половине VII — первой половине VIII в.³⁵ Таким образом,

³¹ *ErdeI I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969.*

³² *ErdeI I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino. Рецензия — СА, 1973, № 2, с. 298.*

³³ Там же, с. 287.

³⁴ Там же, с. 287, 293, 294 и др.

³⁵ Там же, с. 287. *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв., с. 107 (таблица, нижний ряд).

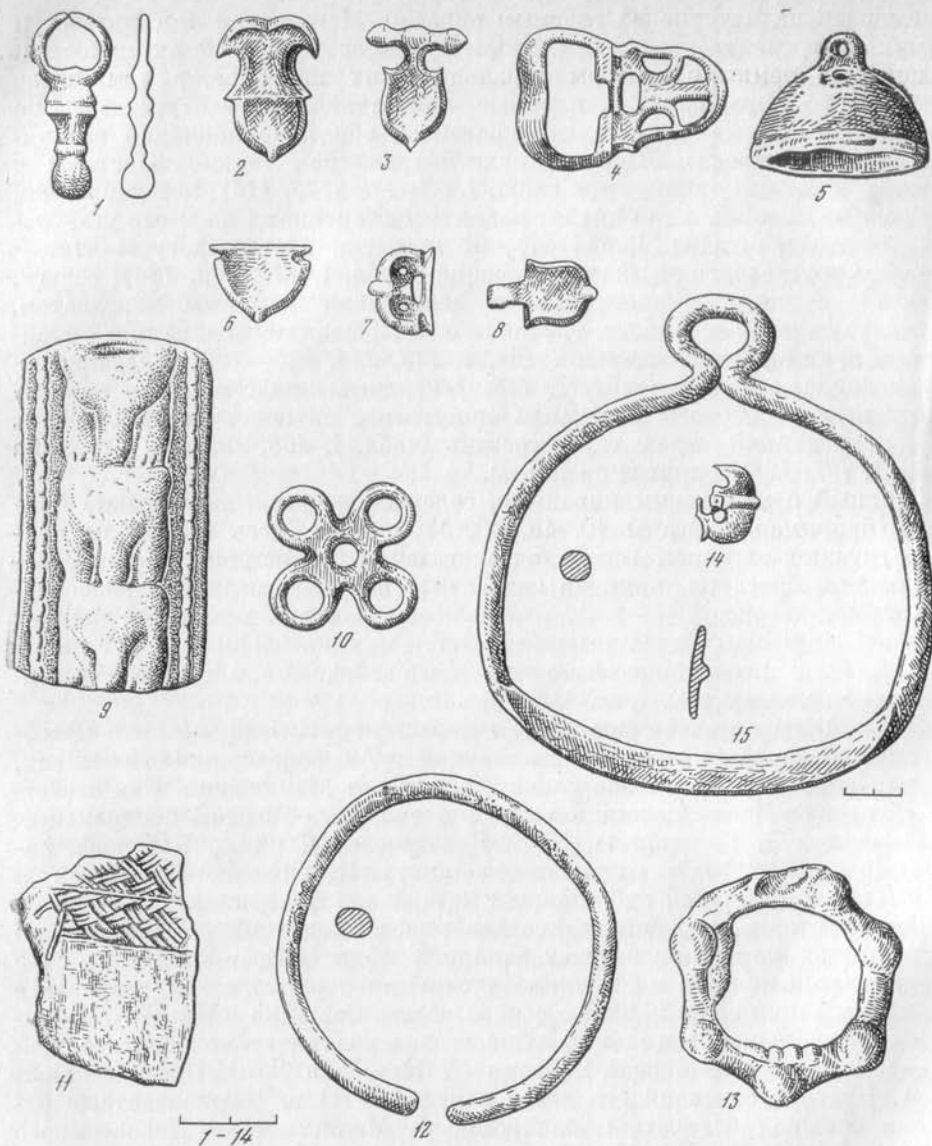

Рис. 1
Инвентарь из Лагеревских курганов
1—13 — курган 46; 14, 15 — курган 56

точки зрения А. К. Амброза и В. Б. Ковалевской здесь полностью совпадают.

В своих предварительных публикациях по датировке Манякского могильника автор придерживался аналогичного же мнения³⁶, поэтому указанную дату сейчас можно было бы принять, если при этом не образовался хронологический разрыв между группами Б и В примерно в 50 лет. Группа В (табл. I), как увидим дальше, надежно датируется на основании монет IX в. Отсюда возникает более осторожное предположение о датировке Манякского могильника и всего периода Б VIII в.

К группе Б нами отнесены также II Красногорские курганы (1, 2), где найдены Т-образные накладки, бронзовые колокольчики форм, близких к описанным. Типичным памятником данной хронологической группы является Шареевский могильник, в котором мы находим характерные для нее предметы: бронзовые колокольчики, серебряные пряжки с бортиками для язычка³⁷, круглые подвески с отделенным от основания ушком и насечками, Т-образные накладки³⁸. В качестве дополнительного аргумента в пользу сказанного можно упомянуть железную трапециевидную пряжку, аналогии которой широко распространены в памятниках IX—X вв.³⁹, подвеску — конскую фигурку с ушком для подвешивания⁴⁰. Последняя несколько отличается от бирских аналогий в деталях, приближаясь к таким же предметам из салтовских древностей⁴¹.

Выделение двух ранних хронологических групп с четкими признаками позволяет несколько уточнить возраст некоторых других памятников Южного Урала этого времени, что пока в литературе носит дискуссионный характер. Это — часть уфимских погребений (на территории Башкирского мединститута и Оперного театра), Кушнаренковский могильник, Сынташевские (ранняя группа), Ново-Биккинский, Булгарский, некоторые Ново-Турбаслинские курганы.

В инвентаре всех этих памятников много общего с материалом группы Б, прежде всего благодаря геральдическим поясам. Например, в уфимских погребениях имеются литые В-образные пряжки, в том числе с бортиками для язычка, Т-образные и простые геральдические с широким вырезом или без него (табл. I, 69—75). Однако вместе с ними там встречаются другие находки, аналогии которым пока нет в комплексах группы Б, но зато есть в памятниках второй половины VII в. Сюда относятся двучастные якорьковидные накладки с четырьмя круглыми отверстиями⁴², которые А. К. Амброз датирует серединой и второй половиной

³⁶ Васюткин С. М., Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. и др. Раскопки в низовьях Белой. — АО, 1968, с. 140; Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала, с. 131.

³⁷ Матвеева Г. И. Шареевский могильник. — «Учен. зап. БГУ», 1968, вып. 35, сер. ист. наук, № 7, с. 19, рис. 32, 33.

³⁸ Там же, с. 14, рис. 14, 18, 25.

³⁹ Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака, с. 171, табл. VII; Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. — САИ, 1973, вып. E1 — 36, с. 77, рис. 43, I.

⁴⁰ Матвеева Г. И. Шареевский могильник. — «Учен. зап. БГУ», с. 14, рис. 23.

⁴¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 177, рис. 49, 13, 14.

⁴² Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв. и их место в древней истории Башкирии. — В кн.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 176, рис. 4 (третий ряд по горизонтали).

VII в.⁴³ Там же впервые встречаем узловые накладки для трех ремней (табл. I, 76), аналогии которым в датированных памятниках VII в. широко известны. Особенности формы заставляют рассматривать их как составную часть поздних геральдических наборов. Учитывая отмеченные поздние маняко-неволинские параллели, вероятным возрастом уфимских погребений можно считать рубеж VII—VIII вв.

Так же, на наш взгляд, решается вопрос о дате Кушнаренковского могильника, которую автор раскопок В. Ф. Генинг относит к концу VI—началу VII в.⁴⁴ Инвентарь большинства комплексов состоит из предметов, типичных для группы А: серебряные пластинчатые фибулы, серьги с литым многогранником, большие янтарные бусы. В нескольких комплексах встречены полные наборы геральдических поясов, в составе которых есть накладки в виде четырех розеток, сердца, узловые трехлопастные, двух- и трехсоставные, а также пряжки (табл. I, 77—86). Двусоставные накладки, как уже отмечали, по А. К. Амброзу датируются серединой и второй половиной VII в. Но в целом типологическая близость с поясами накладками из группы Б очень большая, поэтому приходится допускать, что самые поздние захоронения (например, погребения 2, 17) данного могильника могли быть совершены в начале VIII в. На основании тех же соображений рубежом VII—VIII в. нами датируются Ново-Биккинский (табл. I, 53), Булгарский, Сынташевские (табл. I, 49—52) курганы и часть Ново-Турбаслинских курганов (10, 13, 18, 27) (табл. I, 45—48, 54—60).

Следует отметить, что некоторым указанным предметам из Ново-Турбаслинских курганов ближайшие аналогии мы находим как в памятниках VII, так и IX вв. Ранние аналогии, например, имеют одно-, двучастные, Т-образные, узкие и широкие ланцетовидные с вырезом накладки и др. (табл. I, 55—60; табл. I, 51, 52, 86). Поздние аналогии, в частности, имеет очевидная подвеска⁴⁵ из кургана 13, полностью идентичная подвескам на цепочках из Мыдлань-Шайского могильника⁴⁶. В нем найдены были квадратные накладки с пирамидальной поверхностью (табл. I, 47). Последние являются близкой копией накладок из I Бекешевских курганов, сплошь украшавших ремень оголовья (табл. I, 173; рис. 4). Эти поздние предметы, на наш взгляд, дают основания говорить о рубеже VII—VIII вв. как о возможной дате выделенных Ново-Турбаслинских курганов.

Особо следует остановиться на дате Салиховских курганов, широкие раскопки которых после К. В. Сальникова⁴⁷ в последние годы вел С. М. Васюткин. Материал памятника сравнительно беден, но своеобразен и состоит из глиняных сосудов, мелких стеклянных бусин, металлических предметов, овальных и прямоугольных пряжек и накладок ремня не-

⁴³ Erdeli J., Oitozi Э., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino. Рецензия, с. 289, рис. 1, 21.

⁴⁴ Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI—VII вв.).— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

⁴⁵ Мажитов Н. А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы, с. 124, табл. II, 13.

⁴⁶ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай, табл. VII, 4, 5.

⁴⁷ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э.— СА, 1958, № 4.

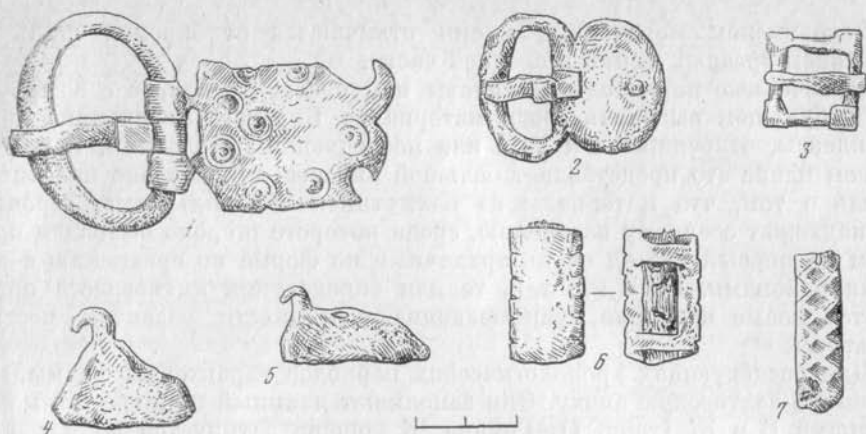

Рис. 2

Материал из Салиховских курганов (раскопки С. М. Васюткина)

скольких вариантов, фигур уток (рис. 2), костяных пряжек (типа табл. I, 50) и др. В подавляющем большинстве все они принадлежат к числу предметов местного производства и поэтому, как мы старались подчеркнуть, имеют очень широкую дату. В этом плане заслуживают внимания редкие экземпляры фигур уток, костяные пряжки, сердцевидные накладки, аналогии которым ранее VII, но в основном VIII в. как будто на Южном Урале не встречаются. На этом основании можно предположить, что Салиховские курганы возникли не ранее VI—VII вв.

Исходя из вышеизложенного, следует вновь вернуться к вопросу о поздней дате Бирского могильника. Теперь в нем можно выделить отдельные погребения, синхронность которых с группой Б не вызывает особых возражений. Это прежде всего погребение 2, обнаруженное на раскопе 2, откуда происходит четырехлепестковая подвеска. Она идентична, следовательно, синхронна с подвеской из Лагерева кургана 46, инвентарь которого очень характерен для комплексов хронологической группы Б (рис. 1, 10).

К этим поздним погребениям хронологически близко примыкают также те, в которых обнаружены пряжки В-образной формы «вычурного» стиля⁴⁸. Непременно прав А. К. Амброс, ограничивший раннюю их дату самым концом VII в.⁴⁹ Для данной группы особенно характерным является комплекс из погребения 165, где наряду с пряжками (табл. I, 61—63) найдены трехлепестковая и Т-образная накладки (табл. I, 64—65). Обе, особенно последняя, относятся к кругу вещей VII—VIII вв., хотя не имеют близких аналогий. Сказанное можно отнести также и к трехсоставным (табл. I, 66) и двухъякорьковым (табл. I, 67, 68) накладкам. Ближайшие аналогии двухъякорьковым в массовом количестве представлены

⁴⁸ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 124, табл. 24, 26.

⁴⁹ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, с. 107.

в Невولينском могильнике⁵⁰: они отличаются от бирских лишь отсутствием врезных линий в средней части.

Отмеченные параллели позволяют нам поставить вопрос о возможности в будущем выделить среди материалов Бирского могильника новые комплексы, относящиеся к VIII или последующим столетиям. В методическом плане это представляет большой интерес, так как оно наводит на мысль о том, что материалы из бахмутинских могильников, вероятно, принадлежат оседлому населению, среди которого широко бытовали предметы на первый взгляд очень архаичные по форме по сравнению с южными районами. Если это так, то для определения их возраста потребуются новые критерии, учитывающие особенности развития местной культуры.

Для последующих хронологических периодов характерны формы, возникшие в салтовскую эпоху. Они заполняют длинный промежуток между группами Б и Ж (табл. I). Группа Ж хорошо датируется по массовым южным аналогиям XII в., а группа З также надежно — XIII—XIV вв. Поэтому дата многочисленных могил с салтовскими элементами на Южном Урале падает в целом на период IX—XI вв. Уже одна такая долговременность заставляет предполагать их неоднородность. Действительно, по развитию поясных и сбруйных украшений, оружия и конского снаряжения следует выделить среди могил с салтовскими элементами четыре группы: В, Г, Д, Е. На юге салтовская культура насильственно погибла в начале X в., в более северных районах ее элементы сохранились дольше, судя по тому, что во многих комплексах им сопутствуют там южные вещи X—XI вв.

Третья хронологическая группа (В) наиболее многочисленная. Опорными памятниками являются Хусаиновские (за исключением курганов 1, 3, 7), I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские курганы, Стерлитамакский могильник. Сюда же относятся Чишминский⁵¹ и Больше-Тигановский⁵² могильники, расположенные на территории Татарской АССР. Все они отличаются удивительным единообразием инвентаря, что свидетельствует об их синхронности. В погребениях достаточно полно представлены целые наборы богатых поясных ремней с длинными подвесками на бедра (рис. 3), а также уздечек (рис. 4), украшенные накладками всевозможных форм в различном сочетании. С точки зрения выработки датирующих признаков последнее обстоятельство приобретает особое значение.

Для украшения поясов чаще всего использовались прямоугольные с вырезом, сердцевидные, в том числе с вырезом, лунницевидные с круглыми отростками сбоку, розетковидные и лепестковидные подвески (табл. I, 161—163, 165, 168, 175). Наряду с ними широко применялись также прямоугольные (табл. I, 164) или овальные зажимные кольца, наконечники и накладки с параллельными или рифлеными краями и фигурными окончаниями и других форм (табл. I, 140—160, 166, 169—174). По сравнению с комплексами группы Б существенно изменяется состав

⁵⁰ Erdeli I., Oitozi A., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino, tabl. IV, 1; tabl. XXX, 2.

⁵¹ Казаков Е. П. Два погребения Чишминского могильника. — СА, 1975, № 4.

⁵² Халикова Е. А. Magna Hungaria. — «Вопросы истории» 1975, № 6; она же. Больше-Тиганский могильник. — СА, 1976, № 2.

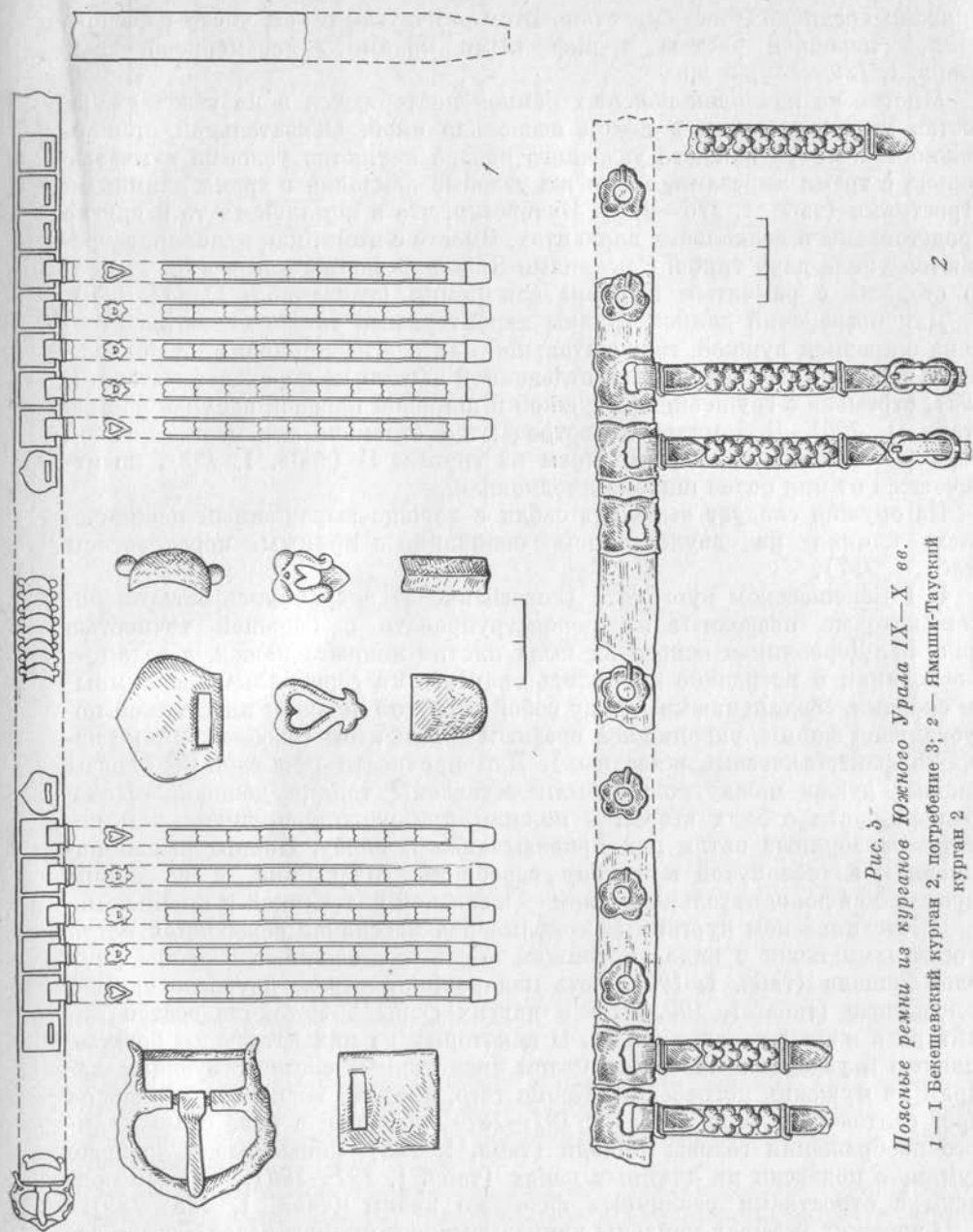

Рис. 3

Поясные ремни из курганов Южного Урала IX—X вв.
1 — I Бекешевский курган 2, погребение 3; 2 — Ямашин-Тауский курган 2

пряжек: среди них частыми становятся рамчатые, в том числе с расширенной передней частью и рифлеными краями, восьмеркообразные (табл. I, 129—138) и др.

Многие из накладок поясных ремней повторяются и на уздечках, но состав украшений там в целом несколько иной. Обязательной принадлежностью почти каждого уздечного набора являются узловые рамчатые кольца с тремя вырезами, такие же узловые накладки с тремя длинными отростками (табл. I, 176—179). Интересно, что в комплексах те и другие представлены в нескольких вариантах. Вместе с ними, как правило, встречаются удила двух типов: с псалиями S-видной формы или в виде прямого стержня с рамчатым вырезом для ремня (типа табл. I, 237, 238).

Для погребений данной группы характерными также являются стремяна с арочной дужкой, горизонтальной или слегка приподнятой подножкой и плоской верхней частью, отделенной заметным перехватом (табл. I, 198), стремяна с грушевидной дужкой и широкой плоской верхней частью (табл. I, 200). В комплексах встречаются стремяна восьмеркообразной формы: они близки к экземплярам из группы Б (табл. I, 127), но отличаются от них более широкой подножкой.

Из оружия следует выделить сабли с хорошо выраженным искривлением клинка на дулезвийном окончании и прямым перекрестием (табл. I, 197).

В I Бекешевском кургане 1 (погребение 1) сохранились остатки ножей, которые позволяют их реконструировать с большой точностью (рис. 5). Деревянная основа их была плотно покрыта кожей, а затем — в основании и посредине крепились спаренными серебряными зажимными скобами, соединенными между собой согнутой пополам пластинкой полуovalной формы, украшенной врезным орнаментом (изображениями каких-то фантастических животных). Для прочности при зажиме в пазы боковых дужек между кожей были вставлены тонкие дощечки. Ниже средней части с двух сторон к ножнам прикреплялись литые или кованные серебряные петли для привязывания к поясу. Ножны имели наконечник из обернутой в трубку серебряной пластинки, а ее концы крепились дополнительным швом — железной пластинкой и шпеньками.

В Хусанновском кургане 12 сохранилась массивная серебряная петля с остатками кожи в виде смотрящих в противоположные стороны двух голов лошади (табл. I, 190). Есть наконечники стрел: двурогие срезни, килевидные (табл. I, 199, 201) и других форм⁵³. Устойчив состав инвентаря в женских погребениях. В некоторых из них встречены богатые поясные и уздечные наборы, в целом аналогичные соответствующим наборам из мужских погребений. Кроме того, найдено несколько вариантов серег салтовского типа (табл. I, 181—187), подвески в виде стилизованного изображения головы лошади (табл. I, 139), коньковые и арочные шумящие подвески на длинных цепях (табл. I, 191—196), круглые подвески с отростками различных форм по краям (табл. I, 188—189).

В женских могилах найдены уникальные экземпляры седел, богато декорированных на передней луке и на ремнях серебряными накладками

⁵³ Азмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлиматака, с. 165, табл. IV; с. 169, табл. VI, 4.

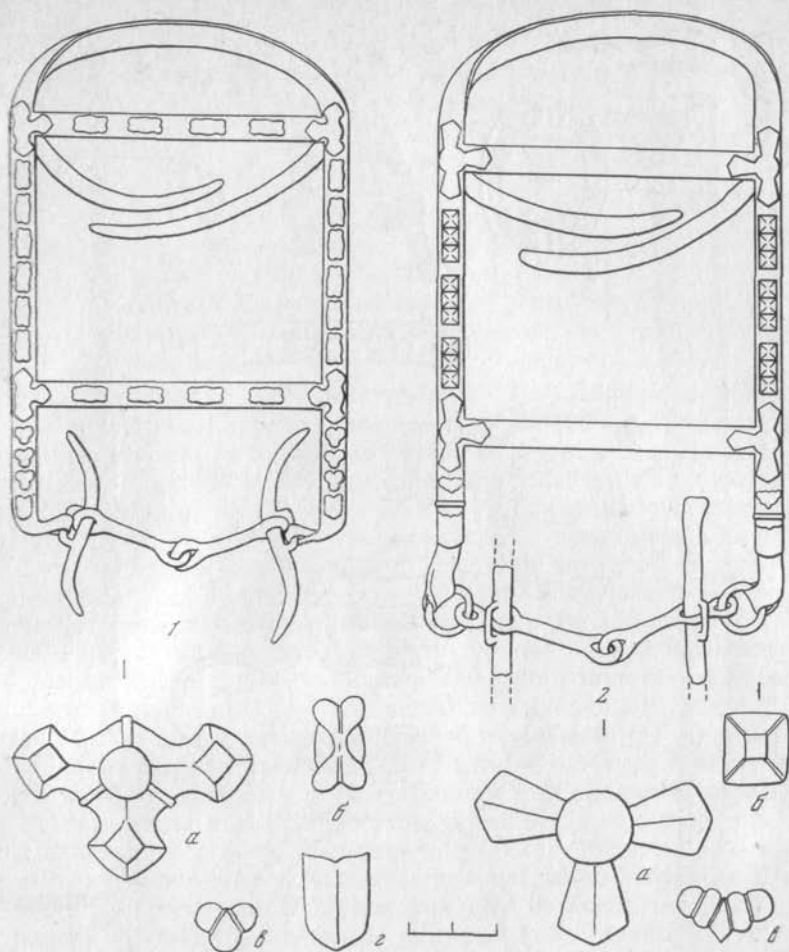

Рис. 4

Оголовья из курганов Южного Урала IX—X вв.

1 — I Бекешевский курган 2, погребение 3; 2 — I Бекешевский курган 1, погребение 9

(рис. 6). Все перечисленные вещи встречены в курганах, где, кроме того, обнаружены остатки гробов с подстилкой из рогожи, привозных шелковых тканей, глиняные сосуды кушнаренковской (поздние формы) и кара-якуповской форм.

Для определения начальной даты комплексов данной группы важное значение имеют монеты. Они найдены в Стерлитамакском⁵⁴, Хусаиновском и II Бекешевском могильниках. Из 11 монет 10 отчеканены в различные годы VIII в., а одна — в 824 г. По месту чеканки они подраз-

⁵⁴ Там же, с. 164—166.

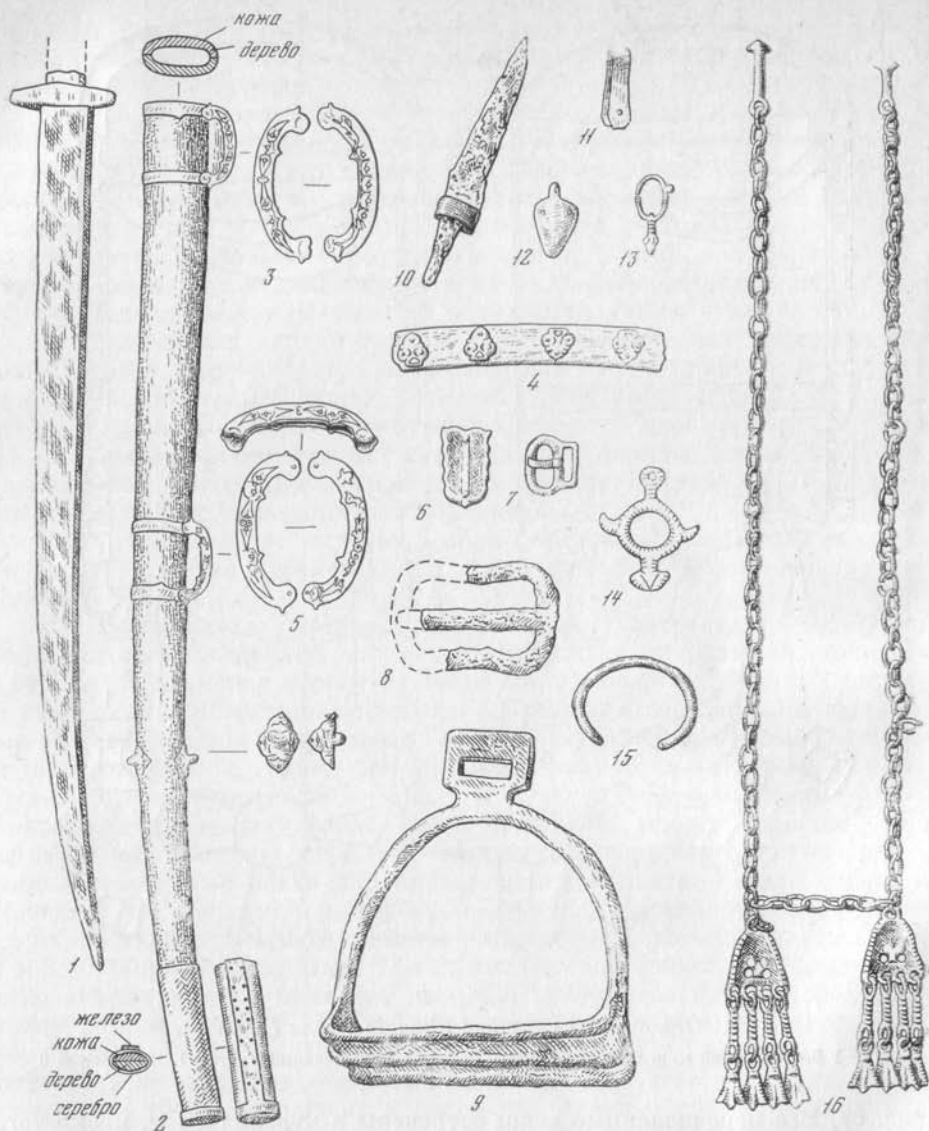

Рис. 5

Материалы из раннесредневековых курганов Южного Урала IX в.

1—9 — I Бекешевский курган 1, погребение 1; 10—16 — II Бекешевский курган 1, погребение 5

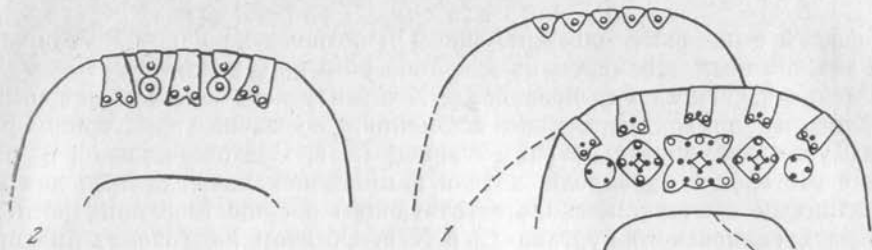

Рис. 6

Седло из I Бекешевского кургана 2 погребение 3

1 — вид спереди; 2 — вид сзади

деляются на хорезмскую (1), абассидские (7) и омеядские (3). Если учесть, что монеты в Стерлитамакском могильнике происходят из разрушенных погребений, то в данном случае бесспорно датирующее значение имеют лишь две: из II Бекешевского кургана 1 и из Хусаиновского курганов (12). Монета из II Бекешева с ушком для подвешивания, по определению С. А. Яниной⁵⁵, — хорезмийского происхождения рубежа VIII—IX вв. На одной стороне вокруг всадника читается надпись — имя царя Азканчвар или Азкацвар. Она найдена в нетронутым комплексе, инвентарь которого в целом типичен и для большинства остальных (рис. 5, 10—16). Комплекс датируется по монете первой половины IX в.

Наибольший интерес представляет абассидская монета чеканки 824 г. из Хусаинова (парное ярусное погребение 1), найденная вместе с двумя монетами 770 г. Данный комплекс примечателен тем, что он показывает, что большинство или все монеты VIII—IX вв. в условиях Южного Урала длительное время находились в употреблении как предметы украшения и поэтому не каждая из них может точно указать раннюю дату комплекса. С учетом сказанного особое значение приобретает определение возраста упомянутого хусаиновского комплекса: для погребений группы В он может служить в своем роде эталоном, так как по богатству является одним из редких и содержит предметы, которые повторяются почти во всех остальных (табл. I, 129, 133, 139—143, 145—150, 154, 156, 160, 162—166, 175—177, 180, 182, 183, 185, 190, 192—195, 198—201).

Итак, сейчас достоверно установлено, что погребение 1 из Хусаиновского кургана 12 было совершено не ранее 824 г. — времени чеканки поздней монеты. Если допустить, что и эта монета определенное время находилась в употреблении, то вторая половина IX в. окажется приемлемой общей датой комплекса. Сказанное подтверждается аналогиями из памятников X в. В частности, в материалах древних венгров на Дунае находят близкие параллели накладкам-лунницам с круглыми отростками по краю⁵⁶. Там же достаточно полно представлены стремена грушевид-

⁵⁵ Остальные нижеперечисленные монеты определены ею.

⁵⁶ Диепеш И. Пербетская находка. Каким был пояс венгров-завоевателей? — «Archaeologiai Ertesito». Budapest, 1959, vol. 86; Kiss A. Bartha A. Graves from the age of the Hungarian Conquest at Bana. — «Acta Archaeologica», Budapest, 1970, 22, tabl. XXV, 19.

ной формы с широким плоским ушком⁵⁷, которые хорошо сопоставляются с аналогичным стремящем из хусайновского комплекса.

Датировка венгерских древностей X в. ни у кого не вызывает сомнений, так как приход венгерского племенного союза на территорию Среднего Дуная приходится на самый конец IX в. Следовательно, в данном случае венгерские параллели, хотя и немногочисленные, служат для нас объективным критерием, свидетельствующим о существовании части вещей из хусайновского кургана 12 в X в. Об этом же говорят аналогии упомянутым лунницевидным накладкам в прикамских древностях. Например, они известны в Кочергинском могильнике рубежа X—XI вв.⁵⁸ Г. А. Федоров-Давыдов относит их к IX—XI вв.⁵⁹

Стремена с арочной и грушевидной дужками (табл. I, 198, 200), а также удила с прямыми псалиями (табл. I, 237) из того же погребения принадлежат к типам, период бытования которых, согласно исследованиям А. Н. Кирпичникова, приходится на IX—XI вв.⁶⁰ Более узким временем — IX в. датируются аналогии двурогому наконечнику стрелы⁶¹. Таким образом, и приведенные аналогии одинаково указывают на рубеж IX—X вв., что не противоречит сужению даты погребения второй половины IX в.

Что касается хронологических рамок остальных погребений группы В, то на основании однообразного состава находок их определяем в пределах дат двух рассмотренных опорных комплексов — IX в. в целом. Определяя же основную дату группы, однако, приходится допускать, что часть погребений может относиться и к началу X в.

Как известно, Чишминский могильник⁶² ранее был датирован Е. П. Казаковым IX—X вв. Однако предложенная дата группы существенно расходится с датой Больше-Тиганского могильника с аналогичным инвентарем: Е. А. Халикова отнесла его к самому концу VIII — первой половине IX в.⁶³, с чем трудно согласиться. Автор публикации справедливо привлекла в качестве ближайших аналогий материалы южноуральских памятников, но без уточнения их даты, объединяемых нами в группы В и Г, а также обратила внимание на большую близость инвентаря этого могильника с культурой дунайских венгров. По соображениям, изложенным выше, возраст Больше-Тиганского могильника, по-видимому, нельзя определять ранее, чем рубеж IX—X вв.

Состав находок комплексов группы интересен также в другом плане. В них, например, изредка встречаются двучастные геральдические на-

⁵⁷ Диевеш И. Некоторые выводы относительно конской сбруи венгров — завоевателей Родины. — «Archaeologiai Ertesito», Budapest, 1966, vol. 93, tabl. 23; Kornel Bakau. Régészeti Tanulmányok a Magyar államalapítás kérdéséhez. Pécs, 1965, S. 46, tabl. 16.

⁵⁸ Талицкий М. В. Кочергинский могильник. — МИА, 1940, № 1, с. 161, табл. 1, 1а.

⁵⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 49, рис. 8, с. 53.

⁶⁰ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника..., с. 45, рис. 29, VI; табл. I, I; XIV, 1—6, 11, 12.

⁶¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966, с. 72, табл. 14, 27; табл. 13, 21.

⁶² Казаков Е. П. Два погребения Чишминского могильника, с. 264.

⁶³ Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник, с. 178.

кладки, которые по форме близко напоминают соответствующие накладки из комплексов группы Б (табл. I, 155, 156). Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о хронологическом соприкосновении групп Б и В и правомерности определения верхней даты группы Б VIII в. — с другой.

Группа Г сравнительно малочисленна. Представлена комплексами из Ишимбаевских, Лагереvских (7, 31) и Хусаиновских (1, 3, 7) курганов. В инвентаре много общего с погребениями предшествующей группы, но они характеризуются рядом новых черт, указывающих на несколько более поздний возраст. В этом отношении очень показательны два хусаиновских кургана (3, 7), где основной состав находок — прямоугольные, сердцевидные накладки с вырезом, узловые накладки с рифлеными краями, стремени, удила и др. (табл. I, 212, 213, 218—223, 228, 229, 234) — характерен и для комплексов группы В. Однако в них поздними являются большие серебряные лунницеvidные накладки с круглыми отроутками по краям и перехватом-выступом посредине (табл. I, 224). Как видим дальше, эта форма представляет промежуточную между лунницеvidными накладками из комплексов группы В и Д. При общей типологической близости нам неизвестно ни одного случая, чтобы два типа или все три в комплексах находились вместе. Поэтому приходится допускать, что между ними имеются хронологические различия.

Во втором комплексе описанная накладка ремня сопровождалась массивной саблей, рукоять которой в отличие от ранних сабель расположена под некоторым углом к клинку (типа табл. I, 231). Отмеченное также является одним из хронологических признаков, характерных для второй половины X и начала XI в., что хорошо фиксируется по венгерским древностям⁶⁴. Другой, не менее характерный для данной группы комплекс представлен в третьем Ишимбаевском кургане. В нем найден богатый седельный набор, ремни которого были украшены серебряными накладками с позолоченной поверхностью, где имеется растительный орнамент, развивающий традиции салтовского стиля (табл. I, 208—211, 214—216), но широко распространенный также в венгерских древностях X в.⁶⁵.

Таковыми серебряными золочеными пластинками украшены луки седла, для чего использован какой-то предмет с изображениями фантастических фигур животных (табл. I, 235). Комплекс датируется по грушевидному стремени и сабле со скошенной рукоятью (табл. I, 231, 232). К ножнам сабли на тонких ремешках были подвешены две позолоченные подвески из серебра с изображением крылатого человека (табл. I, 217). В том же памятнике (курган 1) найден новый для Южного Урала тип литой пряжки — восьмеркообразной формы с выступающей передней частью (табл. I, 207). Другие экземпляры в крае встречены в комплексах группы Д (табл. I, 240), а близкие прототипы широко были распространены на Алтае в сротскиvское время⁶⁶.

⁶⁴ Kornel Bakay. Op. cit., p. 47; tabl. 17, p. 48, tabl. 18.

⁶⁵ Kiss A. Bartha A. Op. cit., tabl. XXV; Дуенеш И. Могилы венгров-завоевателей родины в Надькёреше. — «Archaeologiai Ertesito», Budapest, 1960, vol. 87, tabl. XXX.

⁶⁶ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 1956, № 48, с. 150—151, табл. LIV, I; IV, LVIII.

В группу Г отнесено также несколько комплексов из Лагереvских курганов. В них датирующими являются грушевидные и арочные стремена, аналогии которым приводились выше (табл. I, 232, 233). Такую же роль играют удила с большими кольцами (табл. I, 239): их нет в предшествующее время, но зато много в комплексах периодов Д и Е. Массовые аналогии также указывают на их позднюю дату (XI—XII вв.)⁶⁷. В некоторых комплексах начинают встречаться небольшие литые пряжки с рифленой передней частью (табл. I, 203). Методом исключения их можно предварительно рассматривать как один из признаков X—XI вв. Примерно X в. нами датируется комплекс из лагереvского кургана 31, откуда происходят сабля, шлем с бармицей (табл. I, 236), кольчуга очень плохой сохранности. Вместе с ними найдены серебряный крючок и несколько овальных накладок с вырезом и врезанным орнаментом (табл. I, 226, 227, 230).

По-видимому, в период Г следует также отнести и Синеглазовский курган. Часть предметов из него можно рассматривать как типичные для IX—X вв. (накладки поясного ремня, перстень, сабля)⁶⁸. В комплексе, на наш взгляд, самой поздней находкой является стремя восьмеркообразной формы с очень приземистой дужкой и сплюсненной верхней частью⁶⁹, что характерно, как видим дальше, для XI—XII вв. Все сказанное позволяет хронологические рамки группы Г ограничить X в.

Следует остановиться еще на салтовских аналогиях. В памятниках салтовской культуры богато представлены мечи с прямым перекрестием⁷⁰, стремена с арочной дужкой⁷¹: перстни, серьги⁷², которые являются близкой аналогией соответствующих находок из рассматриваемой группы. Отмеченная близость также ясно прослеживается в составе украшений поясных и уздечных наборов. В частности, многочисленные накладки с рельефным и растительным орнаментом, с рельефным изображением личины из Южного Урала принадлежат к числу широко известных предметов салтовского стиля⁷³. Налет салтовской культуры особенно хорошо заметен в материалах Стерлитамакского могильника. Попутно отметим, что по выделенному признаку (примерно IX в.) следует датировать курган 26 Ново-Турбаслинского могильника, откуда происходят серебряные накладки с рельефным орнаментом⁷⁴, что сближает их с материалами салтовского круга. На эту близость впервые обратил внимание А. К. Амброз⁷⁵.

⁶⁷ Плетнева С. А. Древности черных клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1—19, с. 15, 16, рис. 5, 3; Киричников А. Н. Снаряжение всадника..., табл. II, 4—6.

⁶⁸ Стоколос В. С. Курганы на озере Синеглазово.— АЭБ, Уфа, 1962, т. I, с. 165, рис. 2, 1, 3; с. 166, рис. 4.

⁶⁹ Там же, рис. 5.

⁷⁰ Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. XXXVI, с. 24—25, рис. 2, 80, 81; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 159, рис. 43, 1, 2.

⁷¹ Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры, рис. 2, 108; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 169, рис. 46, 7—8.

⁷² Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 141, рис. 36 (раздел серег, перстней).

⁷³ Там же, с. 163, рис. 44.

⁷⁴ Мажитов Н. А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы, с. 137, табл. V.

⁷⁵ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, с. 107.

Говоря о вещах салтовского стиля, необходимо указать, что на Южном Урале они встречаются в несколько ином сочетании, чем на территории распространения самой культуры. Это своеобразие связано прежде всего с наличием в некоторых комплексах вещей, характерных для рубежа IX—X вв. Кроме лунницевидных накладок, стремян грушевидной формы, о чем уже шла речь выше, сюда можно отнести лунницевидные накладки с отростками по краям (табл. I, 175) и перехватом посередине (табл. I, 224), накладки-наконечники ремней с фестончатым краем (табл. I, 141—144, 146—150), узловые накладки — круглые рамчатые и с длинными отростками (табл. I, 176—179). С учетом сказанного представляется, что салтовские вещи на Южном Урале продолжали широко бытовать и после гибели культуры на Дону и Донце, что произошло в самом начале X в.⁷⁶

Группа Д довольно многочисленна. Опорными памятниками являются: основная группа Каранаевских (курганы 1—5, 7, 11, 13), часть Лагереvских (курганы 2, 4—6, 22, 27, 42) и Муракаевских (курганы 1—4, 8) курганов, а также Старо-Мусинские, Житимакские, Идельбаевские, Старо-Халиловские курганы. По характеру материала комплексы представляют резкий контраст по отношению к группам В и Г, что непременно указывает на самостоятельный этап в развитии культуры. Правда, без изменений остается манера пышно украшать поясные и седельные ремни, луки седла, но резко меняется состав накладок: почти полностью исчезают формы, характерные для IX—X вв., и появляются новые. Тем не менее типологическая преемственность во многих категориях предметов прослеживается очень четко. В качестве характерных особенностей данной группы можно выделить следующие.

Особую подгруппу составляют комплексы, в которых найдены ременные наборы, богато украшенные лунницевидными накладками с парными круглыми отростками по краям и перехватом посередине (табл. I, 266). В Каранаевском кургане 7 (погребение 5) накладки украшали пояс или седельный ремень, а в Лагереvских (42) и Старо-Мусинском (1) курганах — нижний край головного убора типа шапки (табл. I, 270). Отметим, что подобных накладок нет в комплексах групп В и Г, зато там присутствуют их прототипы.

В составе пряжек особых изменений нет — продолжают встречаться типы, появившиеся в предшествующее время: с рифленой передней частью, «сросткинского» типа (табл. I, 240, 241) и некоторые другие (табл. I, 242—247). В связи с отнесением сюда пряжек первого типа следует обратить внимание на то, что пряжки с рифленой передней частью представлены в Змейском могильнике, датированном XI—XII вв.⁷⁷

Для ременных накладок в целом характерны малые формы и в отличие от ранних бедный взрезной растительный орнамент. Наиболее распространены арочные с вырезом или без него (табл. I, 251, 253), сердцевидные с вырезом или без него и рифлеными краями (табл. I, 250, 252), сердцевидные с выпуклым орнаментом (табл. I, 255) и насечками по

⁷⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 143.

⁷⁷ Кузнецов В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. — МИА, 1963, № 114, с. 31, рис. 14, 3—6.

краю (табл. I, 256), ромбические, геральдические с отроостками по краю (табл. I, 259, 261) и другие накладки (табл. I, 254, 260, 262, 269, 271). Из редких можно выделить еще сердцевидные с выпуклым изображением, кажется, фигуры жука (табл. I, 258), прямоугольные с вырезом и рельефным орнаментом среднеазиатского стиля и следами позолоты (табл. I, 249).

В этих комплексах начинают встречаться граненые браслеты с точечным орнаментом (табл. I, 289). В конской сбруе почти неизменными остаются формы стремян (табл. I, 300, 301). Среди наконечников стрел есть плоские ромбические, двурогие, ромбические килевидные (табл. I, 292—296). Для сабель характерными становятся скошенность рукояти, утолщение или расплюснутость на концах перекрестий (табл. I, 291). Найдены остатки шлема (табл. I, 299) и колчанов с металлическими (бронза, железо) оковками и петлями (табл. I, 297, 298).

Хронологические рамки группы Д охватывают в основном рубеж X—XI вв. Дата определяется монетами и данными сравнительного сопоставления.

В частности, в двух из десяти сильно разрушенных житимакских могил найдено шесть саманидских монет; все они с одним или двумя отверстиями, что говорит об их использовании как украшения. Пять монет происходят из первого кургана, где еще найдены разбитый шлем (табл. I, 299), костяная (табл. I, 247) и серебряная (табл. I, 244) пряжки и маленькая накладка с характерным врезным орнаментом (табл. I, 254). Монеты отчеканены в период 899—939 гг. Год чеканки шестой монеты — 951—952. Если допустить определенное время на употребление монет как денег и подвесок, то эти погребения уверенно можно датировать рубежом X—XI вв.

Так как сам памятник по площади небольшой — занимает маленький останец коренного берега, то указанную дату следует перенести и на остальные погребения, материал которых очень сходен с отмеченным выше. Например, в погребении 5 (раскоп III) найдена арочная накладка с фестончатыми краями и таким же врезным орнаментом (табл. I, 253). В погребении 4 (курган 2) находилась упомянутая выше сабля со скошенной рукоятью и перекрестием с утолщенными концами (табл. I, 291), аналогии которой богато представлены в памятниках X—XII вв.⁷⁸ С ней вместе лежали ажурная петля от ножен (табл. I, 290) и несколько костяных накладок лука, серебряная обкладка от рукояти.

В целом, как показывают близкие параллели, врезной орнамент можно считать характерным для конца X и XI в. Он, например, повсеместно присутствует в это время на ременных накладках приблизительно тех же форм в Южной Сибири⁷⁹ и Восточной Европе⁸⁰. Интересно отметить,

⁷⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 23, 26, рис. 3, Б1, П.

⁷⁹ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 98, табл. III, 24—29, 144; Савинов Д. Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 256, табл. I, 14, 15.

⁸⁰ Халиков А. Х., Безугова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, с. 47, рис. 39, 7—14, 51; рис. 42, 8, 9, 55; Максимов Е. К. Позднекочевни-

что в памятниках того же круга встречаются граненые с точечным орнаментом браслеты⁸¹ и серьги позднесалтовских типов⁸², сходные с южноуральскими. Наконечников стрел найдено мало, но и они не противоречат общей дате группы. Аналогичные им формы широко были распространены в X—XI вв.⁸³ Что касается стремян, то изложенное служит основанием для сужения широкой их даты.

Несколько слов о датировке Старо-Халиловских курганов. В свете приведенных здесь соображений сейчас приходится отказаться от прежних своих высказываний относительно отнесения их к VIII—IX вв. Но и теперь следует учитывать, что инвентарь комплексов очень своеобразен и определение точного времени функционирования всего памятника затруднительно. Например, в погребениях встречены серьги салтовского типа (типа табл. I, 279, 281), пряжки с литыми щитками (типа табл. I, 243), узловые круглые рамчатые накладки с рельефным растительным орнаментом (табл. I, 283), браслеты с точечным орнаментом на гранях (типа табл. I, 289), стремя с расплющенной верхней частью (типа табл. I, 301) и некоторые другие предметы, которые находят близкие параллели среди материалов Южного Урала X—XI вв. Однако они сопровождаются оригинальными предметами, дата которых пока остается неясной. Сюда относятся литые сердцевидные с рельефным изображением фигуры волка (?) и отростком сбоку, позолоченные розетковидные, в том числе с вихревым орнаментом в центре, и накладки в виде фигуры птиц, и арозные с рельефным орнаментом и т. п. (табл. I, 272—277, 282—286).

По особенностям стиля многие из вещей (табл. I, 273—277) несут на себе налет эпохи XI—XII вв., когда накладки сами становятся маленькими по размерам, а в орнаменте начинают превалировать геометрические формы. Методом исключения, а также по сопровождающему материалу основным временем Старо-Халиловских курганов можно считать период группы Д.

Группа Е представлена единичными погребениями из Ишимбаевских (курган 3, погребение 1), Каранаевских (курган 6), Лагереvских (курганы 3, 16), Муракаевских (курган 3, погребение 2; курган 4, погребение 3; курган 6, погребение 2; курган 9) курганов; вероятная дата периода — XI в. Комплексы характеризуются следующими признаками.

В материале много общего с предшествующей группой. Основной формой стремян как восьмеркообразных, так и с плоской верхней частью остается грушевидная дужка. Но, как правило, она становится низкой, а переход от дужки к подножке резким, а сама подножка — округленной. Характерно общее укорачивание верхней части и ее сплюснутость (табл. I, 301, 328, 332). Среди удил численно преобладают с большими, плоскими в сечении кольцами (табл. I, 331), но есть удила с пря-

ческие погребения Урало-Волжского региона. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 135, рис. 3, 1—4, 6, 7, 137.

⁸¹ Халиков А. Х., Безугова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья, с. 28, рис. 21, 7, 8, 47; рис. 39, 34.

⁸² Там же, с. 28, рис. 21, 10, 31; рис. 24, 9, 37, рис. 29, 5, 6.

⁸³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 143, табл. 16, 37, 147; табл. 18, 20, 32.

мыми псалями (типа табл. I, 237), двусоставные с восьмеркообразными окончаниями и S-видными псалями (табл. I, 333, 334) из бронзы и кости.

Вооружение представлено: саблей с искривленной рукоятью (табл. I, 323), разными типами наконечников стрел (табл. I, 324—326), которые существовали и в предшествующее время, шлемами с наосниками (табл. I, 327, 330). Число серебряных накладок на поясных и уздечных ремнях постепенно уменьшается, и размеры их становятся небольшими. Среди украшений следует выделить накладки с параллельными краями и прямым, врезанным или заостренным концом, опущенным бортиком с насечками (табл. I, 311—316). Ближайшие им прототипы в южноуральских степях широко были распространены в X—XI вв.⁸⁴ Указанные накладки встречаются вместе с лепестковидными, состоящими как бы из литых пяти кружков с шестым в центре (табл. I, 319), которые могут быть сопоставлены с накладками поясного ремня из Змейского катакомбного могильника на Северном Кавказе⁸⁵. Продолжают встречаться сердцевидные накладки: с рельефным орнаментом, выполненным в среднеазиатском стиле, гладкой поверхностью, иногда с вырезом, крупными выпуклинами по краю и выпукло-врезными линиями в центре (табл. I, 306—310). Есть также вытянутые с фестончатыми краями (табл. I, 305).

В это время почти не встречаются серебряные пряжки; в составе костяных и железных особых изменений нет, если не считать единичные экземпляры крупных из железа (табл. I, 302—304). Одним из важных датированных признаков данной группы можно рассматривать серьги с плоской нижней частью в виде полумесяца (табл. I, 320—322). В качестве аналогий им можно указать серьги из Кычильковского и Рождественского могильников, где они датируются соответственно XI и XII—XIV вв.⁸⁶ Следует отметить, что сравниваемые серьги, хотя по форме и близки, но не идентичны. Так, например, на серьгах из курганов нет сканного орнамента, что, видимо, указывает на наличие между ними определенных хронологических различий.

Основным памятником группы Ж являются Кушулевский могильник, Мрясимовские курганы, а затем самые поздние погребения Каранаевских (курганы 9, 18) и Лагереvских (курган 21) курганов.

Судя по материалам комплексов, для хронологической группы Ж характерными являются односоставные удила (табл. I, 362), но по-прежнему в широком обиходе находятся удила с широкими кольцами и восьмеркообразными окончаниями (табл. I, 363; типа рис. 333). Среди стремени появляются стремяна с плоскими дужками арочной и овальной форм, округлые с расплюсченной верхней частью, с петлей для ремня (табл. I, 354—357, 359—361, 363). Одновременно еще бытуют ранние типы (табл. I,

⁸⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 48—49, рис. 8, ЕП—ЕХ.

⁸⁵ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 117, табл. IX.

⁸⁶ Савельева Э. А. Пермь Вычегодская. М., 1971, с. 194, табл. 15, 10; с. 51, 64; Обороин В. А. Рождественское городище и могильник. — УЗМТУ, Молотов, 1953, т. IX, вып. 3, с. 174, табл. V, I.

358). Состав костяных и железных пряжек остается почти без изменений (табл. I, 335—337, 340), новой формой являются лишь трапециевидные пряжки с расплющенной передней частью и перехватом по длинным сторонам (табл. I, 338), а также удлинненным цельным щитком (табл. I, 339).

В комплексах встречаются также овальные (табл. I, 351), калачевидные с выступом в средней части (табл. I, 342, 350) кресала, плоские листовидной формы (табл. I, 345), треугольные бронебойные наконечники стрел (типа табл. I, 324); есть и тесла (табл. I, 353). Из украшений следует выделить пластинчатые браслеты, иногда с точечным орнаментом (табл. I, 341, 343), серьги с биконической бусиной (табл. I, 346) и позднесалтовского типа (табл. I, 347), подвески-бубенчики с врезным орнаментом (табл. I, 344, 348), со вздутиями (табл. I, 349).

Хронологические рамки группы Ж — XII—XIII вв. Датирующие признаки этого периода надежно обоснованы в исследованиях Г. А. Федорова-Давыдова⁸⁷, С. А. Плетневой⁸⁸, А. Н. Кирпичникова⁸⁹, Л. Р. Кызласова⁹⁰ и других археологов. Сюда входят почти все перечисленные выше предметы, в том числе односоставные удила, стремяна, кресала, височные подвески с биконической бусиной, пряжки с расплющенной передней частью и др.

Группа 3 представлена I и II Жанаталапскими, Россытинскими, Каменноозерным, II Имангуловским, IV Ивановским, Юлдыбайским, Башкир-Беркутовскими, Сынтыштамакскими (поздняя группа), Аккулаевским курганами, Шах-Тауским погребением. О синхронности указанных памятников говорит сравнительное однообразие состава находок, где наиболее характерными являются: височные подвески в виде знака вопроса с сомкнутым кругом, иногда с насаженной бусиной из стекла, металла и спиралью (табл. I, 366, 367), головные уборы типа бокка, от которых зачастую остаются только длинные берестяные трубочки (табл. I, 376), миниатюрная кованая металлическая посуда в виде чаш с ручками или без них (табл. I, 368, 369), зеркала «монгольского» происхождения (табл. I, 374), ножницы (табл. I, 372), наконечники стрел-срезни (табл. I, 379, 380), колчаные накладки из кости с богатым орнаментом (табл. I, 375).

Среди стремян встречаются те же типы, которые сложились в предшествующее время: грушевидные с плоскими дужками, с округлой широкой подножкой и небольшим выступом на месте отверстия-петли (табл. I, 371, 373). Для многих, кроме того, характерна выпрямленная подножка (рис. 7, 2, 3, 10). Повсеместно встречаются удила с большими кольцами (типа табл. I, 363), берестяные колчаны (табл. I, 378), а изредка — длинные сабли (табл. I, 377), вырезанные пластинчатые человеческие фигурки (табл. I, 364, 365).

Уникальными являются остатки роскошной одежды — платьев из дорогих привозных тканей — парчи итальянского и иранского происхождения.

⁸⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, с. 115.

⁸⁸ Плетнева С. А. Древности черных клобуков, с. 15—19.

⁸⁹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника..., табл. XV.

⁹⁰ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века..., с. 98, табл. III, 85—88.

М. Х. Садыковой при раскопках Юлдыбайского кургана найдена чугунная жаровня, а вместе с ней литое зеркало «монгольского» происхождения с рельефным орнаментом. В ряде курганов (Россыпино, Каменноозерное) находились остатки сравнительно хорошо сохранившихся седел (табл. I, 381). Десятки курганов с аналогичным инвентарем в Оренбургском крае в 1887 и 1888 гг. были раскопаны Ф. Д. Нефедовым (Пчельник, 4-й аул, поселок Мертвецовский, Курганное поле, Речка Песчанка и др.)⁹¹.

В погребальном обряде большинства курганов довольно устойчивым является вид захоронения в колодах или двойных ящиках (ящик и колода или гроб) в глубоких могилах простой формы или с заплечиками.

Материалы памятников группы 3 в литературе характеризуются как предметы золотоордынского времени (XIII—XIV вв.), что является основанием для датировки всей группы. Например, только в указанное время встречаются вырезанные пластинчатые человеческие фигурки⁹², серьги в виде знака вопроса⁹³, головные уборы типа бокка⁹⁴, зеркала монгольского происхождения⁹⁵, миниатюрные чаши⁹⁶ и костяные колчаные пластинчатые накладки с богатым орнаментом⁹⁷. Благодаря четкой датированности накладок колчана из кости Шах-Тауское погребение исследователями справедливо относилось к этому времени⁹⁸. В том же погребении найдено грушевидное стремя с прикрепленной пластинчатой подножкой (табл. I, 371). В указанное время широко были распространены наконечники стрел — срезни⁹⁹ и почти все представленные типы стрел¹⁰⁰. Ряд предметов может быть датирован только XIV в.

Так, например, согласно мнению Г. А. Федорова-Давыдова, изделия из чугуна в Поволжье появились не раньше XIV в.¹⁰¹ Следовательно, Юлдыбаевский курган является памятником XIV в. Такие узко датированные находки в будущем позволят, очевидно, среди памятников XIII—XIV вв. выделить ранние (XIII в.) и поздние (XIV в.). Аналогичное же уточнение напрашивается и по отношению к памятникам XII—XIII вв., где, возможно, самыми поздними являются комплексы со стременами почти округлой или грушевидной форм с малозаметным выступом напротив петли (типа табл. I, 359—361). Об этом заставляют думать близкие им аналогии в Сынташевских курганах, в одном из которых найдены упомянутые выше пластинчатые человеческие фигуры.

⁹¹ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. — МАВГР, М., 1899, т. III, с. 16—34; табл. 1, 1—20; табл. 2; табл. 3, 15, 17—19, 23; табл. 4.

⁹² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы, с. 38, рис. 6, 5.

⁹³ Там же, рис. 6, VIa — е, с. 40—41.

⁹⁴ Там же, с. 36—37; 33, рис. 5, 5.

⁹⁵ Там же, с. 78—82, рис. 13.

⁹⁶ Там же, с. 87—89 (отдел В), рис. 15, VI—IV.

⁹⁷ Там же, с. 31.

⁹⁸ Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными обкладками на территории евразийских степей. — В кн.: Поволжье в середине века. М., 1974, с. 161, табл. XIV, 70, 174.

⁹⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 159, табл. 24, 1—9.

¹⁰⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы, с. 116.

¹⁰¹ Там же, с. 89.

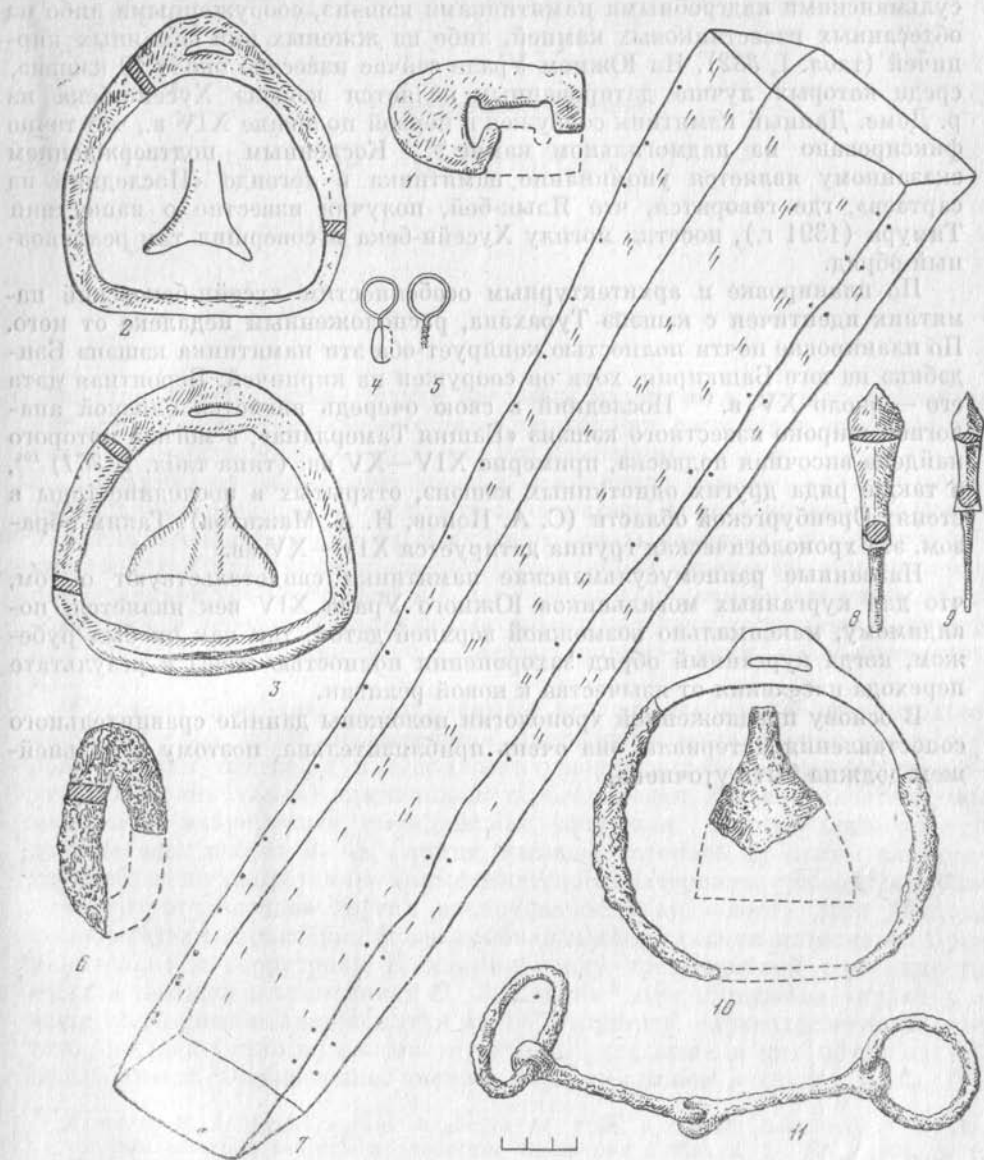

Рис. 7.

Материалы из курганов Оренбуржья золотоордынского времени

1—5 — Каменноозерный курган; 6—9 — Россыпинский курган № 2; 10—11 — Россыпинский курган № 1

Группа II табл. I относительной хронологии представлена раннемусульманскими надгробными памятниками кэшэнэ, сооруженными либо из обтесанных известняковых камней, либо из жженных или саманных кирпичей (табл. I, 382). На Южном Урале сейчас известно около 10 кэшэнэ, среди которых лучше датированным является кэшэнэ Хусейн-бека на р. Деме. Данный памятник сооружен в первой половине XIV в., что точно фиксировано на надмогильном камне¹⁰². Косвенным подтверждением сказанному является упоминание памятника в легенде «Последний из сартаев», где говорится, что Ялык-бей, получив известие о нашествии Тимура (1391 г.), посетил могилу Хусейн-бека и совершил там религиозный обряд.

По планировке и архитектурным особенностям хусейн-бековский памятник идентичен с кэшэнэ Турахана, расположенным недалеко от него. По планировке почти полностью копирует оба эти памятника кэшэнэ Бэндэбикэ на юге Башкирии, хотя он сооружен из кирпичей. Вероятная дата его — около XV в.¹⁰³ Последний в свою очередь является близкой аналогией широко известного кэшэнэ «Башня Тамерлана», в могиле которого найдена височная подвеска, примерно XIV—XV вв. (типа табл. I, 361)¹⁰⁴, а также ряда других однотипных кэшэнэ, открытых в последние годы в степях Оренбургской области (С. А. Попов, Н. А. Мажитов). Таким образом, эта хронологическая группа датируется XIV—XV вв.

Названные раннемусульманские памятники свидетельствуют о том, что для курганных могильников Южного Урала XIV век является, по-видимому, максимально возможной верхней датой, так как он был рубежом, когда курганный обряд захоронения полностью исчез в результате перехода населения от язычества к новой религии.

В основу предложенной хронологии положены данные сравнительного сопоставления материала, она очень приблизительна, поэтому в дальнейшем должна быть уточнена.

¹⁰² Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960, табл. 8; Сагитов М. М. О легенде «Последний из сартаев». — «Агидель», Уфа, 1971, 2, с. 111.

¹⁰³ Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала, с. 176—180.

¹⁰⁴ Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, с. 144—145; Смирнов А. П. Железный век Башкирии, с. 88—96.

II

КЕРАМИКА

Известно, что керамика, будучи массовым материалом, дает объективную информацию об этническом составе, территории расселения древнего населения, происхождении отдельных его компонентов и т. п.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала, особенно Западного Приуралья, отличается богатством форм и орнамента. В начальный период широких полевых работ это разнообразие породило у исследователей представление о том, что каждый отдельный тип связан с определенной группой памятников, следовательно, самостоятельным этносом. Отсюда керамику стали рассматривать как один из важных, а в ряде случаев как единственный показатель существования археологических культур.

Согласно этой концепции разными исследователями в сравнительно короткий срок и на ограниченной территории синхронно с ранее известной бахмутинской культурой было реконструировано множество культур или групп (типов) памятников: турбаслинская, кушнаренковская, романовская, мазунинская, имендяшская, уфимская¹. В выделении культур дальше всех пошел В. Ф. Генинг, взгляды которого на прием систематизации и интерпретацию археологического материала существенно отличались от взглядов других южноуральских археологов. Для данного исследователя характерна более дробная классификация источника. Применительно к территории Башкирии ввиду чрезвычайной смешанности состава находок в памятниках В. Ф. Генинг² вместо термина «культура» чаще всего употребляет понятия «тип», «группы», «археолого-этнический тип», но, как видно из контекста работы, вкладывая в них почти одинаковый смысл. Определение, число и названия типов в трудах В. Ф. Ге-

¹ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, с. 65—73; *Васюткин С. М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н. э.—СА, 1968, № 1; *Матвеева Г. И.* Население лесной и лесостепной Башкирии III—VIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1969, с. 8—10; *Сальников К. В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.—АЭБ, Уфа, 1964, т. II, с. 11—13; *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения IV—VII вв. и их место в древней истории Башкирии.—В кн.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 186—190.

² *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.—ВАУ, Свердловск, 1961, вып. 1, с. 40—44; *он же.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э.—АЭБ, Уфа, 1964, т. II, с. 121—122; *он же.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.).—АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 12—18.

нинга часто менялись, притом без всяких объяснений, поэтому мы здесь воспользуемся двумя его последними работами, где эти показатели примерно совпадают. Итак, среди древностей Башкирии V—VIII вв. на основании прежде всего различия типов керамики им выделено 10 археолого-этнических типов; куштерьякский, караякуповский, бахмутинский, позднемазунинский, чандарский, бирский, чермасанский, кансиярский, турбаслинский, романовский³.

В упомянутых работах В. Ф. Генинга видим первую попытку дать сводную классификацию сложной по составу керамики из раннесредневековых памятников Башкирии, ее хронологию, проследить закономерность распространения отдельных типов, выявляя их связи с характерными предметами украшений и особенностями погребального обряда (форма могил, вид захоронения и т. п.). Устойчивые сочетания последних с типами керамики, в представлении автора, являются основанием для выделения этнических групп древнего населения, названного им археолого-этническими типами. Указанные соображения В. Ф. Генинга в советской археологической литературе высказаны впервые и в методическом плане представляют большой интерес.

Однако по поводу выделенных культур и типов памятников между археологами до сих пор нет единства взглядов, оспаривается не только правомерность выделения отдельных культур и типов, но и сам принцип их выделения. Здесь нет необходимости анализировать эти споры, в приведенной выше литературе полно рассмотрены основные аргументы почти каждого исследователя. Для общей оценки этих обобщений очень показательно одно высказывание В. Ф. Генинга, которое мы полностью разделяем. «С открытием новых типов, — пишет он, — главным образом керамики, многие археологи без достаточно глубокого и всестороннего анализа всего материала стали конструировать и новые археологические культуры. Так появились кушнаренковская, караякуповская и романовская «культуры». К сожалению, большинство этих «культур» характеризуются лишь специфической керамикой, которая не увязана с иными материальными остатками. Ни для одной из них не доказана локализация памятников на определенной территории, где бы ни присутствовали одновременно памятники другого типа».

Таким образом, в работах, посвященных анализу керамики, исследователями поднят ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для изучения археологии средневековья края. Сам этот факт достаточен, для того, чтобы по достоинству определить их заслугу в изучении поставленных вопросов. Если не все из них были решены, то трудно это поставить в вину авторам, так как существовали объективные причины: недостаточная изученность памятников и недостаточная доступность источников. С учетом сказанного мы имеем полное право точки зрения своих предшественников рассматривать как выводы предварительного характе-

³ Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение, с. 47—52; он же. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (Проблема этноса и его происхождение). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 247—288.

⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв., с. 249—250.

ра, полученные в ходе первичной систематизации и обобщения материала.

При классификации керамики главными критериями для выделения типов нам послужило сочетание форм, орнамента, технология изготовления (примесь к глине, обработка поверхности, например, лощение), а также размеры. Надо подчеркнуть, что это сочетание дает различные варианты, чем вызвано множество выделенных типов. При коррелировании среди разнообразного материала нетрудно выявить элементы форм, технологических приемов и орнамента, которыми характеризуются группы и типы керамики, что, видимо, является свидетельством устойчивости традиций в этом деле. По совокупности этих признаков керамический материал из раннесредневековых памятников нами подразделяется на пять основных групп: турбаслинскую, бахмутинскую, кушнаренковскую, караякуповскую и шнуровую (каранаево-кушулевскую), отличающихся друг от друга формой сосудов и характером орнаментации. Все выделенные группы, за исключением кушнаренковской, связаны с самостоятельными группами памятников, которые имеют относительно четкую локализацию и различаются во времени. Отсюда нетрудно предположить независимость происхождения и этнической принадлежности каждой из них.

Хотелось бы подчеркнуть еще одну особенность, отразившуюся в данном исследовании. В нашем распоряжении имелся керамический материал двух типов: из могильников (курганов) и поселений (городищ). Первый состоит главным образом из целых сосудов, и при выделении типов внутри групп среди них нами учтены особенности форм, произведены соответствующие измерения высоты и диаметра. Все сведения справочного характера о сосудах из могильников, учтенных при настоящей классификации (тип сосуда, название памятника, номер кургана и погребения), даются в подрисовочных подписях.

Бахмутинская группа

В отличие от других бахмутинская группа богато представлена в поселениях и меньше в могильниках. Эта особенность связана с тем, что она принадлежит оседлому населению Северной Башкирии с прилегающими к ней районами Удмуртии и Пермской области, жившему здесь во второй половине I тысячелетия. На этой территории выявлено около 300 поселений (селищ и городищ) бахмутинской культуры. Бахмутинские племена редко ставили в могилы глиняную посуду. Отклонением от этого общего правила являются захоронения Бирского могильника, откуда происходит самая богатая коллекция целых сосудов. Одним из общих признаков сосудов данной группы является примесь к глине дресвы с включением мелких камушков. Преобладающий цвет — серо-коричневый.

Тип 1. Он объединяет открытые чаши со средним диаметром горла и высотой не более 6—9 см; шейки слабо выражены и слегка отогнуты наружу. Выделяются два варианта: А — с округлым (табл. II, 1—5) и Б — с плоским или уплощенным (табл. II, 6—12) дном. Некоторые сосуды ук-

рашены насечками по венчику, поясками круглых ямок в сочетании с насечками по верхней части тулова (табл. II, 4, 5, 9, 12). Этот тип представлен в Бахмутинском⁵⁻⁶, Бирском могильниках, единичные экземпляры известны в могильниках мазунинского типа на Средней Каме⁷, в Салиховском кургане на юге Башкирии⁸. Все могилы, откуда происходят эти чаши, за исключением последней, характеризуются единством погребального обряда и составом находок, что обусловлено принадлежностью их к родственному населению. Интересно, что в Бирском комплексе могилы с чашами описанного типа расположены в северо-восточной части, большинство погребений которой относятся к раннему периоду существования памятника. Период бытования пока определяется широко — в пределах VI—VII вв. Поздняя дата здесь хорошо фиксируется по бирским погребениям (2, 18, 35 и др.), состав материала которых (фигурки медведя, лунницы, прямоугольная пряжка с пластинчатым щитком) позволяет отнести их в хронологическую группу А.

По своим особенностям чаши данного типа непосредственно восходят к местным формам, широко распространенным у оседлого населения Западного Приуралья в пьяноборскую эпоху⁹, что вполне объяснимо местным характером сложения раннебахмутинской культуры. Это мнение теперь разделяют многие археологи, в том числе В. Ф. Генинг, объединивший их в бахмутинский археолого-этнический тип (АЭТ)¹⁰. Все соуды найдены в могилах простой конструкции (тип II).

Тип 2. Это — сравнительно низкие, широко открытые сосуды с невысоким, слабо отогнутым наружу горлом и округлым или уплощенным дном (табл. III, 5—14). Как вариант можно рассматривать несколько сосудов, которые имеют более раскрытое горло (табл. III, 1—4). Важным признаком является кругло-ямочный орнамент, сплошь покрывающий всю наружную поверхность. Данный тип В. Ф. Генинг предлагает называть чандарским АЭТ¹¹.

Тип 3. Форма сосудов близка к реповидной. Все они больших размеров, имеют высокое прямое или слегка отогнутое наружу горло и сильно раздутое тулово, сплошь покрытое ямочным орнаментом. Среди них можно выделить три основных варианта: А — с сильно раздутым шаровидным туловом и округлым или слегка уплощенным дном (табл. III, 15; IV, 1—8, 12, 13); Б — с туловом вытянутых пропорций (табл. IV, 9—11); В — с плоским дном (табл. IV, 14).

На некоторых сосудах кругло-ямочный орнамент вокруг шейки и на плечиках сочетается с рядами треугольных, ногтевидных вдавлений, косых насечек гладкого и овально-зубчатого штампа (табл. III, 15; IV, 2—4, 6—11); иногда они образуют сложный узор из горизонтальных

⁵⁻⁶ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 154, табл. 32.

⁷ Стоянов В. Е. Сайгатский могильник на Средней Каме. — ВАН, Свердловск, 1962, вып. 4, с. 132, рис. 53, 7.

⁸ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э. — СА, 1958, № 4, с. 26, рис. 4, 3, 5; раскопки Васюткина.

⁹ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тыс. н. э. — АЭБ. Уфа, 1964, т. II, с. 103; он же. Бахмутинская культура, с. 61—62.

¹⁰ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 243—245.

¹¹ Там же, с. 261—266.

поясков, перемежающихся зонами зигзагов и крестиков (табл. IV, 1, 5, 14). В ряде случаев на сосудах имеются особые знаки в виде крестиков, параллельных линий и «гусиных лапок», которые скорее всего следует рассматривать как родовые или племенные тамги (табл. III, 13—15; IV, 4). Среди сосудов данного типа В. Ф. Генинг выделяет бирский и кансырский АЭТ¹².

Почти все известные сейчас сосуды типов 2 и 3 происходят из поздних погребений Бирского могильника, сгруппированных в юго-западной части. Эти погребения в древности были сильно ограблены, в результате чего около 20 сосудов оказались разбитыми на мелкие обломки, судя по которым трудно представить их первоначальную форму (погребения 44, 76, 91, 96, 117, 120, 121, 123, 133, 147, 149, 175, 181, 192). В некоторых случаях в могилы намеренно клали вместо целых сосудов большие обломки¹³. Но для всех них едиными являются ямочный орнамент, состав глины, цвет, что дает основание рассматривать эти сосуды как общице для обоих типов. Число сосудов последних двух типов — 48, что составляет более 50% всего количества керамики могильника.

Территориальное расположение, а также состав сопровождающего материала убедительно свидетельствуют, что сосуды типов 2 и 3 в Бирском могильнике появляются неожиданно, где-то на рубеже VI—VII вв., и их продолжают класть в могилы в основном в период хронологической группы А. Но самые поздние их экземпляры относятся к периоду Б, доказательством чему служит сосуд типа 2 (табл. III, 8). Вместе с ним найдена розетковидная подвеска (рис. 1, 10), датируемая этим же временем.

Важно подчеркнуть, что Бирский могильник не единственный, где обнаружены сосуды с круглыми ямками по всей наружной поверхности. Такие же сосуды имелись в Бахмутинском могильнике, а один из них был опубликован А. В. Шмидтом¹⁴. Сосуд, найденный Шмидтом, широкогордый, низкий, с уплощенным дном, что характерно для типа 2. А. В. Шмидт особо отметил полное сходство керамики из Бахмутинского могильника с керамикой рядом расположенного Чандарского городища¹⁵. Третьим могильником, где найдены сосуды этого типа, является Мало-Качакский. В почвенном слое рядом с могилами обнаружено несколько раздавленных сосудов. Характер расположения заставляет рассматривать их как остатки поминальной тризны, совершаемой в честь умерших.

Так как в литературе существует мнение о том, что последние два типа (2 и 3) и даже некоторые их варианты принадлежат к различным этническим группам (АЭТ) и существовали самостоятельно, представляет определенный интерес коррелирование их с типами могил. Здесь прослеживается такая закономерность. Из 48 сосудов в Бирском могильнике 21 найден в могилах II типа и 26 — в могилах с подбоем в узких

¹² Там же, с. 258—261.

¹³ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 98.

¹⁴ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. — «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929, № 8, 9, с. 21, табл. I, 17.

¹⁵ Там же, с. 19, 23, 24.

стенках (IV тип); один сосуд происходит из Дежневского кургана 16, где он лежал в могиле 2 с заплечиками (III тип). Если учесть, что в Бирском могильнике представлено лишь два первых типа могил, то из приведенного выше видно, что указанные сосуды примерно поровну распределяются между ними; не разграничиваются они также и территориально внутри могильника с более поздними захоронениями. Следовательно, у нас пока нет достаточных оснований противопоставлять описанные типы керамики друг другу.

Материал поселений по объему значителен, но по составу удивительно однороден. Сравнительный анализ керамики бахмутинских поселений, где производились раскопки (Ново-Турбаслинское II, Юмакаевское, Кансиярское, Тибелевское, Кувыковское, Бирское), показывает, что около 90—95% всего материала составляют сосуды с кругло-ямочным орнаментом по всему тулову. По форме они распределяются следующим образом.

Во всех поселениях сосуды первого типа представлены и составляют примерно 10—15% всего керамического материала (табл. II, 10, 11). По составу глины и другим технологическим признакам никаких различий от остальных сосудов поселений не обнаруживается, поэтому не подлежит сомнению, что эти маленькие открытые чаши являются разновидностью керамической посуды одного и того же населения. В материалах поселений, судя по обломкам, преобладают невысокие, широкогорлые, круглодонные сосуды, которые полностью повторяют форму типа 2. Но фрагментарность не позволяет провести дробную типологию с большей уверенностью, поэтому все обломки с ямочным орнаментом лучше всего рассматривать суммарно, как общее для типов 2 и 3. Они составляют около 85—90% всего керамического материала. Распределение керамики бахмутинских поселений по типам дано в табл. А:

Таблица А

Памятник	Общее к-во сосудов	Тип		Типы 2—3	
		к-во	% от общего к-ва	к-во	% от общего к-ва
Бирское городище	110	10	9	100	91
Юмакаевское »	628	110	16	518	84
Кансиярское »	190	14	7	140	93
Ново-Турбаслинское се- лище II	56	4	7	52	93
Городище Уфа II	30	—	—	30	100
Итого	1014	138	13	840	87

Бахмутинская керамика по форме сосудов, составу глины, обработке очень своеобразна и легко отличается от всех описываемых ниже групп, хотя синхронность ее с некоторыми из них несомненна. Она четко лока-

лизуется территориально: распространена в междуречье Белой и Уфы и на Средней Каме, где составляет основное содержание находок культурного слоя около 300 поселений (рис. 8). Учитывая, что повсеместно этим поселениям соответствуют грунтовые могильники со сходным вещевым материалом и погребальным обрядом, исследователи уверенно приписывают их к большой группе родственных племен, которые вели оседлый, скотоводческо-земледельческий образ жизни.

До сих пор оставался спорным вопрос о происхождении бахмутинской керамики и культуры в целом. Было высказано два мнения. Согласно первому ближайшим прототипом бахмутинской керамики является пьяноборская, которая принадлежит к местному оседлому населению предшествующей эпохи. Их сближают форма сосудов (типы 1, 2), состав теста, ямочный орнамент, но с той лишь разницей, что на пьяноборских (кара-абызских) сосудах последний располагается лишь в ряд вокруг горла. На позднем этапе бахмутинцы испытывали сильное культурное влияние турбаслинских племен: в частности они заимствовали у них некоторые формы сосудов (тип 3) и стали их украшать традиционным ямочным орнаментом¹⁶.

Этому мнению возразил В. Ф. Генинг. Он считает, что бахмутинская керамика в Западном Приуралье не имеет местных корней и находит близкие ей аналогии в памятниках Южной Сибири¹⁷. Действительно, сходство между бахмутинской и южносибирской (Прииртышье) керамикой очень близкое. Оно проявляется прежде всего в форме сосудов (тип 2) и кругло-ямочном орнаменте, сплошь покрывающем все тулово горшков, чего нет на пьяноборских. Если принять во внимание факт массового появления этих сосудов в поздних погребениях Бирского могильника, то доводы В. Ф. Генинга о сибирском происхождении их становятся убедительными, и, очевидно, следует с ними в основном согласиться. Однако в свете общей близости бахмутинских и пьяноборских (кара-абызских) сосудов в форме, составе глины и ямочном орнаменте было бы более осторожным сейчас говорить о сибирском компоненте в бахмутинской керамике, связывая его главным образом с манерой украшать наружную поверхность мелкими ямками и новой формой посуды (тип 3). Судя по тому, что бирские сосуды отражают период широкого распространения бахмутинской керамики в Западном Приуралье, время проникновения сюда сибирского компонента, видимо, следует относить примерно к VI—VII вв.

Турбаслинская группа

Своеобразие этой группы сосудов при сравнении с другими проявляется отчетливо по следующим признакам: относительная грубость изготовления (толстостенность, примесь дресвы с включениями мелких камешков), отсутствие, за редким исключением, орнамента, большие размеры и пло-

¹⁶ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 49—73.

¹⁷ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 265—266.

скодонность у преобладающего большинства. Данную группу мы рекомендуем назвать турбаслинской по Ново-Турбаслинскому курганному могильнику, впервые давшему самую многочисленную коллекцию керамики. Она пока известна в основном по памятникам, территориально занимавшим среднее течение р. Белой с включением устья р. Уфы в центре. Чтобы классификация турбаслинской керамики была полной, в нее включены все встреченные типы, хотя некоторые из них слабо датированы. Здесь использованы неопубликованные материалы Дежневских курганов из раскопок М. Х. Садыковой (1968, 1969 гг.) и Н. Г. Рутто (1974 г.). По форме и другим признакам сосуды внутри группы подразделяются на типы.

Тип 4. Кувшины с ручкой сбоку и со сливом. Представлены двумя экземплярами из Дежневских курганов, почти идентичными по форме и размерам (табл. V, 1, 2). Венчик утолщен, горло узкое, прямое, высокое, поверхность залощена, дно плоское, цвет темно-серый с коричневыми пятнами. Тщательной обработки. На руке имеется зооморфное изображение. Орнамент на одном сосуде состоит из вертикальных линий, как бы расходящихся от дна, а на самой выпуклой части тулова линии прерываются двумя горизонтальными поясками, между которыми расположены зигзагообразные насечки. Оба кувшина найдены в могилах II типа. Вероятный их возраст — период А.

Тип 5. От предыдущего отличается отсутствием слива, а также увеличенными размерами (табл. V, 3). На верхней части ручки сбоку находятся выступы, придающие ей схематическое зооморфное изображение. Без орнамента, поверхность залощена, венчик утолщен, скошен наружу, а в основании валикообразное утолщение, цвет коричневый, со светлыми оттенками.

Как вариант данного типа можно рассматривать кувшин с более приземистым туловом (табл. V, 4). Он также узкогорлый, поверхность хорошо залощена, в основании высокого узкого горла валикообразное утолщение, без орнамента, цвет темно-коричневый, от ручки сохранились четкие следы. Оба варианта происходят из Дежневских курганов и встречены в могилах II типа. К данному типу можно отнести и кувшин из Салиховского кургана¹⁸.

Кувшины датируются ориентировочно периодами А и Б, но не исключен более ранний возраст некоторых из них.

Кувшинам аналогии в памятниках IV—V вв. найти трудно, поэтому в данном случае их сопоставляем с кувшинами, широко распространенными в курганах Южного Урала и Поволжья рубежа первых веков нашей эры. Кроме формы и размеров их сближает еще орнамент из вертикальных линий. Учитывая эти близкие прототипы, можно заключить, что происхождение данных кувшинов находится в тесной связи с миром кочевых племен южноуральских степей. Два нижеследующих типа кувшинов относятся уже к более позднему времени, но несут на себе яркий отпечаток традиции местных форм прежних столетий.

¹⁸ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии, с. 27, рис. 5, 1.

Тип 6. Сюда условно отнесены три одноручных кувшина, но существенно различающихся между собой по форме тулова и размерам.

Один кувшин происходит из разрушенных погребений (курганов) в районе горсовета г. Уфы, где раньше находились Глумилинские курганы. Курган имеет воронкообразное высокое горло, лишен орнамента, его поверхность залощена водой (табл. V, 6). Глина плотная, хорошо перемешанная. Кувшин изготовлен на гончарном круге. Вероятный возраст — период Б.

Другой кувшин также гончарной работы и в своем роде пока является единственным на территории Южного Урала (табл. V, 7). Он найден в разрушенном погребении по ул. К. Маркса в г. Уфе в 1929 г., комплекс полностью не сохранился. Высокое тулово кувшина слегка сужается к основанию, большое раздутое тулово переходит в плоское дно. Глина серая, плотная. Поверхность залощена и украшена вертикальными и зигзагообразными линиями, прерывающимися по широкой части тулова двумя горизонтальными поясками врезных линий. В отличие от описанных выше кувшинов ручка не соединяет тулово с горлом, а расположена только на верхней части тулова. Р. Б. Ахмеров не без оснований данный кувшин сопоставляет с аналогиями в салтовских древностях¹⁹, что, несомненно, указывает на сравнительно молодой его возраст (период Б). Найденные при нем предметы²⁰ как будто не противоречат этой дате.

Третий кувшин грубой ручной работы, без орнамента. Горло невысокое, широкое, тулово вытянутое, дно широкое и плоское. От ручки сохранились только следы (табл. V, 8). Найден в Кушнаренковском могильнике, в могиле с заплечиками (III тип). Он датируется периодом А.

Тип 7. Двуручный кувшин, без орнамента (табл. V, 5). Горло широкое, высокое и воронкообразное, тулово раздутое (приземистое), дно плоское, ручки расположены на верхней части тулова. Вылеплен от руки. Встречен в могиле III типа и сопровождался инвентарем, характерным для периода А.

Тип 8. Отнесенные сюда сосуды условно можно назвать кувшинообразными на том основании, что по форме они очень близки к описанным выше (табл. V, 10—16). Как правило, горло у них высокое, прямое, но иногда встречаются воронкообразные, на некоторых сосудах имеются валикообразные утолщения по краю венчика или основанию горла (табл. V, 14). Тулова сильно раздутые, иногда даже слегка «сплюснутые» посередине (табл. V, 13). Изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью дресвы, поверхность залощена, цвет красно- и темно-коричневый, глина плотная. Шесть сосудов найдено в Дежневских курганах, в том числе пять в могилах II типа, а один — IV типа. Из Ново-Турбаслинских курганов известен лишь один сосуд (табл. V, 15), найденный в могиле II типа. Сосуды данного типа сопровождался сравнительно бедным инвентарем, поэтому его возраст в пределах периода А нами определяется исходя из основной даты памятников.

¹⁹ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв., с. 186.

²⁰ Там же, с. 163.

Как и кувшины, сосуды данного типа находят многочисленные и близкие прототипы в памятниках южных степей предыдущих веков, поэтому местный, т. е. южноуральский, характер их происхождения вряд ли может вызвать сомнения.

Тип 9. Низко- и широкогорлые сосуды с плоским дном, в целом форма горшечная. Представлен в двух вариантах. Вариант А: небольшие сосуды высотой в среднем 11—14 см при диаметре горла 8—10 см (табл. VI, 1—20). Орнамент отсутствует, но на некоторых имеются короткие насечки по краю венчика (табл. VI, 4—6, 9), один горшок украшен двумя рядами круглых ямок (табл. VI, 10). Изготовлены из глины с примесью дресвы, средняя толщина стенок 4—5 мм, темно- или красно-коричневого цвета, хорошего обжига, поверхность залощена, но оставляет впечатление грубой работы. Между ними и сосудами варианта Б (табл. VII, 1—11) никакой принципиальной разницы нет: последние отличаются лишь своими увеличенными размерами. Большинство сосудов (17 экз.) найдено в Дежневских курганах, а затем в Кушнаренковском могильнике (12 экз.) и связано с могилами II типа (25 случаев); в двух случаях они найдены в могилах III типа, в одном — IV типа. Данный тип достаточно представлен также в Уфимских погребениях, Шареевском могильнике и Ново-Турбаслинских курганах. Их много также в Салиховских курганах²¹.

Большинство сосудов обоих вариантов происходит из сравнительно бедных комплексов, что затрудняет возможность точной датировки. Судя по тому, что такие горшки хорошо представлены в Уфимских погребениях и Кушнаренковском могильнике, датированных не ранее VII в., можно предположить, что в Западном Приуралье они появились примерно в это время и существовали до конца второй половины I тысячелетия. К числу самых поздних экземпляров относится сосуд из Ново-Турбаслинского кургана, найденный вместе с железной пряжкой²², аналогии которой широко распространены в памятниках позже X в. (табл. I, 336).

Следует отметить, что именно данный тип вошел в литературу под названием романовский (АЭТ)²³, о происхождении и этнической принадлежности которого между археологами идут горячие споры. Своеобразие сосудов, выразившееся прежде всего в плоскостности и отсутствии орнамента, дало основание многим исследователям погребения и поселения с такой керамикой рассматривать как показатель принадлежности их к самостоятельной культуре или группе памятников. Сопоставление всей суммы сведений о сосудах данного типа убеждает нас в том, что они являются не более как разновидностью керамики одной большой группы племен, широкой массой расселившихся в Центральной Башкирии во второй половине I тысячелетия, где оставили многочисленные памятники типа Ново-Турбаслинских, Дежневских курганов, Кушнаренковского могильника и поселения.

Тип 10. Характерной особенностью сосудов данного типа являются

²¹ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии, с. 26, рис. 4, 1, 2, 4; с. 27, рис. 5, 1; раскопки С. М. Васюткина.

²² Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия, с. 107, рис. 1, 17.

²³ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 281—284.

большие их размеры, а также форма: плоскодонность, высокие и сильно раздутые тулова и высокое горло (табл. VII, 12—20). В примеси к глине — крупнодробленая дресва, поверхность слегка залощена водой, цвет коричневый или темно-коричневый. Орнамент имеется лишь на одном сосуде и состоит из длинных врезанных линий на тулове, образующих ромбическую сетку (табл. VII, 17). Можно выделить два варианта: А — узкогорлые (табл. VII, 12, 20) и Б — широкогорлые (табл. VII, 13—19). Встречен в Кушнарниковском могильнике (5 экз.), а также Ново-Турбаслинских (7 экз.) и Дежневских (2 экз.) курганах. Из общего количества сосудов 10 найдено в могилах II типа, 3 — III типа (Кушнарниково), 1 — IV типа (Ново-Турбаслы).

Сосуды, как правило, происходят из некогда богатых (а затем ограбленных) погребений, являющихся центральными в курганах. Найденные на поселениях (Уфа II и Романовка II) фрагменты стенок позволяют точно представить технику изготовления. Эти фрагменты состоят из кусков полос шириной 6—8 см с утонченными снаружи краями на 2—2,4 см. Судя по ним, сосуды лепились путем накладывания глиняных лент одна на другую, и очень часто они разбивались по местам таких скреплений. Встречены в комплексах периодов Б и В.

Тип 11. Как и тип 9, в данной группе относится к числу самых распространенных. Отличительная особенность: сильно раздутое тулово, плавно переходящее в округлое или уплощенное дно; горло высокое, чаще прямое, но есть и воронкообразно отогнутое наружу. Орнамент отсутствует. Представлен несколькими вариантами. Вариант А: тулово, как правило, округлое, горло высокое, узкое, воронкообразно расширяется кверху, дно округлое или уплощенное. Отличаются высоким качеством глины — черепки плотны, хорошо обожжены, поверхность залощена (табл. VIII, 1—8). Вариант Б: от предыдущего отличается прямым, но более широким горлом (табл. VIII, 9—17, 20). Вариант В: сосуды более приземистые, дно уплощенное (табл. VIII, 18, 19; табл. IX, 1—7). Вариант Г: широкое прямое высокое горло, тулово несколько вытянуто, округлое (табл. IX, 11). Вариант Д: сосуды больших размеров, по сравнению с остальными более темного цвета, залощены до блеска. Горло широкое, у большинства сужается кверху, тулово шарообразное, дно уплощенное (табл. X, 1—9, 12). Край одного сосуда из Дежневского кургана был обложен тонкой золотой фольгой (табл. X, 1). Происходят из некогда богатых комплексов.

Вариант Г представлен в основном в Шареевском могильнике и, судя по общей дате памятника, относится к периоду Б. Все остальные варианты одинаково представлены в других памятниках турбаслинской культуры: Ново-Турбаслинских (48 экз.), Дежневских курганах (3 экз.), уфимских погребениях (2 экз.), а также в Кушнарниковском (3 экз.) и Бирском могильниках (4 экз.). К варианту Д, кажется, принадлежит сосуд из погребения в районе здания медицинского института в г. Уфе (табл. X, 3), обломки которого без дна хранятся в республиканском краеведческом музее. Коррелирование с типами могил показывает следующую картину: из 70 сосудов 47 найдено в могилах II типа, 21 — в могилах IV типа, 2 — в могилах III типа и 1 — в могиле на уровне мате-

рика (I тип). Основное время существования всего типа — периоды А и В. У В. Ф. Генинга данный тип назван турбаслинским²⁴.

Тип 12. Сосуды характеризуются теми же основными признаками, что и предыдущий тип, но с наличием орнамента из косых насечек или ямочных (круглых, треугольных) вдавлений по горлу, краю венчика и верхней части тулова (табл. XI). Этот тип представлен в Бирском (10 экз.), Кушнаренковском (1 экз.) могильниках, Ново-Турбаслинских курганах (4 экз.). В могилах II типа встречены 7 сосудов, 1 сосуд — III типа, 7 сосудов — IV типа. Основное время существования сосудов — период А и Б. По своим особенностям (форма, орнамент) эти сосуды занимают промежуточное положение между бахмутинской и турбаслинской керамикой и, очевидно, исходя из этого следует объяснять его происхождение.

Тип 13. Отличительная особенность сосудов — широкое невысокое горло и шарообразно округлое тулово с округлым дном, без орнамента (табл. IX, 8—10, 12—16). Происходит из бедных комплексов, поэтому о времени существования можно судить приблизительно (периоды А и Б). Встречен в могилах только II типа.

Тип 14. Горло сосудов широкое, прямое, тулово репообразное, раздутое в верхней части с острым дном. Несмотря на большие размеры, тонкостенны, хорошего обжига, красно-коричневого цвета, в примеси к глине — дресва. Представлен двумя сосудами. Сосуд первый из Кувыковского погребения датируется периодом А (табл. X, 11). По основанию горла и верхней части тулова украшен рядом круглых ямок с зигзагообразными насечками. Второй сосуд найден в Бирском могильнике. Он украшен по горлу и верхней части тулова удлиненными ямками, зигзагообразными насечками их трех рядов, состоящих из ямок, имитирующих шнуровой орнамент, и тремя поясками врезных линий (табл. X, 10).

Тип 15 представлен фрагментом горла сосуда из Стерлитамакского могильника (IX—X вв.). Судя по нему, сосуд имел форму, близкую к сосудам типа 10 (табл. X, 13). Глина плотная, сероватого цвета с примесью дресвы.

При сопоставлении комплексов с определенными типами керамики выявляется такая особенность. Инвентарь могил с сосудами типов 10—12 и 14 более богат, содержит много предметов из золота, разнообразнее, чем могил с сосудами типов 9 и 12. Если к этому еще добавить значительную глубину и разнообразие форм первой группы могил, то напрашивается вывод о том, что применение различных типов керамики и могил у турбаслинцев регламентировалось в значительной мере явлениями социального порядка.

Поселенческая керамика

Турбаслинская керамика богато представлена и в материалах поселений, расположенных в непосредственной близости от могильников. Между могильниками (курганами) и поселениями существует тесное культур-

²⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 274—278.

ное единство²⁵. Однако для многих исследователей связь между могильниками и поселениями с турбаслинской керамикой остается еще проблематичной, и некоторые вопросы, связанные с изучением их материалов, все еще в литературе освещаются, исходя из противопоставления их, а не единства. Это обстоятельство вынуждает еще раз вернуться к данному вопросу и дать классификацию поселенческой керамики самостоятельно.

Большое сходство керамики избавило нас от необходимости вводить новые типы: здесь сохранен тот же принцип выделения типов и их порядковые номера, примененные к керамике из могильников. В керамике поселений, как и следовало ожидать, представлены формы посуды, отсутствующие пока в могильниках. В этих случаях нами выделены новые типы, а нумерация является продолжением общей. Новый поселенческий материал позволяет нам полнее выявить особенности ранее описанных типов.

В среднем течении р. Белой сейчас насчитывается более 20 селищ и городищ, содержащих турбаслинскую керамику (рис. 8). Степень изученности этих памятников очень различна, поэтому материал каждого из них накоплен неравномерно. Самая богатая коллекция керамики происходит из городища Уфа II, где она составляет культурные отложения приблизительно более 2 м. Вся мощность культурного слоя городища достигает 4 м (3,60—3,80 см)²⁶, где самые ранние находки относятся ко времени не раньше середины I тысячелетия. Собранный материал, таким образом, позволяет рассматривать городище Уфа II как один из важных культурных центров в Западном Приуралье в VII—VIII вв. но в основном конца I тысячелетия н. э. Расположение в центре г. Уфы до сих пор затрудняет проведение на городище широких раскопок, и значительную часть находок составляет подъемный материал, собранный в различные годы П. Ф. Ищериковым. Но пробные раскопки 1957 и 1958 гг. позволили установить, что интересующая нас керамика связана с верхним слоем.

Сравнительно широкие раскопки были проведены в 1958 г. на поселении Ново-Турбаслы II, а также Г. Н. Матюшиным и К. В. Сальниковым в 1962 и 1969 гг. на поселении Романовка II, В. Ф. Генингом на Кушнаренокском поселении (1959). К тому же кругу памятников относятся также Имендяшевское городище, обследованное Г. В. Юсуповым и Г. И. Матвеевой. Материал городища носит очень смешанный характер, что, видимо, объясняется расположением его в лесостепной зоне. Наряду с керамикой турбаслинского (романовского) облика (рис. 9, 1—5), составляющими основное содержание находок, на городище обнаружены редкие экземпляры сосудов кушнаренокской и караякуповской групп (рис. 9, 6—12). Это дает основание считать, что городище просуществовало до начала II тысячелетия н. э.

²⁵ Мажитов Н. А. К изучению археологии, с. 106; Археологическая карта Башкирии. М., 1976, с. 27—29.

²⁶ Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II.— АЭБ, Уфа, 1962, т. I, с. 140—141.

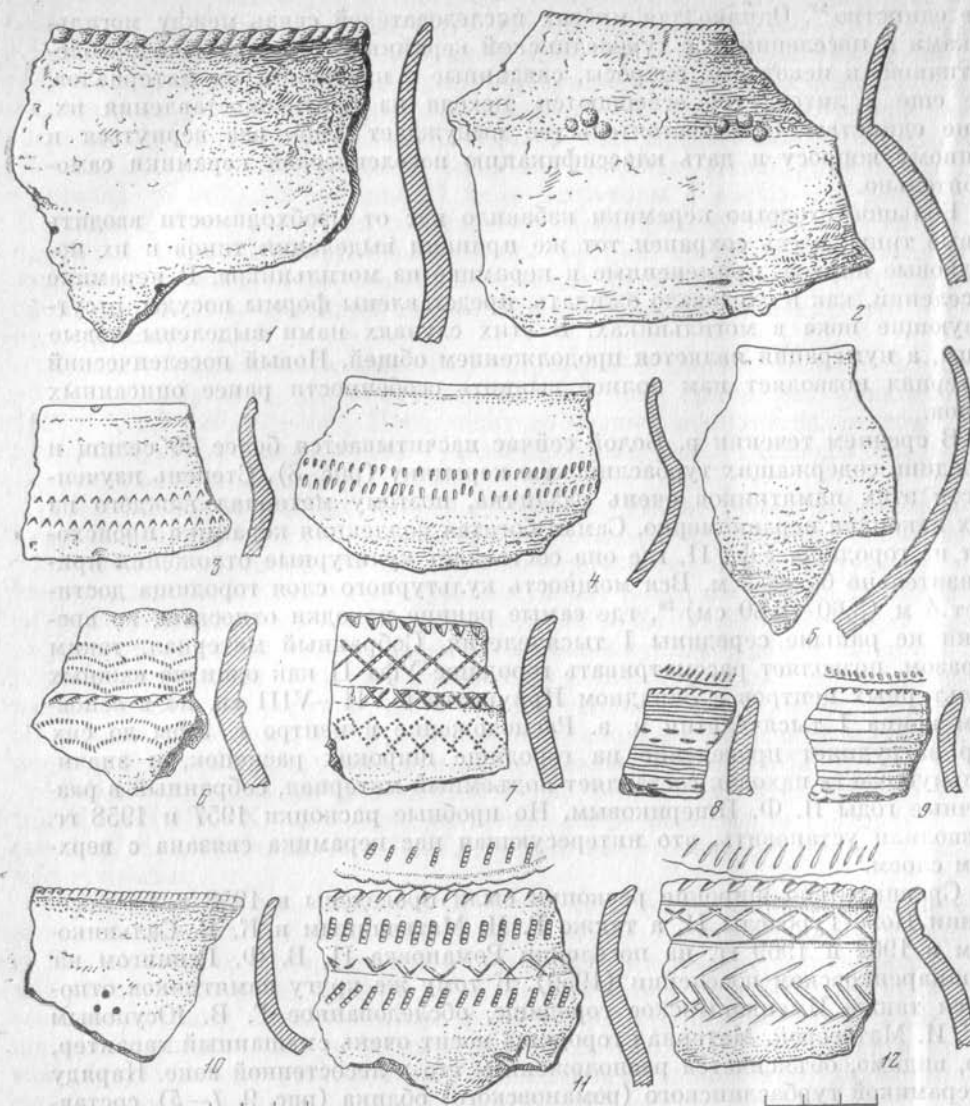

Рис. 9.

Керамика из Имендзиевского городища. Раскопки Г. И. Матвеевой

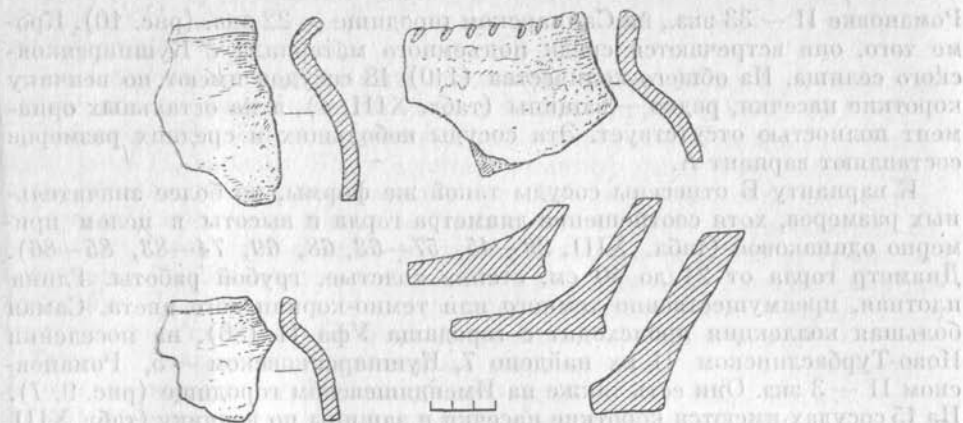

Рис. 10

Керамика из Сакмарского городища

Самым южным однослойным поселением, содержащим в основном керамику романовских сосудов, является Сакмарское городище. Оно находится недалеко от г. Оренбурга и исследовалось археологической экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР в 1975 г.

На городище Уфа II найдена зооморфной формы ручка от тонкостенного кувшина с залощенной поверхностью²⁷. Данную находку трудно датировать, но она, безусловно, относится к первому типу кувшинов из могильников (тип 4).

На Сакмарском городище найден красноглиняный кувшин с ручкой сбоку, высоким и широким горлом (табл. V, 9). Выполнен на гончарном круге. Данный кувшин условно можно отнести к типу 6. Очевидно, по происхождению он является болгарским.

В поселениях встречаются тонкостенные сосуды с высоким и узким горлом и раздутым туловом; дно у них скорее всего было плоским (табл. XII, 1—4, 11, 13—16). Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью песка, поверхность хорошо залощена. По своим особенностям данная группа сосудов очень близко стоит к типу 8 из могильников. По размерам нестандартны. Диаметр горла колеблется в пределах 8—15 см, высота горла 2,5—5 см. На городище Уфа II их найдено 18 экз., а на поселении Романовка II — 5 экз.

Массовый материал на поселениях составляют широкогорлые, невысокие плоскодонные горшки, шейки невысокие (1,5—2 см), прямые или слегка отогнутые наружу (тип 9). Грубой работы, в глине примесь крупнораздробленной дресвы, цвет преимущественно темный или темно-коричневый (табл. XIII, 1—28, 46—48, 50—56, 64—67, 70, 78, 84). Диаметр горла 10—20 см, высота 15—20 см. На городище Уфа II таких сосудов представлено 43 экз., на поселении Ново-Турбаслинское II — 34 экз., на

²⁷ Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II, с. 148, табл. IX, 2.

Романовке II — 33 экз., на Сакмарском городище — 22 экз. (рис. 10). Кроме того, они встречаются среди подъемного материала с Кушнаренокского селища. Из общего количества (110) 18 сосудов имеют по венчику короткие насечки, редко — защипы (табл. XIII, 4), а на остальных орнамент полностью отсутствует. Эти сосуды небольших и средних размеров составляют вариант А.

К варианту Б отнесены сосуды такой же формы, но более значительных размеров, хотя соотношение диаметра горла и высоты в целом примерно одинаковое (табл. XIII, 29—45, 57—63, 68, 69, 74—83, 85—86). Диаметр горла от 21 до 40 см, стенки толстые, грубой работы. Глина плотная, преимущественно темного или темно-коричневого цвета. Самая большая коллекция происходит с городища Уфа II (86), на поселении Ново-Турбаслинском II их найдено 7, Кушнаренокском — 5, Романовском II — 3 экз. Они есть также на Имендзяшевском городище (рис. 9, 1). На 15 сосудах имеются короткие насечки и защипы по венчику (табл. XIII, 29, 35), а остальные без орнамента.

На поселениях достаточно представлены также фрагменты сосудов с высоким, прямым, суживающимся кверху или воронкообразно расширяющимся кверху горлом (табл. XII, 7—16). По своим особенностям они принадлежат к типам 10—11 из могильников.

Все донья плоские. Отдельное описание их вызвано тем, что последние с полной уверенностью трудно связать с обломками шеек. С поселений сейчас известно более 200 доньев, из которых более половины приходится на городище Уфа II. По форме и размерам они могут быть сгруппированы в несколько вариантов.

Вариант А. Плоские донья небольших размеров (диаметр до 10 см). По фактуре ничем не отличаются от сосудов романовского типа, и поэтому принадлежность их к одним и тем же сосудам не должна вызывать сомнений (табл. XIV, 7—9, 19, 29—30, 41). В этом еще раз убеждает сопоставление их с доньями целых сосудов из могильников. Переход к днищу плавный, редко встречаются закраины в основании. Такие донья одинаково представлены на всех поселениях.

Интересно отметить, что среди подъемного материала с городища Уфа II есть несколько фрагментов стенок сосудов, которые по орнаменту могут быть сближены с сосудами типа 7 из могильников. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, поверхность тщательно сглажена водой и украшена прочерченными линиями, образующими ромбическую сетку (табл. XII, 5, 6). Единственная аналогия этому узору известна из Кушнаренокского могильника (табл. VII, 17). На основании этого сходства их можно отнести к концу I тысячелетия н. э.

Вариант Б. От предыдущих донья этого варианта отличаются большим диаметром (10—15 см) и толщиной (1,5—2 см), что несомненно указывает на значительные размеры самих сосудов (табл. XIV, 10—17, 21—26, 31—38, 42—48). Сосуды грубой работы. Судя по сохранившимся придонным частям, некоторые сосуды имели высокие вытянутые тулова большого размера (табл. XIV, 11, 35), близко напоминая тем самым крупные плоскодонные сосуды типа 10. Одновременно часть этих фрагментов может принадлежать и сосудам крупных размеров типа 9 (вариант Б).

Оба варианта хорошо представлены на городище Уфа II, поселениях Романовка, Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское и на Сакмарском городище. Сосуды, видимо, использовались преимущественно для хранения продуктов.

На поселениях в небольшом количестве обнаружены фрагменты от плоских доньев без резкого перехода в стенку (табл. XIV, 1—6, 18, 27—28). Они почти ничем не отличаются от доньев целых сосудов из могильников (тип 11, вариант В), охарактеризованные выше как уплощенные. Таким образом, проведенный анализ красноречиво свидетельствует о том, что сосуды почти всех типов из могильников богато представлены на поселениях. Это должно снять всякие сомнения в том, что романовские поселения и Турбаслинские могильники принадлежали одному и тому же населению. Но в то же время керамика поселений более богатая и содержит новые типы сосудов, пока не выявленные в могильниках.

Тип 16. Невысокие тонкостенные широкогорлые сосуды с округлым или уплощенным дном. У большинства край горла резко отогнут наружу, по венчику снаружи у многих имеется валикообразные утолщения (табл. XII, 18—23). Для сосудов характерно утолщение на месте перехода от невысокой шейки, образующее небольшой уступчик. Сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка, тщательной работы, поверхность иногда залощена. Часть сосудов по тулову украшена треугольными углублениями, располагающимися в один-два, редко более рядов или вертикальными врезными линиями (рис. 9, 3, 4). Выявлены на городище Уфа II, в однослойных поселениях, расположенных в черте современного г. Уфы (например, Зелентрест; сборы М. Х. Садыковой), в Шареевском могильнике и на Имендяшевском городище. В литературе данный тип известен как имендяшевский²⁸.

Тип 17. Сосуды в виде невысоких банок с суженым горлом и плоским или округлым дном. Представлены единичными экземплярами на поселениях Ново-Турбаслинское II (табл. XIII, 49) и Романовка (табл. XIII, 71—73). Грубой работы, коричневого цвета, в глине примесь дресвы. Дата пока может быть установлена очень широко, в пределах самого конца I тысячелетия. В качестве ближайшей аналогии можно привести сосуды из болгарских памятников на Волге²⁹. К числу редких относится чаша с городища Уфа II (табл. XII, 24) и Имендяшевского (рис. 9, 5). По форме она близко напоминает чаши из бахмутинских памятников (тип. 1).

Вопрос о дате поселений с керамикой турбаслинской группы в литературе как следует не разработан. С. М. Васюткин, например, относит их к IV—VII вв., а В. Ф. Генинг — к V—VII вв. Последней даты придерживался и автор. В ряде наших работ, кроме того, высказывалось предположение о возможном существовании некоторых поселений в самом конце I тысячелетия. Новые материалы вносят существенные коррективы в наши представления по этому вопросу, подтверждая в целом

²⁸ Археологическая карта Башкирии. М., 1976, с. 31.

²⁹ Смирнов А. П. Новые данные о сложении культуры волжских болгар. — КСИИМК, 1951, X, с. 17—18, рис. 1.

позднюю дату. Судя по хорошо датированным могильникам (Ново-Турбаслы, Дежнево, Кушнареново), турбаслинская керамика там появляется не ранее VII или рубежа VI—VII вв. Существование ее в VIII в. надежно фиксируется по Шареевскому могильнику, а около IX в. — по самым поздним захоронениям ново-турбаслинских курганов (23 и 26). Так как у нас нет сомнения в культурном единстве могильников и поселений с турбаслинской керамикой, возраст последних мы имеем право определять в рамках общей даты опорных памятников. Однако сказанное оставляет открытым вопрос о верхней дате — ряд поселений мог функционировать и позже.

Материал самих поселений, сопровождающий турбаслинскую керамику, также говорит о поздней дате. Так, например, повсеместно встречаются обломки сосудов кушнареновского типа, которые, как увидим дальше, судя по богатым могильным комплексам, были широко распространены в период от VII в. до начала II тысячелетия. Как поздний хронологический признак может быть принято также появление на грубой турбаслинской керамике орнамента из жемчужин (табл. 21, 5—7, 16, 20, 21), характерного для кара-якуповской группы керамики. Это говорит, что обе указанные группы существовали какое-то время синхронно, очевидно, на рубеже тысячелетий.

Фактом в пользу поздней даты указанных памятников стали материалы Сакмарского городища (рис. 10), где найдена в слое красноглиняная гончарная керамика булгарского образца рубежа I и II тысячелетий.

Как уже отмечено, у исследователей различен подход к интерпретации керамики турбаслинской группы. Для большинства она представляется двухкомпонентной и состоит из круглодонной (турбаслинской) и плоскодонной (романовской) посуды, каждая из которых связана с самостоятельным этносом и кругом памятников. Во всех работах, где затрагивается этот вопрос, как общее выступает мнение: 1) о неместном характере всей данной группы керамики в Западном Приуралье и 2) о тесной связи керамики романовского типа и вместе с ней памятников, где она встречается, с именьковской культурой Среднего Поволжья. Согласно мнению К. В. Сальникова³⁰, С. М. Васюткина³¹ и Г. И. Матвеевой³², романовская керамика здесь появилась в результате переселения части средневожского населения финно-угорского происхождения, в то время как собственно турбаслинская керамика связана с южным кочевым миром. Данную точку зрения затем поддержал А. П. Смирнов³³.

Среди памятников с керамикой турбаслинской группы два археолого-этнических типа выделяет В. Ф. Генинг, но иначе трактует их происхождение. Он считает, что плоскодонная керамика романовско-именьковского типа Урало-Поволжского региона была привнесена тюркоязычными племенами — выходцами из степной Южной Сибири или прилегающих к

³⁰ Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, с. 13, 22.

³¹ Васюткин С. М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии, I т. п. н. э., с. 63—69.

³² Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии III—VIII вв., с. 11—15.

³³ Смирнов А. П. Из этнической истории Западного Приуралья. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 80—84.

ней районов. В своих ранних работах В. Ф. Генинг неоднократно высказывал предположение о западносибирском характере происхождения турбаслинской керамики³⁴, затем признал отсутствие убедительных аргументов³⁵.

Точка зрения о тюркской принадлежности романовско-именьковской керамики, впервые сформулированная В. Ф. Генингом, была воспринята многими археологами, в том числе исследователями памятников именьковской культуры. Отсюда в литературе широко утвердилось положение о том, что в середине I тысячелетия н. э. во всем Урало-Поволжском регионе происходит массовая миграция тюркоязычного населения из восточных или юго-восточных районов, сыгравшая впоследствии важную роль в этнической истории края³⁶.

Взгляды автора данной монографии по затронутым вопросам развивались в духе общего хода дискуссии. В первых своих работах он придерживался мнения о самостоятельном происхождении памятников турбаслинского и романовского типов³⁷. Но по мере накопления фактического материала был вынужден отказаться от идеи их противопоставления и прийти к заключению о принадлежности их к одной родственной группе населения — носителям турбаслинской культуры³⁸. Основным мотивом, побудившим к такому пересмотру, послужили: 1) совместное нахождение сосудов в могильниках и даже в одних могилах, примером чему могут служить Дежневские курганы³⁹ и 2) большое сходство керамики в могильниках и поселениях; при этом полагалось, что не все поселения синхронны с могильниками и в большинстве случаев они относятся к рубежу I и II тысячелетий, отражая тем самым период окончательного оседания пришлого населения на Западном Приуралье.

Говоря о происхождении турбаслинской культуры, приходится исходить из того, что многообразие ее типов исключает однозначное его решение. Наблюдается формальное сходство некоторых ее типов с керамикой кочевых племен южноуральских степей рубежа и первых веков нашей эры. Как уже отмечено при описании, оно особенно отчетливо видно на сосудах типов 4, 5 и 8. При совпадении общей территории распространения и близости форм последние, возможно, следует рассматривать как свидетельство сохранения в раннем средневековье местных традиций в керамическом производстве. С определенной долей вероятности эту преемственную связь можно проследить также и на круглодонных

³⁴ Генинг В. Ф. Проблемы изучения железного века Урала, с. 41—43.

³⁵ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 278.

³⁶ Старостин П. И. Памятники именьковской культуры.— САИ, Д1—32, 1967, с. 29—30; он же. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 43—54; Халиков А. Х. История формирования тюркоязычных народов Поволжья.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 13 и др.

³⁷ Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II, с. 149—150.

³⁸ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тыс. н. э., с. 105—108; он же. Бахмутинская культура, с. 68—71; он же. Происхождение башкир. (историко-археологический анализ).— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 13—14.

³⁹ Пшеничников А. Х. Уфимский курганный могильник.— АЭБ, Уфа, 1968, т. III, с. 109, рис. 4.

сосудах (тип 11), которые находят многочисленные прототипы в памятниках данного круга (Старо-Книшкинские, Сибайские, Уметбаевские курганы). Сходство между ними наблюдается в форме, составе глины⁴⁰. Но есть и различия. Большинство турбаслинских сосудов — крупных размеров, имеют либо вытянутое, либо широкое горло (тип 11, вариант В); такие формы, как тип 11, вариант Д, в местных ранних материалах аналогов себе вообще не находят. Как и раньше⁴¹, эти особенности турбаслинской круглодонной керамики, отличающие ее от местной керамики предшествующих веков, мы считаем возможным объяснять в плане типологического сходства с керамикой кочевников из районов Южного Казахстана и Киргизии⁴². Конкретная связь между сравниваемыми памятниками в данном случае может быть опосредствованной, но участие какой-то группы племен юго-восточного, азиатского происхождения в формировании круглодонной турбаслинской керамики кажется очевидным.

Очень сложно обстоит дело с объяснением происхождения плоскодонной подгруппы. Трудность поиска вызвана тем, что она широко распространена территориально и во времени и без учета сопровождающего материала плохо дифференцируется.

Один важный аспект этого вопроса действительно связан с именковской керамикой Среднего Поволжья, на что справедливо указывают все исследователи. Однако до сих пор в литературе он освещался, исходя из заведомо заниженной даты всех памятников с плоскодонной керамикой и без учета их хронологического различия. Если сравнить основные датированные вещи из именковских памятников с предложенной нашей хронологией древностей Южного Урала, то среди них много таких, возраст которых не может быть установлен раньше последних столетий I тысячелетия. Вот некоторые из них, самые бесспорные: железные плоские ромбические и трехлопастные наконечники стрел⁴³, фигуры уток⁴⁴, коней⁴⁵, пирамидальные подвески⁴⁶ и костяные пряжки⁴⁷, некоторые типы пряжек⁴⁸ и накладок⁴⁹, поясных ремней и др. Эти факты делают весьма актуальным вопрос об уточнении существующей хронологии именковских памятников. Сейчас предварительно можно полагать, что поздние два-три века (VI—VIII) предложенной исследователями даты являются лишь началом их общей даты, которая в будущем расширится до конца I тысячелетия. В этом плане именковские памятники окажутся синхронными с приуральскими, содержащими романовскую керамику.

Таким образом, на наш взгляд, именковские аналогии затрагивают

⁴⁰ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 70, 160 (табл. 39).

⁴¹ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии, с. 105.

⁴² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 11, рис. 136, 2, 3, 6, 7; с. 312, рис. 137, 1—4.

⁴³ Старостин П. Н. Памятники именковской культуры, с. 77, табл. 15, 3—11.

⁴⁴ Там же, с. 81, табл. 17, 6.

⁴⁵ Там же, табл. 17, 12.

⁴⁶ Там же, табл. 17, 14.

⁴⁷ Там же, с. 83, табл. 18, 6, 7.

⁴⁸ Там же, с. 85, табл. 19, 26.

⁴⁹ Там же, с. 87, табл. 20, 22.

поздний период существования плоскодонной керамики на Южном Урале. С учетом фактического материала не лишено основания предположение о том, что культурная близость обоих указанных районов могла образоваться в результате прихода в Западное Приуралье части средне-волжского населения. Хронологически это событие логичнее связать с начавшейся фильтрацией или массовой миграцией булгарских племен в низовьях р. Камы, что могло произойти около VII—IX вв.

Серьезным препятствием тому, что именковские параллели нельзя привлечь к выяснению происхождения ранних экземпляров плоскодонной керамики, служит погребальный обряд турбаслинских племен. Одним из ранних памятников турбаслинцев являются Дежневские (период А), а затем Ново-Турбаслинские курганы Салиховские (периоды А, Б). Судя по ним, плоскодонная керамика на Южном Урале появляется в подкурганных могилах простой и сложной конструкции. Все это чуждо не только именковским племенам, но и всему населению Среднего Поволжья середины I тысячелетия н. э. Отмеченные же особенности турбаслинских памятников в плане выяснения поставленного вопроса перспективнее сопоставлять с материалами кочевников южноказахстанских степей этого времени. Там сейчас открыт ряд памятников типа Борижарских курганов, многие элементы которых сходны с турбаслинскими⁵⁰.

В составе керамики из катакомб с одноручными кувшинами представлены небольшие горшки баночного типа, аналогичные сосудам типа 9 турбаслинской керамики. Интересно отметить, что Борижарские курганы Л. М. Левина относит к числу памятников каунчинской культуры, где в основном преобладали кувшины и горшки⁵¹. Много общего с турбаслинской содержит также керамика джеты-асарской культуры в низовьях Сырдарьи. Здесь особенно примечательно совпадение таких признаков, как высокое узкое горло, сильно раздутые тулова⁵², что характерно для типов 10, 15. Исследователь подчеркивает, что население обеих культур хорошо знало способ подкурганных захоронений в простых и подбойных могилах⁵³.

Круглодонная и плоскодонная турбаслинская посуда в раннее время (периоды А и Б) встречается вместе в одних и тех же памятниках. Это дает нам основание считать, что если происхождение их было различным, то в могилы они попали вместе. Отсюда напрашивается вывод о большой смешанности состава населения, которому она принадлежала. Но сама мысль о самостоятельном происхождении обеих подгрупп турбаслинской керамики подразумевает, что носители их до прихода в бассейны среднего течения р. Белой пребывали на одной территории. Все приведенные нами аналогии как раз одинаково указывают на этот возможный исходный район — им могли быть южные или юго-восточные степи.

⁵⁰ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 109, табл. 1, 3, 4.

⁵¹ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, рис. 59, 53, 208, 224, 217 и др.

⁵² Там же, с. 69, рис. 17, 2, 3, 9, 11—17, 20.

⁵³ Там же, с. 57—60, 163—178.

Кушнаренковская группа сосудов

В литературе эта керамика стала известна под названием кушнаренковский тип (по месту находки первого целого сосуда)⁵⁴. Случайный характер этой находки заставил В. Ф. Генинга отказаться от данного названия, изменив его в некоторых своих работах на куштерьянский⁵⁵, а в других на манянский⁵⁶. Однако объединение всех сосудов данной группы в один тип означало бы нарушение элементарных требований классификации, так как среди них достаточно четко выделяются отдельные серии сосудов, отличающихся друг от друга при наличии непременно общих черт как по форме, так и по орнаменту и возрасту. С учетом сказанного для всей этой группы сосудов мы рекомендуем сохранить ставшее уже привычным название кушнаренковской, а внутри нее серии сходных сосудов объединить в типы.

Одним из элементов, объединяющих сосуды данной группы, служат технологические приемы их изготовления. Сосуды вылеплены из хорошо отмученной глины, содержащей примесь мелкого песка. Стенки очень тонкие и в среднем не превышают 2—3 мм. Наружная поверхность хорошо залощена водой, большинство сосудов имеет красно- или темно-коричневый цвет с темными пятнами, что является результатом кострового обжига. Шейки, верхняя часть плечиков, а иногда и тулова в целом целиком покрыты орнаментом. Нередко орнамент располагается по дну, что вообще не характерно для сосудов других групп из раннесредневековых памятников Южного Урала. Хотя внутри типов форма варьирует, но в целом для нижеописываемых сосудов свойственны высокое горло раструбом и несколько вытянутые пропорции тулова. При общей близости орнаментальных мотивов и технологических приемов изготовления сосуды часто разнообразятся по пропорциям тулова.

Тип 18. Отличительная особенность этого типа: по сравнению с последующими типами значительная тонкостенность, изящность выполнения, более узкое и высокое горло, округлое тулово с плоским дном и богатый орнамент, покрывающий всю верхнюю часть тулова и часто дно (табл. XV, XVI, 1—5). Орнамент, как правило, состоит из частых горизонтальных рядов врезных линий, чередующихся с зонами взаимопересекающихся коротких линий, косых отпечатков, зубчатого штампа, зигзагов; иногда по нижнему краю имеются изображения в виде елочного узора. Дно украшалось взаимопересекающимися в центре параллельными врезными линиями, дополненными в ряде случаев насечками в елочный узор. При переходе к стенке линии ограничивают горизонтальные пояски, взаимопересекающиеся насечки и зигзаги, выполненные в такой же манере, что и на верхней части тулова (табл. XV; XVI, 1—5). Некоторые сосуды отмечены тамгами (табл. XVI, 1, 3).

По форме тулова сосуды делятся на два основных варианта — А и Б.

Вариант А. Отнесенные сюда сосуды условно можно назвать кувшино-

⁵⁴ Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, с. 42.

⁵⁵ Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир, с. 47; он же. Южный Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 267—269.

⁵⁶ Там же, с. 45—46.

образными на том основании, что наибольший диаметр тулова приходится к придонной части, а горло более высокое, узкое и воронкообразно расширяется вверх (табл. XV). Вариант Б. Горло сравнительно шире, а тулово округлое с наибольшим диаметром в средней части (табл. XVI, 1—5).

Тип 19. Один из характерных признаков — округлость тулова и дна и отсутствие на последнем орнамента. Горло высокое,верху слабо отогнутое наружу, в орнаменте горизонтальные пояски и взаимопересекающиеся линии сочетаются с косыми линиями зубчатого штампа или отпечатками овально-лунницевидного штампа. Как правило, первый узор (горизонтальные пояски) встречается в различном сочетании с остальными тремя (табл. XVI, 6; XVII, 1). Лунницевидный штамп накладывался так, чтобы опущенные концы каждого отпечатка были направлены в противоположную сторону: либо вниз, либо вверх по отношению к предыдущему. На отдельных сосудах имеются крестообразные тамги (табл. XVII, 13, 14). Выделяются три варианта формы тулова: А — округлые с округлым дном (табл. XVII, 1—4, 7—10); Б — полуяйцевидные с острым дном (табл. XVI, 6; XVII, 5, 6) и В — грушевидно-вытянутые с наибольшим расширением в нижней части (табл. XVII, 11—15).

Тип 20. Очень близок к предыдущему, но отличается от него более широким, прямым горлом; тулово вытянутое, полуяйцевидное, с острым дном (табл. XVIII, 1—7). В орнаменте преобладает сочетание горизонтальных поясков с отпечатками овального штампа.

Тип 21. Объединяющими элементами этого типа являются плоскодонность тулова и орнамент, близко повторяющий орнамент сосудов предыдущего типа. Один из трех сосудов имеет более вытянутое тулово и широкое горло (табл. XVIII, 8). Он выделяется также тщательностью изготовления, тонкостенностью и наличием орнамента на дне, что особенно характерно для типа 18. Остальные два сосуда имеют раздутые тулова (табл. XVIII, 9, 10), а по форме горла напоминают сосуды типа 19.

Из разрушенных погребений происходят обломки около 10 сосудов, форму которых очень трудно восстановить. Все их мы условно относим к типу 19 (табл. XVI, 7—15).

Большинство описанных сосудов происходит из Манякского, а затем Бирского могильников. Они представлены также в Кушнарниковском, Бахмутинском, Шареевском, Старо-Янзигитовском могильниках, Сынташевских, Лагереvских, Ново-Турбаслинских, Красногорских, Ново-Бикинском, Булгарском курганах, Уфимских погребениях. Во всех указанных памятниках, кроме Бирска, сосуды встречены в комплексах примерно с одинаковым составом инвентаря, свойственного для рубежа периодов А и Б. Очевидно, его хронологические рамки являются основным временем существования типов 18—21. Для обоснования нижней даты в пределах периода А наряду со сравнительным материалом можно привлечь и данные планографии Бирского могильника: отмеченные комплексы там занимают самую позднюю часть территории памятника.

Можно высказать предположение, что не все типы и варианты синхронны между собой и некоторые могли существовать и позже. На такую мысль наводят, в частности, лагереvские экземпляры с грушевидным ту-

ловом (тип 19 В), что весьма характерно для самых поздних вариантов кушнаренковской керамики в целом.

Интересно отметить, что коррелирование взаимовстречаемости типов сосудов с типами могил особой закономерности не выявляет. Так, например, в Бирском могильнике найдены сосуды всех четырех типов; то же самое можно сказать и о Манякском могильнике, хотя в нем численно преобладает тип 18. В Бирском могильнике, кроме того, кушнаренковские сосуды обнаружены как в простых могилах, так и в могилах с подбоями (5 случаев), а в остальных — в обычных могилах (тип II). В Шареевском могильнике сосуд лежал в могиле IV типа, в других памятниках — в могилах II типа. Отсюда видно, что выделенные выше типы не несут на себе явно видимые оттенки этнического порядка. Но несомненно одно (как показывает картографирование всех известных местонахождений) (рис. 11): кушнаренковские сосуды территориально распространены значительно шире, чем бахмутинские и турбаслинские, вместе взятые, и занимают почти весь Южный Урал. Тот факт, что в Центральной и Северной Башкирии, помимо случаев обнаружения в могильниках бахмутинских и турбаслинских племен, сосуды эти встречаются в памятниках другого круга (Манякский могильник, Ново-Биккинский, Сынташевские курганы и др.) и им находятся параллели в Южной Башкирии (Красногорские курганы), как будто убедительно говорит о самостоятельном их происхождении.

Тип 22. Сюда относятся сосуды с более низким прямым, широким горлом и характерным приземистым реповидным туловом. Другой важный признак — сравнительно редкий и небрежно выполненный орнамент. В нем полностью отсутствует овальный штамп, не всегда имеется узор из взаимопересекающихся коротких линий, но зато горизонтальные линии сочетаются с зонами косых насечек мелкозубчатого штампа, ногтевидных вдавлений, зигзагов (табл. XIX, XX). По тщательности обработки также уступают сосудам первых четырех типов. В целом на сосудах хорошо видно вырождение характерной для ранней кушнаренковской традиции — изящества орнамента и формовки.

По особенностям формы и некоторым деталям тип распадается на несколько вариантов. Вариант А включает сосуды с шаровидно-округлым или грушевидно-вытянутым туловом с наибольшим диаметром в нижней части (табл. XIX, 1—9). На некоторых сосудах имеются крестовидные тамги (табл. XIX, 3, 9). Орнамент в основном состоит из сочетания горизонтальных поясков с отпечатками мелкозубчатого гладкого штампа в косые и елочные узоры. Отметим, что данный орнаментальный мотив считается одной из особенностей кара-якуповской керамики, описание которой дается ниже. По форме и орнаменту этот тип очень близок к типу 19, и некоторые включенные сюда сосуды можно даже рассматривать переходными (табл. XVII, 11—14). Представлен в Манякском могильнике, Лагереvских и Старо-Халиловских курганах в составе комплексов, датируемых периодами Б (конец) и В—Д.

Вариант Б численно преобладает. Это небольшие сосуды с реповидным туловом (табл. XX, 1—14). В орнаменте превалируют гладкие линии горизонтальных поясков, зигзагов, а также ногтевидные вдавления.

К данному же варианту условно отнесены сосуды, представленные мелкими фрагментами (табл. XIX, 10—19). Больше всего таких сосудов найдено в Хусаиновских, I и II Бекешевских курганах, но есть они также в Манякском, Стерлитамакском могильниках и Каранаевских курганах. Основное время бытования, судя по материалам первых трех памятников, — период В. Очевидно, Каранаевские экземпляры в данной серии являются самыми поздними и датируются не раньше XI—XII вв. Следует отметить, что близкие аналогии к данному варианту имеются в Танкеевском могильнике в Среднем Поволжье, и происхождение их Е. П. Казаков обоснованно связывает с Южным Уралом⁵⁷.

Вариант В. От предыдущего отличается только плоским дном (табл. XX, 15). Найден в I Бекешевском кургане и датируется периодом В.

Кушнарниковская керамика с поселений ввиду своей фрагментарности не поддается четкому статистическому расчленению по типам. Исключением являются лишь сосуды типов 18, 20, 21, которые благодаря специфическому орнаменту резко выделяются от остальных. Судя по крупным обломкам горла и доньев, среди материалов поселений примерно одинаково представлены сосуды всех первых пяти типов, хотя на первый взгляд кажется, что сосуды типов 18, 19, численно преобладают (табл. XXI, 1—4, 11—15, 17—19). На эту мысль наводят часто встречающиеся в поселениях обломки доньев, которые в целом характерны только для них (табл. XXI, 15).

Данные распределения поселенческой керамики на типы нами показаны в табл. Б:

Таблица Б

Памятник	Всего	Тип 18	Тип 19	Тип 20
Старо-Калмашевское	56	42	14	—
Городище Уфа II	31	4	—	27
Ново-Турбаслинское селище	18	16	2	—
Бирское городище	10	1	—	9
II Романовское селище	9	—	6	3
Кушнарниковское селище	—	Есть	Есть	Есть
Турбаслинское городище	4	—	4	—
Имендашевское городище	—	—	—	Есть

В ней типы указаны лишь для тех сосудов, когда определение их не вызвало сомнения. В остальных случаях они включены в общий учет, что также представляет определенный интерес в плане выяснения степени распространенности этой керамики на поселениях.

Важным специфическим признаком кушнарниковской группы керамики наряду с формой является ее богатый орнамент, сплошь покрываю-

⁵⁷ Казаков Е. П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии. — АЭБ, Уфа, 1974, т. IV, с. 127—128, табл. I—II.

щий всю верхнюю часть тулова почти до уровня наибольшего диаметра, а у некоторых сосудов даже и дно, и придонную часть. Орнамент состоит из комбинации определенных узоров, обеспечивающих ему достаточную выразительность и декоративность. Повторение узоров на сосудах происходит, за исключением некоторых отклонений, в строгой последовательности, и в этом смысле данный орнаментальный мотив носит устойчивый, т. е. законченный, характер. Собранные материалы позволяют высказать мысль, что данная группа керамики явилась одним из характерных элементов материальной культуры, а ее орнамент, пожалуй, наиболее распространенным мотивом в декоративном искусстве племен средневекового Южного Урала.

Постоянным элементом орнамента на всех сосудах является узор в виде прочерченных горизонтальных поясков почти исключительно гладкого штампа. Пояски располагаются вплотную друг к другу и через определенное число прерываются другими узорами и так много раз повторяется вновь (от 1 и до 10). Интересно, что очень часто они прерываются через каждые 4—7 линий; есть ли в этом какая-нибудь закономерность (смысловая связь), сказать пока трудно. Линии нанесены острым концом твердого предмета, иногда они прерываются или раздваиваются, но это при большой частоте линий почти незаметно.

Другими, также почти постоянными элементами орнамента являются короткие крестообразно пересекающиеся насечки гладкого штампа и косые линии мелкозубчатого штампа, которыми перемежаются зоны горизонтальных поясков. Последние два элемента встречаются на сосудах очень редко и, как правило, отдельно, что, видимо, связано с какими-то локальными или этническими (племенными) особенностями населения. Сочетание крестообразных насечек с поясками чаще всего характерно для сосудов типа 18, которые отличаются от остальных наиболее пышным орнаментом. На примере сосудов типа 18 можно полно представить характер орнаментации доньев кушнаренковских сосудов. Орнамент на дне состоит из нескольких (одинарных, спаренных, тройных, иногда до восьми) гладких и пересекающихся в центре линий, ограниченных по краю дна одним — тремя кругами из прочерченных линий или мелких точечных наколов (табл. XV, XVI, 1—5). Внутри кругов дно дополнительно украшается еще сложным узором (табл. XV). На многих сосудах в придонной части можно увидеть наращивание орнамента по такому же образцу, что и вокруг горла и на плечиках: комбинации горизонтальных поясков, крестообразных насечек, треугольников-зигзагов и «деревцев» (табл. XVI, 1, 3).

Таким образом, некоторое своеобразие сосудов 18 и отчасти 21 типов (форма, орнамент) налицо. Как видно из изложенного выше, эти сосуды являются наиболее ранними (период Б) и обнаружены в памятниках, территориально занимающих центральное и нижнее течение р. Белой. Если принять во внимание неместное происхождение всей кушнаренковской группы керамики, о чем речь пойдет ниже, то приведенный факт наводит на мысль, что сосуды типов 18—21 как будто представляют самый ранний период бытования этой керамики в Западном Приуралье, в ее так называемом классическом (наиболее развитом) виде. На сосудах

более поздних веков этот оригинальный орнамент, хотя и сохраняется, но в его исполнении, да и в форме, заметна небрежность, что, видимо, связано с уменьшением роли керамики вообще и заменой ее деревянной или металлической посудой как в быту, так и в погребальных обрядах.

Следует все-таки подчеркнуть некоторые черты поздних сосудов. Судя по материалам Хусаиновских, Бекешевских, Стерлитамакских, Старо-Халиловских и Лагереvских курганов, в IX—XI вв. на смену кувшинообразным вытянутым формам приходят невысокие сосуды с прямым горлом и грушевидным приземистым туловом (табл. XIX, XX). Орнамент на них беден и состоит лишь из одного или двух повторений зон горизонтальных поясков с крестообразными и зигзагообразными насечками. Отмеченный признак в какой-то мере можно рассматривать как хронологический в дальнейшем развитии кушнарeнковской керамики. Видимо, поздним элементом также являются зоны треугольников, образованные зигзагами в нижнем ряду орнаментальной зоны, которые заполнены прочерченными линиями (табл. XX, 12). Прослеженную эволюцию форм и орнамента подтверждают также материалы Танкеевского могильника X—XI вв., где найдена группа сосудов Кушнарeнковской группы с типично поздними чертами. Автор публикации справедливо связывает происхождение этих сосудов с племенами Западного Приуралья.

Сочетание косых насечек мелкозубчатого штампа с горизонтальными поясками численно превалирует на сосудах из лагереvских курганов (табл. XVII, 12, XIX, 3—9), но оно встречается и на сосудах из Манякского могильника (табл. XVII, 5, 6) и других одновременных памятников. Большинство сосудов с таким орнаментом хронологически относится к IX—XI вв. и имеют округлые тулова с округлым дном. В связи с такой особенностью большинства манякских сосудов также следует отметить, что на некоторых из них встречаются узоры из косых насечек гладкого штампа, елочки в один — два ряда. На отмеченных деталях орнамента кушнарeнковских сосудов здесь мы останавливались потому, что короткие насечки из гладкого и мелкозубчатого штампа, елочки, взятые в отдельности, в общей статистике наиболее характерны для кара-якуповской керамики, анализируемой в следующем разделе. Учитывая это, наличие их на кушнарeнковских сосудах можно объяснить как влияние кара-якуповской традиции.

В орнаменте кушнарeнковских сосудов еще можно увидеть, правда, редко, мелкоточечные, ногтевидно-полукруглые круглоямочные наколы, зигзаги мелкозубчатого штампа, полуовальные гирлянды (табл. XVII, 6, 7; XIX, 2, 5; XX, 3, 4, 6, 11—13) и др. Такие незначительные отклонения свойственны в целом для сосудов IX—XI и более поздних веков.

Некоторым отклонением от общего стиля орнаментации служит большинство сосудов кушнарeнковской группы на Старо-Калмашевском городище, представленных фрагментами горла и стенок, кроме одного осколка от дна с орнаментом (табл. XXII, 1—17). На 12 сосудах из этого общего количества орнамент состоит из комбинации главным образом горизонтальных поясков и крестообразных насечек (табл. XXII, 2—3), и поэтому отнесение их к числу кушнарeнковских (тип 18) не может вы-

звать ни у кого сомнений. Тем более что, судя по крупным фрагментам, они отличаются тщательностью обработки, высоким, прямым или воронкообразным горлом и туловом, как будто расширенным в нижней части и плоским дном.

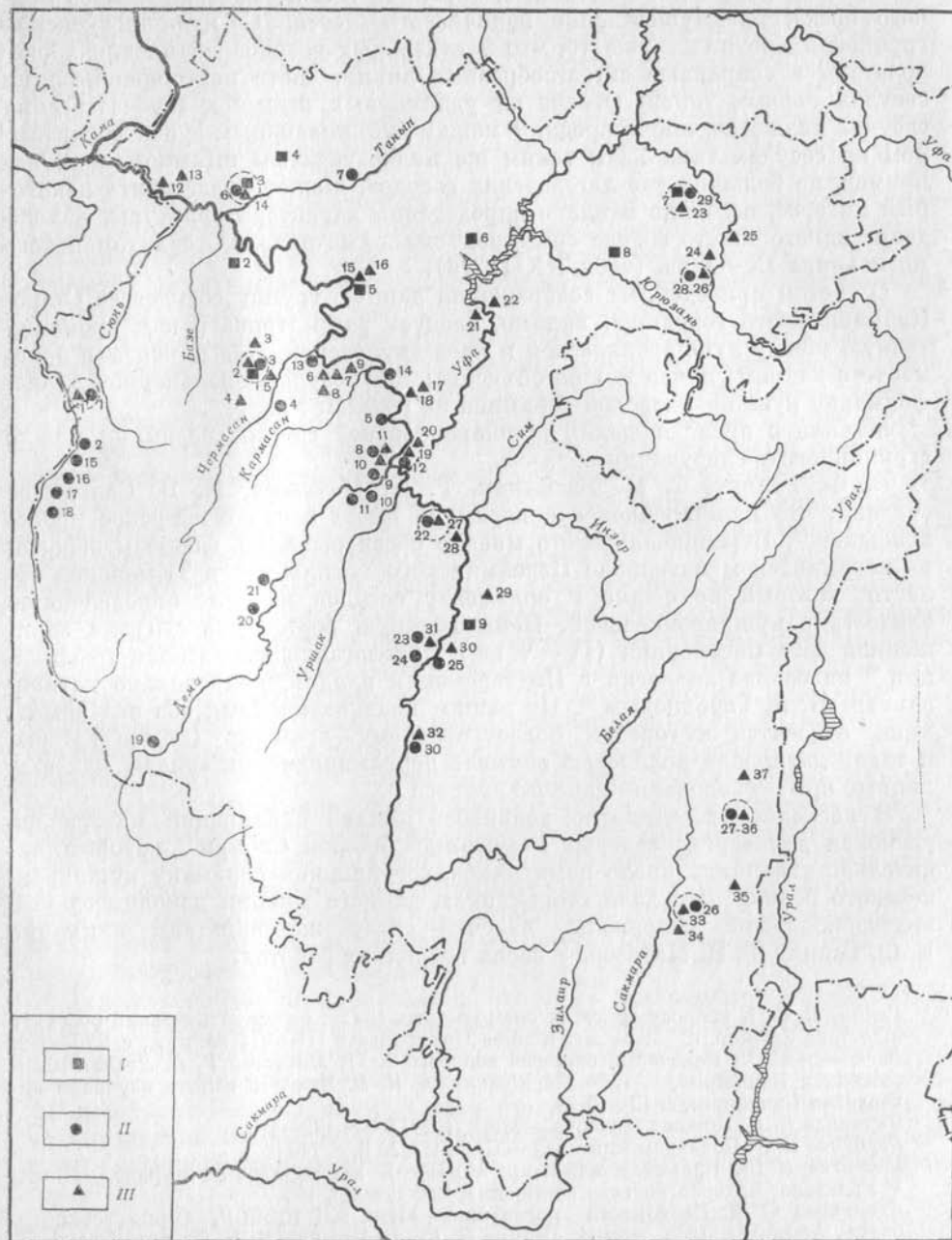
Что касается остальных 42 сосудов, то отнесение их к кушнаренковской группе условное, так как их орнаментация несколько необычная. На них отсутствуют перекрещивающиеся насечки (табл. XXII, 1, 4—17), но зато широко использованы косые насечки, елочки гладкого или удлиненного зубчатого штампов, ямочные наколы.

Эти новые элементы сближают данную серию сосудов с кара-якуповской керамикой, но сама манера их исполнения — сплошное покрытие всего горла и плечиков почти до уровня наибольшего диаметра — характерна исключительно для кушнаренковской. Да и по форме сосуды ничем не отличаются от основных маянских. Крупные фрагменты позволяют представить форму сосудов с высоким, иногда воронкообразным горлом

Рис. 11

Карта памятников с керамикой со шнуровым орнаментом, кушнаренковской и кара-якуповской групп

1 — памятники со шнуровой керамикой	15 — Сасынкульское селище;	12 — Старо-Янзигитовский могильник;
1 — Старо-Калмашевское городище;	16 — Ново-Сарлинское селище;	13 — Бачки-тауский могильник;
2 — Маянский могильник;	17 — Какры-башевское селище;	14 — Маянский могильник;
3 — Кушудевский могильник;	18 — Зайтовское селище;	15 — Бирский могильник;
4 — Бакальский курган;	19 — Туксанбаевское селище;	16 — Бирское городище;
5 — Бирское городище;	20 — Ильчигуловское селище;	17 — Ново-Турбаслинские курганы;
6 — Мрясимовские курганы;	21 — Давлекановское селище;	18 — II Ново-Турбаслинское селище;
7 — Каранаевские курганы;	22 — I Ибрагимовское селище;	19 — II Уфимское городище;
8 — Идельбаевские курганы;	23 — Стерлитамакский могильник;	20 — III Уфимское городище;
9 — Бурлицкие курганы	24 — Михайловские находки;	21 — Бахмутинский могильник;
II — памятники кара-якуповского типа	25 — Юрактауское селище;	22 — Чапдарское городище;
1 — II Куштерьякское селище;	26 — I Бекешевские курганы;	23 — Каранаевские курганы;
2 — Тукман-Каранское селище;	27 — Мысовское селище;	24 — Старо-Халиловские курганы;
3 — Старо-Калмашевское городище;	28 — Лагерева курганы;	25 — Турналинское городище;
4 — Чатринское селище;	29 — Каранаевский курганы	26 — Лагерева курганы;
5 — Кумлегульское селище;	III — памятники с керамикой кушнаренковского типа	27 — I Ибрагимовское селище;
6 — Маянский могильник;	1 — II Куштерьякское селище;	28 — Шаревский могильник;
7 — Юмакаевское селище;	2 — Старо-Калмашевское городище;	29 — Имендашевское городище;
8 — VIII Романовское селище;	3 — Булгарский курган;	30 — Ишимбайский могильник;
9 — Черноозерское селище;	4 — Ново-Виктинский курган;	31 — Стерлитамакский могильник;
10 — Таптыковское городище;	5 — Сынтыш-Тамакские курганы;	32 — II Красногорские курганы;
11 — Кара-якуповское городище;	6 — Кушнаренковский могильник;	33 — I Бекешевские курганы;
12 — II Уфимское городище;	7 — Кушнаренковское селище;	34 — II Бекешевские курганы;
13 — Кушнаренковское городище;	8 — II Ахметовское селище;	35 — Хусановские курганы;
14 — Дуванейское селище;	9 — Кувыковское городище;	36 — Мысовское селище;
	10 — II Романовское городище;	37 — Муракаевские курганы
	11 — VIII Романовское селище;	

и расширяющимся к придонной части туловом (табл. XXII, 4). Сосуды тщательной работы, тонкостенные, хорошего обжига содержат смесь мелкого песка, преимущественно коричневого цвета. С кушнаренковской группой их роднит также то, что у отдельных сосудов на плечиках располагаются спаренные зигзагообразные линии, часто повторяющиеся на сосудах первых типов. Отпечатки удлиненных штампов (зубчатый) на сосудах являются чем-то средним между лунницевидным зубчатым штампом на сосудах типа 22 и таким же мелкозубчатым штампом, как, например, на большинстве лагереvских сосудов. Может представить некоторый интерес, особенно в плане определения характера культуры, нахождение одного такого сосуда среди подъемного материала Стерлитамакского могильника IX—X вв. (табл. XXIII, 14).

С учетом приведенных соображений данную группу сосудов со Старо-Калмашевского городища, видимо, следует рассматривать как промежуточную между кушнаренковской и кара-якуповской. Новые черты в орнаменте в данном случае можно объяснить как результат дальнейшей трансформации кушнаренковской керамики на Южном Урале.

Мнения о происхождении кушнаренковской группы керамики можно сгруппировать следующим образом.

В. Ф. Генинг, С. М. Васюткин, Г. И. Матвеева, К. В. Сальников считают, что кушнаренковская керамика имеет западносибирское происхождение⁵⁸. Первоначально это мнение обосновывалось главным образом на керамическом материале Перейминского могильника в Тюменской области, который по форме и орнаменту сосудов находит определенную близость с кушнаренковской. Немаловажную роль здесь сыграла заниженная дата могильника (IV—V вв.), предлагавшаяся автором публикации⁵⁹ на основе аналогии с Подчеремским кладом, неправильно датированным В. А. Городцовым⁶⁰. По нашим предположениям, оба эти памятника относятся к гораздо более позднему времени (позже VII в.), и такая датировка полностью снимает перейминские материалы как эталонные при исследовании данного вопроса⁶¹.

В последнее десятилетие появилось немало публикаций материалов раскопок раннесредневековых памятников Южной Сибири⁶², которые значительно увеличили число памятников, содержащих керамику кушнаренковского облика. Это дало сторонникам данного мнения дополнительные подтверждающие материалы, на что сразу же обратили внимание В. Ф. Генинг, Г. И. Матвеева в своих последних работах.

⁵⁸ Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе, с. 126; *он же*. Этнический субстрат в составе башкир, с. 53; *он же*. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 270—272; Васюткин С. М. Некоторые спорные вопросы, с. 71; Матвеева Г. И. Лесная и лесостепная Башкирия, с. 133—134; Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, с. 12—13.

⁵⁹ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье. — МИА, 1957, 58, с. 172—173.

⁶⁰ Городцов В. А. Подчеремский клад. — СА, 1937, № 2, с. 140.

⁶¹ Мажитов Н. А. Керамика памятников VIII—X вв. на Южном Урале. — В кн.: V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967.

⁶² Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — «Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук», Алма-Ата, 1963, вып. 4; Генинг В. Ф., Евдокимов Е. В. Логинское городище. — ВАУ, Свердловск, 1969, вып. 8, табл. 56, 59.

Несколько иное мнение в свое время было высказано автором монографии. Суть его заключается в том, что в качестве древнейших прототипов кушнаренковской керамики предлагалось рассматривать определенную группу сосудов из курганов ранних кочевников Южного Урала, украшенных по верхней части тулова поясками и взаимно пересекающимися насечками⁶³. Наличие большого хронологического разрыва между сопоставляемыми керамическими комплексами делало особо уязвимым данное мнение.

В настоящее время никаких доказательств в пользу местного южно-уральского происхождения кушнаренковской керамики нет. Накопление археологического материала последних десяти и более лет и, главное, открытие памятников первых веков нашей эры пока не обнаружили керамических комплексов, которые можно было бы считать ближайшим прототипом описанной выше керамики. Керамика Южного Урала начала нашей эры в основном сохранила древние черты, оставаясь сравнительно грубой, неорнаментированной. Древние прототипы не выявлены также в памятниках Поволжья и районов Приаралья, керамика которого носит ярковыраженный среднеазиатский характер. В то же время самые массовые близкие аналогии кушнаренковской керамики мы находим в районах Южной Сибири, и в этом смысле точку зрения о южносибирском происхождении следует признать самой правильной. Но и она может быть принята при определенных уточнениях.

Близость сравниваемой керамики западносибирских памятников с кушнаренковской несомненна. Она ясно прослеживается в орнаментации, где постоянным элементом являются прочерченные горизонтальные пояски вокруг горла, косые насечки мелкозубчатого штампа. Сходство на этом, собственно, исчерпывается, уступая особенностям в каждом из комплексов в остальном. Керамика кушнаренковского облика с Логиновского городища, например, более грубая, в ней нет кувшинообразных форм, что особенно характерно для ранних типов Южного Урала. Важно отметить, что материал памятника однообразен, и в нем почти единственной датирующей вещью является бронзовый браслет, который справедливо отнесен к VII—VIII вв.⁶⁴ На наш взгляд, это является самой возможной ранней датой городища. Это своеобразие заставляет рассматривать керамику Логиновского городища как самостоятельный и в лучшем случае синхронный комплекс, но имевший с приуральской керамикой (кушнаренковской) общее происхождение.

Таким образом, предполагается, что сама эта керамика на Логиновском городище и подобных ему памятниках Нижнего Приобья могла быть привнесенной со стороны. Если это так, то общность между кушнаренковской и логиновской керамикой могла образоваться где-то южнее, ближе к степям Казахстана и Алтая, где в VIII—X вв. население, судя по материалам Бобровского могильника на р. Иртыше, продолжало украшать свою редкую керамическую посуду горизонтальными поясками по горлу.

⁶³ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 70—71.

⁶⁴ Генинг В. Ф., Евдокимов Е. В. Логиновское городище, с. 117, табл. 53, 2.

По грубости выполнения и форме сосуда этого памятника резко отличаются от приуральских. В плане поисков наиболее древних прототипов керамики с кушнаренковским орнаментом всех трех указанных районов большой интерес представляют опубликованные М. П. Грязновым фрагменты тонкостенной керамики из Бийского городища на Алтае, украшенные горизонтальными поясами, перекрещивающимися линиями, треугольными наколами⁶⁵.

Из краткого сравнительного анализа материала можно сделать вывод, что керамика раннесредневековых памятников Сибири и Алтая имела ряд общих черт с кушнаренковской керамикой Южного Урала, объяснимых лишь при общности происхождения кушнаренковской и нижеобской (логиновской, перейминской) керамики из районов Южной Сибири и Алтая. Высказаться более определенно о первоначальной территории формирования этой керамики пока мы лишены возможности из-за недостаточной археологической изученности интересующей нас территории.

В плане постановки вопроса хотелось бы отметить некоторые общие моменты кушнаренковской керамики с восточной и среднеазиатской торевтикой. Чрезмерная тонкостенность и тщательность обработки поверхности, орнаментация и форма сосудов заставляют думать, что они изготовлялись в подражание металлическим кувшинообразным сосудам. В этом отношении интересен серебряный кубок из Стерлитамакского могильника, дно которого украшено лепестками и кругами наподобие сосудов типов 18 и 21 кушнаренковской группы. Упомянутый единственный пример важен тем, что он указывает на широкое бытование у населения Южного Урала металлической посуды подобного образца.

Кара-якуповская группа керамики

Понятие кара-якуповский тип впервые в литературу было введено Г. И. Матвеевой по названию городища на р. Дема, где в результате небольших раскопок была собрана коллекция керамики, характерная для целой группы однослойных памятников второй половины I тысячелетия н. э.⁶⁶ Свою работу Г. И. Матвеева снабдила картой, на которой было нанесено 16 местонахождений кара-якуповской керамики⁶⁷. В настоящее время число таких памятников почти удвоилось (рис. 11). Основная масса кара-якуповской керамики известна по материалам поселений, среди которых лучше изученными являются Старо-Калмашевское и Кара-Якуповское городища. В могильниках таких сосудов пока встречено очень мало, но в плане уточнения общей хронологии и связи поселений с могильниками они приобретают важное значение.

Таким образом, керамика поселений и могильников имеет некоторое своеобразие, поэтому типология ее ниже дается отдельно. Анализ начи-

⁶⁵ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48, с. 85—86, рис. 16.

⁶⁶ Матвеева Г. И. Памятники I тысячелетия н. э. левобережья р. Белой.— АЭБ, Уфа, 1968, т. III, с. 120.

⁶⁷ Там же, с. 114, рис. 1.

наем с материала могильников, так как именно там представлены целые экземпляры сосудов, что важно для суждения об особенностях данной серии. Отметим, что все сосуды круглодонные.

Тип 23. Широкогорлые сосуды с шаровидным туловом (табл. XXIII, 1—5, 8, 11—13; XXIV, 10), иногда более вытянутых пропорций (табл. XXIII, 6). По сравнению с кушнаренковскими сосуды данного типа и группы в целом выполнены более грубо, редко применялось сглаживание, толщина стенок средняя, хотя есть и тонкостенные, и лучшей формовки. Орнамент беден и состоит из отпечатков мелкозубчатого штампа, образующих ряды коротких косых линий. Взаимопересекающиеся короткие линии (крестики) применялись очень редко (табл. XXIII, 9), у некоторых сосудов орнаментировалось также и дно (табл. XXIII, 5). В примеси к глине — мелкий песок, цвет — темно-коричневый, местами с красноватыми оттенками. Встречен в Маняском (7 экз.), Стерлитамакском (3 экз.) могильниках, II Бекешевских (1 экз.), Хусаиновских (1 экз.), Каранаевских (1 экз.) курганах. Судя по публикации, аналогичные сосуды были найдены также в Шареевском могильнике.

Комплексы бедны инвентарем, поэтому трудно говорить о более узкой дате их бытования. Вероятная дата — рубеж I и II тысячелетий (IX—XI вв.)⁶⁸.

Тип 24. По форме сосуды мало отличаются от предыдущего типа: здесь чаще приземистые тулова (табл. XXIV, 1—7), у некоторых наблюдается сужение горла в верхней части (табл. XXIV, 2). Характерный признак данного типа: наличие в орнаменте «жемчужин» — выпуклостей в виде полугорошин, которые образовались путем вдавливания концом палочки со стороны противоположной стенки. На многих сосудах «жемчужины» сочетаются с елочкой, рядами коротких косых насечек мелкозубчатого штампа (табл. XXIV, 1—3), иногда короткие насечки образуют горизонтальные линии наподобие лестниц (табл. XXIV, 5). Уверенно датируется периодами В — Д. Некоторые сосуды отмечены тамгами (табл. XXIV, 5).

Тип 25 представлен одним сосудом. У него широкое сужающееся кверху горло и низкое приземистое тулово (табл. XXIV, 8). По форме обнаруживает большую близость с некоторыми сосудами предыдущего типа (табл. XXIV, 2), но не имеет «жемчужин» и украшен мелкозубчатым штампом в елочный узор. Найден в одном из богатых комплексов, датируемом IX—X вв.

Тип 26. Сосуды маленьких размеров, по форме напоминающие типы 23 и 24. Выделяются два основных варианта. К варианту А отнесены сосуды с относительно узким, в большинстве случаев отогнутым наружу горлом (табл. XXV, 1—4). У сосудов варианта Б горло широкое, имеет заметную отогнутость наружу, что придает некоторым экземплярам форму маленьких чаш (табл. XXV, 6—11). В орнаментации почти повторяются те же самые узоры, что на типе 23. Основное время бытования, судя по сопровождающему материалу — IX—XI вв.

⁶⁸ Марсеева Т. И. Шареевский могильник. — В кн.: Из истории Башкирии. Уфа, 1968, с. 13, 14, рис. 19.

Тип 27. Сюда объединены сосуды без орнамента. По форме они являются вариантом предыдущего типа. Как и последний, этот тип отличается грубая обработка, в примеси к глине — песок, черепки плотные и в изломе темного цвета (табл. XXV, 5, 12—17). Вокруг горла двух сосудов имеются сквозные отверстия для подвешивания (табл. XXV, 5, 14). Представлен в памятниках периодов Г и Д (X—XIII вв.).

Тип 28. Рассмотрение данного типа в кара-якуповской группе довольно условное. Это — открытые чаши с округлым дном, по форме горла группирующиеся в два варианта. К первому из них отнесены чаши с суживающимся горлом (табл. XXVI, 1—5), у второго варианта оно широко открыто и четко не выражено (табл. XXVI, 6, 7, 17). Установить точное время бытования затруднительно: найден в памятниках периодов Г — З (X—XIV вв.).

Следует отметить, что все сосуды 23—28 типов найдены в могилах II типа. Исключение составляет лишь один сосуд из Лагерева кургана 27, где он находился в наземном захоронении (могила 2).

Характеристика поселенческой керамики ниже дается на материалах Старо-Калмашевского городища, наиболее хорошо изученного из числа подобных. По своему характеру это городище идентично ряду других памятников с аналогичной керамикой (Кара-Якуповское городище, селище Юрак-Тау и др.), поэтому наблюдения о типологическом составе, сделанные на статистическом анализе керамики, без особых изменений повторяются и на материале последних. Единичные фрагменты известны на селище Романовка II (табл. XXI, 20—23).

Кстати, с поселений известен ряд датирующих вещей, которые подтверждают тезис об их синхронности с могильниками. Например, Г. И. Матвеевой опубликованы бронзовая пряжка с геральдическим щитком⁶⁹, относящаяся к категории распространенных находок хронологической группы В. С Кара-Якуповского городища происходят железная пряжка трапецевидной формы и бронзовая накладка с вырезом⁷⁰. Диапазон времени существования первой из них очень широк, по численности они преобладают в памятниках X—XII вв., а вторая может быть сопоставлена с накладками из Неволинского могильника, где они встречаются в массовом количестве.

Среди собранного на городище материала удалось выделить 353 сосуда⁷¹. Для всей коллекции характерным является то, что сосуды вылеплены из хорошо отмученной глины с примесью песка, редко с включением мелких камешков. Черепки плотны в изломе, коричневатого цвета. Исключение составляют только три сосуда, два из которых в глине содержали раковину, а один — слюду. Сосуды тонкостенны: толщина стен колеблется в пределах 2—6 мм, но преобладают стенки толщиной 3—4 мм. Наружная поверхность большинства сосудов сглаживалась водой, внутренняя поверхность везде обработана твердым предметом, похожим

⁶⁹ Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье. — В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья, вып. V. Куйбышев, 1975, с. 20, рис. 5, 9.

⁷⁰ Там же, с. 21, рис. 6.

⁷¹ Сюда же входят 46 сосудов кушнарниковского типа, рассмотренные выше.

на зубчатый штамп. По форме горла и плечиков принципиальной разницы нет, поэтому можно уверенно говорить о стандартной форме — невысоких круглодонных сосудах с широким невысоким горлом и приземистым туловом. Диаметр горла в среднем 15—20 см. По всем этим признакам сосуды из поселений сходны с сосудами из могильников. Отсюда можно говорить, что соотношение диаметра горла к общей высоте составляло около 1 : 1 или 1 : 1,5. Учитывая особенности поселенческой керамики, целесообразно выделить новые типы.

Тип 29. Господствующий тип представлен 46 сосудами, что составляет 20,4% от общей массы керамики памятника⁷². Всех объединяет общий признак: горло невысокое, прямое (2—4 см) с заметно раздутым на плечиках округлым туловом. Венчики, как правило, прямо срезаны, хотя изредка встречаются закругленные, скошенные внутрь или наружу (табл. XXII, 19—24; XXVII, 20, 22).

Тип 30. От предыдущего отличаются лишь отогнутостью верхней части горла наружу (табл. XX, 18, 25—36; XXVII, 1—8). Венчики закруглены или скошены вниз, переход от горла к стенкам плавный. Выделено 69 сосудов (31,3%).

Следует отметить, что на городище единичными экземплярами представлены типы 25 и 26, выделенные для могильников.

Тип 31. Данный тип является исключением для всей кара-якуповской группы керамики, немногочислен (5 экз.) и встречен только на городище Уфа II и Имендзяшевском. Сосуды грубой работы, толстостенные, имеют невысокое, слабо выраженное горло, украшенное лишь рядами «жемчужин» (табл. XXI, 5—7). Они темного цвета, в глине содержат примесь крупно-толченой дресвы. По фактуре эти сосуды идентичны с сосудами типов 6—7 (турбаслинская группа), составляющими основное содержание верхних культурных отложений данного памятника. Ряд «жемчужин» на указанных сосудах, вероятно, говорит о заимствовании традиционной кара-якуповской орнаментики племенами — обитателями городища.

Кара-якуповские сосуды от других легко отличить благодаря своеобразному орнаменту, важные элементы которого почти полностью отсутствуют на остальных. Орнамент всегда располагается по шейке и верхней части плечиков и состоит из различной комбинации более 20 элементов: крестиков, ямочных, погтевидных, удлиненных вдавлений, мелкозубчатого штампа овальной формы, горизонтальных поясков и других основные из которых почти полностью отсутствуют у иных групп керамики.

Наиболее характерными элементами орнамента являются так называемые «жемчужины». Они располагаются в один и очень редко в два горизонтальных ряда. Число сосудов с «жемчужиной» по наружной и внутренней поверхности горла на Старо-Калмашевском городище примерно одинаковое (соответственно оно равно 26 и 25), и поэтому расположение «жемчужин» на поверхности, видимо, не имело принципиального смыслового значения. Часто по горлу ряды «жемчужин» сочетаются с рядами ямочных наколов — «жемчужинами» с противоположной

⁷² Процентное соотношение типов берется из числа 225 — общего количества сосудов, выделенных по фрагментам шеек.

стороны стенок. На Старо-Калмашевском городище такое сочетание встречено на 10 сосудах.

Несмотря на ряд отличительных особенностей, кара-якуповская керамика ближе всех стоит к кушнаренковской группе сосудов. Их роднит тонкостенность, наличие прямого горла, хотя на кушнаренковских оно намного сужено и выше, лощение поверхности, а также некоторые элементы орнамента: крестообразные насечки, горизонтальные пояски. Необходимо еще вспомнить широко распространенные на кушнаренковских сосудах (Манянский могильник, Лагереvские курганы) короткие косые насечки мелкозубчатого штампа, расположенные между горизонтальными поясками. Такие насечки, как видно из анализа, свойственны в основном кара-якуповской керамике. В этом отношении особенно показательна кушнаренковская серия сосудов (46 штук) со Старо-Калмашевского городища, которые можно охарактеризовать как промежуточную между кушнаренковской и кара-якуповской комплексами (табл. XXII, 1, 4—17).

Из сопоставлений видно, что кара-якуповские сосуды украшены узорами, которые являются характерной деталью более богатого и сложного по составу орнамента кушнаренковских. Все это вместе свидетельствует, что обе группы сосудов сосуществовали одновременно и характерные элементы обеих групп тесно переплелись между собой. Такое родство, видимо, трудно объяснить иначе, как принадлежностью их к родственному по происхождению и культуре племенам. К этому выводу, первоначально высказанному нами в предположительном плане⁷³, склонны присоединиться сейчас и другие уральские археологи⁷⁴.

Но тем не менее очевидны самостоятельные истоки формирования кара-якуповской керамики. Обращает на себя внимание такой, например, факт, как отсутствие среди материалов самого кара-якуповского городища сосудов кушнаренковской группы, что в целом неожиданно в плане большого сходства обоих сосудов на Старо-Калмашевском городище и ряде могильников VIII—XI вв. (Манянский и Лагереvские курганы). Если это не является случайностью, то приходится признать, что для населения Кара-Якуповского городища не были знакомы традиции изготовления сосудов кушнаренковской группы и мотивы их орнамента.

В Западном Приуралье керамика кара-якуповского типа появляется неожиданно, т. е., не имея никаких генетических корней, в период Б, что подтверждается материалами из Манянского могильника. Мнения всех археологов, занимавшихся изучением этого вопроса, сходятся в том, что своим происхождением она связывается с районами Южной Сибири, где сейчас выявлена многочисленная группа памятников, содержащая керамику с орнаментом из «жемчужин». Большие основания имела Г. И. Матвеева, сравнивая кара-якуповскую керамику с сосудами из памятников бакальской культуры Зауралья, с которой у нее сходства больше, чем даже с южносибирскими⁷⁵. По-видимому, в Западном При-

⁷³ Мажитов Н. А. Работа в Южной Башкирии. — АО, 1972, с. 218.

⁷⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 270.

⁷⁵ Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье, с. 21.

уралье эта керамика появляется одновременно с кушнаренковской, и данная синхронность в какой-то мере обусловила большую смешанность и взаимопроникновение их элементов.

Керамика со шнуровым орнаментом

Сосуды со шнуровым орнаментом имеют четко очерченную территорию распространения и период бытования. Они встречены в основном в памятниках, расположенных в Северной Башкирии, тяготея, таким образом, к Прикамью, где подобная керамика была традиционной и получила широкое распространение в ломоватовское время и позже (рис. 11). Эти сосуды на Южном Урале в основном происходят из комплексов после X в. Исключением выглядят два сосуда из Манянского могильника, найденные в разрушенных и ничем не датированных могилах. Факт наличия их в данном памятнике, основные погребения которого датируются узким временем — VIII—IX вв., казалось, может говорить об их раннем возрасте, однако здесь приходится учитывать, что все остальные сосуды со шнуровым орнаментом найдены в комплексах после X в.; этим же временем, видимо, следует датировать манякские экземпляры. Данное обстоятельство указанную нами дату основных погребений Манянского могильника (VIII—IX вв.) делает весьма условной (до получения новых, более веских обоснований) и ставит вопрос о возможности отнесения их к более позднему времени.

Сочетание узоров шнурового орнамента и формы сосудов вместе с составом теста из глины позволяет выделить несколько типов.

Тип 32. Высокое, слегка отогнутое кверху горло и низкое округлое тулово с таким же дном. Представлен упомянутыми выше сосудами из Манянского могильника, на которых орнамент располагается горизонтальными поясами вокруг горла (табл. XXVIII, 1, 2). На одном из них шнуровой орнамент сочетается с пояском из крестообразных насечек, что характерно для сосудов манянской (первой) группы. Оба сосуда изготовлены из глины с примесью песка. С Маняскими сосудами типологически объединены также пять сосудов со шнуровым орнаментом из Старо-Калманевского городища, которое, видимо, существовало на рубеже I и II тысячелетий н. э. (IX—XII вв.). Аналогии хорошо представлены в болгарских памятниках в Среднем Поволжье, которые одновременно служат хронологическим эталоном ⁷⁶.

В одном сосуде имеется примесь раковины (табл. XXVIII, 3), а у остальных примесь песка (табл. XXVIII, 4—5). Интересно, что на одном сосуде шнуровой орнамент сочетается с насечками зубчатого штампа — характерным элементом сосудов кара-якуповского типа (табл. XXVIII, 6).

⁷⁶ Матвеева Г. И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке. — В кн.: Самарская Лука в древности. Краеведческие записки, Куйбышев, 1975, вып. III, с. 132, рис. 3, 8, 11, 13—15. Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 98, табл. III.

Сюда же относятся еще 5 сосудов из Каранаевских, Бакальского, Идельбаевского и Мрясимовского курганов, датируемых примерно XI—XII вв. Сосуды имеют почти те же пропорции соотношения диаметра горла к диаметру тулова, что и описанные выше. Орнамент сплошь покрывает горло и верхнюю часть плечиков (табл. XXVIII, 7—10, 22). В орнаменте встречаются треугольные узоры или зигзаги, вертикальные линии, в чем нельзя не усмотреть определенную связь с орнаментом кушнаренковской и кара-якуповской керамики.

Тип 33. Низкие, широкогорлые сосуды, где диаметр горла почти равен диаметру тулова (табл. XXVIII, 11—16, 18—20). Сосуды, изготовленные с примесью либо раковины, либо гальки. Основное время бытования — XI—XIII вв.

Тип 34. Характерный признак: суживающееся кверху горло и наибольший диаметр в средней части тулова (табл. XXVIII, 23). Изготовлен с примесью талька. По форме имеет определенную близость с сосудами типов 31 и 32. Примерное время — XII в.

Тип 35. Раздутый на плечиках круглодонный сосуд с прямым, слегка суживающимся кверху горлом и две небольшие петельки для подвешивания сбоку. Имеет примесь раковины. Орнамент состоит из двух зон горизонтальных поясков шнура, чередующихся с двойными зигзагообразными насечками (табл. XXVIII, 17).

Тип 36. Данный тип занимает промежуточное положение между кара-якуповской и шнуровой группами. Сосуды невысокие, широкогорлые, круглодонные, в примеси к глине имеют раковину или песок. Верхняя половина тулова и горло украшены круглозубчатым штампом или насечками, образующими елочный узор, зигзаги и косые линии (табл. XXVI, 7—16). Встречен в комплексах XI—XIII вв.

Тип 37. Широкогорлый низкий сосуд с примесью талька. Отличительной его особенностью является орнамент в виде ромбиков (табл. XXVIII, 21). Примерное время — XI—XII вв.

Сосуды со шнуровым орнаментом составляют одну из немногочисленных групп из самых поздних средневековых могильников Южного Урала. Если не считать упомянутые находки из Манякского могильника, для которых определение даты затруднительно из-за фрагментарности находок, то они сосредоточены в трех могильниках: Кушулевском, Каранаевском и Идельбаевском. Находки из комплексов очень выразительны и являются характерными для XI—XIII вв. Эта дата приобретает принципиальное значение при поиске аналогий к ним и решении вопроса о происхождении.

Как уже отмечалось, ближайшие аналогии сосудам данной группы в массовом количестве представлены в средневековых памятниках Прикамья и Среднего Урала. В частности, среди опубликованных материалов Неволинского могильника есть много сосудов, которые по всем признакам почти тождественны с сосудами типов 32—36⁷⁷. Кстати, там они, так же как и в южноуральских курганах, встречаются вместе с неболь-

⁷⁷ Erdeli I., Oitozi Э., Gening W. Das Gräber von Nemolino. Budapest, 1969, табл. XII, 1, 2, 10.

шими круглодонными сосудами с открытым или суженным горлом⁷⁸. Примерно аналогичен также состав керамического материала Деменковского⁷⁹, Мыдланшайского могильников. Сосуды со шнуровым орнаментом в большом количестве выявлены в Танкеевском могильнике.

Отсутствие аналогий в южных, кочевнических памятниках свидетельствует, что керамика со шнуровым орнаментом своим происхождением связана с миром лесных племен. По-видимому, это было угорско-самодийское население.

⁷⁸ Ibid., tabl. VI, VII.

⁷⁹ Генинг В. Ф. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. — ВАН, Свердловск, 1964, вып. 6, с. 162, табл. XI.

III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Специальные исследования по данному вопросу ранее не проводились. Его касались только попутно и применительно к отдельным памятникам, ограничиваясь анализом внешних признаков погребальных сооружений и расположения находок; смысловая сторона изучаемого явления почти не затрагивалась¹. До середины 60-х годов суждения о погребальных обрядах племен Южного Урала второй половины I тысячелетия н. э. делались главным образом на основании фрагментарных материалов Стерлитамакского могильника и Уфимских погребений. Ввиду того что указанные памятники были обнаружены в ходе земляных работ, не удалось проследить ни устройство могил, ни расположение находок, ни даже того, являлись ли они курганными или представляли собой обычные грунтовые могильники. Вследствие этого погребальный обряд обоих памятников в литературе получил противоречивое освещение. Например, до сих пор существовало мнение о том, что Стерлитамакский могильник являлся грунтовым; в последнее время многие справедливо предполагают наличие там над могилами курганных насыпей.

Сейчас для изучения погребальных обрядов племен Южного Урала раннесредневекового периода мы располагаем несравненно большим материалом, чем 10 лет назад. Благодаря этому нам представляется возможным дать суммарную характеристику типов погребальных сооружений, попытаться разобраться в особенностях обычаев, связанных с погребением умерших, а также религиозных представлениях южноуральских племен изучаемого периода.

В настоящее время на Южном Урале раскопано более 1600 могил и 400 курганов, датируемых в пределах VII—XIV вв. н. э. Общие сведения о могильниках с указанием типов насыпей, могил нами сведены в отдельные таблицы В-Ж. Примерно одна треть названного числа могил вы-

¹ *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения VI—VIII вв.—КСИИМК, 1951, вып. XL; *он же.* Могильник близ г. Стерлитамака.—СА, 1955, вып. XXII; *он же.* Уфимские погребения IV—VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии.—В кн.: Древности Башкирии. Уфа, 1970; *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.—МИА, 1957, № 58; *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы.—БАС, Уфа, 1959; *он же.* Бахмутинская культура. М., 1968; *Генинг В. Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э.—АЭБ, Уфа, 1964, т. II; *он же.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.).—АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; *Матвеева Г. И.* Шареевский могильник.—В кн.: Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

явлена в грунтовых могильниках бахмутинской культуры (Бирский, Старо-Кабановский, Бахмутинский и др.), а преобладающее большинство остальных могил относится к ряду подкурганных.

Итак, мы свидетельствуем, что почти для всего раннесредневекового населения Южного Урала, за исключением только бахмутинских племен, характерным являлось сооружение курганных насыпей над захоронением. Однако как сами насыпи курганов, так и формы могил не были везде одинаковыми. Очень часто в одном памятнике можно встретить насыпи и могилы различного устройства. По этому признаку насыпи можно объединить в несколько типов (рис. 12).

Тип I (344 кургана). Земляные насыпи полусферической формы — самый распространенный тип. Курганы маленьких размеров (диаметром в среднем от 8 до 12 м), как правило, индивидуальные (рис. 12, I).

Тип II (4 кургана). Также земляные насыпи, но удлиненной формы. Как правило, в каждой группе курганы такого типа оказываются самыми большими по размерам и содержат большое количество грунтовых и впускных могил. Следовательно, эти курганы сооружались в несколько приемов (рис. 12, II).

Тип III (15 курганов). Земляные насыпи полусферической формы, содержащие небольшие каменные площадки над могилами на уровне древней поверхности земли (рис. 12, III).

Тип IV (6 курганов). Насыпь состоит из земли вперемешку с известняком (рис. 12, IV).

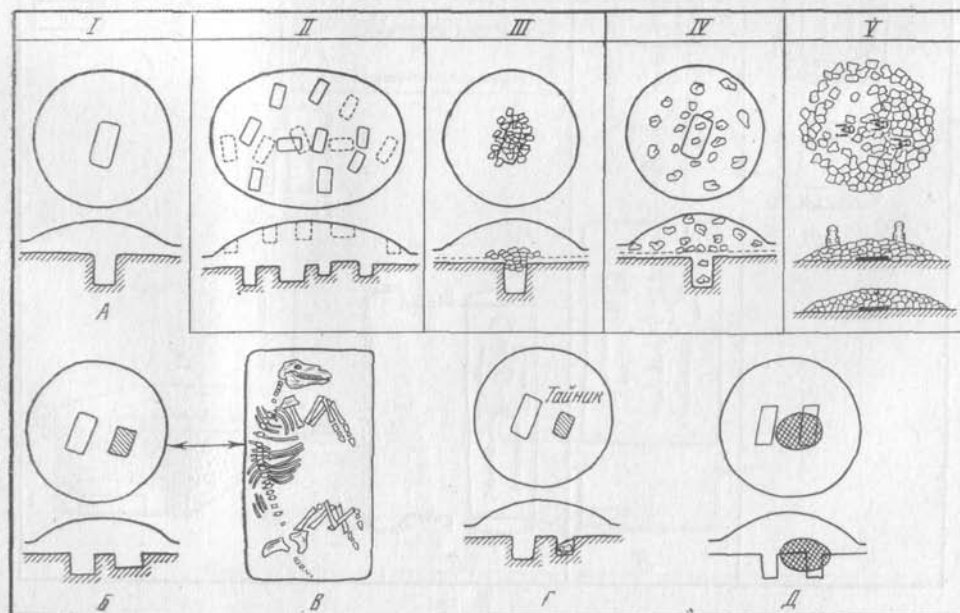

Рис. 12

Типы курганных насыпей Южного Урала эпохи средневековья

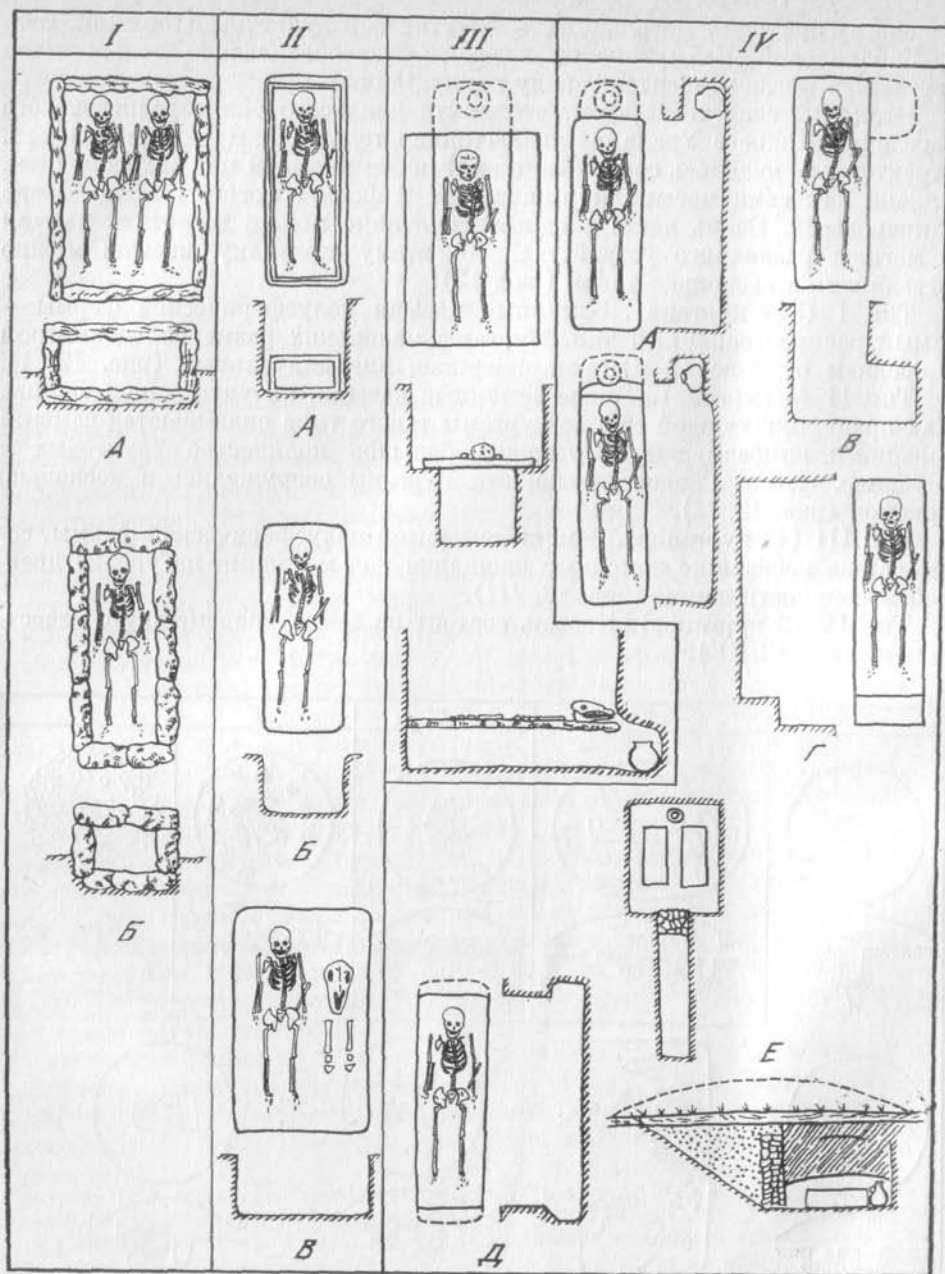
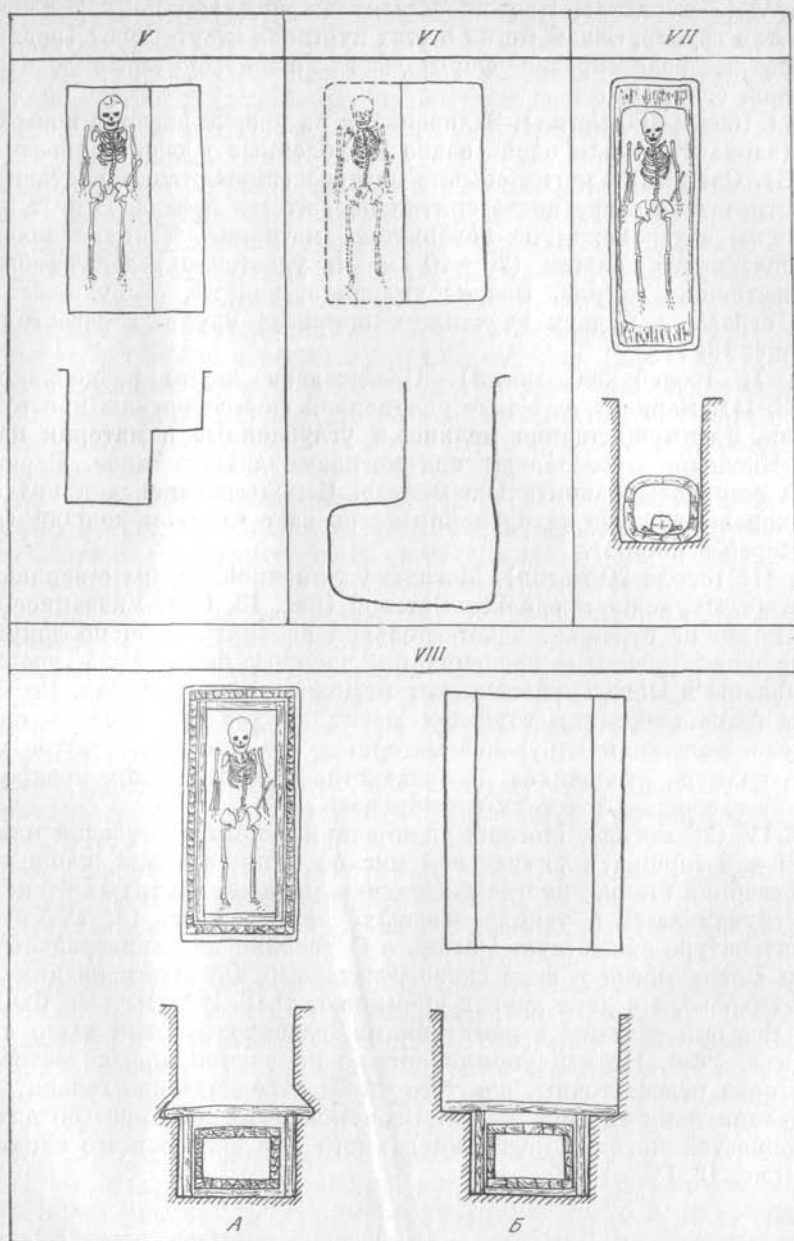

Рис. 13
Типы могил Южного Урала эпохи средневековья

Тип V (2 кургана). Насыпи состоят из чистой каменной кладки на каменистом грунте. Следы могил в этих курганах отсутствуют (рис. 12, V).

Такое же разнообразие форм дают могилы, которые делятся на VIII типов (рис. 13).

Тип I (более 100 могил). Захоронения на уровне древней поверхности земли (вариант А) или очень слабо углубленные в слой чернозема (вариант Б). Очертания могил обычно не прослеживаются, а костяки начинают встречаться сразу после снятия первого же штыка. В этот же тип объединены захоронения на поверхности материка. Ввиду незначительности почвенного покрова (20—40 см) не удается определить, была ли здесь настоящая могила. Вокруг умершего, видимо, сооружалась деревянная ограда, а в двух случаях — ящики из крупных известняковых плит (рис. 13, I).

Тип II (более 500 могил). Представлен двумя разновидностями (рис. 13, II). Вариант А. Узкие удлиненной формы могилы простой конструкции, преимущественно мелкие, и углубленные в материк на 20—60 см. Численно преобладают над могилами других типов. Вариант Б. Могилы широкие, сравнительно мелкие. Использовались для коллективных захоронений либо захоронения человека с чучелом лошади (конечности, череп и шкура).

Тип III (около 20 могил). Могилы удлиненной формы с заплечиками вдоль длинных, редко-продольных стенок (рис. 13, III). Указанное число, по-видимому, не отражает действительной картины. Судя по документации раскопок, могилы с заплечиками должны были быть достаточно представлены в Ново-Турбаслинских и Дежневских курганах. Во многих случаях здесь очертания глубоких могил на дне оказывались на 10—12 см уже очертаний на уровне материка, что, как будто, точно указывает на наличие заплечиков. Но расчистка без оставления контрольных бровок не позволила точно их фиксировать.

Тип IV (78 могил). Могилы удлиненной формы с глубокой нишей — подбоем для горшка и ритуальной мясной пищи в одной, чаще всего в узкой северной стенке, иногда с заплечиками вдоль длинных стенок, или двумя ступеньками в узких северных стенках (рис. 13, IV, а—д).

В литературе существует мнение о бытовании на раннесредневековом Южном Урале могил в виде склепов-катакомб. Об одном из них пишет Р. Б. Ахмеров², а о двух других упоминают Р. Г. Игнатьев³ и Ф. Д. Нефедов. Все они связаны с памятниками, расположенными ныне на территории г. Уфы. Но эти упоминания до получения новых достоверных фактов пока недостаточны, для того чтобы утвердительно говорить о существовании данного типа могил. Возможно, что речь идет об одной из разновидностей могил с подбоями данного или скорее всего следующих типов (рис. 13, IV, е).

² Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв., с. 170.

³ Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. — В кн.: Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883, с. 348—349; Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА, 1952, № 27, с. 63.

Тип V (2 могилы). Глубокие могилы с широкой ступенькой вдоль одной длинной стенки (рис. 13, V).

Тип VI (3 могилы). Могилы с глубоким подбоем вдоль длинной стенки, где производилось погребение умершего (рис. 13, VI).

Тип VII (6 могил). Прямоугольные узкие могилы простой конструкции с захоронениями в деревянных колодах (рис. 13, VII).

Тип VIII (8 могил). Захоронения в двойных ящиках: наружного, сколоченного из коротких вертикальных (стены) и горизонтальных (дно, крыша) нешироких досок, и гроба или колоды внутри. Могилы, как правило, глубокие, двух вариантов: с заплечиками (вариант А) или с неширокими углублениями (ширина около 15—20 см, высота около 20 см) вдоль длинных стенок (вариант Б). На уровне заплечиков или углублений ниши могил имели дополнительное перекрытие (рис. 13, VIII).

Господствующей формой погребения умерших было труположение, вытянутое, на спине. Но наряду с этим известны редкие случаи трупосожжения — остатки жженных костей (Кушнаренокский, Галановский могильники).

В ориентировке захороненных головой по странам света наблюдается большое разнообразие. Из общего числа зафиксированных случаев преобладающей оказалась ориентировка на северо-запад (340 случаев, 45,5%) и север (170 случаев, 22,7%). Западная ориентировка встречена в 150 случаях (20%), юго-западная — в 27 случаях (3,6%), южная — в 5 случаях (2%), юго-восточная — в 7 случаях (1%), восточная — в 5 случаях (0,7%), северо-восточная — в 35 случаях (4,7%): Трупосожжение встречено не более 5—6 раз.

Среди других составных элементов погребальных сооружений еще следует выделить:

1. Небольшие прямоугольные или округлые ямы рядом с могилами, в которых ставилась часть погребального инвентаря умершего, чаще всего оружия и конской сбруи (рис. 12, IГ).

2. Захоронение лошади в неглубокой могиле рядом с могилой человека (1 случай, Мрясимовский курган 20; рис. 12, IВ).

3. Захоронения черепов и конечностей лошади вблизи могил, в насыпи курганов.

4. Следы мощных костров в насыпях, иногда над могилами и наличие золы и углей в могилах (Ново-Турбаслинские курганы, рис. 12, IД).

Погребальные сооружения состоят из сочетания различных вышеотмеченных признаков. Распределение могил и курганов по векам, а также корреляция основных признаков показывают, что в сочетании определенных типов могил и насыпей, а также в существовании их во времени наблюдается определенная закономерность. Этот вывод подтверждается еще тем, что курганам (могилам) определенных типов соответствует особая категория предметов, сопровождающих умершего в загробный мир.

Так, например, могилы с подбоями (нишами) и ступеньками для горшков пока обнаружены только в могилах в основном VII—VIII вв. и локализируются в районе среднего течения р. Белой, где они связываются с турбаслинскими и бахмутинскими племенами. Следы кострищ встречаются лишь в турбаслинских курганах, а горшки кушнаренокского типа

преимущественно найдены в земляных курганах с могилами простой конструкции, датируемые в основном VII—VIII вв. и рубежом I и II тысячелетий. Курганы с захоронениями в колодах и двойных ящиках относятся ко времени не ранее XIII в., в то время как захоронение черепов и конечностей лошади является характерным для курганов всех типов на протяжении рассматриваемого времени.

Об этих особенностях погребальных сооружений подробнее речь пойдет позже, но из сказанного можно сделать один неопровержимый вывод: разнообразие их форм было обусловлено расселением племенных групп, различавшихся между собой по происхождению и культуре, в том числе и в погребальном обряде.

Однако сказанное в какой-то мере является лишь констатацией фактов и не раскрывает особенностей погребальных обрядов южноуральских племен. Нам важно было бы знать, какой смысл вкладывался в тот или иной тип курганов и могил и отражением каких религиозных представлений, и в том числе о загробном мире, являются различные формы погребальных памятников. Предпринимая попытку в таком плане осветить погребальные обряды южноуральских племен периода раннего средневековья, автор ясно себе представляет, что далеко не везде пока может быть полностью понято назначение деталей памятников; это еще требует накопления источников информации и усилий большого коллектива исследователей. Ниже интерпретация погребальных сооружений Южного Урала раннесредневекового периода предлагается как одно из возможных объяснений, которое должно быть проверено будущими исследованиями.

Наземные захоронения

К наземным захоронениям мы относим могилы I типа. Выявлено их пока немного, но в плане постановки вопроса они представляют большой интерес. Детали устройства могил, а также сочетание их с типами насыпей и без них позволяют выделить среди них несколько разновидностей.

Группа А представлена единичными погребениями в бахмутинских могильниках: Каратамакском (1 случай), Старо-Кабановском (2 случая), Ангасякском (10 случаев), Бирском (6 случаев), а также значительной частью погребений Кушулевского могильника (44 погребения).

Одна из особенностей этих погребений состоит в том, что они обнаружены в грунтовых могильниках и располагаются на глубине 15—40 см. Практически это были захоронения в мелких могилах, слабоуглубленных в почвенный слой, но не врезавшихся в материк. В ряде погребений Кушулевского могильника под костяком найдены остатки сгнившего дерева, что дает нам основание предположить, что умершие были положены в сооружениях типа гроба. Небольшая глубина могил заставляет думать, что верхняя часть гроба выступала над поверхностью земли (рис. 13, 1Б).

В этом плане интересны наблюдения М. П. Грязнова о постепенном погружении в почву сравнительно небольших предметов и объектов в свя-

зи с деятельностью микроорганизмов. На этом основании он считает наземными погребения, фиксируемые при раскопках на глубине 20—40 см⁴.

Хронологически перечисленные выше погребения охватывают ранний (А) и поздний (З) периоды рассматриваемого времени. Есть основания думать, что у оседлого населения раннесредневекового Южного Урала указанная группа погребений существовала непрерывно, и лишь слабой изученностью их памятников следует объяснить имеющийся сейчас разрыв во времени.

Богатый сравнительный материал указывает на то, что описанный тип наземных захоронений на Южном Урале является одним из традиционных еще с эпохи раннего железа. В частности, редкие бахмутинские погребения прочно связываются с обширным кругом могильников пьяноборской и ананьинской культур, насчитывающих сейчас более 1000 могил. Эти памятники содержат много захоронений в почвенном слое, в каменных ящиках на небольшой глубине. Подробный анализ материала памятников несколько увел бы нас от главной темы, поэтому здесь мы ограничимся лишь перечнем могильников пьяноборского времени с территории Башкирии, где имеется много бесспорных наземных захоронений. Это Чиатавский⁵, Камышлы-Тамакский⁶, Охлебининский⁷, Шиповский⁸ и другие могильники.

Группа Б. Отнесенные сюда памятники представляют собой сочетание насыпей типов I, III и могил типа I. Выделяются три основных варианта, состоящих из захоронений: а — на уровне древнего горизонта; б — в таких же, как и в группе А, мелких могилах в почвенном слое; в — в насыпях курганов (впускные).

Вариант а. Наиболее четко прослежен в Старо-Халиловских курганах 3, 4, 5, 8, датируемых периодом Г. В кургане 3 на уровне древнего материала нам удалось фиксировать остатки трех человеческих черепов, а также многочисленные предметы погребального инвентаря, которые не оставляют никакого сомнения в том, что захоронение трупов здесь было наземным. Еще более убедительную картину сказанному мы находим в кургане 5, где сразу же после снятия невысокой (20 см) земляной насыпи (дерна), на уровне древней поверхности земли обнаружены остатки 8—9 человеческих скелетов (рис. 14). Погребенные лежат вытянуто, плотно друг к другу, составляя, по-видимому, два ряда.

О древности исследованных погребений говорят найденные здесь бусы, серьги, браслет и другие вещи, хорошо датируемые временем X—XI вв. Следует подчеркнуть, что нахождение такого большого количества человеческих костяков под насыпью сразу же после первого штыка для нас

⁴ Грязнов М. П. Почва и археологические памятники в их взаимосвязи. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 69—70.

⁵ Мажитов Н. А. Чиатавский могильник. — БАС, Уфа, 1959.

⁶ Мажитов Н. А. Пшеничник А. Х. Камышлы-Тамакский могильник. — АЭБ, Уфа, 1969, т. III.

⁷ Пшеничник А. Х. Охлебининский могильник. — АЭБ, Уфа, 1969, т. III.

⁸ Пшеничник А. Х. Шиповский комплекс-памятник. — В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

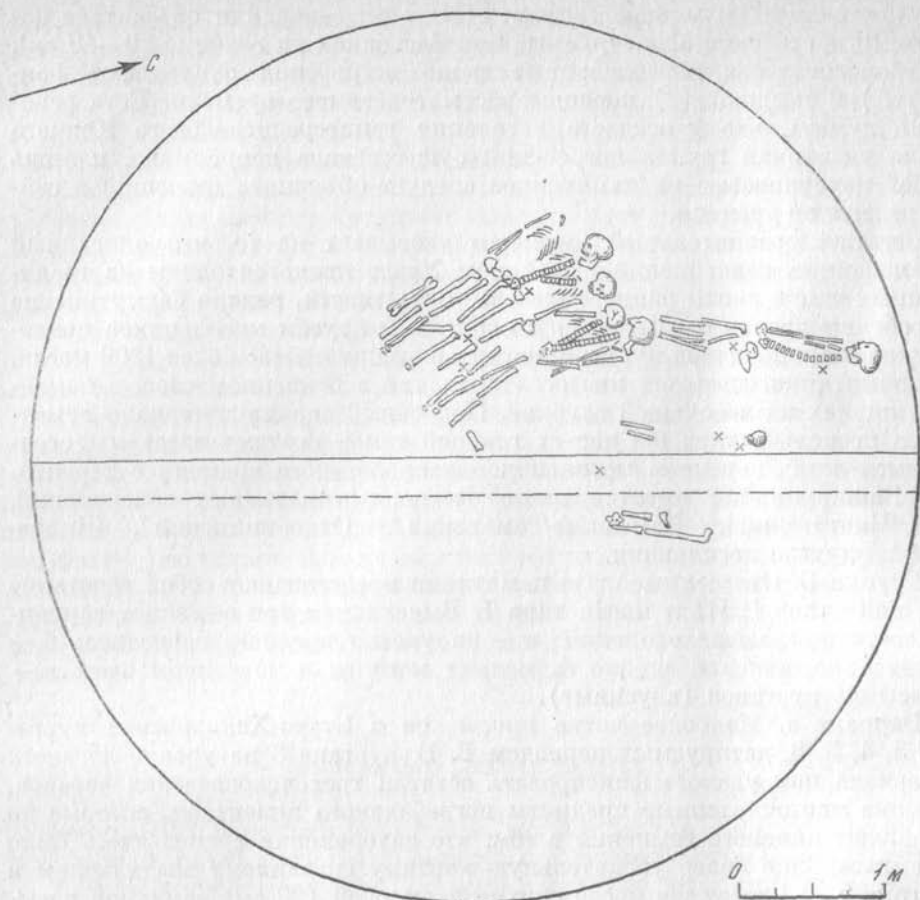

Рис. 14

План Старо-Халиловского кургана 5 с захоронениями на уровне горизонта (находки обозначены крестиком)

явилось неожиданностью, и часть из них была потревожена в ходе раскопок, в частности при корчевке корней небольших деревьев, которые здесь росли. Это обстоятельство значительно затруднило нам задачу точнее фиксировать детали погребального обряда, но сейчас, после знакомства с каменными курганами Южного Урала, кажется очевидным, что над погребенными было какое-то деревянное сооружение наподобие сруба.

Нахождение костяков почти на современной поверхности земли вообще наводит на мысль о том, была ли в свое время какая-нибудь насыпь над этой коллективной усыпальницей. Едва заметная насыпь над костяками, снятая при раскопках, могла образоваться за счет сгнивания дере-

ванных частей или значительно позднее, т. е. после истечения определенного времени. В данном случае можно допустить, что это наземное деревянное сооружение как коллективная усыпальница могла действовать на протяжении длительного времени.

Мысль о том, что над трупами в Старо-Халиловских курганах имелись деревянные постройки (срубы), доказывает также курган 8, в насыпи которого в двух местах обнаружены вертикально и горизонтально лежащие большие известняковые камни, которые, видимо, составляли ящики-срубы с каменным полом для погребения трупа.

Интересно отметить, что на одной из двух горизонтальных плит первого ящика (погребения) находились человеческие зубы, что непосредственно указывает на наличие здесь захоронения человека. В ходе раскопок мы ошибочно предположили, что нахождение следов человеческого черепа в ящике является следствием ограбления могилы, однако никаких ее очертаний и других находок ниже камней мы не обнаружили. В данном случае каменные ящики служат доказательством существования над трупами каменных, а в других — деревянных сооружений.

Сказанное, вероятно, служит некоторым объяснением устройства первых двух курганов Старо-Халиловского могильника, которое нам долгое время казалось загадочным. При их раскопках нами не было обнаружено ни следов могил, ни человеческих костей, хотя находили кости животных и отдельные вещи (бронзовый браслет). Скорее всего и в этих курганах захоронения производились аналогичным образом, и следы их не удалось обнаружить при раскопках.

Наземное захоронение, безусловно, было в I Ямаши-Тауском кургане, находящемся недалеко от Акимбетовского кургана. В нем после снятия невысокой земляной насыпи в центре, на уровне древней поверхности земли, обнаружена каменная площадка диаметром около 2 м, под которой прослеживался слой золы и древесных углей. Под камнями лежали остатки серебряных и бронзовых накладок поясного ремня или конской сбруи, удила с костяными псалиями времени около IX—X вв., кости лошади (голенная, копыто и зубы), но следов человеческих костей не было. Очевидно, последние сгнили, что легко объяснить незначительной глубиной захоронения. Несмотря на наличие золы и углей, земля под ними не имела следов пережженности, и поэтому в данном случае трудно предполагать, что труп был сожжен.

Вариант б является самым многочисленным. Выявлен в Кушнаренокском (погребения 1, 3, 14, 15, 18, 22, 26, 29, 30)⁹, Маньякском (погребения 6—8, раскоп I; погребение 6, раскоп II) могильниках, II Бекешевском (курган 2, погребение 9), Идельбаевском (курган 2), Лагереvских (курганы 18, 23, 25, 27, 28, 32, 33, 46), Старо-Мусинском (курган 4, погребения 2, 3), Житимакских (курган 1, погребение 3; курган 4, погребения 7, 8), Мрясимовских (курганы 1, 3, 6; курган 8, погребение 1; курган 11, погребение 3; курган 12, погребение 1; курганы 16—19), Ка-

⁹ При публикации материалов Кушнаренокского могильника В. Ф. Генинг высказал обоснованное предположение о существовании небольших насыпей над погребениями. См.: *Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнаренокво на р. Белой.* — В кн.: *Исследования по археологии Южного Урала* (в печати).

ранаевских (курган 4, погребения 1, 5; курган 6, погребения 1—3; курган 8; курган 13, погребение 1; курган 18; погребения 2, 3), Муракаевских (курганы 7, 9—11) курганах. Во времени эти погребения распределяются в пределах периодов Б—З (табл. 1). В конструктивном отношении они, очевидно, выглядели так же, как и описанные выше могильные сооружения. В отдельных случаях (II Бекешевское 2) вместе с костяком четко прослежены следы деревянного перекрытия (гроба?).

Наземные захоронения, по-видимому, содержала часть курганов, раскопанных Ф. Д. Нефедовым в Оренбургском крае. В частности, автор не раз упоминает захоронения на уровне материка¹⁰.

Вариант в. Единственное различие от погребений вариантов а и б состоит в том, что они расположены в слое насыпей больших курганов: Старо-Халиловском (курган 6, погребения 6—14, 16, 19, 24), Каранаевских (курган 3, погребения 1, 2, 4, 16; курган 6, погребения 1—3 и др.), а также Муракаевских (курган 2, погребения 2, 3; курган 3, погребения 1, 2). Названные курганы в соответствующих группах являлись самыми большими, а Каранаевские — овальными на плане. За исключением Муракаевских они отличались средоточием множества впускных и грунтовых захоронений, что выделяет их из остальной массы курганов Южного Урала данного времени (рис. 12, II).

Группа В представлена Мунтаевским и II Акимбетовским курганами, где насыпи состоят из чистой каменной кладки, а следы каких-либо могил отсутствуют. Но весь характер памятников в совокупности со сравнительным материалом не оставляет сомнения в том, что они представляют собой оригинальный вид погребальных сооружений, связанный с наземными захоронениями. Их малочисленность — результат плохой изученности. В этой связи следует подчеркнуть, что за последние 10 лет на Южном Урале в пределах Башкирской АССР открыто более 70 каменных курганов, среди которых в будущем, вероятно, будут выявлены подобные описываемым. Своеобразна топография указанных курганов — они располагаются по 1—3 на высоких горных вершинах.

Мунтаевский курган сложен из крупных известняковых валунов. Диаметр его 10 см, высота 25—30 см. Толщина кладки не везде одинакова, местами кладка состоит из 2—3 рядов камней. Курган сложен почти на каменистом грунте: ниже кладки прослежен тонкий (5—6 см) слой песка темноватого цвета, являвшийся, очевидно, погребенной почвой. Ниже идет каменистый грунт. В центре имелось небольшое углубление (глубина 25 см) неправильной формы; оно скорее всего естественного происхождения. Ниже кладки, на его поверхности при расчистке прослежены остатки кострищ (угольки), обломки тонкостенной керамики и одна стеклянная бусина голубого цвета. Последнюю можно сопоставить с соответствующими бусами из Стерлитамакского могильника, что дает некоторое основание отнести курган к концу I тысячелетия н. э.

II Акимбетовский курган является близкой копией первого (рис. 12, V). Его диаметр 10 м, высота около 30 см. Каменная кладка насыпи

¹⁰ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. — МАВГР, 1889, т. 3, с. 20, 24.

частично была вывезена местными жителями под строительство и в ней были обнаружены две каменные бабы, сданные в местную школу. При доисследовании под кладкой, т. е. на древней поверхности, в трех местах выявлены остатки ритуальных захоронений головы, а в одном — голени лошади. Скульптурные фигуры напоминают половецкие каменные бабы из южнорусских степей, и на этом основании курган ориентировочно можно датировать первыми веками II тысячелетия.

В обоих курганах камни лежали бессистемно, но было заметно, что в центре их меньше, чем по краям. Характер обвала наводит на мысль, что камни первоначально были сложены в виде кольца или прямоугольника вокруг какого-то сооружения. Что представляло последнее — негрудно догадаться: в нем погребались трупы умерших. Косвенным подтверждением сказанному может служить Нижне-Давлетовский курган с «усами», где под камнями обнаружена трубчатая кость человека¹¹. В нем, кроме того, найдены зубы лошади (остатки захоронений головы), обломки глиняных сосудов и железный наконечник копья. Судя по последним, возраст данного погребального комплекса устанавливается очень широко — от савроматской эпохи до VIII—IX вв.

Интересно отметить, что появление каменных курганов на Южном Урале известно еще с эпохи ранних кочевников. Одним из таких хорошо изученных памятников являются I Аландские курганы, исследованные М. Г. Мошковой¹². Два подобных кургана в 1965 г. автором были раскопаны близ деревень Исянбетово и Давлетшино на восточных склонах Ирнджыкского хребта¹³, а первую полную сводку о них дал К. Ф. Смирнов. Кстати, последний считает, что над захоронениями ранних кочевников на древнем горизонте существовали деревянные сооружения в виде рамы, сруба или шатра, имитирующие наземные жилища¹⁴.

Возможно, что в основе существования наземных захоронений лежит широко распространенный в древности обряд выставления трупов. Историография данного вопроса обширна, и она подробно анализирована в ряде специальных исследований последнего времени¹⁵. Здесь мы остановимся только на его некоторых аспектах, способствующих раскрытию темы.

Как показывают источники, выставление трупов на съедение птицам и зверям составляет специфическую особенность погребального обряда зороастрийской религии. Согласно ее предписаниям считалось большим грехом прикосновение трупа к земле, огнем и водой, которые являлись силами священных стихий. Поэтому важное значение придавалось отде-

¹¹ Мажитов Н. А. Работы в Южной Башкирии. — АО, 1971, 1972, с. 28.

¹² Мошкова Г. М. Сарматские курганы в Оренбургской области. — КСИА, 1961, вып. 83, с. 115—125.

¹³ Мажитов Н. А. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа. — В кн.: Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Уфа, 1966, с. 95.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 80, 82.

¹⁵ Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. — В кн.: «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР». Сталинабад, 1952, вып. 1; Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

лению костей от мягких частей трупa. Одним из самых распространенных способов для достижения последнего у зороастрийцев было выставление трупов на высоких возвышенных местах. При этом устраивалось это так, чтобы они были прикрыты камнями, глиной, металлом и чтобы хищники и птицы не стащили кости по воде и по земле. Подобные наземные могильные сооружения принято называть наусами.

По свидетельству Бируни, трупы в наусах должны были обдуваться ветром, омываться дождевыми водами, но в то же время были бы доступны птицам и хищникам, трупы в них просто истлевали¹⁶.

Наряду с этим обычаем у народов Средней Азии существовали обычаи срезания мягких частей тела, варка трупов, а также содержание специальных собак-пожирателей.

Погребальный обряд зороастризма был чрезвычайно сложным и не везде одинаковым. Зороастризм как догматическая и господствующая религия сложился только в сасанидском Иране, а в других районах он видоизменялся под влиянием древних местных религий, которые полностью влились в него. Этот вывод, впервые четко сформулированный В. В. Бартольдом¹⁷, сейчас разделяют все исследователи данной темы. Чтобы различить канонизированную религию зороастризма Ирана от неоформленных языческих верований, родственных зороастрийской религии, последних в литературе принято называть маздеистскими¹⁸.

Данные археологии и исторической этнографии сейчас дают достаточно оснований для утверждения, что последователями маздеизма были племена Южного Урала, Сибири и алтайских степей.

Из сообщений Геродота знаем, что у народа исседоны, локализуемого некоторыми исследователями в районе Южного Урала, существовал обычай убивать состарившихся родителей. Разрубленные части варились вместе с мясом убитого скота, а затем поедались собравшимися по этому случаю родственниками убитого¹⁹. В этом факте варки и поедания трупов убитых родителей нетрудно увидеть одну из форм отделения мяса от костей. Те же исседоны, по данным другого античного автора — Гая Юлия Салина, трупы «растерзывали, разрывали зубами»²⁰.

Страбон сообщает, что у многих народов, в том числе каспиев, массагетов, бактрийцев и согдийцев, трупы выставляли на съедение хищным птицам и собакам. Каспии более радовались, если трупы растерзывали птицы, менее — когда собаки; считалось несчастьем, если ни собаки, ни птицы не приближались к трупу. Страбон подтверждает сведение Геродота о поедании мяса родителей вместе с мясом убитых животных²¹.

Если мы эти сообщения античных авторов сопоставим с местным археологическим материалом, а именно — с самыми ранними каменными кур-

¹⁶ Бируни. Избр. произв., т. II. М., 1957, с. 478. Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда, с. 49.

¹⁷ Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края..., с. 165.

¹⁸ Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда, с. 35; Раднопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма, с. 120.

¹⁹ Геродот. История. Л., 1972, с. 193.

²⁰ Гай Юлий Салин. Сборник достопримечательностей, XV, 13.

²¹ Страбон. География в 17 книгах. Л., 1964, с. 491.

ганами на горных вершинах и вообще возвышенностях, то нетрудно заметить, что погребение трупов под ними производилось почти в полном соответствии с оформившейся зороастрийской традицией. Отсюда можно сделать вывод, что религиозные верования южноуральских племен или части из них во времена Геродота и Страбона были очень близки маздейским. Сказанное служит подтверждением правильности выводов К. Ф. Смирнова о том, что в основе религий ранних кочевников Южного Урала, Поволжья и Средней Азии лежало более или менее одинаковое мировоззрение²².

Курганы с применением множества камней и наземными захоронениями в эпоху ранних кочевников повсеместно сооружались на территории Средней Азии и Казахстана, а теперь исследователями связываются с сакскими племенами²³. Они характерны также для древних тюрков Тувы²⁴. В этой связи интересно отметить, что в недавнем прошлом тувинцы широко практиковали наземные захоронения.

Как показывают этнографические наблюдения, у них существовало несколько способов погребения: в гробах под каменными насыпями, на земле с каменной наброской и в наземных гробах, срубах и помостах. Тувинцы, как и каспины Страбона, более 25 веков назад старались узнать, кто съел умершего: если собаки или волк, то это значило, что плохо²⁵.

Обряд выставления, очевидно, хорошо был знаком раньше обским уграм и селькупам, о чем свидетельствуют сохранившиеся у них до начала XX в. наземные захоронения, по форме близко напоминающие могилы группы А на раннесредневековом Южном Урале. Погребение умерших у них производилось в грунтовых могильниках, в могилах, вырытых лишь путем снятия дерна. Надгробные сооружения делались из досок, но раньше в этих целях применялись жерди и бревна. В могилу клались вещи покойного, а рядом с ней часто разжигались костры²⁶. Аналогичные примеры известны у узбеков²⁷. В средневековые наземные захоронения знали также народы Поволжья²⁸.

Этот погребальный обряд оставил след в фольклоре, религиозных обрядах башкир, что было зафиксировано учеными XIX — начала XX в. Привлечение этого круга источников для интерпретации раннесредневекового археологического материала правомерно, так как башкиры являются преемниками культуры южноуральских племен и во многих чертах донесли до нас важные детали их погребальных обрядов и религиозных

²² Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 252.

²³ Кызласов Л. Р. Археологические данные о происхождении сакской культуры. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 15.

²⁴ Трифонов Ю. И. Конструкции древнетюркских курганов центральной Тувы. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

²⁵ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 19, 62, 68, 69 и др.

²⁶ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров. — В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л., 1971; Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972, с. 62, 63.

²⁷ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 147—148.

²⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939, с. 39; Гольмстен В. В. Наземные захоронения в Среднем Поволжье. — КСИИМК, 1940, № 5, с. 57—58.

представлений, которые не могут быть расшифрованы археологическим материалом и отсутствуют в ранних письменных источниках.

Судя по фольклорным и этнографическим материалам, у башкир до принятия ими мусульманской религии одним из видов погребения умерших было наземное выставление трупов. Сюжеты, связанные с подобным погребальным обрядом, являются самыми распространенными как в сказаниях, так и в героических эпосах башкир. Здесь первым следует упомянуть эпос «Урал-батыр» как первое наиболее целостное фольклорное произведение, где сохранились сюжеты из жизни древних башкир.

Важно подчеркнуть, что данный эпос зафиксирован только у башкир и, судя по отдельным деталям содержания, в нем отразились события из жизни южноуральских племен глубокой древности. В нем, в частности, рассказывается о некоем царстве, где в день рождения царя в честь его родителей, родника (колодца), водой которого был впервые омыт царь после рождения, принесли в жертву девушку. Девушку опускали в колодец (родник), и когда она умирала, ее труп выбрасывали на вершину горы, где его пожирали вороны²⁹.

В сказании «Кыу баш» (высохшая голова) девушка, обиженная мачехой, идет на гору, где находилось кладбище, и находит там высохшую голову (череп) своей матери. Голова заговаривает, помогает девушке в преодолении трудностей³⁰. В сказании говорится, что на горах костяки умерших находились почти на поверхности земли.

Следует отметить, что у старшего поколения башкир до сих пор сохранились суеверия, отражающие некогда существовавшие обряды выставлений трупов птицам. Так, например, пожилые башкиры говорят, когда прилетают вороны, что скоро в деревне кто-то умрет («козғон килһе улєк сыға»). Такое же объяснение они дают долгому лаю собак или вою волков.

В других башкирских сказаниях (например, «Сизый воробей») часто повторяются сюжеты о погребении костей человека на деревьях. В сказании же «Цветок» труп девочки хоронится на кладбище в каком-то наземном сооружении типа ящика (кумта), что в целом хорошо соотносится с вышеописанным обрядом похорон. В сказаниях кумта часто фигурирует деревянный ящик, у которого в северной стенке имелось небольшое отверстие — окно.

Очевидно, сказанное является отзвуком существовавших на Южном Урале наземных деревянных погребальных сооружений, о чем уже шла речь. Благодаря фольклорному материалу мы можем восстановить одну их деталь — окно в северных стенках, что, видимо, делалось для свободного входа и выхода души покойного. Ю. А. Раппопортом высказана интересная мысль о том, что пожирателям — птицам и зверям последователями зороастризма отводилась одновременно роль переносчиков душ умерших.

Птицы в погребальном обряде, очевидно, занимали особое место. В этой связи привлекают внимание следующие факты. В том же сказании «Цве-

²⁹ Башкирское народное творчество. Эпос. Книга I. Уфа, 1972, с. 42—43.

³⁰ Здесь и далее использованы материалы рукописного фонда сектора литературы и фольклора ИИЯЛ БФ АН СССР.

ток» говорится, что рядом с ящиком с трупом девочки кладется мешок зерна в качестве приманки птицам. Данный фольклорный мотив находит близкую параллель в погребальном обряде марийцев, живущих на территории Башкирии и сохранявших до начала XX в. свою древнюю языческую религию. У них почти повсеместно был распространен обычай над могилами ставить длинные шесты, на верхний конец которых прикреплялись изображения фигур птиц, игравших, видимо, роль своеобразного манка, как зерно в первом примере.

Это дает ключ к пониманию назначения круглых ям для больших столбов, которые ставились в изголовье и у ног умерших в Варнинском могильнике X—XII вв., принадлежавшем древним марийским племенам на Средней Каме³¹. Есть основания полагать, что эти примеры в рассматриваемое время имели более значимое социальное звучание в жизни племен Южного Урала и прилегающих к нему районов.

Погребения в могилах

Все остальные захоронения, за некоторым исключением, объединяет один общий признак — наличие могил, а над ними земляные насыпи, иногда вперемишку с камнями. Однако форма, а также размеры могил и насыпей варьируют не только во времени и территориально, но и внутри одного памятника. По сочетанию указанных признаков, а также по особенностям вещевого материала среди погребений можно выделить несколько типов. Эти группы неравнозначны между собой по численности, что, видимо, связано прежде всего с неравномерностью раскопок памятников. Но степень различия их и в равной мере сходства погребальных комплексов внутри каждого типа настолько велика, что принадлежность их к разным этническим группам не может быть подвергнута никакому сомнению.

Курганы турбаслинского типа располагаются компактной группой в районе среднего течения р. Белой и в основной массе имеют сравнительно узкий период существования (VII—VIII вв.). Наиболее характерными памятниками являются Ново-Турбаслинские и Уфимские (Дежневские) курганы, насчитывающие соответственно более 60 и 120 земляных насыпей. Их диаметр колеблется от 5 до 22 м, а высота 0,20—1 м, но у большинства (примерно 95% всех курганов) диаметр не превышает 6—9 м, высота — 20—50 см. К числу турбаслинских памятников относятся также уфимские погребения, Глушилиньские, Новиковские курганы на территории г. Уфы, курганы на территории мусульманского кладбища г. Уфы, а также Кушнаренковский и Шареевский могильники (табл. В).

С изучением указанных памятников в литературе связана дискуссия на тему о целесообразности выделения их в археологическую культуру. Как известно, впервые они были объединены в турбаслинскую культуру мною³², а затем правомерность этого поддержали Г. И. Матвеева³³ и

³¹ Семенов В. А. К вопросу о надмогильных сооружениях древнеудмуртского населения. — В кн.: Вопросы советского финноугроведения. Петрозаводск, 1974.

³² Мажитов И. А. Бахмутинская культура, с. 65—73.

³³ Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1969, с. 10—12.

Таблица В

Памятник	Тип насыпей *	Тип могил **					Число могил	Год, автор раскопок
	I	I	II	III	IV	VI		
Ново-Турбаслинские курганы	32	—	69	2?	10	—	81	1957, 1958, Н. А. Мажитов
Дежневские курганы	44	2(?)	40	4	2	—	48	1959, Н. А. Мажитов; 1961, А. Х. Пшеничнюк; 1966, С. М. Васюткин; 1968—1969, М. Х. Садыкова; 1974, Н. Г. Рутто
Слободское погребение (г. Уфа)	—	—	1	—	—	—	—	1968, М. Х. Садыкова
Кушнарниковский могильник	—	12	16	8	4	—	40	1957, А. П. Шокуров; 1959, В. Ф. Генинг
Кувыковский могильник	?	—	1	—	—	—	1	1962, Н. А. Мажитов
Уфимские погребения	?	?	—	—	—	3	40	Случайные; сборы разных лет
Галановский могильник	?	—	2	—	—	—	2	1961, Н. А. Мажитов
Новиковский могильник	?	?	—	—	—	—	1(?)	Случайные сборы
Шареевский могильник	?	—	5	—	18	—	23	1961, Н. А. Мажитов; 1962, 1966, 1967, Г. И. Матвеева
Салиховские курганы	35	—	26	3	—	—	38	1953, К. В. Сальников; 1967, 1972, С. М. Васюткин

* Типы II и V в данной группе отсутствуют, тип III представлен 6 курганами (Салихово), IV тип — 9 курганами (Салихово).

** Тип V представлен 1 могилой (Салихово), типы VII, VIII — отсутствуют.

С. М. Васюткин³⁴. Но турбаслинская культура не получила признания со стороны В. Ф. Генинга, распределившего комплексы из могильников турбаслинского типа на несколько археолого-этнических типов (турбаслинский, романовский, бирский)³⁵. Между обеими точками зрения принципиальной разницы нет: сторонники их единодушно подчеркивают своеобразие, общие моменты в материалах отнесенных сюда памятников. В. Ф. Генинг в отличие от других в особенностях устройства могил, а также вещевого материала склонен видеть показатели этнического порядка, что вызывает определенные возражения.

³⁴ Васюткин С. М. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен. — УЗБГУ, Уфа, 1970, с. 163—178.

³⁵ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (Проблема этноса и его происхождения). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории утров. М., 1972, с. 274—284 и др.

Если при выделении турбаслинской культуры учитывалась общая близость могильных сооружений (курганы: размеры, насыпь, территориальная близость могил, форма) и инвентаря (прежде всего керамика), доминирующая над различиями, то сейчас к этому еще можно добавить следующее. Общество турбаслинских племен в противоположность первоначальным представлениям теперь предстает перед нами очень сложным, где четко вырисовываются относительно развитый уровень социально-классовых отношений, торговых и других связей, и в этих условиях смешанность материала не всегда может оказаться результатом деятельности различных этнических групп — носителей археолого-этнических типов³⁶.

Трудно согласиться с мыслью, что отличительные особенности материалов могильных комплексов памятников турбаслинского типа в каждом случае говорят о принадлежности их к самостоятельным племенным (этническим) группам. Поэтому в данном примере наиболее приемлемым для общей классификации может являться широкое понятие «археологическая культура» в традиционном толковании³⁷, включающее в себя несколько археолого-этнических типов. Подробнее этот вопрос рассматривается в главе о керамике. Подчеркнем лишь, что единство турбаслинских памятников подтверждается не только вещевым материалом и устройством могильных сооружений, но и антропологически. Анализ костных остатков погребенных в турбаслинских могильниках показывает, что в основном они принадлежали одному типу — европеоидному³⁸, тесно связанному генетически с сарматскими племенами южноуральских степей предшествующих веков. Все это, вместе взятое, дает нам основание памятники турбаслинского типа считать принадлежащими родственной группе племен и рассматривать как комплекс их погребальных сооружений.

В перечисленных выше памятниках могилы по форме подразделяются на пять типов (рис. 13): а) могилы на уровне горизонта (I тип), б) простой конструкции (II тип), в) ступеньками (запечками) вдоль длинных стенок (III тип и г) неглубокими подбоями (нишами) или ступеньками в узких, чаще всего северных стенках (IV тип). (Как уже говорилось, автор не видит принципиального различия между могилами с подбоем и ступеньками в узких стенках и рассматривает их как разновидность одного типа), д) могилы с широкой ступенькой вдоль длинной стенки (V тип) и е) могилы с глубоким подбоем вдоль одной длинной стенки — склепы (VI тип). Эти могилы не отличаются друг от друга по материалу и поэтому, на наш взгляд, являются разновидностями могил одной группы населения.

Среди всех известных раннесредневековых курганов Южного Урала курганы турбаслинского типа содержат самые глубокие могилы. Это обстоятельство благоприятствовало широкому применению современной

³⁶ Там же, с. 250.

³⁷ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4; Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2.

³⁸ Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 64—72, 74.

механизации при раскопках опорных памятников — Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов. К сожалению, применение техники мешало тщательному изучению устройства насыпей. Для этого мы располагаем только материалами тех курганов, которые раскапывались вручную: 19 в ново-турбаслинской и около 20 — в дежневской курганных группах.

Судя по этим наблюдениям, а также по данным из других курганов, турбаслинские курганы впускных захоронений в насыпях не содержат. Все могилы вытянуты по линии, как правило, север — юг и углублены в материк в среднем не менее 1 м. Могилы длиной 2,20—2,50 м при ширине 60—80 см считались наиболее стандартными для взрослых. Детских могил встречено немного, размеры их не превышают 1×0,50 м.

Численно преобладают могилы простой конструкции, но важной особенностью является наличие во многих из них неглубоких подбоев (ниш), чаще в северных узких стенках. Они делались, как правило, на уровне дна могилы и имели в среднем глубину в 50—60 см при такой же высоте. В Шареевском могильнике подбои вырывались несколько по-другому: они углублялись ниже дна могилы и в сторону узкой стенки³⁹. Часть могил вдоль длинных стенок имеет заплечики шириной 15—20 см, служившие, видимо, для опоры деревянного перекрытия.

В расположении вещей и костяков в указанных могилах наблюдается единый для всех обряд. Умершие хоронились на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север со значительным отклонением к северо-западу или северо-востоку. Горшки встречаются не в каждом погребении, но там, где они есть, располагаются в основном в изголовье и в редких случаях у ног. Рядом с горшками всегда находится одна или две трубчатые (предплечевые) кости лошади и в единичных случаях барана. В могилах, где имеются подбои, горшки и кости животных располагаются только там. Если не считать того, что дно могилы в некоторых случаях было засыпано мелом или углями, то других особенностей внутреннего убранства турбаслинских могил указанных типов не прослеживается. Все турбаслинские курганы оказались сильно ограбленными еще в глубокой древности, из-за чего не везде удастся восстановить первоначальный вид могил.

С турбаслинскими курганами связана еще одна особенность погребального обряда — наличие мощных костров над могилами умерших на уровне погребенной почвы. След такого костра, например, обнаружен в Ново-Турбаслинском кургане 9, где он имел форму волнистого пятна размером 2,80×2,60 м мощностью 8—10 см. Судя по размерам, этот костер горел сравнительно долго. Костер в кургане 18 того же памятника приходился как раз над первой (нетронутой) могилой и по своей мощности оказался более внушительным. От долгого горения большого костра земля вокруг на площади около 2,20×2,40 м была докрасна пережжена, и эта прокаленность прослеживалась и в материковой глине, в том числе в заполнении могилы до глубины 50—60 см. Горение слегка задело и череп, почему-то оказавшийся на 10—12 см выше туловища в средней части могилы. Два таких же мощных костра горели также на соседнем кургане

³⁹ Матвеева Г. И. Шареевский могильник, с. 11, 12.

19. Обильные остатки древесных угольков обнаружены и в погребении, выявленном в районе здания Башкирского театра оперы и балета.

Следы кострищ в курганах Южного Урала раннесредневекового периода в других местах пока не встречены, но они — частое явление в памятниках ранних кочевников края. Они, например, встречены в савроматских курганах Оренбуржья⁴⁰, сарматских курганах близ дер. Бишунгарово в Башкирии⁴¹ и в других пунктах. Что касается обычая засыпки дна могилы углем и золой, то он настолько широко распространен в древности, что рассматривать его пока как хронологический или какой-нибудь другой признак просто невозможно. Доказательством того, что обнаруженные в курганах следы кострищ действительно связаны с погребальным обрядом, а не случайные, являются этнографические примеры, приведенные выше из жизни обских угров. З. П. Соколова указывает, что у них сожженные костры имели поминальное значение⁴².

Сильно развитый культ огня у турбаслинских племен дает нам право высказать более определенное мнение относительно происхождения нескольких случаев трупосожжения, известных в районе среднего течения р. Белой. Это — два погребения в Кушнареновском могильнике⁴³, одно — в погребении на ул. Галанова в г. Уфе⁴⁴ и одно — в кургане с предполагаемым склепом, раскопанным Р. Г. Игнатьевым на высоком правом берегу р. Белой⁴⁵. Впрочем, последние два памятника можно рассматривать как один, так как они отстоят друг от друга на расстоянии только около 300 м. Во всех этих погребениях обнаружены мелкие пережженные кости, которые есть основания рассматривать как остатки трупосожжения.

До нас не дошли точные сведения, что было найдено Р. Г. Игнатьевым в раскопанном им кургане, но погребения кушнареновские и на ул. Галанова дали глиняные сосуды, в целом идентичные аналогичной посуде из остальных турбаслинских могил. Сказанное служит лишним основанием тому, что выделенные погребения со следами трупосожжения принадлежат к одному турбаслинскому кругу памятников.

По поводу происхождения отмеченных погребений с трупосожжениями высказаны различные мысли. А. П. Смирнов склонен связывать их с выходцами в основном из среды славянских племен⁴⁶. В. Ф. Генинг сопоставляет с именьковскими погребениями Среднего Поволжья, но приписывает древним тюркам восточного происхождения. Объяснение отдельных деталей инвентаря или погребального обряда, выпадающих из общей традиции, характерной для определенной группы населения, отдаленными связями в данном случае не лишено основания и методически оправдано. Но при подобной постановке вопроса исключается возможность применения одной и той же группой населения различных приемов по-

⁴⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 94—100.

⁴¹ Пшеничников А. Х. Раскопки курганов в Южной Башкирии. — АО, 1972, с. 222—223.

⁴² Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров, с. 230, 238.

⁴³ Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения, с. 122.

⁴⁴ Раскопки автора 1961 г.

⁴⁵ Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей..., с. 348.

⁴⁶ Смирнов А. П. Из этнической истории Западного Приуралья. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 82.

гребения, что обуславливалось социальными, религиозными и прочими условиями. Этнографическая наука допускает, что в зависимости от возраста, пола, общественного положения умершего, от характера смерти и разных других обстоятельств могут различаться способы обращения с умершими⁴⁷. Наличие в самом Кушнаренинском могильнике наземных захоронений убедительное тому доказательство.

Можно привести также примеры из мифологии древних башкир. Так, в упомянутом выше героическом эпосе «Урал-батыр» рассказывается, что царь Катил в честь главной тотемной птицы-ворона и родного родника один раз в год приносил человеческую жертву — девушку. Она умерщвлялась в этом роднике, а затем труп ее выбрасывался на горы на съедение воронам. В тот же день он приносил в жертву Тенгре — главному небесному богу — юношу, труп которого сжигался⁴⁸. Отсюда следует вывод, что турбаслинские племена также могли знать случаи трупосожжения и применять его в исключительных случаях.

В турбаслинских памятниках (курганах) встречен своеобразный тип могил — склепы с длинным узким входным коридором или, что скорее всего, с глубоким подбоем в одной из длинных стенок, построенные с применением камня. Первое подобное сооружение было обнаружено в упомянутом кургане, раскопанном в 1867 г. Р. Г. Игнатьевым. Судя по его записям, могила была обложена плиточными камнями, придававшими ей вид свода⁴⁹, а вход был заложен обожженной глиной. Второй курган подобной конструкции на территории г. Уфы раскапывался в конце прошлого столетия Н. Ф. Нефедовым в районе нынешней речной пристани.

Некоторые сведения сохранились о третьем склепе, обследованном Б. А. Коишевым в 1936 г. Он же сделал глазомерный план склепа, впоследствии опубликованный Р. Б. Ахмеровым⁵⁰. Согласно этому плану данное погребение имело форму квадратной катакомбы-склепа (?), углубленной в слой материковой глины, к нему вел коридорообразный вход с наклоном примерно в 45°. Вход в склеп загораживался известняковыми плитами. В склепе находились остатки двух захоронений — мужчины и женщины.

Все три описанных случая по своему характеру очень близко напоминают могилу из Салиховского кургана 12 с глубоким подбойным захоронением вдоль одной длинной стенки. Подбой на 40 см был глубже, чем входная яма, а последняя заполнена крупными каменными глыбами. К. В. Сальников отмечает, что дно подбоя также было устлано каменными плитами⁵¹.

Могила с подбоями-склепами выделяются из остальных сравнительно богатым инвентарем. В этом отношении особенно примечательно погребение из-под здания медицинского института, которое по содержанию зо-

⁴⁷ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 167—170.

⁴⁸ Башкирское народное творчество. Эпос. Книга I, Уфа, 1972, с. 51.

⁴⁹ Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей..., с. 159.

⁵⁰ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв., с. 170.

⁵¹ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э. — СА, 1958, № 4, с. 27, 28.

лотых, серебряных предметов пока не знает равных себе на всем Южном Урале. Но обнаруженный в нем большой неорнаментированный сосуд с высоким горлом прямо указывает на то, что в нем похоронен представитель турбаслинских племен.

Необходимо еще иметь в виду, что не менее богатые курганы были найдены в ходе расширения территории г. Уфы в XVII—XIX вв. В этом плане заслуживает внимания курган, находившийся недалеко от погребения из-под здания медицинского института, в котором было обнаружено множество золотых предметов, отправленных затем в качестве дара Екатерине II. Среди них числилась золотая монета V в. н. э.⁵² Чрезвычайное привилегированное положение погребенных здесь очевидно, а оно соответственно требовало для них пышного и сложного обряда погребения. Таким же богатым лицам, вероятно, принадлежали и остальные могилы-склепы (подбой). Однако привилегированное для уфимской группы погребений понятие должно быть несколько конкретизировано.

На протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. территория и окрестности современного г. Уфы являлись районом сосредоточения большого количества однотипных и богатых по материалу памятников, состоящих из огромных по масштабу курганов турбаслинского типа и поселений. Этот редкий для всего Южного Урала рассматриваемого времени случай объясняется, по-видимому, тем, что данный район был важным политическим и культурным центром в Западном Приуралье, где население было неоднородным, но первенствующая роль принадлежала племенам турбаслинской культуры.

Среди множества синхронных памятников здесь ведущим считалось городище Уфа II, культурные наслоения которого достигают почти 4 м. Не подлежит сомнению, что все уфимские погребения и расположенные вблизи них курганы были кладбищем обитателей этого памятника, функционировавшего, вероятно, в качестве раннесредневековых городов. Богатая коллекция керамики с этого городища представляет все основные ее типы, существовавшие на Южном Урале во второй половине I тысячелетия н. э. Такой смешанный характер материала также свойствен для памятников, сыгравших роль культурных центров. Таким образом, напрашивается вывод, что самые богатые уфимские погребения (курганы) принадлежали верхушке данного города.

Среди турбаслинских памятников некоторым особняком стоят Салиховские курганы. В инвентаре это выражается, как уже отмечено, отсутствием сосудов больших кругло- и плоскодонных, а также наличием таких предметов, как бронзовые пряжки с пластинчатыми щитками, фигуры уток и другие предметы, характерные для оседлого населения Южного Урала. В погребальном обряде своеобразие им придают незначительная глубина могил, мелкие размеры и индивидуальный характер насыпей. По этим признакам они приближаются к таким курганным могильникам Южного Урала начала II тысячелетия, как Мрясимовские курганы. Кстати, они сходны между собой также по наличию каменных площадок над могилами на уровне древнего горизонта. Все это, вместе

⁵² «Оренбургские губернские ведомости», 1864, № 23.

взятое, служит дополнительным аргументом в пользу позднего возраста этого памятника.

Турбаслинский погребальный обряд, возможно, сложился на базе погребальной традиции кочевых племен предшествующих веков. Их сближают большая глубина и средние размеры могил, широко развитый культ огня. Кроме того, в савромато-сарматских курганах Южного Приуралья встречаются прототипы могил с подбоями⁵³ и катакомбами⁵⁴. Но если местные сарматские памятники дают древние прототипы основных турбаслинских типов могил, то в курганах кочевников Казахстана, Киргизии середины I тысячелетия мы находим наиболее близкие и почти синхронные параллели уфимским могилам с подбоями (склепам)⁵⁵. В плане объяснения происхождения турбаслинского погребального обряда и культуры этим южным, особенно казахстанским, аналогиям мы придаем особое значение, так как они дают в массовом количестве керамический материал, почти во всех деталях повторяющий большинство сосудов из турбаслинских памятников (романовский тип)⁵⁶. Поэтому, не отрицая возможной сарматской основы турбаслинского погребального обряда, надо полагать, что есть какая-то прямая или опосредованная связь между отмеченными памятниками южных районов.

Могильники бахмутинской культуры. Устройство могильников этой культуры подробно рассмотрено в ряде специальных исследований⁵⁷. Открытия последних лет не вносят ничего принципиально нового, поэтому ниже мы ограничимся только кратким анализом, пользуясь материалами табл. Г, куда сведены общие данные об основных раскопанных могильниках.

Все бахмутинские могильники грунтовые, занимают, как правило, большую площадь, густо заполненную могилами. Среди последних преобладает тип II. По существу эти могилы мало различаются от встреченных почти в каждом могильнике могил I типа, так как общая их глубина в среднем колеблется в пределах 40—60 см от поверхности. Таким образом, тесная связь могил обоих типов налицо. При плотном расположении могил почти нет ни одного случая, чтобы одна разрушала другую. Отсюда следует, что каждая могила была хорошо заметна на поверхности земли.

Такими приметами, на наш взгляд, могли быть верхние венцы деревянных срубов или же деревянные столбы наподобие тех, которые были обнаружены в древнемарийском Варнинском могильнике, о чем уже шла речь. Доказательством тому, кроме сравнительного материала, служит круглая яма диаметром около 10 см, обнаруженная рядом с костяком в

⁵³ Мошкова Г. М. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ гор. Орска.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 29.

⁵⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 82—84; Мошкова Г. М. Савроматские погребения..., с. 30, рис. 3, 2.

⁵⁵ Нурмуханбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника.— В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 112—113; раскопки И. К. Кожомбердиева.

⁵⁶ Там же, с. 109, табл. I.

⁵⁷ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 10—48; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.

Таблица Г

Памятник	Тип могил *		Общее число могил	Год, автор раскопок
	I	II		
Бахмутинский	?	39	39	1928, А. В. Шмидт; 1960, Н. А. Мажитов
Бирский	6	169	217	1958—1960, 1962; Н. А. Мажитов
Каратамакский	1	17	18	1960, Н. А. Мажитов
Мало-Качакский	—	15	15	1967, Н. А. Мажитов; 1970, С. М. Васюткин
Старо-Кабановский	+	110	110	1967—1969, 1971
Ангасякский	10	70	80	1963, Н. А. Мажитов; 1966, 1969, 1971, С. М. Васюткин
Югомашевский	+	81	81	1967, Н. А. Мажитов; 1975, С. М. Васюткин
Погребение по ул. Аксакова (г. Уфа)	—	1	1	1960, Р. Б. Ахмеров

* Типы III, V—VIII отсутствуют, IV тип представлен 42 могилами (Бирск).

погребении 21 Бирского могильника⁵⁸. Следы сгнившего дерева не оставляют сомнения в том, что яма сохранилась от вбитого сюда столба.

В заполнении могил на уровне костяка во многих случаях встречены древесные угольки, а в бирском погребении 124 найдена головешка. Эти факты свидетельствуют о такой же большой роли огня в погребальном обряде бахмутинских племен, какой она была и у турбаслинцев.

Следует выделить еще одну важную деталь. Речь идет об окрашивании трупов в красную краску, что подтверждается сохранившимися следами красной краски на костяке из бирского погребения 150⁵⁹. Насколько данный обряд был распространен повсеместно у бахмутинских племен, пока остается открытым, но выявленный факт заслуживает внимания.

Бирский могильник среди других бахмутинских по многим признакам стоит особняком. В частности, в нем достаточно полно представлены могилы типа IV, и в этом он очень схож с курганами турбаслинского типа. Происхождение их логичнее объяснять в тесной связи с взаимными этническими контактами между носителями обеих культур.

В Бирском могильнике четко фиксированы своеобразные ритуальные захоронения конечностей лошади в почвенном слое, рядом с могилами. Не исключено, что они клались вместе со шкурой. Эта черта сближает Бирский могильник с позднекочевническими курганами, в насыпях которых подобные находки — обычное явление.

Курганы лагеревого типа. Данный тип представляет сочетание невысоких круглых в плане земляных насыпей и неглубоких могил (табл. Д). Хотя такой тип погребальных сооружений в принципе не является ха-

⁵⁸ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 87.

⁵⁹ Там же, с. 107.

Таблица Д

Название памятника	Тип насыпей *	Тип могил **			Число могил	Год, автор раскопок
	I	I	II	III		
Ново-Биккинский курган	1	—	—	1	1	1970, Н. А. Мажитов
Булгарский »	1	—	—	1	1	1969, Н. А. Мажитов
Старо-Янзигитовский могильник	?	—	1	+	1	1971, В. А. Иванов
Манякский могильник	>30	12	29	—	41	1967, 1968, Н. А. Мажитов
II Красногорские курганы	2	—	2	—	2	1974, В. С. Горбунов
II Ишимбаевский могильник	?	—	?	—	2	1960—1961, В. Д. Викторова
Иткучукский »	?	—	?	—	1	1960—1961, В. Д. Викторова
II Сынтыш-Тамакские курганы	4	—	4	—	5	1963, 1968, С. М. Васюткин
Хусаиновские »	12	—	30	—	30	1965, 1966, Н. А. Мажитов
II Бекешевские »	6	2	24	—	26	1972, А. Х. Пшеничный; 1973, Н. А. Мажитов
I Бекешевские »	3	—	11	—	11	1972, А. Х. Пшеничный; 1973, Н. А. Мажитов
Чишминский могильник	?	—	2	—	2	1973, Е. П. Казаков
Больше-Тигановский могильник	?	—	29	—	33	1974, Е. А. Халикова
Стерлитамакский могильник	?	?	?	—	больше 10	1950, Р. Б. Ахмеров
Ямаши-Тауский курган	1	1	—	—	2	1969, Н. А. Мажитов
Ромашкинский »	?	—	—	—	1	1965, Н. А. Мажитов; 1966, С. А. Попов
Лагереvские курганы	57	—	67	1	68	1964, 1972, Н. А. Мажитов
Синеглазовские »	9	?	?	—	>9	1908, Н. К. Минько; 1959, В. С. Стоколос
Ишимбаевские »	3	2	6	—	8	1963, 1964, Н. А. Мажитов
Колычевский курган	1	1	—	—	1	1974, Н. А. Мажитов
Старо-Халиловские курганы	7	22	9	—	31	1963, Н. А. Мажитов
Старо-Мусинские »	5	3	4	—	7	1957, Н. А. Мажитов
Идельбаевские »	8	6	5	—	11	1972, Н. А. Мажитов
Муракаевские »	10	11	3	—	14	1965, 1966, Н. А. Мажитов
Житимакские »	5	3	6	—	9	1969, 1970, Н. А. Мажитов
Ихтисатский могильник	?	—	?	—	7	1966, Г. И. Матвеева
Кулкановский »	?	—	?	—	?	1966, Г. И. Матвеева
Нагаевские курганы	3	—	3	—	3	1972, А. Х. Пшеничный
II Тавлыкаевские курганы	2	—	2	—	2	1972, А. Х. Пшеничный
Сахаевский могильник	?	2	—	—	2	1967, Г. И. Матвеева

* Тип II представлен 1 курганом (Старо-Халилово), типы III—V отсутствуют.

** Тип IV представлен 1 могилой (Сынтыш-Тамак), тип V — 5 могилами (4 — Большие Тиганы, 1 — Ямаши-тау), типы VI—VIII отсутствуют.

рактным для какого-нибудь конкретного района и узкого времени, в данном случае имеются в виду курганы, отличающиеся сходством вещевого материала и датирующиеся в пределах VII—XII вв. н. э.

Курганам лагереvского типа придают своеобразие прежде всего глиняные сосуды кушнаренковского и кара-якуповского типов, которые, как известно, на Южном Урале ранее VII—VIII вв. не встречались и появились сразу в массовом количестве где-то в это время. Вместе с сосудами указанных типов в этих курганах найдены вещи новой формы, как-то: стремена, пластинчатые панцири, кольчуги, шлемы, которые не встречались в памятниках предшествующего времени. Совокупность вещевого материала характеризует погребенных под курганами лагереvского типа как пришлое население, состоящее из родственных по происхождению групп племен. Древняя прародина их пока не может быть точно определена. Судя по керамике, она находилась несколько юго-восточнее Южного Урала, в степях Южной Сибири. Этим единством происхождения была обусловлена большая общность не только материальной культуры, но и погребальных обрядов.

Территория распространения этих курганов значительно шире, чем остальных типов, и охватывает весь Южный Урал, включая его восточные склоны и восточную часть Татарской АССР. Да и численно они также их превосходят. Наиболее изученными и основными памятниками являются Лагереvский, Идельбаевский, Ишимбаевские, Хусаиновские, Муракаевские, Житимакские, I и II Бекешевские, Ново-Биккинский, Булгарский, Сынтыш-Тамакские курганы. Аналогичные им находки имеют погребения Манякского, Стерлитамакского и Такталачукского⁶⁰ могильников, утратившие сейчас насыпи. Поскольку погребения там располагались на значительном удалении друг от друга, что вообще не характерно для грунтовых могильников, можно предполагать, что на них в свое время имелись такие же земляные небольшие насыпи, как и на всех других могильниках данного типа.

К настоящему времени у нас накопился ряд наблюдений, подтверждающих сказанное. Ввиду небольших размеров насыпей они при вспашке быстро нивелируются и теряют всякие внешние признаки. Такая участь, например, постигла Житимакские и Ишимбаевские курганы, которые были заметны до их вспашки. На Ишимбаевском могильнике, например, Р. Г. Игнатьев в свое время насчитывал более 50 курганов. Из-за отсутствия признаков насыпи раскопки на этих памятниках — и на Манякском, и на Такталачукском — проводились как на грунтовых.

Выделяется еще один внешний признак, который характерен в основном для самой ранней группы памятников (Ново-Биккино, Булгары, Сынташево, Краснoгор, Ильчигулово, Ишимбаево и др.). В отличие от остальных последние состоят только из 1—2 курганов. Учитывая пришедший характер населения, можно предположить, что эти единичные курганы отражают самую раннюю пору его пребывания на Южном Урале, когда территории расселения отдельных племенных групп еще не были упорядоченными и образ жизни был более подвижным.

⁶⁰ Раскопки Е. П. Казакова.

Преобладающее большинство курганов имеет стандартные размеры: диаметр колеблется от 6 до 10 м; высота — 25—50 см. Каждый такой курган является индивидуальным, т. е. содержит одно погребение (рис. 12, 14). Курганы значительных размеров, содержащие до 3—5 костяков, встречаются очень редко, и они, как правило, в данной курганной группе бывают основными и самыми богатыми. Вероятно, большие курганы насыпались над могилами знатных людей племени. Впускных погребений в насыпях не встречается, если не считать нескольких случаев обнаружения детских костяков во II Бекешевском и Лагереvских курганах. Почти для каждого кургана обязательно захоронение черепов и конечностей лошади.

Основным типом могил являются простые ямы удлиненной формы средним размером 1,90—2,20×0,75—0,95 м. Могилы сложной конструкции почти не встречены. Из более 200 раскопанных могил лагереvского типа лишь в трех (двух — в Лагереvских, одной — в Ново-Биккинском курганах) зафиксированы заплечики (ступеньки) вдоль обеих длинных стенок, шириной 10—15 см для устройства деревянных перекрытий над трупом. В двух могилах (в Ямаше-Тауском и в Бекешевском курганах) вдоль одной из длинных стенок (западной) имелись широкие ступеньки. Кстати, эти две могилы сейчас считаются самыми глубокими и богатыми в данной серии погребений.

Причина того, что абсолютное большинство курганов лагереvского типа содержит ямы простой конструкции, кроется в их незначительной глубине. Как правило, они углубляются в материк не более чем на 5—20 см и имеют общую глубину 40—60 см от уровня погребенной почвы и 60—90 см от вершины курганов. Необходимо также учесть, что определенная часть погребений под этими курганами находилась вообще в почвенном слое, не являясь в то же время впускными. В таких условиях не только особенности конструкции могил, но и очертания их в ходе раскопок прослеживаются плохо. Но эту закономерность, вероятно, следует объяснить тем, что здесь умерших хоронили согласно погребальной традиции, при которой трупы должны были находиться очень близко от поверхности земли.

В этом нельзя не усмотреть тесную связь захоронений в могилах с наземными, где обязательным моментом согласно маздеистской традиции является выставление трупов птицам или зверям. Во всяком случае, письменные источники раннего средневековья свидетельствуют, что племена, хоронившие своих умерших сородичей в могилах, должны были совершать обряды, которые нельзя не интерпретировать как маздеистские.

У древних тюркских племен, по сообщению китайских хроник, «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или спадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он участвовал в продолжение жизни... По принесению овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их го-

ловы на вежах. В этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище»⁶¹.

Так же поступали со своими умершими сородичами древние уйгуры. «Мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп на середине, с натянутым луком в руках, с копьём под мышкой, как будто живой; но могилу не засыпают. Если кто умрет от громового удара или от повальной болезни, то молятся о счастье. Если все кончится благополучно, то для принесения благодарности духам закопают множество разного скота и сжигают кости его, потом объезжают это место на лошадях; иногда они скачут несколько сот кругов»⁶².

Хотя в этих документах речь идет о народах, территориально значительно удаленных от Южного Урала, мы имеем полные основания привлечь их при изучении погребальных обрядов южноуральских племен. Это тем более правомерно, если учесть роль центральноазиатских племен, прежде всего тюркских, в истории Сибири, Урала, Средней Азии и Восточной Европы.

В этом отношении еще больший интерес для нас представляет рассказ Аль-Гарнати (XII в.), оказавшегося очевидцем погребения умерших у волжских болгар — ближайших соседей башкир. «Усиливается там (в Болгаре. — Н. М.) мороз до того, — пишет он, — что когда умрет у кого-нибудь кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится как железо и невозможно в ней копать могилу»⁶³.

Однако, по-видимому, дело не только в климатических условиях. У населения Волжской Болгарии, недавно еще принявшего мусульманскую религию (X в.), должны были сохраниться сильные пережитки языческих верований, и одним из их проявлений, вероятно, было сохранение цикличности погребения мертвых.

Совпадение данных раннесредневековых письменных источников о погребальных традициях тогдашних народов Центральной Азии, а также Восточной Европы (Среднего Поволжья) для нас знаменательно. Оно наводит на мысль, что строго регламентированные сроки погребения умерших существовали в действительности почти у всех народов этой обширной территории, и его придерживались даже те племена, которые хоронили в могилах под курганами. Выше было сказано, что у древних уйгуров могилы с мертвецами оставались на все лето открытыми, тюрки хоронили весной и осенью. В этом нельзя не увидеть различное проявление одного и того же древнего обряда выставления трупов птицам и зверям и цикличности погребений. Сказанное, на наш взгляд, полностью относится ко всем захоронениям Южного Урала, в том числе в могилах под курганами лагеревого типа.

Если наши наблюдения верны, то между наземными захоронениями и захоронениями в могилах Южного Урала рассматриваемого времени

⁶¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М. — Л., 1950, с. 230.

⁶² Там же, с. 216.

⁶³ Путешествие Абу Хамиды ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971, с. 587.

(как и предшествующего) обнаружится много общих параллелей, и их одинаково можно считать памятниками маздеистского погребального культа. Незначительная глубина лагереvских могил, а в ряде случаев расположение их в почвенном слое (если не на уровне погребенной почвы) заставляют предположить, что над могилами лагереvского типа имелись какие-то наземные сооружения в форме невысоких срубов или дощатых перекрытий, над которыми засыпалась земля. На вершинах некоторых лагереvских курганов имелись хорошо заметные впадины, хотя сами курганы никаких могил не содержали, но в насыпи находились различные предметы. Принято считать, что эти впадины являются следами ограбления курганов в древности, однако такое мнение, вероятно, не всегда соответствует действительности. Не исключено, что указанные впадины иногда образовывались в результате разрушения деревянных конструкций курганов.

Таким образом, можно предположить, что, во-первых, все южноуральские племена на протяжении определенного времени имели доступ в могилы умерших сородичей. Иначе, например, трудно объяснить такой редкий случай ярусного захоронения в погребении 1 Хусаиновского кургана 12. Здесь в сравнительно узкой могиле, не имевшей следов разрушения, находились мужской и женский (?) скелеты, изолированные друг от друга слоем заполнения толщиной около 15 см. Такое же ярусное захоронение обнаружено в Лагереvском кургане 42, где верхний костяк оказался потревоженным. Следует отметить, что благодаря верхнему захоронению грабители оставили нетронутым нижнее, где найден ряд интересных вещей.

Во-вторых, в могилы могли хоронить не только трупы, но и скелеты. В свете сказанного заслуживают внимания те факты из практики раскопок, когда в могилах человеческие кости лежали разбросанно, либо кучей, либо не все части скелетов, преимущественно черепа и конечности. Все это могло являться имитацией похорон умершего.

Примеров можно привести много. Таковым, например, могло быть погребение 15 Старо-Халиловского кургана 6, в котором в перемешанном состоянии находились кости двух взрослых людей. Неполные или потревоженные скелеты при сравнительной целостности погребального инвентаря обнаружены в первом Манякском погребении и многих других памятниках. Случаи расположения человеческих костей кучей или разбросанно хорошо прослеживаются почти повсеместно, и некоторые из них могли оказаться остатками намеренных захоронений⁶⁴.

Во всех курганах лагереvского типа умершие лежат в одном положении — на спине, с вытянутыми конечностями. По сравнению с турбаслинскими курганами в лагереvских больше разнообразия в ориентировке погребенных по странам света. Головами они лежат на север, юго-запад, северо-восток, северо-запад, но общая статистика показывает, что в лагереvских курганах все-таки умерших старались хоронить головой на север, северо-запад и запад. При ориентации костяков на север древне-

⁶⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 80.

уральские племена лицо умерших поворачивали либо к югу, либо к востоку.

Считаю уместным сослаться на мнение Л. Я. Штернберга, согласно которому некоторые народы ориентацию погребенного связывают с воспоминаниями о прежнем местожительстве своих предков: «Где лежала, по преданию, прежняя территория, и покойника кладут в соответствующем направлении»⁶⁵. В данном случае речь может идти об ориентировке только лица, но не головы, так как в противном случае мы должны были предположить приход значительной части южноуральских племен с севера или запада.

Твердо установлена одна важная деталь погребального обряда: в могилах покойников хоронили в деревянных гробах. Применялись ли гробы повсеместно? Ответить на этот вопрос однозначно пока трудно, но имеющиеся материалы свидетельствуют, что они применялись широко. Остатки гробов из тонких досок (толщиной около 1—2 см) обнаружены в ряде погребений I и II Бекешевских, Каранаевских (курган 3, погребение 16) и некоторых других курганов. Интересно отметить, что в погребении 3 I Бекешевского кургана 2 в гробу вместе с костяком женщины лежал костяк грудного ребенка. Он был положен в берестяную люльку либо в гроб и находился на правой откинутой руке женщины. Люлька состояла из нескольких слоев бересты и имела следующие размеры: длина около 60 см, ширина 40 см. Ее края для прочности в свое время были обложены тонкими деревянными планками, через которые продевалась веревка для подвешивания. Возможно, что снаружи люлька была обшита материей, об этом говорят следы от шила — тонкие сквозные отверстия по краям.

Захоронений младенцев в курганах средневековья почти нет и описанное погребение является одним из редких исключений. Возможно, что данный пример свидетельствует о форме погребений малолетних детей в берестяных гробах-люльках.

Дно гробов, судя по зафиксированным случаям, устилалось войлоком, а затем циновкой или рогожей. В массовом порядке они обнаружены в погребениях I и II Бекешевских курганов. Куски войлока и циновка найдены в лагеревском кургане 46, хорошо датируемом VII—VIII вв. (рис. 1, 11). Вторым подобным памятником является Синеглазовский курган IX—X вв. в Челябинской области, где найдены куски циновки. Куски войлока имелись в отдельных погребениях Бирского могильника (табл. Е).

В расположении вещей в могилах наблюдается относительное постоянство. В изголовье умерших обычно находятся глиняные сосуды и трубчатая кость лошади — остатки мясной пищи. Очень редки случаи, когда указанные предметы лежат сбоку или у ног погребенных. Украшения (серьги, подвески, браслеты) всегда лежат согласно своему назначению. В нескольких погребениях обнаружены остатки колчанов, которые находились у левой ноги. Там же чаще всего лежат сабли, мечи, хотя встречаются некоторые отклонения. Так, например, в упомянутом погребении

⁶⁵ Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936, с. 324.

Таблица E

Дата	Памятник	№ кургана, погребения	Материал					Сопровождающий материал			
			войлок	пиновка	шерсть (грубая)	шелк	к-во сортов шелка	поясной ремень	седло	оглоуе	сабля
VII—VIII вв.	Лагеревский	49/1	Есть	Есть	—	—	—	—	—	—	—
»	Бирский	49/1	—	—	—	Есть	2	Есть	—	—	—
IX—X вв.	I Бекешевский	4 (1958 г.)	Есть	—	—	—	—	—	—	—	—
		1/9	—	—	—	Есть	—	—	Есть	Есть	—
		2/2	Есть	Есть	Есть	»	1	Есть	»	»	Есть
		2/3	—	»	»	»	1	»	»	»	—
»	II Бекешевский	1/9	—	—	—	»	—	—	—	—	—
		2/1	Есть	Есть	Есть	»	1	—	—	—	—
		2/2	»	»	—	—	—	—	—	Есть	—
»	Ямши-Тауский	2/2	»	—	—	Есть	3	Есть	Есть	»	Есть
X—XI вв.	Ишимбаевский	3/3	—	—	Есть	»	2	—	»	—	Есть
IX—X вв.	Синеглазовский		—	Есть	—	»	2	—	—	—	»
XI—XII вв.	Житимакский	2/1	—	—	Есть	»	1	—	—	—	Есть
»	Муракаевский	2/3	—	—	Есть	»	2	—	Есть	—	»
XIII—XIV вв.	Башкир-Беркутовский	2/1	—	—	—	»	Есть	—	—	—	—
»	IV Ивановский		—	—	—	»	1	—	—	—	Есть
»	Россыпинский	1	—	—	—	»	3	—	Есть	—	—
»	Каменноозерный	1	—	—	—	»	3	—	—	—	—
»	I Канаталанский	1/1	—	—	—	»	3	—	—	—	—

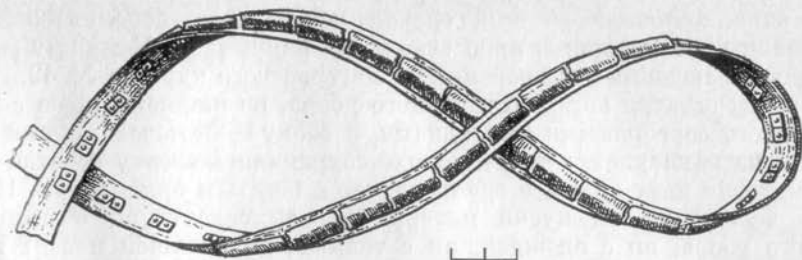

Рис. 15

Пути из I Бекешевского кургана 2, погребения 3

1 Маянского могильника меч вместе с поясом находился под костяком. Под костяком лежал также кожаный налучник в первом Ямаши-Тауском кургане. Остатки луков часто встречаются на уровне пояса, сбоку костяков, у края могилы. Вероятно, луки ставились вдоль стен.

Остатки узды с удилами, седла со стременами обычно располагаются у ног или в области колен. Очень важно отметить, что иногда предметы вооружения и конской сбруи (луки, стрелы, стремена, удила) лежат в специальных ямах, расположенных рядом с могилой, но значительно меньших размеров. Такие ямы с аналогичными находками, например, встречены в Ново-Биккинском, Ямаши-Тауском (1), Лагереvских (12) курганах (рис. 12, 1Г). Попутно следует указать, что такие же круглые ямы обнаружены также в ряде Ново-Турбаслинских курганов.

Назначение этих ям нетрудно определить — они служили местом, куда ставились предметы первой необходимости для кочевника: вооружение и конская сбруя. Но возникает естественный вопрос, для чего нужны были эти ямы, когда сами предметы могли быть уложены вместе с умершими в могилу.

Умерших хоронили во всей одежде в подпоясанном виде. В могилах неоднократно находили остатки холщевой, шелковой ткани, вязаной шерстяной материи (шапочки), шкуры (шубы). Покойников опоясывали иногда двумя ремнями. Такие пояса, например, были найдены в первом Ямаши-Тауском кургане. Это погребение было необычным: ноги покойника были опутаны куском ремня, сплошь украшенным серебряными накладками. Ремень связывал ноги восьмеркообразной петлей. Такие же ременные путы, сплошь украшенные серебряными накладками, обнаружены в I и II Бекешевских курганах (рис. 15).

На основании указанных примеров можно полагать, что во всех средневековых курганах Южного Урала умерших хоронили со связанными ногами. Редкость следов связывания, видимо, объясняется тем, что ноги могли связывать веревкой или материей, которые истлели полностью. Обычай связывания ног умерших, по мнению исследователей, был распространен в прошлом почти повсеместно. Вероятно, это делалось для того, чтобы покойник не мог встать и принести вред оставшимся в живых⁶⁶.

⁶⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 78.

Умерших хоронили во всей одежде, кроме того, дополнительно их обертывали либо материей, либо сверху ею накрывали. К такому выводу приводят наблюдения в погребении из Лагереvского кургана № 42. В нем обнаружены остатки богатого головного убора, по нижнему краю сплошь украшенного серебряными накладками, а сбоку — большой круглой бляхой. Как на накладках, так и на бляхе сохранились сверху остатки шелковой материи двух видов, в одном случае с богатым орнаментом. По условиям залегания эти куски материи нельзя связать ни с обшивкой головного убора, ни с одеждой, ни с тканью, положенной поверх всего.

В погребениях 2, 3, 4 I Бекешевского кургана № 2, а также 1—3 II Бекешевского кургана № 2 удалось точно проследить следы обугленности наружной поверхности гробов, но без всяких признаков сожжения их в самой могиле. Следы горения не обнаруживались и внутри гробов. Описанному явлению можно дать только однозначное объяснение: закрытые гробы перед тем, как опустить их в могилу, держали в огне до тех пор, пока не начинала гореть вся наружная поверхность.

Приведенный факт наводит на серьезные размышления о характере погребальных обрядов племен средневекового Южного Урала. Он, бесспорно, указывает на то, что роль огня при погребении была различной. А в самом же факте установления гроба в огонь перед опусканием в могилу нетрудно видеть своеобразную имитацию обряда трупосожжения.

Курганы мрясимовского типа. По своему устройству они мало отличаются от лагереvских. Своеобразие их — в составе находок, среди которых присутствует керамическая посуда со шнуровым орнаментом, не встречающаяся в курганах других типов. Основными памятниками являются Мрясимовские, Каранаевские курганы, Кушулевский могильник; погребения со сходным инвентарем имеются в Манякском могильнике (поздняя группа), а также Бакальском кургане. Период существования всех этих памятников охватывает XII—XIII вв., а территория их распространения ограничивается только Северной Башкирией, тяготеея, таким образом, к лесному Среднему Уралу и Прикамью. Следует вспомнить, что аналогии шнуровой керамике локализуются как раз в этой области.

Как видно из табл. Ж, курганы мрясимовского типа представляют сочетание насыпей I и III, а могил I—II типов. Значит, они, как и лагереvские, состоят из небольших, едва заметных насыпей с захоронениями либо в почвенном слое, либо в могилах, слабо углубленных в материк. Смысловое значение таких могильных сооружений, на наш взгляд, хорошо объяснимо, исходя из маздеистского погребального обряда, что подробно рассмотрено выше. Из других деталей отметим, что в Мрясимовском кургане 16 впервые для средневековья Южного Урала встречено захоронение целой туши лошади. Оно было совершено в отдельной могиле, расположенной рядом с человеческой (рис. 12, 1Б).

Некоторые из курганов X—XII вв. по отдельным признакам выпадают из общей описанной серии, имея при этом сходство в вещевом материале. Например, шестой Старо-Халиловский и третий Каранаевский курганы отличаются тем, что содержат очень большое количество захоронений, совершенных в грунтовых или впускных могилах. Из них Старо-Халиловский является самым ранним и может быть датирован около X—XI вв.

Таблица Ж

Памятник	Тип насыпей *		Тип могил **		Число могил	Год, автор раскопок
	I	II	I	II		
Мрясимовские курганы	21	—	33	2	35	1963, 1966, Н. А. Мажитов
Каранаевские »	15	3	35	40	75	1964, 1966, Н. А. Мажитов
Бакальский курган	1	—	—	2	2	1969, А. Х. Пшеничнюк
Кушучевский могильник	?	—	—	63	63	1957, И. Эрдели; 1962, 1969
I Сынтыштамакский курган	14	—	1	13	14	1970, Н. А. Мажитов; 1966, 1967, С. М. Васюткин
Охлебининский могильник	—	—	3	—	3	1974, В. А. Иванов

* Тип III представлен 3 курганами (Мрясимова), типы IV, V отсутствуют.

** Типы III—VIII отсутствуют.

Он представлял собой невысокую насыпь диаметром 16 м, на вершине которой имелось небольшое возвышение в виде отдельного кургана диаметром не более 3 м. После раскопок выяснилось, что отмеченное возвышение оказалось насыпью над выпускными погребениями.

В кургане в общей сложности выявлено 24 погребения, очень густо и беспорядочно расположенных в центре. Некоторые погребения, в том числе выпускные, прикрывали друг друга. Интересно, что в насыпи во многих местах были заметны неглубокие удлиненной формы впадины. Обращает на себя внимание присутствие выпускных детских могил. Следует отметить, что рядом с этим курганом находился курган 5, содержащий около 10 захоронений на уровне древнего горизонта.

Третий Каранаевский курган имел удлиненную форму, диаметр его 23×15 м, высота 60 см. В нем обнаружено 34 погребения, но в действительности их, видимо, здесь было значительно больше (рис. 12, II). Курган на протяжении многих десятилетий распахиwali, в результате чего часть выпускных захоронений могла разрушиться. Об этом свидетельствовали, например, многочисленные находки предметов, костей (черепов, длинных костей) человека и животных, которые находились на кургане в момент первоначального осмотра.

Из общего числа погребений только в двух случаях зафиксированы захоронения на уровне древней поверхности земли или в насыпи кургана; все остальные находились либо на поверхности материка, либо были слабо углублены в него. Почти все могилы оказались сильно потревоженными в древности, и это исключает возможность сопоставить их между собой по инвентарю и расположению умерших. По-видимому, все могилы, за исключением, может быть, могилы 26, которая являлась основной и имела значительные размеры, были индивидуальными. По ориентировке длинных стенок по сторонам света могилы могут быть подразделены на две группы: юг — север, восток — запад. Эта особенность, безусловно,

есть результат того, что умерших здесь хоронили головой на север и запад, что может служить показателем их неоднородности по происхождению и культуре.

В настоящее время трудно дать удовлетворительное объяснение причины возникновения столь необычных для Южного Урала первых веков II тысячелетия н. э. отдельных курганов, где нагромождено большое количество сравнительно одновременных могил. Среди археологов принято считать, что такие сложные погребальные сооружения являлись усыпальницей небольшого, особо привилегированного коллектива людей (род, большая семья), в котором его члены стремились быть погребенными рядом (под общей насыпью) с особо знатными людьми. Кроме того, это могло быть связано с тем, что население старо-халиловской и каранаевской курганных групп имело несколько иное происхождение, чем основная масса племен, представители которой похоронены в курганах лагереvского типа.

Прослеживается также существенная особенность в вещевом материале этих курганов. Так, например, в них очень мало сосудов кушнаренковского и кара-якуповского типов, но преобладают небольшие открытые чашки и горшки со штампованным орнаментом. Последние также не находят себе прототипов среди керамического материала Южного Урала и прилегающих к нему районов.

Курганы башкир-беркутовского типа. По особенностям своего устройства курганы данного типа занимают особое место, являясь в то же время одним из самых последних типов языческих погребальных соору-

Таблица 3

Памятник	Тип насыпей *		Тип могил **		Число могил	Год, автор раскопок
	I	IV	VII	VIII		
IV Ивановский курган	1	—	—	—	1	1974, А. Х. Пшеничниук
Юлдыбаевский »	—	—	2	—	2	1962, М. Х. Садынова
Башкир-Беркутовский курган	3	—	3	—	3	1968, 1969, Н. А. Мажитов
I Именгуловский курган	1	—	—	—	1	1974, Н. А. Мажитов
Алабайтальский »	1	—	—	1	1	1975, Н. А. Мажитов
Карагачские курганы	1	—	—	1	2	1975, Н. А. Мажитов
I Жанаталапские курганы	2	—	—	2	2	1975, Н. А. Мажитов
II Жанаталапские »	—	2	—	1	2	1975, Н. А. Мажитов
Каменноозерный курган	1	—	—	1	1	1975, Н. А. Мажитов
Россыпинские курганы	2	—	—	2	2	1975, Н. А. Мажитов
III Октябрьские »	1	1	1	—	1	1974, Н. А. Мажитов

* Тип II отсутствует, тип III представлен двумя курганами (Юлдыбаево), тип IV — 3 курганами (2 — II Жанаталап, 1 — III Октябрь), тип V — 1 курганом (Карагач).

** Одной могилой представлены типы I (II Жанаталап), II (IV Ивановский), III (Карагач), VI (I Именгулово); типы IV, V отсутствуют.

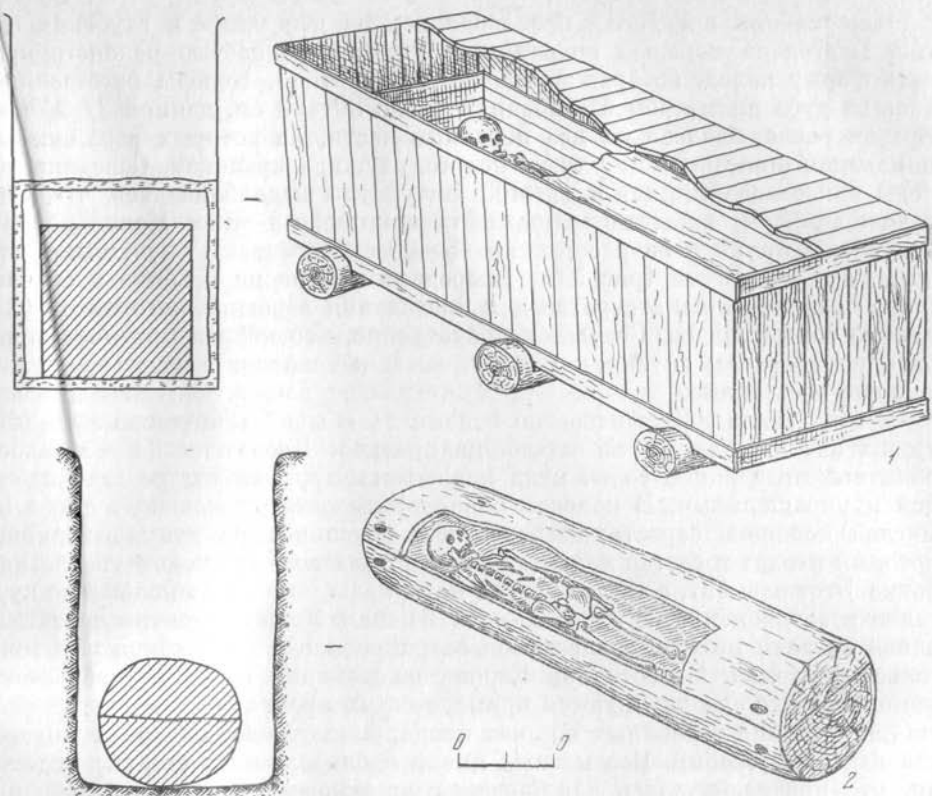

Рис. 16.

Типы колод и двойных гробов из курганов Южного Урала эпохи средневековья (XIII—XIV вв.)

1 — Жанаталапский курган; 2 — Башкир-Беркутовский курган 3

жений на Южном Урале (XIII—XIV вв.). Численно они уступают всем остальным: раскопано 11 курганов в восьми пунктах, расположенных в степной части (Башкир-Беркутовский, Юлдыбаевский, IV Ивановский, I и II Жанаталапский, Алабайтальский, Каменно-озерный и Россыпинский) (табл. 3).

По внешнему виду эти курганы ничем не отличаются от курганов лагереvского и мрясимовского типов. Они имеют низкие и небольшие земляные насыпи (диаметр около 6—9 м) и содержат, как правило, по одной могиле. Их признаком является захоронение в деревянных колодах или двойных ящиках: наружном и внутреннем (гроб или колода). Наличие двойных ящиков наряду с гробами и колодами как будто говорит, что эти две формы захоронений по своему смысловому значению и этнической принадлежности мало отличаются одна от другой. Это позволило нам объединить их в один общий тип.

Захоронения в колодах производились на дне узких и глубоких могил. Благодаря хорошей сохранности удалось полностью реконструировать форму колод, которая оказалась стандартной. Колоды изготавливались из дуба диаметром в основании около 80—90 см, длиной 2—2,20 м. Бревно раскалывалось на две неравные части, из которых верхняя, занимающая примерно одну треть целого, служила крышкой. Середина колоды как основания, так и крышки аккуратно выдалбливалась, что придавало ей форму корыта с толщиной стенок около 3—5 см. Концы колоды обрублены прямо и на расстоянии 15—20 см оставлены сплошными, видимо, для прочности (рис. 16). Посредине концов на крышке и основании выдалбливалось отверстие для продевания веревки, которой колода прочно завязывалась. Создается впечатление, что колода приспособлялась не только к спуску в могилу, но и к транспортировке на значительное расстояние.

В этой связи небезынтересно вспомнить обычай монголов перевозить трупы знатных людей на кладбище предков. Дно колоды выстилалось обильной прослойкой золы, куда клался сам труп вместе со всей одеждой и украшениями. В колодах обнаружены остатки кожаных сапог на мягкой подошве, берестяной чехол для волос в виде длинной трубки, который входит в состав характерного монгольского головного убора типа бокка. Этот элемент, а также другие материалы позволяют появление курганов с захоронениями в колодах на Южном Урале уверенно связать с одной из волн миграции населения из районов Южной Сибири или монгольских степей. В восточной Европе захоронений в колодах встречено немного, и все они датируются примерно этим временем⁶⁷.

Захоронения в двойных ящиках представляют более сложный тип могильных сооружений. Все могилы имели вдоль длинных стенок заплечики, что предназначалось для перекрытия самого захоронения (рис. 13, VIII). Стенки наружного ящика состояли из вертикально, а дно и крышка — из горизонтально поставленных нешироких (9—10 см) досок. Наружный ящик стоял на трех подставках (посредине и на концах), состоящих из коротких чурбанов, толщиной около 10 см. На уровне заплечиков в могилу помещалась конская сбруя (седло, удила) и жертвенная пища или ритуальное захоронение лошадиной шкуры (череп и конечности).

Судя по отчету Ф. Д. Нефедова, могилы аналогичной конструкции имелись в курганах близ поселка Мертвецовский. Например, там упоминается, что в первом кургане над гробом находились поперечные плахи, которые скорее всего являлись остатками крышки наружного ящика⁶⁸.

Захоронения в двойных гробах оказались чрезвычайно богатыми. Помимо характерных для XIII—XIV вв. предметов, как «бокка», зеркала монгольского типа, металлическая посуда, кресала, в большом количестве найдены остатки роскошной одежды, состоящей из разносортных шелков и богато декорированной парчи. Состав находок не оставляет сомнения

⁶⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 130; Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы, с. 165—167.

⁶⁸ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье..., с. 23.

в том, что указанные захоронения принадлежат привилегированному слою населения.

В XIII—XIV вв. на Южном Урале были известны захоронения в глубоких могилах, в подбоях вдоль стенок. Один случай прослежен в Аккулаевском кургане, датируемом на основании ножниц и височной подвески позднего типа в виде знака вопроса с сомкнутым кругом и насаженной на стержень бусиной (рис. 13, V). Примерно такой же была конструкция могилы из I Имангуловского кургана, где костяк лежал в деревянном гробу или колоде. Фрагментарность материала пока не позволяет сказать более определенно о степени распространенности и этнической принадлежности их. То же самое относится и к курганам IV типа (I Акимбетовский, Чулпановский, III Октябрьский, II Жанаталыкский), содержащим захоронения без вещей. Одно кажется несомненным: они принадлежат уже к числу памятников переходного типа от языческих к раннемусульманским.

Одним из признаков, общих для всех видов захоронений, является широкое распространение в насыпях курганов остатков ритуальных захоронений черепов, конечностей лошади и редко глиняных сосудов. Аналогичное явление наблюдается и среди погребений Бирского могильника, где в почвенном слое между могилами часто встречаются кости ног лошади ниже колен⁶⁹.

У южноуральских племен существовал обычай, согласно которому в могилах устраивали также ритуальное захоронение черепа и конечностей лошади, о чем подробнее речь пойдет ниже. Но этот обычай применялся весьма редко, и пока нам известно лишь два случая: в Кушнаренковском могильнике (погребение 2) и Мрясимовском кургане 1. В первом они находились над костяком, видимо, на могильном перекрытии на уровне запячечиков, а во втором — рядом с ним.

В насыпях же курганов вследствие нарушения слоев и плохой сохранности в большинстве случаев встречаются лишь зубы, обломки костей или копыта. Но, по-видимому, они имеют общее происхождение с непогребенными захоронениями.

В насыпях обычно хоронились черепа и редко черепа вместе с конечностями лошади. Стратиграфически они хорошо увязываются с уровнем погребенной почвы или несколько выше его. Нередко остатки черепов встречаются под полами, примерно на той же глубине. В качестве примера можно привести I Бекешевские курганы 1 и 2, в которых найдено не менее 5—6 черепов сравнительно хорошей сохранности. Последние, вероятно, в свое время оставались у подножия кургана, но затем оказались под землей в результате сползания насыпей.

Иногда черепа и конечности клались в верхних слоях заполнения могильных ям. В частности, они обнаружены в нетронутых Ямаши-Тауском (№ 2) и Колычевских курганах, датируемых IX—X вв.

Письменные документы средневековья содержат многочисленные материалы, помогающие нам понять смысловое значение находок костей в насыпях и вообще вблизи могил. По свидетельству Бируни, они оставля-

⁶⁹ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 30, рис. 6.

лись сородичами в день поминок, отмечаемый один раз в год в начале весны. У различных племен по-разному объяснялись мотивы ритуальных захоронений костей лошади и других вещей в насыпях курганов и вблизи могил, хотя в основе их лежит вера в необходимость периодически подкармливать душу умершего и обеспечивать его предметами, в которых она нуждается.

Такую, например, трактовку жертвоприношений мы находим у племен южноуральских степей X в., засвидетельствованную Ибн-Фадланом у гузов. Он пишет: «Если умрет человек, наденут на него куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают под ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кости и хвоста. И право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Иногда они пренебрегут убийством лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел его, то есть умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают и растягивают их в могиле».

Далее Ибн-Фадлан сообщает, что во время похорон гузы убивают и съедают мясо нескольких лошадей умершего, «кроме головы, кожи и хвоста... Они растягивают это на деревяшках»⁷⁰. Описанная Ибн-Фадланом деталь сложилась веками как универсальная в погребальных обрядах всех кочевников в евразийских степях раннего железного века и средневековья, ее почти без особых изменений наблюдали у народов, которые жили три-четыре столетия спустя. Например, Рубрук пишет, что команы около умершего вешают на высоких жердях шкуры лошадей, ставят перед ним для питья кумыс, для еды мясо⁷¹.

Плано Карпини наблюдал, как монголы «убивают и хоронят вместе с умершими кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках»⁷².

Приведенные сообщения ценны, в частности, в том плане, что за черепами и конечностями лошади, которые находятся в насыпях курганов и вблизи могил в грунтовых могильниках (Бирский), они позволяют видеть не только остатки ритуальной пищи, но и прежде всего символическое захоронение целой лошади. Однако это захоронение у различных племенных групп Южного Урала имело свои особенности.

⁷⁰ Цит. по: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 128.

⁷¹ Рубрук В. Путешествия в восточные страны. М., 1970, с. 86.

⁷² Карпини Плано. Путешествия в восточные страны. М., 1910, с. 86.

Судя по материалам Бирского могильника, бахмутинские племена не выставляли чучела и не растягивали кожу над могилой на шестах, а хоронили рядом с человеческой могилой в неглубоких ямах. Там кости ног ниже колен и хвоста всегда лежат, сохраняя анатомический порядок, притом передние ноги слегка выдвинувшись вперед⁷³. Следует также отметить, что на Бирском могильнике среди костей ног и хвоста черепов не было, а они лежали отдельно, не связанно друг с другом. Но в то же время в насыпях почти всех раннесредневековых курганов Южного Урала находятся следы захоронения черепов, причем редко вместе с конечностями.

Нахождение в насыпях преимущественно следов черепов можно объяснить тем, что насыпи ранее были многократно распаханы, раскопаны и потому не дают нам даже приблизительной картины первоначального устройства. Тем не менее, кажется очевидным, что бахмутинские племена в отличие от кочевников, погребенных под курганами, в своих погребальных обрядах голове лошади придавали особое значение, и потому символическая загробная лошадь у них должна была быть погребена обезглавленной. На Южном Урале единственным таким исключением для рассматриваемого времени является Мрясимовский курган XII—XIII вв., где в очень неглубокой яме рядом с человеческой могилой найден полный скелет лошади. Она лежала с подогнутыми ногами, головой на запад, обузданной и оседланной. Учитывая, что яма была неглубокой, можно допустить, что над трупом лошади в свое время имелось какое-то деревянное перекрытие типа навесов, как это полагает Г. А. Федоров-Давыдов, для конских захоронений в курганах поздних кочевников в Восточной Европе⁷⁴. Данное погребение туши лошади, учитывая его единичность в Башкирии, мы не имеем права рассматривать изолированно от общей массы позднекочевнических курганов южных степей. Его происхождение, вероятно, надо объяснять как прямой результат либо прихода в Северную Башкирию новой группы племен с юга в XII в., либо как активное влияние культуры южных соседей на местные племена. Если мы учтем сложную политическую обстановку в южноуральских степях, где тогда происходило массовое переселение народов, то первое предположение окажется более правдоподобным.

Завершая характеристику различных типов погребальных сооружений, следует еще раз отметить сосуществование их на одних и тех же памятниках. Некоторым исключением из этого служат курганы турбаслинского типа, составляющие своеобразную и относительно компактную группу благодаря наличию там большого количества глубоких могил со сложной конструкцией, что несомненно связано с этническими особенностями населения, которому они принадлежат.

Однако при большом многообразии форм на всем протяжении изучаемого времени наиболее распространенными были небольшие земляные насыпи (тип I) и захоронения на уровне горизонта или в почвенном слое (тип I), а также мелкие могилы простой конструкции. Другие типы тех и других практиковались очень редко.

⁷³ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 31, рис. 6.

⁷⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 121, 125.

Попытки проникнуть в смысловую сторону существования того или иного типа могильного сооружения привели нас к выводу, что в условиях раннесредневекового Южного Урала с его сильно смешанным в этнокультурном отношении населением сооружение различных типов могил и насыпей, равно и форм погребения (трупоположение, трупосожжение), мало зависело, за редким исключением, от этнической принадлежности, а выбор их больше мог быть зависимым от других различных обстоятельств (социальное положение умершего, характер смерти и т. п.). Следовательно, одна только форма погребения без учета характера сопровождающего материала недостаточна для этнического определения.

Приведенные здесь факты свидетельствуют о весьма сложном характере погребального обряда, и сейчас мы не можем дать объяснение в полном объеме. Очевидно, ключ к их разгадке лежит через богатые этнографические материалы по народам Сибири, Алтая и Средней Азии, которые свидетельствуют о существовании у одного народа различных способов захоронений, в том числе таких, которые могут не оставлять археологических следов (наземные и надземные)⁷⁵. Прослеживаемые общице параллели в погребальных сооружениях этого широкого региона с глубокой древности до современности указывают на единое направление представлений о загробной жизни. На наш взгляд, это единство можно понять исходя из маздеистского характера погребального обряда.

⁷⁵ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев; Грачева Г. Н. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей севера-западной Сибири.— В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 127—128.

IV

ДОИСЛАМСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ БАШКИР

Среди тюркоязычных народов башкиры одними из последних приняли религию ислам. Судя по тому, что в различных частях Южного Урала в XIV—XV вв. появляются монументальные мусульманские надгробные сооружения — *кэшэнэ*, принятие ислама произошло в XIII—XIV вв. Южный Урал представлял собой окраину огромного мусульманского культурного мира, и это обстоятельство наложило отпечаток на характер религиозных верований башкир. Судя по этнографическим материалам, среди башкир исламская религия никогда не приобретала такие ортодоксальные формы, как это было в южных центрах мусульманского мира, а тесно переплеталась с древними языческими представлениями. Благодаря этому башкиры сохранили до недавнего прошлого многое из древних верований, что давно стерлось из памяти других народов. Значение этих реликтовых явлений для реконструкции религиозных верований племен Южного Урала периода раннего средневековья, непосредственно предшествовавшего массовому принятию башкирами новой веры, трудно переоценить.

Изучением доисламских верований башкир занимались многие ученые XVIII — начала XX в. Начало сбора материалов по этой теме связано с именами Г. Г. Георги, И. И. Лепехина, П. Н. Рычкова, большой вклад в него внесли С. Рыбаков, Д. П. Никольский, Б. Г. Юлуев и др. Эти исследования венчает замечательный труд С. И. Руденко «Башкиры», где рассмотрению доисламских верований отведены две специальные главы.

За внешним обрядовым проявлением сейчас не всегда можно разгадать подлинное смысловое значение доисламских пережитков, так как за 6—7 столетий под влиянием ислама оно приобрело иные оттенки. Однако, зная основной смысл и привлекая археологический и другие материалы, ретроспективным путем, хотя бы частично, можно восстановить различные стороны языческих обрядов, верований башкир домусульманского периода. В этом помогает краткое описание религиозных представлений башкирских племен начала X в., которое оставил Ибн-Фадлан. В нем говорится, «что у него (у башкир.— Н. М.) двенадцать господ: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый большой из них, но только он объединяется с ними в согласии, и каждый из них

одобряет то, что делает его сотоварищ... Мы видели, как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (некогда) вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они (враги) обратили их (башкир) в бегство и что журавли закричали сзади них (врагов) так, что они испугались и сами были обращены в бегство, после того как обратили в бегство (башкир), и поэтому они (башкиры) поклоняются журавлям и говорят: «Эти (журавли) — наш господин, так как они обратили в бегство ваших врагов», и поэтому они поклоняются им (и теперь)»¹.

Важно отметить, что увиденное Ибн-Фадланом точно совпадает с этнографическими примерами и археологическими наблюдениями. В совокупности они свидетельствуют, что основными формами религиозных представлений древних башкир являлись: тотемизм, шаманизм, культ предков, культ неба, культ горы и явлений природы.

В настоящее время достоянием исторической науки является материалистическое утверждение о том, что в основе мировоззрения древнего человека лежит дуалистическое понимание мира, основанное на фратриальном делении рода или племени². По образному выражению А. М. Золотарева, дуальная организация для древнего человека послужила готовым трафаретом, которым он пользовался при классификации внешнего мира³. В его представлении весь материальный и духовный мир построен по такому же принципу, что и небольшой коллектив людей, и есть единство двух взаимно противоположных начал — добра и зла, черного и белого и т. п.

Такое понимание мира породило повсюду общую дуальную мифологию, где главными героями были родные братья или братья-близнецы, из которых один выступает в роли добродетеля, другой — в роли злодея.

Древнебашкирская мифология, целостными памятниками которой являются героические эпосы «Урал-батыр» и «Акбузат», также может послужить подтверждением сказанного. В первом упомянутом эпосе главными действующими лицами являются братья Урал и Шулган, родители которых выступают первыми поселенцами необитаемого участка земли. Конфликт начинается со следующего эпизода: отец в посуде из ракушек хранит кровь животных, которую использует как напиток, и запрещает сыновьям ее трогать. Сам запрет вызывает интерес у старшего брата Шулгана, и он, несмотря на уговоры младшего брата, выпивает хранимую кровь, чем вызывает гнев отца.

Братьев, особенно Урала, заинтересовало, почему гибнут животные, люди, и он просит отца отпустить его на поиски смерти, которую хочет победить. От отца он узнает, что смерть к людям и всему живому приходит в виде невидимого зверя и от него может защититься лишь только тот, кто выпьет воду из родника, хранящегося в стране злых духов (дивов). Оба брата пускаются в странствие в поисках этого родника, во время которого их пути то сходятся, то расходятся. Удача сопутствует Уралу, пре-

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, с. 66—67.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 288.

³ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 291.

здравшему смерть и трусость. Вскоре он оказывается во владениях царя Катила, где в жертву Тенгре сжигают юношей, а главному тотему — ворону и роднику — девушек, которых затем бросают в горах.

Урал пренебрегает выбором его в женихи дочери царя Катила. Уязвленный царь хочет убить Урала и с этой целью направляет ему быка, хранителя своего дворца. Урал усмиряет быка, а затем побеждает четырех лучших батыров Катила. Царь побежден, а Урал-батыр освобождает людей, находившихся в плену в положении рабов.

В дальнейшем Урал встречается с дочерью Самрау (царя всех птиц и неба), женится на ней, освобождает ее сестру от дивов и женит на ней брата Шулгана. Но Шулган завистлив и становится впоследствии орудием в руках дивов.

Самрау дарит Уралу булатный меч и крылатого коня Акбузата, на котором он достигает конечной цели своего путешествия — бессмертного родника. Из родника Урал набирает полный рот воды, но не пьет ее, что дало бы ему бессмертие, а обрызгивает ею все вокруг, чтобы зазеленела земля, выросли вечнозеленые сосны и ели.

Коварный Шулган приказывает дивам не подчиняться Уралу и не давать людям воду. В ответ Урал начинает войну против него и дивов и, чтобы победить их, выпивает воду из озера, где они скрывались. Но вместе с водой злые духи проникают во внутренность Урала-батыра, чем обрекают героя на гибель.

Сыновья Урала и Шулгана (Накмар) продолжают борьбу Урала. Сын Урала от Гэмэй — дочери Самрау (Гэмэй-Умай у других тюркоязычных народов) булатным мечом разрубает гору, откуда выбивается река, названная его именем. Аналогичным образом поступают другие его сыновья, которые прокладывают русла рек Нугуш, Яик и Накмар.

Урала-батыра хоронят на высокой горе, куда каждый год регулярно прилетает его жена Гэмэй, надев птичью (лебединую) шубу. За ней в Уральские горы следовали остальные птицы. Вслед за птицами прибывают бык царя Катила и крылатый конь Акбузат, каждый со своим потомством; они решают служить людям. Отсюда и появился в земле животный мир. Дочь Самрау и жена Урала — Гэмэй в данном случае выступают в роли покровителей всей живой природы. Прямыми потомками Гэмэй являются лебеди, которых благодарные люди договорились не убивать.

Другой эпос «Акбузат» как бы является продолжением первого. В нем Шулган фигурирует в роли царя подземного царства, где в заточении находится множество батыров и простых людей. Из контекста очевидно, что в данном случае речь идет о мифических образах — душах погибших людей. Шулгана побеждает герой по имени Наубан, сын батыра Суры.

Отдельные сюжеты эпоса «Урал-батыр» восходят, вероятно, к глубокой древности, к поре ранних этапов становления родового строя. Так, например, такие факты, как женитьба Урала и Шулгана на родных сестрах Гэмэй и Айхылыу, а также воспитание детей матерями, видимо, отражают события эпохи, когда существовал групповой брак и счет рода велся по материнской линии. Если учесть, что древние мифы отли-

чает прежде всего историзм⁴, то в целом можно полагать, что в основу сюжетов эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» положены некогда существовавшие реальные события и приключения отдельных личностей — героев. Узнать более подробно о них пока невозможно, но и без этого эпосы нам важны как ценный источник, раскрывающий некоторые аспекты космогонических представлений древних башкир.

Содержание эпоса «Урал-батыр» непосредственно подводит нас к интересному заключению, согласно которому башкиры в прошлом должны были считать себя потомками детей Урала и Шулгана и дочерей небесного царя Самрау — Гэмэй и Айхылыу. Сюжет о рождении сына Урала Янка от дочери царя Катилы также не противоречит этому выводу, так как сам царь главным своим тотемом считал ворона.

Если сказанное проанализировать в свете сопоставительных материалов по этнографии народов Урало-Поволжья и Сибири, то его можно принять как далекий отголосок некогда существовавшего деления общества древнейших предков башкир на две дуальные фратрии: земных и небесных людей. Именно о такой общественной структуре, например, сохранила сведения мифология обских угров, которая обнаруживает определенную близость с мифологией башкир.

Народ манси знал две фратрии: Мось-махум («небесные люди») и Пор-махум («земные люди»)⁵, а создателями их выступают Нум и Куль⁶, где первый во всех своих качествах оказывается идентичным героине башкирского эпоса Гэмэй.

Сходство имен и черт мифологических героев у башкир и обских угров не случайно. Исследователями доказано, что древнеугорское Нуми, марийское и чувашское Юмо⁷, древнетюркское Умай⁸, иранское Йима⁹ — одно и то же лицо — культурный герой, добродетель и мироустроитель¹⁰.

Мифология древних башкир, по-видимому, сложилась при активном влиянии иранской, что является вполне закономерным в плане общей близости материала археологических памятников Южного Урала и Средней Азии на протяжении многих тысячелетий. В эпосе «Урал-батыр» это можно иллюстрировать примерами. Царь птиц и неба Самрау, по-видимому, один и тот же широко распространенный в Иране и Средней Азии образ волшебной птицы Сенмурва. Образ Гэмэй можно сопоставить с Йима, выступающим, правда, лицом мужского рода. Сходство здесь не только внешнее (они носят одно и то же имя), но и смысловое — оба выступают в роли добродетелей, кормильцев, хранителей земных существ¹¹. В том, что зороастрийский Йима является мужским мифоло-

⁴ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология, с. 292.

⁵ Там же, с. 225—229.

⁶ Там же, с. 267.

⁷ Там же, с. 270—271.

⁸ Дырénкова Н. П. Умай в культе турецких народов. — КНВ, 1928, кн. III, с. 139; Иванов С. В. Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка. — В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л., 1971, с. 148.

⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 292—294.

¹⁰ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология, с. 268, 275—284; Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 293.

¹¹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 292.

тическим героем, по-видимому, следует видеть отражение более поздней исторической стадии — развитых патриархальных отношений в обществе, чем в башкирском эпосе «Урал-батыр».

Есть также основание предположить, что в образе злого царя змей Кахкаха из эпоса «Урал-батыр» повторяется зороастрийский царь Дахкаха, наделенный также отрицательными чертами¹². Кахкаха, как и последний, в заточении держит множество людей, которых поочередно пожирает. Образ быка, хранителя покоя царя Катилы, в том же почти содержании не раз упоминается и в других башкирских сказках. Так, например, в сказании «Таз-батыр» («Плешивый») он сохраняет вход во дворец, где находится родник с бессмертной водой¹³. В такой трактовке этот образ, видимо, символизирует силу воина, что в целом не чуждо для мифологии многих народов, в том числе зороастрийской¹⁴. Но в башкирском варианте он наделен другими положительными качествами: предводитель и покровитель животного мира, оказывает помощь героям.

В данном случае особый интерес представляет близость мифологии древних башкир и их ближайших соседей: обских угров, мари и чувшей. Она убедительно явствует, что мифология народов Урала, Поволжья и Сибири как система представлений о мире формировалась на общей основе. Если подойти к этому вопросу с учетом данных археологии и письменных источников, то вполне закономерен вывод, что указанная основа в развитой форме сложилась в зороастрийско-маздеистской этнокультурной среде, в чьей орбите культурного влияния постоянно находились народы широкой территории лесостепей и лесов. В связи с этим уместно привести высказанное в литературе мнение о том, что миф являлся одним из самых косных элементов культуры, подвергающихся заимствованию лишь в результате кровно-родственных связей¹⁵.

Дуальная мифология составляла основу религиозных представлений, шаманства; из нее, в частности, становится понятным смысл ритуальных обрядов древних башкир, в которых отчетливо проявляется тесная связь с небом, как местопребыванием главного божества Гэмэй.

Судя по этнографическим и фольклорным материалам, тотемизм являлся одной из развитых и специфичных форм религиозных представлений древних башкир. Место тотемизма среди других древних религий обстоятельно освещено в советской исторической науке¹⁶. Тотемизм полностью вытекает из фратриального деления общества и возникает как фантастическое отражение родства коллективов людей с внешним миром. Самым существенным в нем является чувство мнимого родства человеческих коллективов с конкретным видом животного или растительного мира.

¹² Там же, с. 300.

¹³ Здесь и далее использованы материалы рукописного фонда сектора литературы и фольклора ИИЯЛ БФ АН СССР.

¹⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 294—295.

¹⁵ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология, с. 279.

¹⁶ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Толстов С. П. Проблемы родового строя. — СЭ, 1931, № 3-4; он же. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО, 1935, № 5-10.

В роли тотемов всегда выступают реально существующие животные, в чем С. П. Толстов видит идею живой связи человеческих коллективов с обитаемой территорией¹⁷. Различается несколько разновидностей тотемизма, среди которых, по мнению исследователей, самыми древними являются фратриальный, групповой (родовой), половой, индивидуальный и т. д. Следует подчеркнуть, что тотемизм вообще характерен для ранних этапов родового строя¹⁸, хотя местами он существует в обществах с развитым племенным строем и в раннеклассовых обществах¹⁹. Самыми поздними принято считать племенные и общенародные тотемизмы²⁰.

Те тотемы, которым, согласно Ибн-Фадлану, в Х в. поклонялись башкиры, вероятно, были племенными. Но число их, безусловно, не ограничилось только названными. Если правильно мнение, что родовые названия с именами животных означают некогда существовавших родовых тотемов²¹, то башкиры в древности поклонялись зайцу, ежу, кошке, лосю, медведю и другим представителям фауны Южного Урала²².

Анализ первоисточников по данному вопросу позволяет сделать некоторые наблюдения. Почти во всех сериях башкирских сказок герои могут перевоплощаться в животных и птиц и наоборот, что считается вполне естественным для тотемизма вообще. Но это перевоплощение происходит в определенной последовательности. Мужчины, как правило, могут превращаться в земных животных, но никогда — в птиц. Наоборот, женщины перевоплощаются в основном в птиц, чаще всего в голубей, ворон, гусей, уток. В обоих случаях перевоплощение связано с надеванием или снятием мнимой птичьей или звериной шубы. Отмеченное различие непременно должно быть связано с половыми различиями и свидетельствует о широкой распространенности у древних башкир тотемизма.

Исходя из сказанного, мы имеем возможность восстановить смысловое значение одного из общенародных обрядовых праздников, существовавших у башкир до недавнего прошлого. Здесь имеется в виду праздник *каргатуй* (карга — грач, туй — праздник), отмечаемый один раз в год, в начале весны. Этот праздник подробно описан С. И. Руденко²³, и поэтому ограничимся кратким его пересказом.

На праздник собираются только женщины, девушки и мальчики не старше 13 лет. Местом для него выбирается один из ближайших высоких холмов. Туда женщины несут посуду, продукты, из которых готовят обильную пищу. Девушки и молодые женщины участвуют в различных играх, спортивных состязаниях, где главной распорядительницей выступает пожилая женщина в старинном костюме.

В описанном празднике нет никакой связи с его названием, но все действия, вместе взятые, являются далеким отзвуком одного из массовых

¹⁷ Толстов С. П. Проблемы родового строя, с. 91.

¹⁸ Токарев С. А. Ранние формы религии..., с. 45—74; Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, с. 6.

¹⁹ Токарев С. А. Ранние формы религии..., с. 75—76.

²⁰ Там же, с. 77—78.

²¹ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, с. 80.

²² Токарев С. А. Ранние формы религии..., с. 69.

²³ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, с. 277—288.

тотемистических обрядов. Восстановлению древнего его содержания способствуют следующие факты: проведение ранней весной, на высокой горе, участие в нем одних женщин и посвящение его птицам — покровителям женщин.

Птица ворон выступает здесь в роли главной фигуры в птичьем царстве, и в этом смысле между нею и образом Гэмэй из «Урала-батыра» нет никакой разницы. Эпос «Урал-батыр» указывает, что в день прилета птиц башкиры приносили жертву главному покровителю — ворону.

Таким образом, становится очевидным, что праздник *каргагуй* по всем признакам совпадает с праздником древних башкир, посвященным кормлению тотемных птиц. То обстоятельство, что действующими лицами на празднике являются только женщины и их тотемы, возможно, указывает на особую их роль, которую отводили им древние народы в круговороте жизни. Кормление тотемов-покровителей в данном случае одновременно преследовало цель добиться общего расположения их к себе, что означало благополучие в деторождении и жизни вообще.

Следует также отметить, что древним башкирам был известен и тотем мужчин — в виде культа фаллоса, описание которого оставил Ибн-Фадлан. Об этом говорят также и археологические находки. В качестве примера можно привести литую фигуру мужчины из Ново-Турбаслинского кургана с гипертрофированными половыми органами²⁴. Почти аналогичная фигура найдена и на Бахмутинском могильнике²⁵.

Кульť фаллоса у башкир оказался очень устойчивым, следы его отмечались еще в начале XX в. Так, например, М. Ф. Чурко пишет, что деревянное изображение его носили некоторые башкиры, живущие в горной части Южного Урала²⁶. В целом половой тотемизм известен у многих народов²⁷, и рядом исследователей его существование рассматривается как показатель, характерный для народов, у которых существовали неразвитые общественные отношения²⁸.

Однако следует отметить, что в далеком прошлом социальное значение мужского полового тотемизма, видимо, было гораздо шире. Возможно, древние башкиры знали развитой эротический обряд, тесно связанный с культом плодородия. Для его реконструкции здесь с полным основанием можно использовать примеры из этнографии алтайцев-кумандинцев. До недавнего прошлого они знали деревянные изображения фалла. Во время специального праздника Коча-Хану, где принимали участие в основном мужчины, ими имитировался половой акт.

Тезис о существовании женских тотемов-птиц требует дальнейшего обоснования, так как в свете других материалов он выглядит очень односторонним. Важно подчеркнуть, что роль птиц-тотемов в древних ре-

²⁴ Мажитов Н. А. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы.— БАС, Уфа, 1959, с. 131, рис. 4.

²⁵ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968, с. 152, табл. 30, 14.

²⁶ Чурко М. Ф. Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона БАССР. Уфа, 1927, с. 3.

²⁷ Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.

²⁸ Сагаев Ф. А. Коча-хан — старинный обряд исправивания плодородия у кумандинцев.— В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л., 1971, с. 130—141.

лигиях, как это видно на примере древних башкир, была более значительной, а содержание более емким, чем это представляется в специальных исследованиях по данной теме. Тотемизм птиц имел широкое, если не повсеместное распространение. Его массовый характер в условиях Урала, Поволжья, Сибири, Алтая, Средней Азии, очевидно, находится в тесной связи с не менее распространенным обрядом выставления трупов на съедение птицам, о чем уже шла речь выше.

Этнографические материалы показывают, что у многих народов Сибири вид тотемов прежде всего зависит от фратриального деления. У обских угров у фратрии Мось-махум в качестве тотемов наряду с птицами служит женщина в виде зайца²⁹, в которой нетрудно угадать персонифицированную Нуми и башкирскую Нэмэй. Примерно то же мы наблюдаем у остяков-самоедов³⁰. В мифологии восточносибирских народов, как и у башкир, видное место занимает тотем ворон³¹. Фигуры птиц на деревянных шестах ставили над могилами марийцы, живущие на территории Башкирии и сохранившие до недавнего времени свою древнюю языческую религию.

В мифологии древних башкир птицам отведена значительная роль. Герои сказок, съевшие сердце и голову птицы, добиваются невероятных успехов. Магическими свойствами обладают также крылья или перья птиц. Достаточно ими взмахнуть, чтобы герои перевоплотились в батыров, кони — в крылатых коней и т. п.

Археологический материал позволяет утверждать, что в средневековье, как и в предыдущие века, на Южном Урале существовало почитание гор, что согласуется со всеми остальными видами привлекаемых источников. Это видно по топографическому расположению курганов. Для преобладающего большинства характерно расположение их на высоких местах, что полностью совпадает с топографией наземных захоронений.

Так, например, Мрясимовские, Каранаевские, Ямаши-Тауский, Башкир-Беркутовский, Старо-Мусинские, Ново-Биккинский, Булгарский, Житимакские и другие курганы расположены на вершинах высот. Такую же топографию имеют все уфимские курганы и погребения, а также Бирский, Шареевский, Манякский, Стерлитамакский могильники, Лагереvские и Старо-Халиловские, Идельбаевские курганы расположены также на высоких берегах рек Белой, Юрюзани, Ай. Хусайновские и Муракаевские курганы находятся на равнинных местах, но между горными ущельями.

Одна из причин особого почитания древними башкирами птиц кроется, наверное, в том, что небо они отождествляли со своим верховным богом, который совместно с другими мелкими божествами, представляющими покровителей явлений природы, правил миром. В этом отношении политеистическая религия башкир ничем не отличалась от религии древних тюрков, монголов и народов Средней Азии. В представлении зоро-

²⁹ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология, с. 227.

³⁰ Там же, с. 229—230.

³¹ Там же, с. 258—259.

астрийцев небо является местопребыванием всевидящего и всемогущего владыки Ахура Мазды³².

У монголов главным богом являлся Хормузд, которого абстрактно отождествляли с небом³³. Почти все исследователи сходятся во мнении, что в основе космогонии древних монголов лежит зороастрийское учение. У монголов почиталось все, что было связано с небом, т. е. божественным, а титул «сын неба» являлся высшим признаком божественного происхождения особо знатных людей. Гунны своих императоров называли «сын неба», и такой же титул впоследствии принял, как известно, Чингисхан³⁴.

Помимо этого, у монголов существовали другие, низшие по рангу боги с небесными эпитетами, что, видимо, подчеркивало особое привилегированное положение данного лица, определенное небесным Тенгре. Так, например, главный шаман Чингисхана носил имя-титул Коккочу, т. е. «небесный человек»³⁵.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в башкирской мифологии широко представлены образы *кук карга* (небесный ворон), *кук ат* (небесный конь), которые в древности отождествлялись с главными видовыми тотемами-покровителями. Образ птицы-женщины Гэмэй в эпосе «Урал-батыр» может быть рассмотрен в такой же роли. Возможно, что таких покровителей тотемов с небесными титулами у древних тюрков, в том числе башкир, было множество. На этой же почве у древних тюрков и монголов сложился культ гор как участков земли, наиболее близко расположенных к небу, т. е. к главному Тенгре, в честь которого приносили различные жертвы³⁶.

Култ гор был широко известен и народам Средней Азии и Южного Урала, в том числе и башкирам. Веским аргументом в пользу этого предположения являются упоминания в древних письменных источниках о выставлении трупов на горах, а также расположение на Южном Урале многих курганов, в том числе раннесредневековых, на вершинах высоких гор. У башкир сохранились сказания, рассказывающие о совершении древними их предками различных религиозных обрядов на вершинах высоких гор. Культ неба — главному Тенгре — древние башкиры приносили человеческие жертвы из числа юношей, которых сжигали. Об этом, как указывалось, упоминается в эпосе «Урал-батыр».

В эпосе «Урал-батыр» вершина горы, выступающая за облака, определяется как место, где нет злых духов. Там главный герой находит Айхылу — вторую дочь Самрау, скрывающуюся в образе птицы от дивов³⁷.

В начале нашего столетия С. И. Руденко наблюдал, что в различных местах Южного Урала на горных вершинах в жертву духу горы башкиры оставляли предметы украшения, на деревьях навешивали лоскутки

³² Погодин А. Л. Религия зороастр, СПб., 1903, с. 15.

³³ Доржи Банзаров. Собр. соч. М., 1955, с. 59.

³⁴ Там же, с. 176—177.

³⁵ Там же, с. 315.

³⁶ Там же, с. 67—71.

³⁷ Башкирское народное творчество. Эпос. Книга I. Уфа, 1972, с. 86—88.

материи и т. п.³⁸ В сказании «Куксы» на горе Кормантау, где расположено известное селище эпохи раннего железного века, после совершения колдовского ритуала происходило превращение птицы в человека.

Аналогичные обрядовые праздники бытовали у башкир еще в XIX в., что засвидетельствовано Ф. Д. Нефедовым. Во время праздника предводитель Хасан в сопровождении людей направился на гору, где были уже приготовлены жертвенные животные, серебряные вызолоченные кувшины с медом, сухие ветки, продукты и т. п. Хасан с молитвой обращался к небу-богу, прося у него принять их дары; затем он молит бога о размножении скота, о хорошей летовке и т. п. Мясо убитых животных раскладывалось на сухие ветки, которые тут же зажигались. Когда поднимались клубы дыма, народ возбужденно кричал, что бог принял жертву и моление им услышано³⁹. Этот праздник отмечался в самом начале весны, перед выездом на летовку. Отведение огню определенного места в обряде свидетельствует о бытовании у башкир культа огня, ярко представленного в памятниках турбаслинского и лагеревского типов.

С. А. Токарев, изучая погребальный культ, относит к нему совокупность религиозных обрядов и верований, связанных с обращением с умершим. По его мнению, данный культ представляет собой один из развитых и самостоятельных форм древней религии⁴⁰. Археологический аспект этого культа нами уже рассмотрен выше. Сопоставление его с другими видами источников приводит нас к выводу, что древние башкиры при обращении с покойниками исходили из веры в идею реинкарнации, т. е. способность души умершего к перевоплощению, и существованию в загробном мире. Древнебашкирская мифология в этом отношении дает оригинальный материал, мало привлекавший до сих пор внимание исследователей.

Смерть героев многих сказок приравнивается покиданию тела душой (йэн), которая может принимать различный облик, чтобы при определенных условиях возродиться снова. Как говорилось выше, душа женщин, девушек обычно перевоплощается в птиц, а мужчин — в наземных животных. Но, кроме того, есть примеры, когда души умерших принимают облик трав или деревьев. До недавнего прошлого существовало поверье, согласно которому зазеленевшие весенние травы, выросшие после дождя, сравнивались с душами умерших, которые вернулись на землю.

В сказании «Угэй кыз» («Падчерица») душа несправедливо обиженной мачехой девочки улетает в образе птицы, а родной дочери мачехи — врастает пупырем. В некоторых сказках («Тимер Гандык») встречаются сюжеты, в которых рассказывается о душах умерших, живущих внутри дубов в образах молодых мужчин. Образ полудерева-получеловека широко распространен в древней мифологии, он был известен и древним племенам Южного Урала, что нашло отражение и в археологическом материале. Его объемное изображение, например, имеется среди материалов Куганакскогоклада, датируемого некоторыми исследователями

³⁸ Руденко С. И. Башкиры, с. 317.

³⁹ Нефедов Ф. Д. На восточной окраине. — БРЛ, Уфа, 1960, т. 1, с. 184—186.

⁴⁰ Токарев С. А. Ранние формы религии, с. 155, 210—212.

сравнительно поздним временем. Не исключена принадлежность данного предмета и древнебашкирским племенам.

Древние башкиры, по-видимому, полагали, что перевоплощение душ людей, преимущественно маленьких детей, связано с водой. На эту мысль наводят многочисленные сказания, где детей, видимо, умерших вскоре после рождения, не хоронили, а в деревянных ящиках бросали в реку. В частности, этот сюжет присутствует в сказании «Наурыян». Сам этот сюжет можно также рассматривать как доказательство существования у башкир культа воды, о чем говорит Ибн-Фадлан⁴¹, и своеобразного обряда погребения в воде. Следует еще раз вспомнить, что в эпосе «Урал-батыр» девушки, которые умерщвлялись в честь родника, свою душу (йән) должны были отдать воде⁴². В сказании «Кейезбай» упоминается случай, когда духу реки в качестве жертвы бросали людей, чтобы он смилостивился и разрешил остальным благополучно переправиться на тот берег.

Душа умершего в виде последнего выдоха может войти в тело женщины. В эпосе «Урал-батыр» жена Урала — Гәмэй горюет по поводу того, что не успела на последний выдох мужа⁴³. В сказании «40 толкователей снов и везир» упомянут случай, когда девушка забеременела после того, как съела горсточку золы от сожженного человеческого черепа. Этот сюжет служит еще одним подтверждением того, что древние башкиры знали и трупосожжение.

Приведенные примеры показывают различные формы перевоплощения душ умерших. Они интересны в двух аспектах. Во-первых, участие в этом цикле перевоплощения птиц, животных, растений и воды связано с тотемистическими и анимистическими представлениями древних башкир⁴⁴. Во-вторых, они отражают характер представлений древних башкир о круговороте жизни, где основным является мысль о превращении души умершего последовательно в дождь, травы и др. до ее рождения снова в человеческом облике. Анализ указанных первоисточников по этому вопросу приводит нас к заключению, идентичному тому, которое было сделано М. С. Андреевым⁴⁵ и Ю. А. Раппопортом⁴⁶ на примере древних и современных народов Средней Азии.

Тема загробного мира в башкирской мифологии занимает значительное место. В эпосах и сказках он фигурирует в виде подземного или подводного царства, где присутствуют души умерших людей и ведут такой же образ жизни, как и на земле, но с той лишь разницей, что там ими правят духи-дивы во главе с царем Кахкаһа или Шулгана и люди не узнают друг друга.

Как же согласовать идею существования подземного загробного мира, если, как уже сказано, башкиры верили, что вскоре после смерти душа улетает в небо? Здесь, видимо, сказался двойственный, вернее, дуальный,

⁴¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 66.

⁴² Башкирское народное творчество. Эпос. Книга I, с. 51.

⁴³ Там же, с. 129.

⁴⁴ Токарев С. А. Ранние формы религии, с. 199.

⁴⁵ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, Сталинабад, 1953, вып. 1, с. 204.

⁴⁶ Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 31—32.

характер мировоззрения древнего человека и скорее всего объясняется представлением, что у человека имеется две души. Эту мысль в поговорках среди башкир можно услышать и поныне.

Это подтверждается этнографическими материалами народов Средней Азии. Каракалпаки, например, верили, что человек имеет две души, одна из которых остается на определенное время в теле покойного⁴⁷. Таджики полагали, что вместе с телом остается дух, а другая душа улетает в небо⁴⁸.

Следует еще раз особо подчеркнуть, что у древних башкир широко был развит культ предков, который отмечался раз в год, ранней весной. В эпосе «Урал-батыр» этот культовый праздник сопровождался человеческим жертвоприношением в честь родителей, главному тотему — черному ворону, роднику. По срокам он совпадал, по-видимому, с женским праздником *каргатуй*. Похоже, что каждый из этих обрядов отмечался особо, т. е. по своему религиозному содержанию они не были идентичны друг другу.

Согласно Бируни, зороастрийцы отмечали праздник культа предков как самый торжественный на протяжении пяти дней. В эти дни люди шли в наусы, куда ставили кушанья, а напитки — на крыши домов. Зороастрийцы «утверждали, что будто души умерших выходят в эти дни из места награды и наказания, приходят, всасывают силу кушаний и впитывают их вкус. Домохозяйка окуривает свои дома девясилом, чтобы мертвые могли наслаждаться его запахом. Утверждают также, что души мертвых посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах, хотя их не видят»⁴⁹.

Этот праздник отмечали не только персы, но и согдийцы⁵⁰, жители Бухары⁵¹ и Хорезма⁵². Исследователи считают, что у зороастрийцев праздник в честь предков приходился на конец старого и начало нового года по согдийскому календарю и отмечался как праздник культа умирающей и воскресающей природы⁵³. В домусульманском Согде этот культ уже имел персонифицированный облик и представлялся в виде безбородого юноши, изображенного в одной из основных сцен Пянджикентского храма⁵⁴.

Число доказательств о существовании у древних башкир в честь предков праздника может быть значительно увеличено. Как уже отмечалось, различные находки (кости животных, горшки), встречаемые в насыпях курганов, могли быть оставлены в эти дни года, во время посещения башкирами могил своих ближайших родственников. Пережитки этого праздника у башкир были очень сильны еще в XVIII—XIX вв.

⁴⁷ Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 37.

⁴⁸ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, с. 207.

⁴⁹ Бируни. Избр. произ., т. II. М., 1957, с. 236.

⁵⁰ Там же, с. 254.

⁵¹ Там же, с. 258.

⁵² Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. — Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад, 1952, вып. 1, с. 44—42.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же; Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согды. — В кн.: Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 77, 78.

И. Г. Георги, например, пишет, что если башкиры «во время какого-ни есть праздника убьют животное, то ставят на приборе (*каштак*) сваренное мясо против солнца, творя при этом много поклонений и прочее, во всем подобно шаманским язычникам»⁵⁵. Выставление пищи в данном случае могло иметь общую основу с тем, как среднеазиатские зороастрийцы «выкармливали души умерших предков».

С данным культом, вероятно, имеет много общего и тот обрядовый праздник башкир, который описан в упомянутой работе Ф. Д. Нефедова; он также проходил ранней весной и сопровождался обильным угощением. Религиозные представления, связанные с празднованием ранней весной памяти предков, оказались очень живучими. Например, этнограф Л. И. Нагаева в своем исследовании подчеркивает, что горные башкиры, по словам старожил, головы забитых животных хоронили до весенних торжеств, называемых *ололар айяты*, т. е. «в память предков»⁵⁶. Это, видимо, не что иное, как жертвоприношение в честь предков, описанное выше. Она же отмечает, что во время праздника *каргатуй* раньше башкиры приносили жертву — забивали скот.

Есть основания предполагать, что повсеместно и торжественно отмечаемый башкирами весенний праздник *сабантуй* уходит в глубокое прошлое и может являться отголоском одного из религиозных празднеств башкир, в том числе культа предков или воскресающей природы. В этой связи заслуживает внимания указание С. И. Руденко о том, что *сабантуй* башкирами раньше праздновался на следующий день после праздника *каргатуй* или вскоре после него⁵⁷. Он считает, что земледельческий отенок этого праздника (*сабантуй* букв. праздник плуга) появился в сравнительно позднее время в связи с переходом башкир к земледелию⁵⁸. На этом основании мы можем полагать, что раньше он имел другое содержание и название.

Весенний праздник, посвященный предкам, широко был распространен у народов Средней Азии и других близких к ней регионов. Обычай приносить жертвы своим предкам был и у древних гуннов⁵⁹. У народов Центральной Азии существовал храм предкам, в котором к шестой луне приносили жертвы⁶⁰. Исследователи (В. В. Бартольд, Б. Я. Ставицкий) отмечают, что эта дата совпадает с весенним периодом и началом года согдийского календаря. У монголов великим предком считали Чингисхана и поклонялись ему⁶¹. Имеются многочисленные указания почитания культа предков у славянских народов и народов Прикамья⁶².

⁵⁵ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 1. СПб., 1799, с. 107.

⁵⁶ Нагаева Л. И. Башкирский народный танец.— Канд. дисс. Уфа, 1975, с. 16, 50.

⁵⁷ Руденко С. И. Башкиры, с. 278.

⁵⁸ Там же, с. 284.

⁵⁹ Доржи Банзаров. Собр. соч., с. 83.

⁶⁰ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 281.

⁶¹ Карпини П. Л. История монголов.— Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 85; Доржи Банзаров. Собр. соч., с. 83—85.

⁶² Токарев С. А. Ранние формы религии..., с. 182.

Шаманизм полностью вытекает из веры в духов. Верили, что шаман может вылечить людей и животных, помочь в несчастье, узнать, какие события ожидают человека в будущем и т. д.⁶³ Основу шаманского ритуала составляет камлание — иступленная пляска с пением, ударами о бубен, во время которого, как считают шаманисты, душа шамана летит в царство духов или духи вселяются в него самого. Шаманизм тесно связан со знахарством⁶⁴. Он формировался уже при сложившихся религиозных представлениях⁶⁵.

Как можно судить по имеющимся материалам, у древних башкир шаманство имело разветвленные формы. Во всех шаманских ритуалах, подробно описанных С. И. Руденко⁶⁶, лежит идея отождествления болезней и несчастий с творениями духов, которых можно было умиловить жертвоприношениями.

Фольклорный материал показывает, что у древних башкир распространенным также являлось колдовство при помощи пучка прутьев, которое было одним из развитых форм шаманства еще у ранних кочевников евразийских степей. В этой связи очень важна находка остатков тонких прутьев в одном из Мечет-Сайских курганов в Оренбургской обл., которые К. Ф. Смирнов верно определил как средство гадания и связал с изображениями на ассирийских рельефах на родине зороастризма⁶⁷.

В башкирских сказках удар тонкого прута может превратить человека, растение или животное из одного вида в другой, сделать беспомощным, злым духом и т. п. В этой связи будет уместным отметить цифру 40 или 41, которая в сказках имеет какое-то символическое значение: 41 гадатель сна (сказка «40 везиров царя и гадатель»); смерть 41 человека из-за одной отрубленной головы; на высокой горе 40 женщин моют человеческое мясо (сказка «Белый волк»); 40-метровая веревка; котел вместимостью в 40 ведер воды (сказка «Русалка»); 40 лучников — это неполный перечень сюжетов из сказок, где повторяется эта цифра. Не исключено, что она связана с количеством прутьев для гадания и отсюда сохранила свое магическое смысловое значение.

Археологический материал с большой достоверностью позволяет восстановить еще одно проявление религиозных представлений средневекового населения Южного Урала. Оно связано с небольшими круглыми ямами на полу жилищ-полуполземлянок (рис. 17). В частности, эти ямы известны в жилищах поселения Ново-Турбаслинское II⁶⁸, Имендяшевского, а также Турналинского городища, относящегося к золотоордынскому времени. На плане ямы имеют круглую форму диаметром 10—30 см при глубине 40—60 см в глубь материка. Обычно заполнение их составляет лиственный слой, содержащий обломки керамики, а иногда и пряслица.

⁶³ Токарев С. А. Ранние формы религии., с. 283, 301.

⁶⁴ Там же, с. 286, 287.

⁶⁵ Там же, с. 291.

⁶⁶ Руденко С. И. Башкиры, с. 321—327.

⁶⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 255.

⁶⁸ Мажитов Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II.— АЭБ, Уфа, 1962, т. I, с. 152—154.

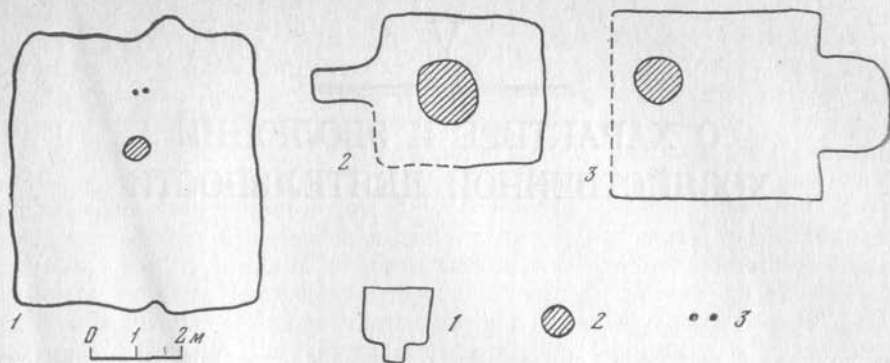

Рис. 17.

Планы жилищ со средневековых памятников Южного Урала

1 — поселение II Ново-Турбаслинское; 2 — Турналинское городище; 3 — Имендяшевское городище (ямы обозначены штрихом)

Подобные ямы в жилищах памятников Прикамья — нередкое явление, а археологи по традиции трактуют их как след ям для столбов, служивших опорой для кровли жилищ. Не исключено, что в определенных случаях приведенное объяснение имеет под собой основание, но оно не применимо по отношению к перечисленным жилищам Южного Урала. Против него прежде всего говорит характер заполнения, который был бы иным, если бы ямы имели столбовое происхождение.

Их назначение раскрывается на фоне этнографических сведений из жизни народов Азии, тесно связанных с обрядом рождения ребенка. Например, при рождении ребенка в недавнем прошлом якуты устраивали торжества, посвященные богине плодородия Аксыт, дарующей душу ребенку; в них принимали участие лишь женщины. В земле вырывалась ямка глубиной 30—35 см, дно ее устилалось белым волосом из конской гривы, затем туда ставился берестяной турсучок с последом, накрытый кусочком бересты, а сверху яма засыпалась землей, но не доверху. В оставшееся углубление закладывались щепочки, жердочки, вырезанные из дерева луки, стрелы, фигуры животных и другие вещи, в зависимости от того, кто родился, — девочка или мальчик. После обстоятельной укладки все это сжигалось.

Женщины при этом старались дышать дымом костра, мазали лицо маслом, громко смеялись, испрашивая себе детей у богини. Считалось, что та женщина, которая больше всех надышится дымом и громче всех будет смеяться, родит ребенка в следующем году⁶⁹. Аналогичным же образом при рождении ребенка поступали буряты⁷⁰.

Надо полагать, что описанный обряд в древности существовал как универсальное явление и был известен племенам Южного Урала.

⁶⁹ Иванов С. В. Старинный якутский обряд, с. 142—148.

⁷⁰ Там же, с. 149.

О ХАРАКТЕРЕ И ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При изучении вопросов, связанных с производственной деятельностью племен Южного Урала раннего средневековья, археологи проявили большую осторожность. Они ограничились лишь отдельными высказываниями, суть которых сводится к признанию существования у южноуральских племен комплексного хозяйства, где ведущими отраслями было кочевое скотоводство и земледелие. Такого мнения, например, придерживались К. В. Сальников¹, а также А. П. Смирнов, отметивший наличие земледельческих орудий (серпов) в курганах оренбургских степей последних столетий I тысячелетия н. э.² По этому вопросу более определенно высказалась только М. Х. Садыкова. Она полагает, что для южноуральских племен рубежа I—II тысячелетий характерен был кочевой образ жизни, основанный на разведении лошадей и овец и постоянном передвижении с места на место в течение всего года³.

Изучению развития башкирских племен последних столетий рассматриваемого времени посвящен обстоятельный труд Р. Г. Кузеева⁴. Привлекая историко-этнографические материалы, Р. Г. Кузеев характеризует хозяйство башкир IX—X вв. как кочевое скотоводство, которое без существенных изменений сохранилось до XIII в.⁵ Поставленный вопрос он трактует исходя из своей концепции прихода древнебашкирских племен на Южный Урал в конце IX в. из районов Приаралья, откуда они сначала расселились двумя волнами на Бугульминско-Белебеевскую возвышенность и в зауральские степи⁶. Это предполагаемое переселение, по мнению автора, способствовало тому, что с этого времени «кочевое скотоводство азиатского происхождения в качестве господствующего типа хозяйства постепенно захватывает основную территорию древней Башкирии»⁷. Придя на Урал, башкиры на протяжении многих столетий, как утверждает Р. Г. Кузеев, сохраняли тесные связи с прежней родиной; еще долго на зимнее время стада перегонялись в «приаральские степи».

¹ Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭБ, Уфа, 1964, т. II, с. 14—15.

² Смирнов А. П. Железный век Башкирии.— МИА, 1957, № 58, с. 46.

³ Садыкова М. Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX—XIV вв.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 146—147.

⁴ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.— АЭБ, Уфа, 1968, ч. III.

⁵ Там же, с. 277.

⁶ Там же, с. 265—270.

⁷ Там же, с. 268.

Такое меридиональное кочевание на расстоянии многих сотен километров он называет «урало-аральским циклом», что было возможно при условии круглогодичного передвижения с юга на север и обратно в строгом соответствии со сменой времен года⁸.

Р. Г. Кузеев полагает, что одновременно с приходом на Бугульмино-Белебеевскую возвышенность и зауральские степи башкирские племена начали «освоение горно-лесных зон Южного Урала», которые вначале они использовали в качестве летних кочевков⁹, а затем основательно их заселили, чему в немалой степени способствовали политические события в южных степях. Господство там половецких племен в XI—XII вв., а затем монгольское нашествие привели к ослаблению связей с Приаралем и степями Прикаспия и вытеснению башкир с Бугульмино-Белебеевской возвышенности в северное и восточное направление.

Под воздействием новых физико-географических условий, по мнению исследователя, хозяйство башкирских племен в это время существенно трансформировалось за счет повышения роли таких вспомогательных видов хозяйства, как охота и бортничество¹⁰. Р. Г. Кузеев в целом отнесся отрицательно к мысли о наличии элементов оседлости у племен Южного Урала рубежа I и II тысячелетий н. э., высказанной некоторыми археологами¹¹. Допуская определенную преемственную связь культуры и традиций, ведения хозяйства башкирских племен IX—XII вв. с населением Южного Урала V—IX вв., ученый считает в то же время, что влияние тюркского кочевого хозяйства было преобладающим.

Чтобы составить более полное представление об особенностях экономики южноуральских племен раннего средневековья, необходимо привлечь весь круг возможных источников. В данном исследовании мы попытались установить то общее, на что согласованно указывают все или большинство источников. Давно установлено, что начальные века изучаемого периода на Южном Урале соответственно его физико-географическим условиям застают два различных уклада жизни: кочевое скотоводство в степной части и оседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство в лесостепной части. Сложение этих двух историко-хозяйственных областей началось еще в конце эпохи бронзы и четко оформилось в начале железного века¹². Оно сыграло определенную роль в дальнейшем развитии истории и культуры населения Южного Урала, и без учета этих особенностей трудно понять своеобразие этногенетических процессов, происшедших здесь. Достаточно сказать, что различие в хозяйстве населения края, возникшее в эпоху раннего железа, сохранилось у башкир до недавнего прошлого (начало XX в.).

⁸ Там же, с. 267.

⁹ Там же, с. 270.

¹⁰ Там же, с. 277—278.

¹¹ Там же, с. 284—285.

¹² Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. — СА, 1964, № 3, с. 47.

Земледелие

Чтобы полнее представить экономические предпосылки хозяйственной деятельности раннесредневековых племен Южного Урала, нужно осветить степень развитости земледелия в предшествующее время, так как именно роль земледелия в имеющейся литературе в какой-то мере остается спорной.

Земледелие можно считать одной из традиционных отраслей хозяйства племен Южного Урала (бассейн р. Белой) еще с глубокой древности. Это подтверждается находками кладов с многочисленными бронзовыми серпами, относящихся к эпохе бронзы и связываемых с племенами срубно-абашевского типа¹³.

Хронологически следующая группа серпов с данной территории относится ко второй половине I тысячелетия н. э. Это — железные серпы (рис. 18, 1, 2), обнаруженные в погребениях Кара-Тамакского могильника и на Имендяшевском городище. Из памятников Южного Урала раннего железного века нам пока неизвестны орудия труда, связанные сугубо с земледелием. Однако было бы большой ошибкой считать, что данный вид производства тогда отошел на второй план. Наоборот, появление на Южном Урале многочисленных постоянных поселений (городищ и селищ) пьяноборских племен с мощными культурными слоями в начале железного века и численное увеличение их в последующие века, вплоть до IV—VI вв. н. э., дает нам полное основание утверждать о возрастающей роли земледелия. Косвенным доказательством сказанному могут служить зерна полбы, ячменя с Осинского городища на Средней Каме¹⁴, на котором обитала северная группа населения пьяноборской культуры, занимавшей все северные и центральные районы территории современной Башкирии. Поэтому все археологи сходятся во мнении, что земледелие у оседлого населения Южного Урала раннего железного века сыграло важную роль в его экономике, определяя основное содержание его образа жизни¹⁵.

В нашем распоряжении сейчас имеются многочисленные археологические доказательства о качественных сдвигах, происшедших в области земледельческого хозяйства у южноуральского населения в период раннего средневековья.

В раннее средневековье на всем Западном Приуралье мы находим прочную основу для земледельческого хозяйства: сотни поселений с мощными культурными отложениями, свидетельствующими о жизни на них в течение долгого времени (рис. 19). Городища и примыкающие к ним селища, например, густой сетью покрывают в это время весь бассейн

¹³ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 218—219; рис. 30, 8—11, 14—19; Смирнов А. П. Железный век Башкирии, с. 21, табл. II, 1—4, 6.

¹⁴ Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — ВАН, Ижевск, 1970, вып. 10, с. 97.

¹⁵ Шмидт В. А. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. — «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929, № 8—9, с. 9; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, с. 45—56; Смирнов А. П. Железный век Башкирии, с. 36.

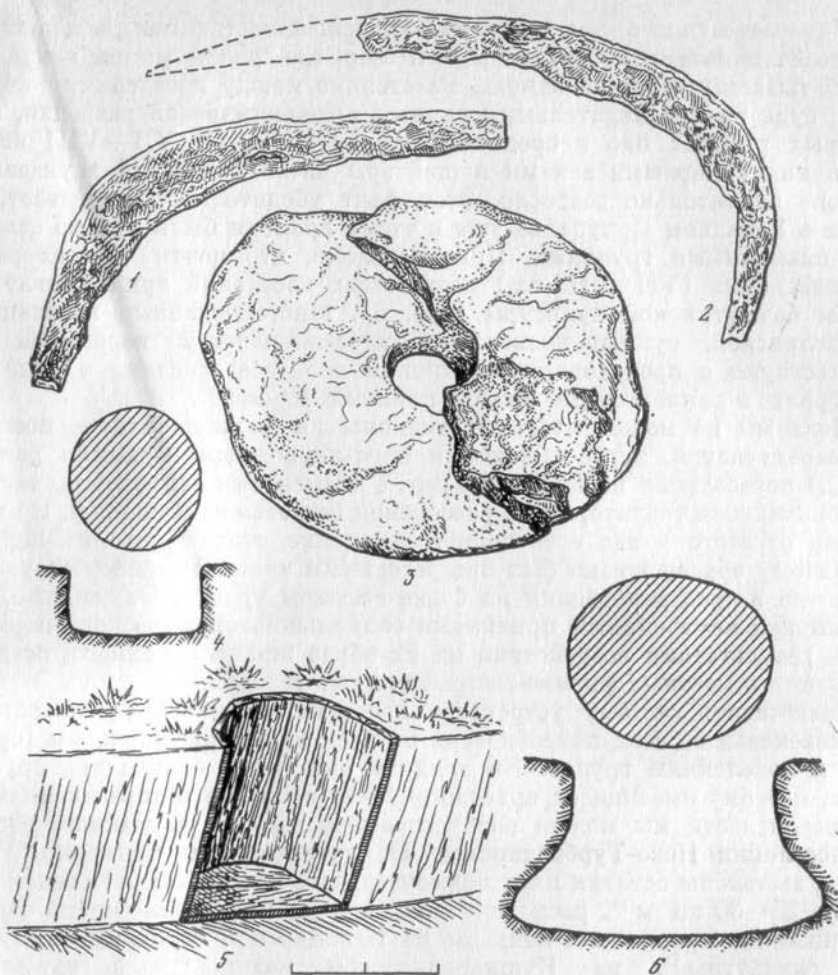

Рис. 18.

Материалы из археологических памятников Южного Урала эпохи средневековья, связанные с земледелием

1, 2 — серпы; 3 — жернова; 4—6 — планы и разрезы хозяйственных ям
1 — Имендяшевское городище; 2 — Кара-Якуповское городище; 3 — Кара-Таманский могильник; 4, 5 — поселение Ново-Турбаслинское II; 6 — Юмакаевское городище

среднего и нижнего течения р. Белой со всеми притоками, в том числе наиболее крупными — Демой, Быстрым Танышом, Уфой, Кармасаном, Сюнью и др. Эти районы с умеренным климатом и плодородным черноземом представляли благоприятные условия для развития земледелия и получения устойчивых урожаев. Видимо, не случайно здесь в XVII—XVIII вв. роль земледелия в хозяйстве башкир по сравнению с другими районами края была более высокой.

Интересна топография поселений. Большой частью они располагаются по незатапливаемым берегам рек и озер, где рядом могли находиться обрабатываемые участки земель. Расстояние между поселениями невелико и, судя по предварительным данным археологической разведки, в отдельных районах оно в среднем было 5—10 км. В VII—VIII вв. по сравнению с первыми веками нашей эры число поселений в указанном регионе значительно возросло. Этот факт убедительно показывает, что земли в Западном Приуралье уже к этому времени были прочно освоены родо-племенными группами. Примечательно, что почти $\frac{2}{3}$ всех ранне-средневековых (VII—VIII вв.) постоянных поселений принадлежат племенам бахмутинской культуры (рис. 8). Многочисленные поселения с турбаслинской, кушнаренковской и кара-якуповской керамикой свидетельствуют о происходящем активном процессе оседания в Западном Приуралье в раннем средневековье пришлых племен.

Пока мы не можем ответить, знакомы ли были племена — носители кушнаренковской, турбаслинской и кара-якуповской керамики раньше, т. е. до переселения на Южный Урал, с элементами земледелия, так как первоначальная территория их расселения остается неизученной. Но независимо от этого у нас есть полное основание считать, что их переход к оседлому образу жизни был прогрессивным явлением, способствующим развитию в крае земледелия на более высоком уровне. Он, видимо, был вызван как внутренними причинами социально-экономического порядка, так и результатами воздействия на их образ жизни коренного, оседлого населения и местных физико-географических условий.

Представить систему устройства поселений Южного Урала раннего средневековья во всех подробностях по нескольким раскопанным городищам и поселениям трудно. Но вряд ли они резко отличались друг от друга, поэтому имеющиеся археологические сведения с определенной долей вероятности мы можем распространить на весь изучаемый регион. На поселении Ново-Турбаслинское II, датированном примерно VII—IX вв., выявлены остатки пяти прямоугольных жилищ-полуземлянок площадью 25—30 кв. м¹⁶, расположенных в один ряд вдоль берега. Подобные жилища, кроме того, найдены на Кансиарском городище бахмутинской культуры¹⁷, на Кушнаренковском селище¹⁸, а затем на Имендяшевском городище на берегу р. Зилим¹⁹. Хотя жилища своими основаниями углублялись в землю, стены их можно реконструировать как бревенчатые с печами типа чувал, устроенными на невысоких деревянных подставках. Следы хорошо сохранившегося чужала удалось точно зафиксировать в одном из ново-турбаслинских жилищ²⁰.

В непосредственной близости от жилых сооружений во множестве устраивались небольшие ямы-зернохранилища, назначение которых под-

¹⁶ Мажитов Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II.— АЭБ, Уфа, 1962, т. I, с. 153, рис. 2.

¹⁷ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968, с. 47.

¹⁸ Раскопки В. Ф. Генинга.

¹⁹ Матвеева Г. И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим.— АЭБ, 1973, т. V, с. 250.

²⁰ Мажитов Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II, с. 154, рис. 4.

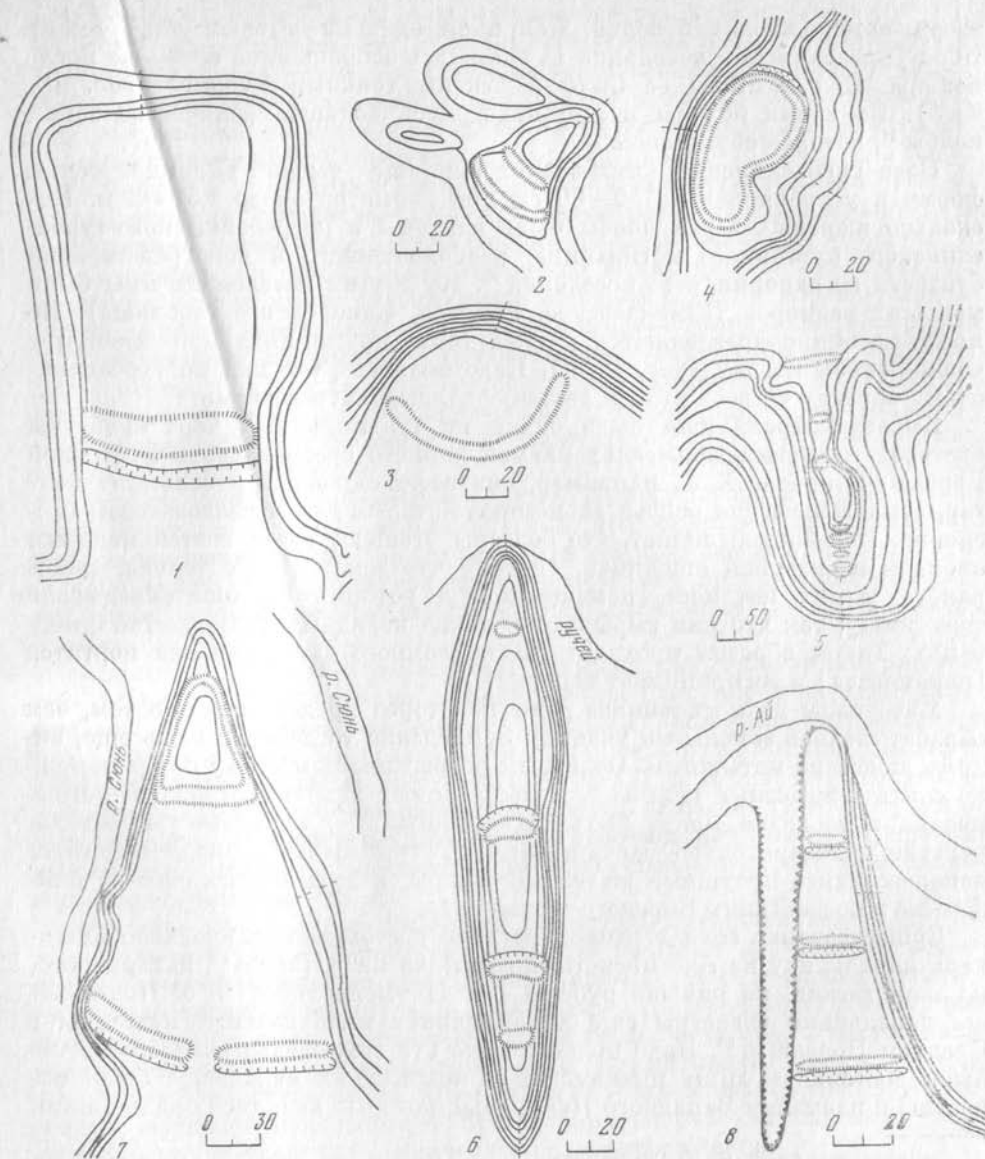

Рис. 19.

Типы городищ Южного Урала эпохи средневековья

1 — Бустанайское; 2 — Югомашевское; 3 — Афанасьевское; 4 — Шульгановское; 5 — Юмакаевское; 6 — Барязинское; 7 — Петр-Тауское; 8 — Турналинское

тверждается находками зерен. Например, одна из четырех таких ям на Ново-Турбаслинском поселении II оказалась заброшенной сразу же после пожара. Пол и стены ее были обложены тонкими досками (рис. 18, 4, 5). Во время пожара в яме находилось большое количество зерна полбы²¹, которое обуглилось.

Ново-Турбаслинские ямы-зернохранилища имели цилиндрическую форму и углублялись на 50—80 см при диаметре около 1,50—2 м. Несколько жареных зерен полбы были найдены в погребении ново-турбаслинского курганного могильника, расположенного в непосредственной близости от одноименного поселения²². На других поселениях ямы были меньших размеров (Юмакаевское, Бирское, Кансиарское городища). По профилю они подразделяются на два типа: кругло-цилиндрические и с расширением ко дну (рис. 18, 6). Надо полагать, что они по турбаслинскому образцу со всех сторон также обкладывались досками.

Ямы-зернохранилища были одной из традиционных черт культуры скотоводческо-земледельческих племен раннего средневековья Восточной Европы. В начале X в., например, они зафиксированы у волжских болгар, земледельческая основа экономики которых для исследователей бесспорна. Ибн-Фадлан пишет, что болгары угощают своих гостей медовым набилом и скверной пшеницей, «потому что земля у них черная, вонючая, а у них нет мест [помещений], в которых бы они складывали свою пищу, так что они вырывают в земле колодцы и складывают пищу в них. Таким образом проходит только немного дней, как она портится [изменяется] и воспринимает запах»²³.

Материалы из могильников дают некоторое представление о том, чем обрабатывались земельные участки. Земледелие тогда оставалось еще, видимо, подсечно-мотыжным. Основным разрыхляющим почву орудием можно считать железные кельты²⁴. В лесостепных условиях Западного Приуралья земледелие могло быть подсеченным, т. е. новые земельные участки предварительно расчищались. В этом процессе, надо полагать, использовались проушныя железные топоры, в большом количестве найденные в погребениях Бирского могильника.

Существование сохи в данном регионе достоверно установлено благодаря наральнику из Азелинского могильника на р. Вятке²⁵, датируемого, на наш взгляд, не раньше рубежа I и II тысячелетия н. э. Подобные же наральники известны еще в памятниках именьковской культуры в Среднем Поволжье²⁶. Надо полагать, что эти земледельческие орудия не были достоянием лишь прикамских и поволжских народов, а были известны и племенам Западного Приуралья, которые являлись ближайшими

²¹ Определение проф. В. К. Гирфанова.

²² Мажитов Н. А. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы.— БАС, Уфа, 1959, с. 124.

²³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, с. 73.

²⁴ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 27.

²⁵ Генинг В. Ф. Азелинская культура.— ВАУ, Ижевск, 1963, вып. 5, с. 26, табл. XXIV, 5.

²⁶ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры.— САИ, вып. Д1—32, 1967, табл. 13, 13—15.

их соседями и имели с ними тесные этнокультурные связи. Здесь уместно будет еще раз вспомнить, что турбаслинские поселения на основе сходства керамики многие археологи продолжают считать как памятники уральского варианта одной широкой именковской культуры²⁷. Оседлый земледельческий быт именковских племен в науке твердо установлен и ни у кого не может вызвать сомнений.

О прогрессе в развитии земледельческого хозяйства свидетельствует то, что в конце I тысячелетия почти повсеместно здесь получает распространение новый тип орудий труда для размола зерна — жернов²⁸. Так, например, на Кансиарском городище бахмутинской культуры при раскопках найден кусок от каменного жернова с одной хорошо отработанной ровной поверхностью. Целый комплект жерновов обнаружен Г. И. Матвеевой на селищах Улукулевском (VII—X вв.) и Удельно-Дуванейском, а также на Кара-Якуповском городище (рис. 18, 3), среди подъемного материала с городища Уфа II (сборы П. Ф. Ищерикова), в отдельных поселениях начала II тысячелетия н. э., расположенных вблизи г. Уфы.

Все они одинаковой формы и состоят из двух плоских кругов с ровными рабочими поверхностями. Круги в центре имеют небольшие отверстия для закрепления вокруг оси. Нижний круг должен был крепиться неподвижно, а верхний вращаться вокруг оси при помощи деревянной ручки, установленной в специальное сквозное отверстие или в выемку у края.

Одновременно с каменными южноуральское население могло употреблять деревянные жернова из тяжелых и твердых пород дерева (дуб). Аналогичные жернова, например, с частыми насечками или вбитыми гранеными гвоздями на поверхности для лучшего размалывания зерна у башкир зафиксированы еще в начале XVIII в. и широко употреблялись вплоть до 40-х годов нашего столетия²⁹. Таким же древним орудием размол зерна являлись сохранившиеся повсеместно у башкир деревянные ступы³⁰. Вместе с жерновами на этих поселениях найдены также железные серпы (рис. 18, 1).

Массовое появление в последних столетиях I тысячелетия н. э. ручных жерновов взамен зернотерок означало прогресс не только в зерноперемалывающем деле, но находилось в прямой связи с общим развитием производительности труда в земледелии. Таким нововведением, вызвавшим качественные изменения орудий труда, могло быть только внедрение и дальнейшее совершенствование примитивного плуга (сохи), о чем уже говорилось выше. Оно позволило значительно расширить посевные площади, использовать при земляных работах тяговую силу, что непременно увеличило количество получаемого зерна.

²⁷ Смирнов А. П. Из этнической истории Западного Приуралья в I тысячелетии н. э.— БАЗ, Уфа, 1971, т. IV; Старостин П. Н. О романовских и именковских памятниках.— БАЗ, Уфа, 1971, т. IV.

²⁸ Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье.— В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975, вып. V, с. 20.

²⁹ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки, с. 120—122, рис. 83—84.

³⁰ Там же, с. 120—121, рис. 82.

Материалов об уровне развития земледелия на Южном Урале в начале II тысячелетия по сравнению с последними столетиями I тысячелетия гораздо меньше. Но они все же дают представление о дальнейшем развитии земледелия народами этого края. Об этом свидетельствуют железные орудия, найденные в 1932 г. в кладе близ дер. Хозятово на р. Дёме и датирующееся примерно XII—XIV вв. В составе клада наряду с проушными топорами найдены косы-горбуши, резец сохи, наральник и серп. Р. Н. Янгузин, давший первую полную информацию о кладе, справедливо считает, что датирующими здесь являются топоры, которые находят хорошие аналогии в памятниках начала II тысячелетия н. э.³¹ Наличие в этом комплекте резца наводит на мысль о более совершенной конструкции сохи. Это вполне согласуется с более развитой формой косы и сопровождаемыми их косами-горбушами, которые являются самыми древними из числа наиболее достоверных.

Следы оседлой культуры для начала II тысячелетия выявлены не только в бассейне р. Белой, но и южнее, в степной части. Примером может служить Саньянское селище, расположенное на юге Башкирской АССР, рядом с границей Оренбургской обл. На селище нами собрано небольшое количество керамики, состоящей из обломков неорнаментированной грубой плоскодонной и гончарной посуды болгарского облика предзолотоордынского времени. Степная и лесостепная часть Южного Урала в археологическом отношении все еще остается малоисследованной, особенно в плане поиска следов поселений. Поэтому существующее мнение о том, что они там отсутствуют, является преждевременным. Отдельные случаи находок серпов в кочевнических погребениях Оренбуржья конца I тысячелетия — доказательство существования там земледелия³².

Все это делает вероятной достоверность сведений раннесредневековых письменных источников о существовании в то время городов. В частности, автор XII в. Идриси пишет о городах Каракия, Мазира и других в районе рек Камы и Белой³³. Эти города могли быть своего рода культурно-торговыми и ремесленными центрами, что вполне допустимо при наличии земледельческого уклада хозяйства. Одним из таких памятников, по нашему мнению, могло быть городище Уфа II или рядом расположенное другое городище, являющееся пока единственным в своем роде раннесредневековым памятником, культурные отложения которого доходят почти до 4 м. Не исключено, что данный памятник имеет прямое отношение к сообщениям о том, что до возникновения здесь русской крепости-города в 1574 г. на этом месте существовал башкирский город под названием Иман-кала (Дубовый город).

Подытоживая сказанное, можно заключить, что земледелие у южно-уральского населения на всем протяжении раннего средневековья яв-

³¹ Янгузин Р. З. Земледелие у башкир в XVII — первой половине XVIII в. — «Вестн. МГУ», 1970, № 4, с. 52.

³² Нефедов Ф. Д. Отчет археологических исследований в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. — МАВГР, 1889, т. 3, с. 22.

³³ Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 324.

лялось одним из основных видов его хозяйственной деятельности. Оно особенно четко было развито в Западном Предуралье, где традиции земледелия уходят в глубокую древность, к медно-бронзовому веку. Археологически достоверно устанавливается, что здесь постоянно шел интенсивный процесс оседания пришлых племен и переход их к земледелию. Начало раннего средневековья для земледельческого хозяйства Южного Урала ознаменовалось переходом к более высокой ступени производства, связанным с введением в практику новых орудий труда, таких, как деревянный плуг с железным сошником (соха), жернова для перемалывания зерна, железные серпы.

Большой интерес представляет сравнение нашей реконструкции характера земледелия башкирских племен рубежа I и II тысячелетия н. э. с уровнем той же отрасли хозяйства башкир XV—XVI вв., о которых исторических сведений значительно больше.

Между этими историческими эпохами лежит период почти в три столетия, полный драматических событий в жизни местного населения. Начало связано с завоеванием Южного Урала монголо-татарами³⁴. Страна башкир надолго была превращена в летние кочевья золотоордынских ханов и их приближенных³⁵. То же самое положение сохранилось и в конце XIV — начале XVI в., когда Башкирия фактически была разделена между тремя ханствами: ногайским, казанским и сибирским и стала ареной главных военных действий враждующих сторон. Так, например, в 1391 г. здесь произошло крупное сражение между армиями Тохтамыша и Тимура, закончившееся поражением первого³⁶.

Пагубная роль монголо-татарских завоеваний в хозяйственном и культурном развитии народов общезвестна, и в этом отношении средневековая Башкирия, очевидно, не составляла исключения³⁷. Бесконечные военные набеги и регулярные кочевки завоевателей должны были привести к общему упадку производительных сил, разрушению традиционного быта и истреблению части населения. Очень важно, что даже после таких тяжелых и долгих испытаний к середине XVI в., когда произошло добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству (1557 г.)³⁸, часть башкир еще вела хозяйство, в котором земледелие играло заметную роль.

Обращает на себя внимание такой факт, как совпадение территории расселения башкир в это время с той территорией, где в раннее средневековье население вело оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. Ценные сведения об этом содержит шежере племени юрматы, восходящее к периоду присоединения к Русскому государству. В нем, в частно-

³⁴ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, ч. II. М.—Л., 1941, с. 34.

³⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 57; Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1. Уфа, 1956, с. 52—55.

³⁶ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов..., с. 117.

³⁷ Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 858—859; Очерки по истории Башкирской АССР, с. 42—52.

³⁸ Кузеев Р. Г. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству.— В кн.: 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958, с. 20.

сти, рассказывается о страшном бедствии, постигшем народ в результате долгой зимы, и, очевидно, неурожай из-за засухи: «Пришли годы голодные. Зима была очень долгая, в течение трех лет лошадей, овец не стало, хлеба совсем не уродилось, многие народы обеднели, и многие люди остались голодными и разутыми»³⁹.

В документах, восходящих к XVI в., многие башкирские племена упоминаются как оседлое население. Сказанное полностью относится к башкирам северо-восточной группы, расселившимся по бассейнам рек Ай и Юрюзань. Это послужило одним из доводов, на основании которых нами было высказано мнение о том, что эти группы являются прямыми потомками тех племен, которые после себя оставили большие курганные могильники X—XII вв. (Лагереvские, Каранаевские, Ишимбаевские и др.)⁴⁰. Этим башкирам, вероятно, уже тогда хорошо было знакомо земледелие. Без такого логического предположения трудно понять сообщения И. И. Лепехина (XVIII в.) о том, что башкиры бассейна р. Ай «столь же хорошие хлебопашцы, как и их соседи»⁴¹.

Аналогичные сведения дают ученые-путешественники П. И. Рычков, П. С. Паллас, И. Г. Георги. Обобщая их, С. И. Руденко высказал мысль, согласно которой традиция занятия земледелием башкир XIX — начала XX в. восходит к археологическому прошлому. Это мнение находит подтверждение в новых исторических и археологических источниках, приведенных выше.

Скотоводство

Обобщая огромные историко-этнографические материалы по кочевым народам, исследователи выделяют три главные формы кочевого хозяйства⁴², существовавшие с глубокой древности до недавнего прошлого:

1. Коллектив людей (род, племя) находится в постоянном движении за стадом и табуном, находившимися на подножном корму (таборное кочевание).

2. Передвижение производится в ограниченных территориях с зимовкой на временных стойбищах (полукочевое).

3. Полукочевое хозяйство, но часть людей, наиболее бедная, ведет оседлый образ жизни, а другая выезжает лишь на летовки, откуда возвращается на зимовки.

Древние письменные источники и исследования археологов позволяют нам сделать вывод о том, что на Южном Урале до наступления раннесредневекового периода были известны все три формы скотоводства.

³⁹ Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 32.

⁴⁰ Мажитов Н. А. Археология Башкирии (на башкирском языке). Уфа, 1968, с. 145—150.

⁴¹ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г., ч. 1—3. СПб., 1802, ч. 1—3, с. 243.

⁴² Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — В кн.: Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1971, с. 33—108.

Наши предположения о существовании таборного кочевания опираются на письменные свидетельства. Уже с первых веков нашей эры они указывают на пребывание гуннских племен в районе между Каспийским морем и Южным Уралом. О гуннах, например, знают автор I в. Дионисий⁴³, а затем Клавдий Птоломей (II в.)⁴⁴. Эти сведения говорят о том, что в первой половине I тысячелетия н. э. гунны — выходцы из центральноазиатских степей — являлись ведущей военной и политической силой в данном регионе.

Вполне обоснованным является допущение А. Н. Бернштама, с которым согласны почти все исследователи древностей, о том, что на Южном Урале окончательно сформировался гуннский военный союз за счет привлечения местных и среднеазиатских кочевых племен⁴⁵ на запад.

В этих условиях удельный вес гуннской системы скотоводства в экономике населения всего Южного Урала должен был значительно возрастать. А быт гуннов на протяжении многих столетий мало изменился, основываясь на таборном кочевании. В степях Азии они разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов и ослов, «перекочевывали с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имели ни городов, ни оседлости, ни земледелия, но у каждого был отдельный участок земли»⁴⁶.

Примерно такой же образ жизни вели юго-восточные соседи южноуральских племен — саки-усуны — обитатели широких казахстанских степей. Они «не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходятся с гуннами. В их владении много лошадей и богатые содержат от 4000 до 5000 голов»⁴⁷.

Какими факторами определялась система ведения кочевого хозяйства упомянутых здесь племен? Ответ на этот вопрос поможет нам понять многие особенности хозяйства южноуральских племен в период раннего средневековья.

Как видно из самих источников, передвижения кочевников связаны с поисками пищи и воды. Однако это не было беспорядочное кочевание за стадом или табуном лошадей, а оно строго подчинялось объективным факторам, определяемым самой кочевой жизнью и исторической обстановкой. Специалисты, занимающиеся происхождением номадизма, единодушно указывают, что относительная продолжительность пребывания кочевых скотоводов на том или другом пастбищах зависела от почвенно-климатических условий, богатства местности растительным покровом и плотности населения на данной территории⁴⁸. В условиях, близких к Юж-

⁴³ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, № 1, с. 241.

⁴⁴ Там же, с. 254.

⁴⁵ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 144.

⁴⁶ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М. — Л., 1950, с. 40.

⁴⁷ Там же, т. II, с. 190.

⁴⁸ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 92; Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 33—34.

ному Уралу, эти факторы практически проявлялись в том, что зиму nomады проводили в малоснежных, преимущественно в южных районах (побережье Аральского и Каспийского морей), а весной и летом кочевали в северные районы, вплоть до предгорий Южного Урала.

Здесь, таким образом, мы отмечаем научную обоснованность впервые высказанной мысли Р. Г. Кузеева об арало-уральском цикле кочевания в IX—XII вв. Но возникновение этого способа кочевания, очевидно, следует отнести к глубокой древности, и оно связано с существованием самого способа кочевания хозяйства в этом широком регионе. Поздние документы дают многочисленные примеры, подтверждающие такую закономерность меридионального кочевания nomадов с севера на юг и в обратном направлении. Так, в XVI в. казахский хан Бурундук зимовал в северо-восточной части побережья Каспийского моря, а на летовки выезжал в приуральские степи⁴⁹. В конце XV—XVI вв. предгорья Западного Приуралья явились летней кочевой мурз Ногайской Орды, которые владели землями между Волгой, Яиком и Камой, а зиму проводили в Северном Прикаспии⁵⁰.

Такая же система кочевек сохранилась в XVII—XVIII вв., когда летовки отдельных казахских племенных объединений достигали пределов Южного Урала. На зиму они вновь возвращались в районы Аральского и Каспийского морей⁵¹.

В таком же меридиональном направлении в XIII в. кочевал золотоордынский хан Бату. Маршруты его летних кочевек от устья Волги по побережью иногда доходили до пределов Волжской Болгарии, эту традицию затем продолжал другой хан — Берке⁵². В эти времена Южное Приуралье рассматривалось как составная часть владений ближайших родственников правителей Золотой Орды. На эту мысль, кроме исторических параллелей, наводит документ, согласно которому при одном из многократных перераспределений зависимых от Золотой Орды территорий Южный Урал отошел брату Бату — Шибану. «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между юртом [Бату] и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика — по рекам Иргиз, Санух, Орь, Илек, до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях р. Сыр в устьях Чу и Сарису»⁵³.

Приведенный неполный перечень исторических документов наглядно показывает, что в XIII—XVIII вв. Южное Приуралье входило в состав кочевого хозяйства государственно-политических объединений южных

⁴⁹ Чулошников А. П. Очерки по истории казахско-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами тюркских племен, ч. 1. Оренбург, 1924, с. 113.

⁵⁰ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 242; Очерки по истории Башкирской АССР, с. 52—55.

⁵¹ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе турецких племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», СПб., 1896, вып. III и IV, с. 316; Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО, Омск, 1881, кн. III, с. 2—3; Гейне А. К. Киргизские очерки. — «Военный сборник», 1866, № 5, с. 324; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 241—242.

⁵² Книга Марко Поло. М., 1956, с. 45.

⁵³ Абу-л-Гази. Указ. соч., с. 160. Цит. по кн.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 57.

степей. Номадов здесь, видимо, привлекали богатый растительный покров и источники пресной воды, в избытке удовлетворявшие потребности скота и людей на протяжении от весны до глубокой осени.

Согласно биолого-географическим исследованиям⁵⁴ важным фактором, определяющим особенности южноуральского региона, является наличие Уральского горного хребта, вытянутого с севера на юг. Горы оказывают мощное воздействие на формирование климата, растительного и животного мира, они препятствуют вторжению холодных воздушных масс с севера и служат границей между различными климатическими зонами. Разница в высотах горных хребтов также существенно сказывается на образовании микроклимата в различных районах. Так, например, в местностях, расположенных на высоте 550 м от уровня моря, по сравнению с предгорными разница температуры в самом теплом месяце года составляет 5,3°, а продолжительность периода с температурой выше +10° короче на 42 дня⁵⁵. Южные склоны получают больше солнца, они более сухие и удобные для ранней весенней пастбы скота, чем северные. Восточные склоны нагреваются слабее западных, так как солнечное освещение их бывает утром, когда воздух не успел еще нагреться.

Несмотря на отмеченные различия, солнца и влаги на всем Южном Урале достаточно для развития кормовых трав, чему благоприятствуют лесной покров и почвенные условия. Для развития скотоводства особенно хороши высотные горные пастбища, богатые субальпийской растительностью. Благоприятно сказывается также и разница в высотах и склонах гор, что дифференцирует сроки вегетации растений, обеспечивает непрерывное существование травяного покрова от ранней весны до поздней осени. Лучшему росту скота способствует также умеренный климат субальпийских лугов и отсутствие там кровососущих насекомых⁵⁶. Все это, вместе взятое, закрепило за Южным Уралом роль надежной кормовой базы в скотоводческом хозяйстве на протяжении многих тысячелетий.

Кочевое скотоводческое хозяйство, по мнению исследователей, на протяжении многих столетий и даже тысячелетий оставалось одним и тем же по способу землепользования и принципу организации труда⁵⁷. Это дает нам право данные поздних письменных источников о направлении таборных перекочевок и формах использования предуральских пастбищ номадами перенести к более ранним периодам, когда в южных степях господствовали сарматы, гунны и другие племена. По-видимому, такая реконструкция быта ранних кочевников Южного Урала является единственным возможным ключом к правильному пониманию своеобразия мате-

⁵⁴ Берг Л. С. Основы климатологии. М., 1938; Богомолов Д. В. Почвы Башкирской АССР. М., 1954.

⁵⁵ Хамидуллин Г. З., Губайдуллин М. С. Организация отгонного животноводства в Башкирии. Уфа, 1956, с. 13.

⁵⁶ Там же, с. 19, 25.

⁵⁷ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 61—62; Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов, с. 46; Акишев К. А. К проблемам происхождения номадизма, с. 35; Григорьев В. В. О скифском народе саках.— ТВОРАО, СПб., 1876, ч. 16, с. 175.

риала археологических памятников этого времени, выражающегося в присутствии, в изобилии предметов среднеазиатского происхождения. Нами учтен также опыт советских этнографов по изучению слагающих компонентов, определяющих специфику кочевого хозяйства. Здесь основную роль сыграли физико-географические условия региона и в меньшей степени развития этнического порядка.

А. М. Хазанов, например, указывает, что состав стада, система кочевок и в целом ведение кочевого скотоводства калмыков в завожских степях почти ничем не отличались от того же у древних сарматов, хотя они принадлежат к различным по культуре и языку народам и историческим эпохам⁵⁸.

Как признают сейчас все археологи, в курганах кочевников Южного Урала встречается много гончарной посуды среднеазиатского происхождения (кувшины, фляги, горшки)⁵⁹, которая весьма неудобна для транспортировки. Не исключено, что ее приток сюда мог быть связан с уже ставшими тогда традиционными меридиональными кочевками. Близость прослеживается не только в керамике, но и в предметах украшений и в устройстве могильных сооружений.

Сказанное дало повод некоторым археологам не без оснований высказать мнение о переселении части среднеазиатских (припалыских) племен на Южный Урал, вплоть до бассейна р. Белой, и участия их в формировании культуры его населения после IV в. до н. э.⁶⁰ В свете приведенных соображений большой интерес представляет открытие за последние годы в районе Аральского моря группы курганов (раскопки В. Н. Ягодина), которые как будто обнаруживают большое сходство в материале с такими памятниками Южного Урала, как Старо-Киишкинские курганы. Если это так, то в них можно увидеть следы родственной группы племен, оставленные в одном случае в период пребывания на зимовке, а в другом — на летовке.

С. Е. Толыбеков считает, что кочевники, большую часть времени проводящие в необъятных степных просторах, не приминуют воспользоваться любой возможностью связей и общения при встречах с посторонними людьми. Во время таких встреч они обменивались необходимой информацией о соседях, урожае трав в зонах кочеваний, погоде и т. п., что приобретало важное общественно-политическое и хозяйственное значение⁶¹. Поэтому представляется вполне реальной мысль, что места зимних кочевок использовались для оживленной торговли, в результате которой на юг из Южного Урала вывозились товары местного производства, а в

⁵⁸ Хазанов А. М. Сармато-калмыцкие параллели. (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении). — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1972; *он же*. Эпоха древних кочевников в евроазиатских степях. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 23—25.

⁵⁹ Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. — АЭБ, 1962, т. I, табл. II, 9; табл. XII, 7, 8.

⁶⁰ Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 45; Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 71.

⁶¹ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 129—132.

обмен ввозились предметы роскоши, ткани, высокохудожественная керамическая посуда и т. п.

Археологический материал позволяет ставить вопрос, хотя и в предположительном плане, о существовании длинных перекочевок с Южного Урала и обратно не только в меридиональном, но и в какой-то мере в широтном направлении. Не исключено, что появление на Южном Урале в эпоху ранних кочевников многочисленных памятников (курганов), по своему устройству являющихся близкой копией центральноказахстанским (тасмолинским) и памятникам более южных районов, находится в тесной связи с существовавшими маршрутами кочевков в этом направлении. К числу таких памятников относятся курганы «с усами», принадлежность которых выходцам из казахстанских степей, кажется, теперь ни у кого не вызывает сомнения⁶².

Археологи неоднократно обращали внимание на то, что в археологическом материале Зауралья, Западной Сибири и Казахстана раннего железного века много общих моментов⁶³, что подразумевает также активные контакты населения на базе кочевого хозяйства.

Однако следует подчеркнуть, что таборное кочевание с Южного Урала по отмеченным маршрутам в несколько тысяч километров не было повсеместным. Оно, вероятно, было доступно, как и в позднее время, только тем племенам, которые занимали ведущее положение над остальными. К. Ф. Смирнов, обобщая огромный археологический материал по ранним кочевникам Восточной Европы, пришел к убедительному выводу о том, что основой хозяйства ранних кочевников южноуральских степей являлось полукочевое скотоводство. Он считает, что савроматы и сарматы Южного Приуралья, имея в составе своих стад мелкий и крупный рогатый скот, не могли совершать длинные кочевки⁶⁴.

Эти племена умерших сородичей хоронили на своих родовых кладбищах, отличающихся значительными размерами, что возможно лишь при условии, если племя кочует продолжительное время на определенной территории⁶⁵. По берегам рек и озер они имели поселения, где проводили зимовки или летовки с временными постройками для скота и постоянными жилищами типа землянок, полуземлянок и даже наземных срубных домов⁶⁶. Часть населения постоянно жила на этих поселениях, занимаясь обработкой земельных участков для посевов и заготовкой корма для скота на зиму⁶⁷. Южноуральские степи уже в то время не представляли собой безлюдного пространства, а были строго распределены между родо-племенными группами для кочевков⁶⁸.

⁶² Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала, с. 70; Мажитов Н. А. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа.— В кн.: Итоговая сессия Уфимского ИИЯЛ БФ АН СССР за 1965 г. Уфа, 1966, с. 95.

⁶³ Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала, с. 70—72.

⁶⁴ Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов, с. 50—52.

⁶⁵ Там же, с. 52—54.

⁶⁶ Там же, с. 54—56.

⁶⁷ Там же, с. 57—58.

⁶⁸ Там же, с. 55.

В зависимости от характера расположения курганных могильников Оренбуржья К. Ф. Смирнов полагает, что у савроматских племен маршруты кочевок отдельных племенных групп не превышали 200—400 км⁶⁹. Не подлежит сомнению, что последняя цифра всегда менялась. Но в данном случае интерес представляет то, что поздние письменные источники дают нам основание несколько уточнить направление этих маршрутов кочевок местного назначения: они пролегли от степей в горы и обратно.

Интересно свидетельство Палласа о том, что башкиры в XVIII в. «для пастьбы своих стад избирают летом по большей части горы, и около оных лежащие места, где и без того хлеб зреет поздно, а осенью и весною кочуют они по большей части в долины (предгорья)»⁷⁰. С данным сообщением полностью согласуются поздние сведения, содержащиеся в башкирских шежере. Например, в шежере племени мин упоминается, что оно некогда кочевало в верховьях горной р. Зилим⁷¹. Пример территориального расселения племен в XVI в. дает также шежере племени бурзян, кышяк, усерген и тамьян, в котором говорится о распределении части территории Западного Приуралья между семью башкирскими племенами согласно царскому указу после присоединения их к Русскому государству⁷².

Пастушеское скотоводство являлось одной из ведущих отраслей комплексного хозяйства оседлого финно-угорского населения, широким массовым расселившегося по склонам Уральского хребта и особенно в бассейне р. Белой. Здесь сейчас выявлены остатки сотен постоянных поселений-селищ и городищ с мощными оборонительными линиями, на многих из которых интенсивная жизнь не прекращалась на протяжении многих веков (Биктимировское городище), оставляя культурные наслоения в несколько метров.

Как показывает анализ остеологического материала, обитатели этих поселений разводили преимущественно лошадей и овец; крупный рогатый скот по численности в стаде занимал третье место. Состав домашних животных кара-абызо-пьяноборских племен был примерно таким же, что и у кочевников. Но в отличие от кочевников они содержали, хотя и в ограниченном количестве, свиней, что вполне объяснимо при прочно оседлом образе жизни⁷³.

Заслуживает внимания наблюдение А. Х. Пшеничного о том, что поголовье свиней у кара-абызских племен района среднего течения р. Белой было гораздо меньше, чем у племен, живущих севернее. Преобладание в стаде лошадей и овец он склонен рассматривать как результат влияния кочевой традиции, при которой эти виды животных определенную часть зимы корм добывают тебеневкой. Ученый считает вполне до-

⁶⁹ Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов, с. 55.

⁷⁰ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788, ч. III.

⁷¹ Кузеев Р. Г. Башкирское шежере, с. 62.

⁷² Там же, с. 73—74.

⁷³ Петренко А. Г. Остеологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа на территории Башкирии.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV.

пустимой мысль о заготовке летом зимних кормов для скота⁷⁴. Этого же мнения ранее придерживались и другие исследователи⁷⁵.

Следы прогрессирующего земледелия в период раннего средневековья у племен Западного Приуралья уже предопределяют один из главных наших выводов: ему могло сопутствовать только оседлое скотоводство. Но это положение требует конкретизации применительно к отдельным этническим группам и этапам.

Не приходится сомневаться, что наиболее оседлыми были бахмутинские племена, видимо, одно из самых крупных племенных объединений конца I тысячелетия. Об этом говорит хотя бы то, что им принадлежит самое большое количество известных поселений (городищ и селищ) этого времени в Западном Приуралье. Судя по Бирскому, Югамашевскому, Старо-Кабановскому и Бахмутинскому могильникам, их кладбища занимают огромную площадь, которая заполнялась непрерывно на протяжении многих веков. Это возможно было при условии, если данная группа населения постоянно обитала на одной территории.

Могильники дают конкретный материал, указывающий, что по сравнению со своими ближайшими предками — кара-абызо-пьяноборскими племенами у бахмутинского населения роль скотоводства в хозяйстве заметно повысилась. Такой эволюции в немалой степени, видимо, способствовал приход в Западное Приуралье кочевых племен южного и юго-восточного происхождения, часть которых участвовала в формировании бахмутинской культуры. В это время у бахмутинцев широкое развитие получает культ коня, о чем говорят довольно часто встречаемые конские фигурки, удила в могилах, ритуальные захоронения конечностей и черепа лошади вместе со шкурой вблизи могил, а также богатая жертвенная пища из конского мяса, которая становится чуть ли не обязательной принадлежностью бахмутинских могил.

Из перечисленных фактов мы особое значение придаем ритуальным захоронениям шкуры лошади с конечностями и головой, так как эта деталь погребального обряда находит близкие параллели у народов южных степей рубежа I и II тысячелетий, которые вели кочевой образ жизни (например, гузы). Отмеченное мы вправе рассматривать как следствие наличия в скотоводческом хозяйстве бахмутинских племен полукочевых элементов.

Появление поселений с турбаслинской керамикой является, вероятно, отражением длительного процесса оседания кочевников. Турбаслинские племена, оказавшись в горно-лесных и лесостепных районах Южного Урала, вынуждены были приспособлять свой образ жизни к его физико-географическим условиям. В первую очередь это должно было коснуться скотоводства как основы их хозяйства, которое раньше, вероятно, было кочевым. Для этих племен возможности откочевок на зимовку в приуральские или прикаспийские районы, вероятно, уже не существовало, так как в полосе южноуральских степей в то время хозяйничали другие, более могущественные племена (хазары).

⁷⁴ Пшеничников А. Х. Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры. — АЭБ, Уфа, 1973, т. V, с. 240—245.

⁷⁵ Смирнов А. П. Железный век Башкирии, с. 36.

Однако то обстоятельство, что значительная часть Южного Урала являлась составной частью широкой степи, заставляет гипотетически предположить, что система скотоводства в целом была очень подвижной. Отдельные родо-племенные группы по примеру кочевников могли весной выезжать на летовки, т. е. в отдаленные от постоянных поселений летние пастбища. Исследователи отмечают историческую традиционность и экономическую выгоду яллайной системы при комплексном хозяйстве. Она позволяет части населения заниматься земледелием, в то время как на другую группу ложится ответственность за летовку скота.

При таком характере скотоводческого хозяйства скот максимально длительное время находился на подножном корму. В этих целях зимой, в зависимости от физико-географических условий и рельефа местности, могла применяться ограниченная тебеневка, когда табуны лошадей, а также отары овец, коз добывали себе корм из-под снега. Однако, как правильно считает С. И. Руденко, на Южном Урале возможность для тебеневки из-за глубокого снега существовала не везде, а преимущественно в степном Зауралье, где башкиры до недавнего прошлого содержали своих лошадей на подножном корму. Этому способствовали постоянные ветры, сдувавшие с высоких мест снег, что облегчало скоту добывать себе корм⁷⁶.

По данным исследователей, главным видом кормов при тебеневке в осенне-зимнее время являлись грубые виды трав — полынь, ковыль, которые в летнее время остаются почти нетронутыми. Летом полынь не поедается скотом вообще и лишь в холодное время становится пригодной в качестве корма⁷⁷.

Конец I тысячелетия был важным рубежом в хозяйственном развитии населения Западного Приуралья. Одним из таких важных изменений является то, что в это время оказалось заброшенным большинство городищ и селищ бахмутинской культуры. Существует мнение, согласно которому факт прекращения существования многих бахмутинских памятников находится в тесной связи с возможным уходом части приуральского населения на запад⁷⁸. Это положение пока остается археологически бездоказательным. Но независимо от этого в факте прекращения существования бахмутинских укрепленных поселений можно усмотреть наряду с другими причинами возросшую роль скотоводства в хозяйстве. Не исключено, что данное явление непосредственно связано с появлением здесь курганных могильников и поселений с керамикой кара-якуповской и кушнаренковской групп.

Логически оправдано и имеет археологическое обоснование предположение о том, что образ жизни племен южносибирского происхождения, оставивших в Западном Приуралье указанные памятники, на про-

⁷⁶ Руденко С. И. Башкиры, с. 109.

⁷⁷ Крашенинников И. М. Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана. — В кн.: Казахи. Материалы совещания по Центральному Казахстану, Л., 1927, вып. 3, с. 43; Акишев К. А. К проблеме происхождения кочевничества, с. 34.

⁷⁸ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР, с. 25—26.

тяжении всего изучаемого времени оставался подвижным, сохраняя полукочевые традиции. Об этом же говорят сравнительно бедные находки, тонкие культурные слои на поселениях, часть которых, вероятно, использовалась как временные убежища. Следует подчеркнуть, что этот и другие материалы несколько не противоречат нашему основному выводу о том, что скотоводство, хотя, может быть, и являлось ведущей отраслью хозяйства и по системе очень подвижной, сочеталось с земледелием. Важно вспомнить, что именно в поселениях последних столетий I тысячелетия находятся каменные жернова, указывающие на определенные успехи земледелия.

Начиная примерно с VIII—IX вв. специфическим признаком быта почти всех погребений Западного Приуралья становится ярко выраженный всаднический характер. В погребальных обрядах появляется новая черта — небольшие ямы рядом с могилой, в которые клались предметы конского снаряжения и оружия. Такие ямы впервые были обнаружены в ново-турбаслинских курганах, однако ограбленность их не позволяет говорить об этом очень убедительно. Но существование этой важной детали конструкции в VIII в. подтверждается по Ново-Биккинскому кургану, давшему хорошо датированный комплекс. Для IX—XI вв. такие ямы обнаружены в Ямаши-Тауском и Ишимбаевском курганах.

Очень яркой иллюстрацией всаднического быта служат также численно возрастающие по сравнению с предшествующим периодом случаи ритуальных захоронений головы и конечностей, а иногда и целой туши лошади в насыпях курганов, в человеческих или отдельных могилах. Смысловое значение этих явлений на примере гyzов подробно описал в X в. Ибн-Фадлан, о чем уже речь шла в главе о погребальных обрядах.

Необходимым атрибутом чуть ли не каждого погребения после VIII в., насколько можно судить по нетронутым комплексам, становятся предметы конского снаряжения: уздечные и седельные наборы. Последнее характерно также и для женских погребений. Например, богатое третье погребение I Бекешевского кургана 2, где найдены пышно украшенное серебром седло, уздечный набор, принадлежало женщине с ребенком. Женщинам могла принадлежать также часть погребений с находками седла из Лагереvских, Хусаиновских, Каранаевских и других могильников рубежа I—II тысячелетий, но плохая сохранность и необработанность накопленного антропологического материала не дают пока возможности провести такое разграничение.

Было бы, конечно, большим преувеличением считать, что все женщины ездили верхом и после смерти погребались с конским снаряжением. Этой чести, вероятно, удостаивались лишь те, которые приходились близкими состоятельным лицам: предводителям рода и племени, военачальникам. Но даже при таком осторожном подходе собранные факты показательны в отношении того, насколько полукочевое скотоводство определяло быт тогдашнего населения Южного Урала.

Роль верхового коня была особенно велика для мужской части населения. Археологический материал не оставляет сомнения в том, что каждый мужчина был не только скотоводом, но и воином-дружинником на коне.

Раннесредневековые могильники Южного Урала от синхронных памятников других районов отличаются обилием предметов вооружения: мечей, сабель, наконечников стрел. Здесь же известны сравнительно редкие находки колчанов, налучьев, шлемов и кольчуг, пластинчатых панцирей. Эти данные служат конкретным подтверждением сведений Ибн-Фадлана о башкирах как о воинственном народе.

Военно-всаднический быт мужского населения Южного Урала, по видимому, достигает наибольшего расцвета в первые столетия II тысячелетия н. э. Об этом говорят некоторые изменения в погребальном обряде, выражающиеся в характере укладки предметов конской сбруи. Начиная примерно с XII в. племена Южного Урала стали класть седла под голову умерших, чего раньше не наблюдалось. Такое символическое погребение на седле, может быть, находится в прямой связи с ростом кочевнических традиций в хозяйстве местного населения.

До сих пор мы вели речь относительно скотоводческого направления хозяйства племен горно-лесных и прилегающих к ним лесостепных районов Южного Урала. Система ведения хозяйства в степной полосе несколько отличалась от рассмотренных районов преобладанием ярко выраженных кочевых традиций.

Согласно указанным письменным источникам башкиры степной полосы Южного Урала вели очень подвижный образ жизни, основанный на таборном кочевании. Автор начала X в. Ибн-Руста, говоря о башкирах, пишет, что «живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища»⁷⁹.

Его современник — Аль-Балхи знает башкир двух групп: внутренних и внешних. Первую группу от второй он отличает тем, что они состоят «из двух тысяч человек, которые так хорошо защищены лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам»⁸⁰. В этом описании нетрудно увидеть те группы племен, которые на рубеже I и II тысячелетий занимали горно-лесные районы Южного Урала и бассейна р. Белой, где оставили известные нам археологические памятники этого времени. Внешние башкиры, согласно сведениям Аль-Балхи, расселялись в степной части, так как они граничили непосредственно с печенегами.

Отдельные группы башкирских племен в это время далеко продвинулись на юг и были близкими соседями гузов. Об этом же пишет Ибн-Фадлан. При переправе через р. Багнади (Эмба), говорит Ибн-Фадлан, первыми «переправился отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправить что-либо из каравана. Они — авангард для людей [следующих] за ними, [для защиты] от башкир, на случай [чтобы они] [т. е. башкиры] не захватили их, когда они будут переправляться»⁸¹.

Одна из важных особенностей ведения кочевого хозяйства на рубеже I и II тысячелетий в степях Южного Урала, видимо, состояла в том, что для основной массы южноуральских скотоводов возможности зимней

⁷⁹ Хвольсон Л. Х. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Руста. — ЖМНИ, 1868, декабрь, с. 669—670.

⁸⁰ Там же, с. 85, 105.

⁸¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 65.

кочевки на южные зимние пастбища были очень ограниченными. В ту пору, когда там господствовали хазары, печенеги, гузы, кочевание в меридиональном направлении было рискованным делом, и его могли совершать только наиболее могущественные группы племен. Сама система кочевого хозяйства в целях благополучной зимовки требовала необходимости откочевки в осенне-зимний период в приаральско-прикаспийские степи. Однако зимние пастбища на юге, видимо, не могли обеспечить кормом скот стекающих со всех сторон номадов. В наиболее заснеженные периоды вопрос о пастбищах мог вставать и в более острой форме. Поэтому естественно, что на почве перераспределения пастбищ в этих районах между племенами происходили частые военные столкновения.

Анализ всей суммы исторических источников служит основанием, чтобы именно с этой точки зрения подойти к сообщению автора X в. Аль-Масуди о том, что в конце IX в. баджгарды (башкиры) приняли участие в войне где-то между Уралом и Аральским морем на стороне баджан, наукердов против гузов и кимаков⁸². Речь здесь, по-видимому, идет о далеко продвинувшейся на юг группе башкирских племен в период зимних перекочевок, а упомянутое событие могло произойти недалеко от тех мест, где караван, в составе которого был Ибн-Фадлан, остерегался авангарда башкир. Заметим, что указанный караван здесь прошел ранней весной, когда основная масса кочевников продолжала оставаться на своих зимних пастбищах. Не исключена также возможность, что в этих пограничных местах башкир мог увидеть арабский путешественник середины IX в. Саллам ат-Тарджеман, который первым из средневековых авторов упоминает башкир. В источнике, сохранившемся в изложении других восточных историков, нет точного упоминания, в каком месте он видел башкир. Но это было в 27 днях пути от какого-то города, в районе устья р. Итиль (Волги), что примерно совпадает с данными Ибн-Фадлана.

Следует согласиться с мнением Р. Г. Кузеева о том, что в период после X в. в связи с новой миграционной волной (печенеги, половцы, татаро-монголы) веками существовавшие кочевые пути в Приаралье и Прикаспий для южноуральских племен были либо закрыты, либо существенно ограничены⁸³.

Сокращение территории кочевков в начале II тысячелетия в степях Южного Урала могло изменить сам характер скотоводческого хозяйства. В первую очередь это сказалось на сокращении радиуса кочевий отдельных родо-племенных групп и росте тенденции оседлости. Р. Г. Кузеев первым отметил, что в сложившихся условиях значение Южного Урала как самостоятельного природно-хозяйственного района значительно возросло. Наше изложение не противоречит другому его выводу — об ускорении в данное время процесса оседания в горах Южного Урала различных этнических групп южного происхождения и дальнейшем расширении территории расселения башкир в северном направлении⁸⁴.

⁸² Паитусов Н. П. Сведения арабских географов о Средней Азии.— ИОАИЭКУ. Казань, 1909, т. 25, вып. 5, с. 967.

⁸³ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв., с. 278.

⁸⁴ Там же, с. 278.

Быт кочевых скотоводческих народов в условиях евразийских степей мало различался. Поэтому на основании фрагментарных данных письменных источников можно себе представить некоторые характерные черты бытовой жизни кочевников раннесредневекового Южного Урала.

Основным жильем для них являлись войлочные юрты. Судя по описанию Ибн-Фадлана, в таких юртах проводят жизнь ближайшие южные соседи башкир — гузы⁸⁵. Они же имелись у болгарского царя, который для своих гостей — арабских миссионеров — «водрузил палатки (юрты) и поселился в них»⁸⁶. В таких же юртах жили южноуральские кочевники. Основанием для такого вывода служит не только то, что юрта как этнографический предмет у башкир сохранилась до XVIII—XIX вв.⁸⁷, но и прямое указание письменных источников этого времени.

Так, например, в историческом источнике XIII—XIV вв. родословного характера «Последний из сартаева рода», где рассказывается о борьбе башкирских племен против татаро-монголов, упоминается, что башкиры перед сражением весь свой скот и юрты (очевидно, с детьми и женщинами) отправили на север⁸⁸. Надо полагать, что как традиционный элемент юрты имелись и у многих других раннесредневековых племен Южного Урала, своим происхождением связанных с кочевым миром и постепенно здесь оседавших.

С. И. Руденко указывает, что войлочная юрта доступна была богатым людям, имевшим много скота, особенно овец⁸⁹. Поэтому среди бедных слоев населения в широком употреблении могли находиться деревянные юрты, временные шалаши, балаганы (аласыки), которые этнографами зафиксированы у башкир в конце XIX — начале XX в. Последние непременно являются отражением многовековых традиций культуры населения Южного Урала, которые трансформировались под влиянием местной среды.

Итак, археологический материал в совокупности с данными письменных источников показывает, что особенностью Южного Урала в раннем средневековье являлось сочетание или одновременное существование в различных его районах нескольких хозяйственных укладов: оседлого скотоводческо-земледельческого, полукочевого и кочевого скотоводческого. Это многообразие обуславливалось физико-географическими условиями края, служившего пограничной зоной кочевого мира с оседло-земледельческим. Можно высказать предположение, что хозяйство всех южноуральских племен в рассматриваемое время развивалось под активным воздействием кочевников южных степей. Но это влияние носило двоякий характер.

С одной стороны, кочевники проникали в горно-лесные районы, постоянно питая основы скотоводческого направления комплексного хозяйства местного населения. С другой стороны, пришлые племена под влия-

⁸⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 203—206.

⁸⁶ Там же, с. 67.

⁸⁷ Руденко С. И. Башкиры, с. 203—206.

⁸⁸ Сагитов М. М. О легенде «Последний из сартаева рода». — «Агидель», 1971, № 2, с. 111.

⁸⁹ Руденко С. И. Башкиры, с. 203.

нием местных условий, малоприспособленных под кочевое скотоводство, постепенно оседали здесь, и в образе их жизни возникали новые черты, вызванные прежде всего переходом их к земледелию, а затем трансформацией кочевого скотоводства в полукочевое и пастушеское.

Но причины их оседания, наверное, кроются не только в этом. Кочевое скотоводство по сравнению с оседлым скотоводческо-земледельческим было более отсталым видом хозяйства. Оно полностью приспособлялось к внешним силам природы и зависело от них. У народов, экономика которых базируется на возделывании полей и заготовке кормов для скота, эта зависимость проявляется в меньшей степени, чем у кочевников⁹⁰. Последних периодически подстерегали стихийные бедствия (многоснежная зима, гололедица, затяжная и холодная весна), в результате которых за несколько дней они теряли огромное количество скота и превращались в нищих. В приведенном выше башкирском шежере упоминается одно из таких стихийных бедствий (джутов)⁹¹.

Аналогичные примеры из жизни казахов показывают, что такие крупные джуты в кочевом мире происходили через каждые 6—7, иногда 10—11 лет, а бывали почти ежегодно, унося тысячи человеческих жизней⁹². Оставшиеся в живых после этого навсегда покидали прежние места и переселялись на новые⁹³. Обнищание скотоводов происходило также и в результате военных набегов неприятеля.

Все это ускоряюще влияло на переход кочевников Южного Урала к оседлому или полuosедлому образу жизни, что было закономерным процессом, интенсивно происходящим во всем кочевом мире евразийских степей в конце раннего средневековья⁹⁴.

Присваивающие формы хозяйства

В экономике башкир заметную роль играли такие присваивающие формы хозяйства, как охота, бортничество, рыболовство и собирательство. Например, древнекитайские источники свидетельствуют о вывозе южно-уральскими племенами на восток ценных мехов, что говорит о степени развитости здесь зверового промысла. О том же свидетельствуют средневековые письменные источники. Основное содержание дани, которую платили древние башкиры волжским болгарам, а затем татаро-монголам, составляли ценные меха⁹⁵. В период присоединения Башкирии к Русскому государству башкиры племени юрматы обязались платить ясак из

⁹⁰ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 81.

⁹¹ Кузеев Р. Т. Башкирские шежере, с. 31.

⁹² Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 80; Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения ранних этапов кочевничества в Азии.— «Вопросы этнографии», 1973, № 1, с. 109.

⁹³ Кузеев Р. Т. Башкирские шежере, с. 31.

⁹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 199; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., с. 180—189; Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения..., с. 113.

⁹⁵ Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957, с. 17.

ста куниц⁹⁶. Аналогичные сведения содержатся в преданиях-шежере башкир других племенных групп. В шежере племен бурзян, кыпсак, усерган и тамьян говорится, что ясак, положенный Иваном Грозным, состоял из лошадей, куниц, лисиц и др.⁹⁷

О значении указанных промыслов в жизни раннесредневековых племен Южного Урала позволяют также судить этнографические примеры, зафиксированные у башкир в XIX — начале XX в. Не может быть сомнения, что последние в силу своей специфики являются отзвуком тех приемов и форм организации охоты, рыболовства и других подсобных занятий, которые применялись еще в глубокой древности.

Систематизируя собранные этнографические материалы о способах охоты и рыболовства у башкир, С. И. Руденко отмечает, что они различались в зависимости от разнообразных природных условий Южного Урала⁹⁸. Сказанное служит лишним подтверждением того, что данный район в историко-хозяйственном отношении был неоднородным, где одни формы хозяйства сосуществовали с другими.

По мнению С. И. Руденко, у степных башкир часто практиковались охотничьи приемы, характерные для евразийских кочевников-скотоводов: преследование зверей верхом на лошадях, охота с ловчими птицами (соколы, беркуты)⁹⁹. На охоту они часто выезжали коллективно, устраивая облавы, что также сближает их с традициями кочевников, широко известными у древних гуннов, монголов и других народов.

В горно-лесных районах Южного Урала башкиры охотились, преследуя зверей на лыжах по глубокому снегу или насту, ловили зверей капканами, петлями и другими ловушками. Эти приемы С. И. Руденко отнес к числу таежных. Они широко были известны у всех народов Волго-Камского бассейна (татары, чуваша, удмурты, мари) и Сибири¹⁰⁰.

Башкиры по существу охотились на всех зверей, которые обитали на Южном Урале: бобра, лисицу, волка, медведя, лося, диких коз, выдру, куницу и др.¹⁰¹ Прослеживая эволюцию охоты и рыболовства в хозяйстве башкир, С. И. Руденко сделал вывод, что их роль в древности, в период присоединения к Русскому государству и даже вплоть до XVIII в. была значительной. Позднее же, в связи с истреблением промысловых зверей и переходом к оседлой жизни большинства населения, значение их постепенно падало¹⁰².

В фольклоре башкир сохранились интересные сюжеты, связанные с охотничьими промыслами и восходящие к древности. Например, в эпосе «Урал-батыр» говорится, что из крови убитых травоядных животных делался напиток, утоляющий жажду. В нем же мы находим отражение некоторых обрядов древних башкир-охотников. Таковым является упоминание, согласно которому охотники (взрослые) сами съедали голову и

⁹⁶ Кузеев Р. Г. Башкирские шежере, с. 33.

⁹⁷ Там же, с. 73.

⁹⁸ Руденко С. И. Башкиры, с. 94.

⁹⁹ Там же, с. 95.

¹⁰⁰ Там же, с. 94—95.

¹⁰¹ Там же, с. 66.

¹⁰² Там же, с. 95.

сердце животного, причем делались какие-то различия между полом и видом животных¹⁰³.

Примерно также поступают кочевники Средней Азии, что говорит о широком распространении обычая в древности. С. М. Абрамзон, например, сообщает, что у киргизов печень, сердце, почки убитого животного отдаются охотнику, он же при освеживании туши выпивает желчь, считая, что она придает ему силы. Ему же полагалась голова, шея, грудинка и шкура¹⁰⁴.

Из сказанного можно полагать, что потребление частей туши убитых животных у древних предков башкир строго регламентировалось между членами коллектива соответственно их полу, возрасту и социальному положению.

Исторические сведения указывают, что одним из древних и постоянных занятий племен Южного Урала было пчеловодство. Этому способствовали богатые липой леса Южного Урала, а также то, что пчеловодство не требовало большой затраты труда и было просто в обращении, давая при этом ценный продукт питания.

Согласно преданию «Последний из Сартаева рода» в XII—XIII вв. башкиры из меда изготавливали пьянящий напиток (бал), являющийся одним из распространенных и поныне. Не менее интересные сведения содержит эпос «Алдар и Зухра», в основу сюжета которого легли события XII—XIV вв. В нем башкиры из районов р. Бирь характеризуются как более склонные к занятиям бортничеством¹⁰⁵. Очевидно, речь идет о той группе населения, которая больше, чем другие, сохранила древние формы промысловых занятий.

Мед считался одной из статей ясака Русскому государству. В шежере башкир племени мин говорится, что «ясак, который мы платили милостивому великому царю, сто семьдесят одна куница, восемнадцать батман меда»¹⁰⁶. Есть основания полагать, что южноуральские племена раньше мед вывозили татаро-монгольским ханам, болгарам. Об этом говорит обращение русского царя ко всем народам, находившимся ранее в сфере влияния Казанского ханства. Оно призывало эти народы покориться ему. В частности, там говорилось: «Платите мне, что вы платили казанским ханам»¹⁰⁷. Отсюда следует, что уплата башкирами ясака шкурами зверей, лошадьми и медом являлась лишь продолжением практиковавшейся в ранние века системы откупа от сильных соседей.

¹⁰³ Башкирское народное творчество. Эпос, Книга I. Уфа, 1972, с. 34.

¹⁰⁴ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971, с. 96—97.

¹⁰⁵ Башкирское народное творчество. Эпос, с. 206.

¹⁰⁶ Кузеев Р. Г. Башкирское шежере, с. 51.

¹⁰⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VIII. СПб., 1843, т. VIII, с. 113. Цит. по кн.: Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х. 400 лет вместе с русским народом.

VI

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РАННИХ БАШКИР

Во введении отмечалось, что почти каждый автор, в той или иной мере занимающийся изучением древней истории Южного Урала, высказывался по вопросу происхождения башкир. Многие работы по данной теме появились в тот период, когда не был выявлен весь круг письменных источников о ранних башкирах и делались лишь первые шаги по изучению археологии, этнографии, антропологии края, языка башкир. Это привело к появлению множества теорий, порой диаметрально исключающих одна другую. При этом оказалось, что вопрос этногенеза народа имеет социально-психологический аспект, который выражается во влиянии на процесс научного познания обычного сознания в форме упрощенного представления объективных этнических явлений, в склонности к абсолютизации относительных этнических свойств, в тенденциозности их оценок и появлении предвзятых положений и т. д.¹

Сложность изучения вопроса происхождения башкирского народа в какой-то степени основана на том, что самые первые письменные источники о башкирах дают весьма противоречивые сведения. Подробное рассмотрение этих источников не входит в задачу данного исследования — она выполнена Р. Г. Кузеевым с исчерпывающей полнотой². Поэтому ниже мы остановимся на них лишь в той мере, насколько это необходимо для дальнейшего изложения.

Этноним *башкорт* в исторической литературе впервые начинает встречаться с середины IX в. в трудах арабо-персидских авторов. К этому времени, в частности, относится путешествие в Северный Прикаспий некоего Саллама ат-Тарджемана, который в 27 дней пути от какого-то города в устье р. Волги встретил башкир³. В этом источнике, сохранившемся в изложении другого багдадского автора — Ибн-Хордадбека, нет точного упоминания — на востоке или на севере от города на Волге

¹ Бромлей Ю. В. Вступительное слово на научной сессии по этногенезу башкир. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 5—6; он же. Этнографическое изучение народов СССР. — «История СССР», 1972, № 6.

² Кузеев Р. Г. Источники по истории Башкирии до XV в. — В кн.: Южноуральский археологический сборник, Уфа, 1973, вып. 1. он же. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974.

³ Умняков И. Самая старая турецкая карта мира. — «Труды Самаркандского пед. ин-та им. А. М. Горького», 1940, с. 108—118.

путешественник нашел башкир. Относительно локализации этих башкир существуют разные мнения, но несомненным остается одно — они находились в районе между Южным Уралом и Аральским морем. Где-то здесь башкир размещает и Ал-Масуди, говоря, что башкиры участвовали в войне баджан и наукердов против гузов, карлуков и кимаков⁴.

Автор подробных сведений о башкирах Ибн-Фадлан (X в.) проезжал через их страну в районе Оренбургских степей⁵. С его сообщением перекликаются данные Ал-Балхи⁶, Идриси⁷, которые знали башкир или в степном районе Южного Урала, или в горной его части. Все упомянутые источники вместе со свидетельствами крупнейшего историка XIV в. Рашид-ад-Дина⁸ недвусмысленно указывают на тюркоязычность башкир и на пребывание их в среде кочевых народов. В лингвистическом плане доказательно об этом говорит и крупный ученый XI в. Махмуд Кашгарский, отнесший башкирский язык к числу наиболее крупных тюркских языков⁹.

Наряду с этим другая группа письменных источников башкирские племена X—XIV вв. либо называет мадьярами либо отмечает близкое языковое их родство, а в некоторых из них говорится, что древние мадьяры вышли с территории Южного Урала (Ибн-Русте, Юшан, Плано Карпини, Гильом де Рубрук и др.)¹⁰.

На основе столь противоречивых письменных документов в науке возникли и существуют поныне две основные теории — об угорском или тюркском происхождении башкир, подробно рассмотренные в специальных исследованиях¹¹. С целью выяснения общих точек соприкосновения и расхождений по данному вопросу попытаемся проследить, что дают для этого различные отрасли знаний.

Антропологический аспект. Общеизвестно, что объектом исследований антропологов является физический тип древних и современных народов. В отличие от быта, культуры и языка генное родство народов носит более стабильный характер и потому дает возможность вскрыть глубокие истоки происхождения современных народов, наметить основные этапы и особенности формирования их антропологического облика¹². Вследствие этого и выводы антропологов приобретают важное значение для изучения вопросов этногенеза.

Антропология ввела в научный оборот обширный материал по характеристике физического типа современных башкир. Пионерами этого на-

⁴ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870.

⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, с. 66—67.

⁶ Хвольсон Д. А. Указ. соч., с. 710.

⁷ Там же, с. 710—711.

⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. 1. М.—Л., 1952, с. 66.

⁹ Кашгарский М. Диван-лугат-ат-тюрк, т. 1. Ташкент, 1960, с. 60.

¹⁰ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе.— ИА, М., 1940, т. III; Карпини П. История монголов; Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 50, 101.

¹¹ Гаринов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкиро-мадьярская проблема.— АЭБ, Уфа, 1971, т. I; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 400—425.

¹² Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969, с. 5.

чинания были Н. М. Малиев¹³, П. С. Назаров¹⁴, Д. П. Никольский¹⁵, Н. А. Абрамов¹⁶ и другие ученые XIX — начала XX в., а самые крупные исследования принадлежат С. И. Руденко, проведшему антропометрические измерения около 2000 индивидуумов, фактически представлявших основные этнические группы башкир начала XX в. Привлекая материалы своих предшественников, С. И. Руденко в 1916 г. опубликовал труд¹⁷, в котором дано наиболее полное исследование антропологического состава башкирского народа. Он пришел к выводу, что этнические группы башкир, представленные в прошлом родо-племенными объединениями, чрезвычайно различаются между собой по физическому типу, что говорит об участии в их происхождении разнородных компонентов¹⁸.

По наиболее важным показателям С. И. Руденко объединяет башкир в три территориальные группы. К первой он отнес зауральских, восточных башкир (катайцы, табынцы, усергане, тангаурцы, бурзяне и др.), характеризующихся крупными размерами лица при короткоголовости, относительно широким лицом с выступающими скулами, низкорослостью и хорошо выраженной пигментированностью¹⁹. По отмеченным особенностям данная группа башкир, по мнению исследователя, ближе всех стоит к казахам, киргизам, а происхождение их тесно связано с центрально-азиатским антропологическим типом²⁰.

Самостоятельную группу составляют северо-западные башкиры (табынцы, гайининцы, булярцы, кыргызы и др.), отличающиеся от остальных смешанной или меньшей пигментированностью, умеренной короткоголовостью, узколицестью с меньшими размерами ширины лица и поперечного диаметра головы²¹. Выделенную особенность северо-западных башкир С. И. Руденко объяснил как результат активного воздействия на их физический тип ближайших соседей — народов Прикамья (татар, удмуртов)²².

Третью группу (кипчаки, юрматынцы, минцы и др.) С. И. Руденко локализовал в центральной и юго-западной Башкирии и поставил ее в промежуточное положение между первыми двумя: они средне пигментированы, короткоголовы, относительно высокорослы²³.

С. И. Руденко отмечает, что среди башкир очень мало встречается

¹³ Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир.— «Труды об-ва естествознания при Казанском ун-те», 1876, т. V, вып. V.

¹⁴ Назаров П. С. К антропологии башкир.— «Известия общества любителей естествознания», т. XVIII. «Труды антропологического отдела» (дневник). СПб., 1890, т. XII, вып. 2, 9.

¹⁵ Никольский Д. П. Башкиры. Антропологическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

¹⁶ Абрамов Н. А. Башкиры.— «Русский антропологический журнал», 1907, т. 27—28.

¹⁷ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир, ч. 1. Пг., 1916.

¹⁸ Там же, с. 276.

¹⁹ Там же, с. 185, 262—270.

²⁰ Там же, с. 308.

²¹ Там же, с. 272—284.

²² Там же, с. 308.

²³ Там же, с. 270—272.

людей длинноголовых и высокорослых, а хорошо пигментированные люди территориально локализованы в основном на юге Башкирии²⁴.

Из приведенного описания типов можно заключить, что для башкир в целом характерными являются: пигментированность, низкорослость с более или менее ярко выраженными монголоидными признаками, и по этим признакам они существенно отличаются от прикамских финно-угорских народов.

С. И. Руденко не раз подчеркивал, что вопрос о происхождении отдельных антропологических групп в составе башкир нельзя решать до получения костных материалов из древних и особенно средневековых могильников Южного Урала²⁵. Но в последующем, при повторном издании своего труда «Башкиры», он вновь вернулся к этому вопросу, где априорно допустил вероятную большую преемственную связь башкир с ранними кочевниками Южного Урала: савроматами, ирками, тиссагетами, физический тип которых считал смешанным, т. е. с примесью монголоидного компонента²⁶.

Первый палеоантропологический материал с территории Башкирии, который был обработан Т. А. Трофимовой, получен при раскопках Стерлитамакского могильника. Судя по измеренным черепам, население данного могильника, хотя и имело некоторую монголоидную примесь, но принадлежало типично европеоидному типу, очень близкому по своим морфологическим особенностям захороненным в Верхне-Салтовском могильнике и в целом носителям салтовской культуры. Одновременно автором подчеркнута мысль об общей близости стерлитамакских черепов с черепами ранних кочевников Южного Урала, Нижнего Поволжья и Казахстана, что не исключает местного характера их происхождения²⁷.

В антропологическом изучении современных башкир и древнего населения Южного Урала целую эпоху составили работы известного советского ученого М. С. Акимовой. В своих исследованиях она наряду с новым массовым палеоантропологическим материалом раскопок различных археологических эпох привлекла и результаты новых антропометрических измерений современных башкир, а также данные по дерматоглифике и определению группы крови по системам АВО, собранные ею самой. Благодаря этому М. С. Акимовой представилась возможность дать первую реконструкцию эволюции расогенеза на Южном Урале на протяжении последних трех тысячелетий²⁸. На новом обширном материале она подтвердила правильность всех выводов по районированию башкир по антропологическим особенностям²⁹.

²⁴ Там же, с. 282.

²⁵ Там же, с. IX.

²⁶ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, с. 328—329, 351.

²⁷ Трофимова Т. А. Антропологические материалы из Алавакского могильника возле Стерлитамака в Башкирии.— КСИЭ, 1952, XVII.

²⁸ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

²⁹ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; она же. Антропологические исследования в Башкирии.— В кн.: Антропология и генеалогия. М., 1974, с. 85—86.

Интересно, что эти локальные группы отличаются между собой не только по строению, но и по папиллярным узорам кистей и пальцев. Так, например, у северо-западных групп по сравнению с зауральскими реже встречаются завитки на пальцах, поэтому ниже у них дельтовый индекс; у них же чаще наблюдается наличие центрального и двойных осевых трирадиусов, межпальцевых добавочных трирадиусов при трирадиусах «а» и «д» узоров на всех ладонных подушечках. Дерматоглофические особенности зауральских башкир больше тяготеют к монгольским группам³⁰.

Основные выводы М. С. Акимовой сводятся к следующему. Суммарно башкиры характеризуются средней или ниже средней длиной тела, крупными размерами головы, мезо-суббрахикефалией, высоким и умеренно широким лицом; волосы темные, прямые, мягкие; эпикантус встречается, но выражен слабо и занимает промежуточное положение между казахами, киргизами, хантами и манси, с одной стороны, и чувашами, удмуртами, мари́йцами — с другой (но ближе к последним)³¹.

Однако при наличии этих общих признаков локальные особенности в антропологическом типе оказались весьма разительными. Так, например, М. С. Акимова считает, что к казахам ближе всех стоят северо-восточные башкиры по таким показателям, как крупные размеры головы и лица, пигментированность, у них меньшая длина тела и т. п. Однако близость сопровождается рядом отличительных особенностей, что позволяет четко их различить. Казахи по отношению к башкирам более темноглазые, темноволосые, у них четко выражена монголоидность, а северо-восточные башкиры по отмеченным признакам более европеоидны и ближе стоят к северо-западным башкирам, т. е. обнаруживают общую близость. Эти же черты отличают их от хантов и манси³².

Несмотря на эти особенности, М. С. Акимова полагает, что в формировании физического облика зауральских башкир активное участие принимали племена южносибирского антропологического типа, который был основным в этногенезе казахов и киргизов. Пришлые племена центральноазиатского характера на Южном Урале вошли в контакт с европеоидным населением, что привело к возникновению различий в антропологическом типе между указанной группой башкир и казахов.

Северо-западных башкир, испытавших меньшее влияние монголоидного населения, М. С. Акимова относит в основном к субуральскому типу, служившему общей основой в этногенезе удмуртов, мари, чувашей и волжских татар; в их составе она особо выделяет светлоглазую европеоидную группу³³. Она усматривает большую преемственную связь между современными северо-западными башкирами и местным средневековым населением, представленным черепами из Мавлютовского могильника (XVII в.), а через него с племенами I тысячелетия н. э. и рубежа н. э. Таким образом, согласно данным М. С. Акимовой, выходит, что антропо-

³⁰ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии. — Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, с. 6.

³¹ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии. — АЭБ, 1971, т. IV, с. 38—39.

³² Акимова М. С. Антропологические исследования в Башкирии, с. 86—95.

³³ Там же, с. 88—89.

логический тип северо-западных башкир в основном формировался на местной субуральской основе³⁴.

Вопрос о времени перехода на Южный Урал людей центральноазиатского (сибирского) типа для М. С. Акимовой в какой-то мере остался открытым, хотя в ее распоряжении имелся некоторый антропологический материал из курганов северо-восточной Башкирии рубежа I и II тысячелетий. Население, оставившее эти курганы, имело ряд специфических черт, аналогии которым трудно найти в составе современных башкир, а также у казахов, бурят, тунгусов и манси. Оно отличается крупными размерами черепов и телосложения, развитым надбровьем, широким среднелобным, несколько уплощенным лицом³⁵. Несмотря на некоторые колебания, М. С. Акимова склонна была видеть в этих людях пришлых тюркоязычных предков башкир, принесших основной антропологический признак северо-восточным башкирам.

М. С. Акимова на большом палеоантропологическом материале доказала, что на территории Южного Урала еще с эпохи неолита непрерывно обитали группы племен с четко выраженным европеоидным обликом. Для эпох ранних кочевников они представлены черепами из курганных могильников типа Старые Кишки, а во второй половине I тысячелетия — Кушнаренковского и Стерлитамакского могильников, Ново-Турбаслинских, Уфимских курганов. Последняя группа курганов показывает, что в интересующее нас время это европеоидное население, родственное по основным признакам салтовским племенам, было довольно многочисленным и оставило самые крупные памятники. По мнению М. С. Акимовой, как раз это местное европеоидное население служило основой, на которую впоследствии наслонились пришлые племена в Южной Башкирии³⁶.

Происхождение башкир привлекло внимание известного советского ученого В. П. Алексеева. Он, опираясь на материалы, названные выше, подтвердил правильность положения о том, что европеоидно-монголоидные антропологические типы в составе современных башкир восходят к местным компонентам, представленным соответственно старокышпкинско-кушнаренково-стерлитамакской и пьяноборско-бахмутинской сериями черепов I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.³⁷

В отношении происхождения ранних башкир В. П. Алексеев пришел примерно к таким же выводам, что и М. С. Акимова, а именно о средне-центральноазиатском или южносибирском происхождении того монголоидного компонента, который вошел в состав башкир. В. П. Алексеев

³⁴ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 96—97; она же. Этногенез башкир по данным антропологии, с. 42—43; она же. Антропологические исследования в Башкирии, с. 93.

³⁵ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии — АЭБ, 1971, т. IV, с. 43.

³⁶ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 64—74; она же. Этногенез башкир по данным антропологии — АЭБ, 1971, т. IV, с. 42; она же. Антропологические исследования в Башкирии, с. 93—94.

³⁷ Алексеев В. П. Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа. — В кн.: Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, с. 8, 9; он же. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 253.

считает, что по уплощенности лицевого скелета черепа из средневековых могильников сближаются с многочисленными смешанными по происхождению останками кочевников Средней Азии и Нижнего Поволжья золотордынского времени. По его мнению, этот монголоидный компонент в состав башкир вошел сравнительно поздно, не раньше начала II тысячелетия н. э.³⁸

Этнографический аспект. И здесь свой анализ мы начинаем с показа значения исследований С. И. Руденко, посвященных башкирам. В труде «Башкиры» автор выделяет два этногенетических момента. Первый — это классификация и тщательный анализ огромного материала по материальной и духовной культуре башкир. Он повсюду подчеркивает сложный многосоставный характер быта, искусства, религиозных представлений и других сторон жизни башкир, в которых сохранились яркие следы бывших этнокультурных контактов древних башкир с предками современных народов Средней Азии, Алтая, Сибири (казахи, киргизы, туркмены, алтайцы, ханты, манси и др.), а также Восточной Европы (татары, мишары, удмурты и др.). В свете этих выводов, вытекающих из анализа фактического материала, несколько однопланово выглядит заключение автора о том, что башкиры уже в начале нашей эры представляли достаточно единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевым скотоводством, что все последующие события (переселение народов) не оказали существенного влияния ни на физический тип, ни на язык и быт башкир³⁹.

Самые фундаментальные исследования по исторической этнографии башкир принадлежат советскому ученому Р. Г. Кузееву. Исторические предания, в том числе родословные — шежере — своеобразные письменные документы, возникшие в течение XVIII — начале XX в., данные исторической географии — это далеко не полный перечень новых источников, который Р. Г. Кузеев ввел в научный оборот, занимаясь изучением вопросов этногенеза башкир. Возглавляемая им группа башкирских этнографов за последние 20 лет организовала всестороннее изучение быта и культуры башкир, что привело к многократному увеличению объема источников для общей этнографической характеристики башкир, в том числе об историческом их происхождении⁴⁰. Научные взгляды Р. Г. Кузеева по затронутому вопросу развивались в одном направлении и поэтому ниже дается краткое их изложение по последней крупной монографии, вышедшей в свет в 1974 г.⁴¹

Без преувеличения можно сказать, что данный труд — большое событие в башкирской науке и представляет собой образец комплексного под-

³⁸ Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов...— Там же, с. 251—252, 255.

³⁹ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки, с. 351.

⁴⁰ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шигова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.).— АЭБ, Уфа, 1962, т. I; Шигова С. Н. Женская одежда башкир.— АЭБ, Уфа, 1962, т. I; Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; они же. Народное искусство башкир. Л., 1968.

⁴¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа.

хода к пониманию сложного процесса формирования башкирского народа с использованием достижений всех смежных наук. Привлекая все доступные к тому времени источники, Р. Г. Кузеев реконструировал родо-племенной состав башкир XVII—XIX вв., характер их расселения и взаимные контакты в пределах этого времени по Южному Уралу. Прделанная им огромная систематизаторская работа является одним из необходимых условий для ретроспективного анализа сложной стратификации башкирского общества более отдаленных веков. Автором нарисована широкая панорама этногенетического процесса с середины I тысячелетия н. э. по XV—XVI вв. на южноуральском регионе, завершающегося сложением башкирской народности.

Один из принципиальных выводов Р. Г. Кузеева состоит в том, что первоначальной территорией пребывания древнебашкирских племен в IV—VIII вв. служили Восточный и Центральный Казахстан, а затем степи Сырдарьи и Приаралья, где они образовали башкиро-бурзянское этническое объединение. Этим Р. Г. Кузеев склонен объяснять близость башкирских племен с народами Средней Азии и Казахстана в материальной культуре, фольклоре, изобразительном искусстве, этнонимии, что сейчас в науке надежно установлено и никем не оспаривается. Данные исследователя перекликаются с некоторыми сведениями письменных источников, указывающими на обитание части древнебашкирских племен в районе Аральского моря или южнее, а также с топонимикой этого региона, некоторые названия которого связаны с именем *башкорт*⁴².

В IX в. бурджане-баджгарды под давлением более сильных соседей вынуждены были переселиться на Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, где они разделились на две части: одна ушла на запад (Причерноморье), а вторая — на север, в Приуралье, и с этого момента начинается уральская история древних башкир⁴³. Р. Г. Кузеев полагает, что первоначально пришедшие с юга башкиры расселились в обширных степях Бугульминской возвышенности с выходом на Волгу, и эту территорию он отождествляет с древней Башкирией, являвшейся центром консолидации башкирского этноса вплоть до XI—XII вв.

Основу древнебашкирского этноса, по его мнению, составили бурзяне, усергане, тангауры, тамьянцы, байларцы⁴⁴, которые были носителями этнонима башкорт по всему Уралу. В Южном Приуралье башкиры вошли в контакт с болгаро-мадьярской группой племен (юрматы), но это был более медленный процесс.

Следующим моментом в развитии древнебашкирского этноса ученый считает смешение пришельцев с местными племенами Западного Приуралья, представленными археологическими памятниками второй половины I тысячелетия н. э. (бахмутинцы, турбаслинцы и др.). Перечисленные три фактора определили узловой момент в формировании древнебашкирского этноса в конце I тысячелетия⁴⁵.

⁴² Там же, с. 118—375, 425—427.

⁴³ Там же, с. 427—429.

⁴⁴ Там же, с. 439.

⁴⁵ Там же, с. 440—441.

В XI—XIII вв. кочевые башкирские племена двумя волнами начали расселяться по Южному Уралу. Одна волна — зауральская — по старым традиционным маршрутам перекочевок с юга на север заселила Восточное Зауралье. В ее составе находилось айлинское, кара-тавлинское, тырнаклинское, сартовское и другие родовые подразделения. Р. Г. Кузеев согласился с положением автора этой монографии, что курганные могильники рубежа I—II тысячелетий в северо-восточной Башкирии оставлены одной из групп этих ранних башкир⁴⁶.

Р. Г. Кузеев подверг сомнению правомерность проведения М. С. Акимовой прямой генетической связи северо-западных башкир с местным населением I тысячелетия н. э. (пьяноборцы, бахмутинцы). Согласно его мнению, башкиры в северную Башкирию пришли не ранее XI в., а преобладание в облике современных северо-западных башкир европеоидных элементов могло сложиться и в результате позднего контакта их с западными соседями⁴⁷. В период Золотой Орды в состав башкир влились новые этнические группы (кипчаки, катайцы, табынцы, минцы), составившие общий компонент в этногенезе казахов, узбеков, каракалпаков⁴⁸.

Общей тезис Р. Г. Кузеева о формировании древнебашкирского этноса к югу от Урала, примерно между Волгой и Аральским морем, получил поддержку в исследованиях Н. В. Бикбулатова⁴⁹.

Как уже отмечалось, в последние 20 лет башкирскими этнографами собран и классифицирован обширный материал по материальной культуре башкир, чему посвящен ряд монографических исследований. Выводы исследователей в этногенетическом аспекте в целом совпадают с теми заключениями, которые были предварительно сделаны С. И. Руденко. В частности, этнографы сейчас подтвердили положение о том, что в культуре башкир наряду с южными элементами есть много черт, непосредственно восходящих к финно-угорскому культурному миру. Одним из таких ярких примеров к сказанному может служить своеобразный элемент башкирской одежды (головной убор) — *хараус*, известный, кроме того, у обских угров, марийцев, удмуртов, чувашей, западносибирских татар⁵⁰.

Исследования, предпринятые С. Н. Шитовой в плане выявления исторического развития материальной культуры башкир, позволили вскрыть внушительный пласт сибирских черт. Таковыми она считает украшение вышивкой, аппликацией, кораллами, бисером, перламутром женских халатов (*елэн*), почти весь комплекс конских головных уборов (*кашмау*, *койрок*, *сэсмау*, *елкэлен*), нагрудники (*селтэр*) и другие элементы, находящие себе близкие параллели у хантов, манси, хакасов, тувинцев, алтайцев, шорцев и др. Учитывая общую близость в некоторых типах жилищ, способах ведения охоты, рыболовства и других формах хозяйства, С. Н. Шитова приходит к мнению, что отмеченное родство могло сложить-

⁴⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 453—455.

⁴⁷ Там же, с. 460—461.

⁴⁸ Там же, с. 465.

⁴⁹ Бикбулатов Н. В. Материальная культура — история народа. — «Агидель», Уфа, 1969, № 9, с. 116—119.

⁵⁰ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир, с. 89—100.

ся лишь в результате пребывания древнейших предков современных башкир в Южной Сибири⁵¹.

Лингвистический аспект. В советское время башкирский язык подвергся всестороннему анализу специалистов. Знакомство с литературой⁵² позволяет заключить, что для них никогда не вызывал разногласий вопрос о месте башкирского языка среди других тюркских языков. В общей классификации он занимает место в кипчакской группе, куда, кроме него, входят киргизский, казахский, татарский, ногайский, каракалпакский и другие языки⁵³. Таким образом, современные исследования полностью подтвердили оценку почти тысячелетней давности, данную Махмудом Кашгарским, об отнесении башкирского языка к числу основных, т. е. тех тюркских языков, где в наименьшей степени прослеживается влияние других языков.

Но башкирский язык очень самобытен по многим признакам. В нем, например, широко употребляются спирнаты *ç*, *ž* и *h*, редко встречаемые в других тюркских языках. Его отличает также изобилие таких звуков, как *с* вместо *ç*, *ш* и др.

Дж. Г. Киекбаев полагал, что происхождение специфических согласных *h*, *ç* и *ž* в башкирском языке произошло на тюркской основе, доказательством чему, по его мнению, является существование их в якутском и туркменском языках⁵⁴. Этим он возразил существовавшему уже в литературе мнению, согласно которому указанные особенности башкирского языка рассматривались как результат влияния иранских языков⁵⁵. В этом вопросе возможность монгольского или тюрко-угорского языкового влияния предусмотрели Т. Г. Баишев⁵⁶ и Б. А. Серебренников⁵⁷.

Диалектные особенности башкирского языка могут служить ценным источником для суждения об этническом составе, т. е. истории развития и формирования самого башкирского народа. Башкирские диалектологи в основном выделяют два диалекта — южный и восточный. Учитывая специфику исторического развития, некоторые тюркологи включают в состав

⁵¹ Шитова С. Н. Сибирские тасжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир. — В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976.

⁵² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948; Баишев Т. Г. Башкирские диалекты. М., 1955; Киекбаев Дж. Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического башкирского языка). Система гласных звуков и сингармонизм, Уфа, 1957; он же. Башкирские диалекты и краткое введение в их историю. — «Учен. зап. БГУ». Сер. башкирской филол., Уфа, 1958, № 2, вып. 3; он же. О звуках *ç*, *ž*, *h* и их развитие в башкирском, туркменском и якутском языках. — «Учен. зап. БГУ». Серия филол., Уфа, 1958, № 5, вып. 6; Ишбулатов Н. Х. Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972; Максюткова П. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.

⁵³ Васкаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960, с. 13; Киекбаев Дж. Введение в Урал-Алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 13.

⁵⁴ Киекбаев Дж. Башкирские диалекты..., с. 70—80.

⁵⁵ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 9, 24—26.

⁵⁶ Баишев Т. Г. Башкирские диалекты, с. 13—14.

⁵⁷ Серебренников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963.

башкирского языка диалект северо-западных башкир, который ныне очень близок к татарскому⁵⁸.

На восточном диалекте говорят башкиры северо-восточной Башкирии, Челябинской и Курганской областей. К некоторым специфическим особенностям данного диалекта относятся: 1) регулярное сохранение ассимиляции согласных в аффиксах; 2) чередование *т* и *й* в илауте и анлауте; 3) чередование звуков *h* и *ç* во всех позициях слова и т. д. По мнению исследователей (Дж. Г. Киекбаева, Н. Х. Максютова), восточные башкирские говоры по лексическим, фонетическим и отдельным морфологическим особенностям ближе всего стоят казахскому, ногайскому языкам, а также якутскому.

На южном диалекте говорят башкиры, живущие в центральной, южной Башкирии, в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях. В числе наиболее характерных особенностей данного диалекта можно упомянуть: 1) широкое употребление спирантов *h* и *ç*, часто во взаимном чередовании, что составляет черты отдельных говоров; 2) наличие диссимилятивных сочетаний *лт*, *мт*, *нт*, *çт* и *мк*, *мк*, *нк*, *нк*, отсутствующих теперь почти во всех других тюркских языках. Не менее яркие особенности имеют также в морфологии и лексике говоров.

Согласно мнению Дж. Г. Киекбаева, которое, как будто разделяют все диалектологи, указанные отличительные признаки южного диалекта исторически восходят к языку орхон-енисейских памятников VII—VIII вв., что находит прямое объяснение в исторических преданиях, сохранившихся у центральной группы башкир. Им, например, у табынских башкир (бассейн р. Зилим, средний говор) были записаны предания, рассказывающие о приходе их далеких предков из-за Урала, из районов Сибири. Эти два факта Дж. Г. Киекбаев интерпретирует в свете общего диалектального сродства языка башкир среднего говора южного диалекта с языком южносибирских татар. В итоге он приходит к выводу о том, что отмеченные языковые сродства возникли в результате переселения башкир-табынцев и других этнических групп из районов Южной Сибири где-то в I тысячелетии н. э.⁵⁹

Сторонники выделения языка северо-западных башкир в самостоятельный диалект считают, что он в отличие от двух последних больше подвержен влиянию татарского языка: нет, например, спирантов и *ç*, но зато широко распространены фонемы *ç* и *ç*, есть некоторые различия в фонетике и лексике⁶⁰. Для историков древности, безусловно, большим интерес представляют высказывания специалистов о том, что по своим

⁵⁸ Юлдашбаев А. А. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку.— В кн.: Вопросы диалектологии туркменских языков. Фрунзе, 1968; Гаринов Т. М. Об изучении разговорной речи западных башкир (к постановке проблемы).— В кн.: Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.

⁵⁹ Киекбаев Дж. Башкирские диалекты..., с. 70—80; он же. Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов.— В кн.: Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961, с. 366.

⁶⁰ Юлдашбаев А. А. Северо-западный диалект...

особенностям язык северо-западных башкир некогда был очень близок к болгарскому языку⁶¹.

В плане выяснения этноязыковых связей башкир исследователи обратили внимание на иноязычные элементы в башкирском языке. Выявлено, что в современном башкирском языке имеются следы прикамских финно-угорских языков⁶², свидетельствующие о многовековом их контакте, однако недавнего исторического прошлого (XVII—XIX вв.).

В археологически обозреваемые периоды, по-видимому, возникли четко выделяемые параллели в башкирском и монгольском языках, охватывающие особенно терминологию родства, названия животных, продуктов, пищи, растений и т. п.⁶³

Общие слова в лексике башкирского и монгольского языков, по мнению исследователей, следует объяснить либо генетическим ростом алтайских языков, либо длительным контактом в прошлом башкирских и монгольских племен, либо участием отдельных монгольских племен в этногенезе башкир. Последний аспект в исторической литературе уже почти решен. На основании этнонимов монгольского происхождения, сохранившихся в башкирском языке, и других фактов Р. Г. Кузеев считает, что в XIII—XIV вв. и более позднее время в состав башкирского народа вошли монголыязычные этнические группы (салют, калмак и др.)⁶⁴. Но сказанное оставляет открытым вопрос о более ранних контактах древних башкир с монголами.

Активизация исследований, которая наблюдается сейчас в области изучения древней истории Южного Урала, вызвала большой интерес к его топонимике. Однако башкирская топонимика пока делает первые шаги в плане сбора и классификации первоисточников, поэтому выводы специалистов носят сугубо предварительный характер. Но даже в таком виде они заслуживают серьезного внимания.

Дж. Г. Киекбаев, автор одной из первых работ на эту тему, подчеркнул, что преобладающее большинство топонимических названий на Южном Урале тюркского, башкирского происхождения⁶⁵; это положение

⁶¹ Ишбулатов Н. Х. Диалекты и говоры башкирского языка, с. 125; Миржанова С. Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР.— В кн.: Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязях и взаимодействии. Уфа, 1975.

⁶² Миржанова С. Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка; Максюткова Н. Х. Некоторые элементы изучения башкирских диалектов...

⁶³ Ураксин З. Г., Ишбердин Э. Ф. Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским.— АЭБ, Уфа, 1974, т. IV; Ишбердин Э. Ф. Некоторые названия животных и птиц в башкирском и монгольском языках.— В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971; Максюткова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и монгольского языков (на материале салютского говора башкирского языка).— В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1972; Ураксин З. Г. К вопросу о сравнительно-сопоставительном изучении фразеологии тюркских и монгольских народов.— В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1972.

⁶⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 463—481.

⁶⁵ Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики..., с. 231.

подтверждается и новыми наблюдениями⁶⁶. Исходя из пришлового характера башкирского языка в крае, можно заключить, что здесь активно шел процесс тюркизации, изменивший облик топонимических названий. Это значительно затрудняет расшифровку более древних пластов.

Сейчас можно сказать, что один из мощных дотюркских субстратов в местной топонимике составляют названия угорского происхождения, имеющие достаточно широкий ареал. Они представлены названиями гор (*Магаш*), рек (*Вэрэш*, *Изэш*), соответствия которым отсутствует в башкирском, но зато есть в венгерском и уральских угорских языках⁶⁷. На вероятность наличия на Южном Урале угорской (протомадьярской) топонимике указывал также А. К. Матвеев⁶⁸. Эти факты говорят против существующего в науке мнения о том, что между башкирским и венгерским языками нет общих точек соприкосновения, а контакты между их носителями в отдаленном прошлом не были постоянными⁶⁹.

В гидронимических названиях на Южном Урале большую группу составляют слова с компонентом *коран*, которые, по мнению А. А. Камалова, являются тюркскими по происхождению, но восходят к болгарскому языку и служат доказательством пребывания здесь болгароязычных племен, вошедших в состав башкирского народа⁷⁰. С учетом приведенных соображений следует вспомнить мнение Дж. Г. Киекбаева о том, что топонимическое название Бишаул-Унгарово в Башкирской АССР легко сопоставимо со словом *унгар*, названием венгров⁷¹. Оно не лишено основания, однако возникновение этого топонима связано скорее всего не со словом *унгар*, а с *оногор-онугыр* — названием одного из крупных племенных объединений в Восточной Европе конца I тысячелетия н. э.

Все исследователи единодушно отмечают, что в образовании топонимических названий Южного Урала, кроме того, участвовали племена финно-пермской и иранской языковых систем, в которых, согласно общепринятому мнению, нетрудно видеть соответственно оседлое и часть кочевого населения края эпохи раннего железа.

В свете традиционных этнокультурных связей населения Южного Урала и Приаралья, устанавливаемых почти всеми видами исторических источников, заслуживает подчеркивания мнение Дж. Г. Киекбаева о том, что названия *урал* (гора) и *арал* (озеро) восходят к одному слову *арал*

⁶⁶ Камалов А. А. Гидронимия как источник изучения истории башкирского языка и прошлого края. — В кн.: Итоговая научная сессия ИИЯ БФАН СССР за 1967 г. Уфа, 1968, с. 115; Шакуров Р. З. Структура башкирских топонимиков. — В кн.: Некоторые вопросы лексики грамматики тюркских языков. М., 1973; он же. Топонимия бассейна р. Дёма. — Автореф. канд. дисс. М., 1973.

⁶⁷ Камалов А. А. Гидронимия как источник...; он же. Гидронимия Башкирии. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1969, с. 16—18; он же. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 288—289.

⁶⁸ Матвеев А. К. Древнеугорская топонимика и ее происхождение. — ВАУ, Свердловск, 1961, вып. 1.

⁶⁹ Серебренников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским.

⁷⁰ Камалов А. А. Гидронимия Башкирии, с. 11; он же. Данные гидронимии..., с. 289; он же. Болгаро-чувашские гидронимы в Башкирии. — В кн.: Материалы конференции молодых ученых БФАН СССР. Уфа, 1969, с. 239—240.

⁷¹ Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимии, с. 235.

со значением «срединное»⁷². Совпадение происхождения этих крупных топонимов, видимо, также не случайно и имеет объяснение в плане отмеченных связей.

Для значительной части башкирских топонимов характерно образование их из названий родов и племен. Указывая на эту особенность, Дж. Г. Киекбаев отметил, что на Южном Урале много топонимических названий, связанных с этнонимами *сарт, кипчак, ногай, бухар, канлы* и т. п., возникновение которых он объяснял приходом сюда этих групп племен из районов Средней Азии. Данное мнение сходно с мнением Р. Г. Кузеева, но первый автор роль пришлых компонентов в общем составе башкир считает незначительной⁷³.

Из других примеров этнонимов-топонимов заслуживают внимания также названия, связанные с гайнинскими башкирами, обитающими ныне на юге Пермской обл. Они фиксируются сейчас в бассейне р. Дёма и на севере Пермской обл. (Коми-Пермяцкий национальный округ). Последний факт интересен в том отношении, что он указывает на характер передвижений гайнинских башкир в пределах западноуральского региона.

Лингвистами обрисовывается интересная, а с точки зрения археолога заманчивая схема происхождения башкирского языка. Одним из первых данный вопрос в своих исследованиях затронул С. Е. Малов. Учитывая наличие в башкирском языке многих реликтовых явлений, почти не сохранившихся в других тюркских языках, он полагал, что башкирский язык очень рано (не позднее V в. до н. э.) оторвался от основы языка и на западной окраине тюркского мира составлял самостоятельную башкиро-кипчако-мишарскую группу. Территориально эту общность он разместил в Восточной Европе⁷⁴.

Необходимо отметить, что данное мнение С. Е. Малова оказало решающее влияние на выводы С. И. Руденко об этногенезе башкир, который, исходя из этого, считал тюркоязычными кочевые племена Южного Урала савромато-сарматского времени.

Нарисованную С. Е. Маловым схему развития тюркских языков поддержал Дж. Г. Киекбаев, разделивший и все основные положения С. И. Руденко⁷⁵. Результаты своих многолетних наблюдений в области тюркологии он обобщил в монографии «Введение в урало-алтайское языкознание», где методом лексикостатистики определил, что древнебашкирский язык обособился от основы тюркского языка очень рано — примерно 4000 лет назад, а от чувашского — 3500⁷⁶. В примечании автор подчеркнул, что приведенные цифры очень предварительные, но с учетом даже этой оговорки нетрудно заметить, что основной смысл данной

⁷² Там же, с. 241. Другие этимологии этого топонима см.: *Азнабаев А. М., Псянчин В. Ш.* К проблеме исторического развития аффикса множественного числа — *лаз* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1974, № 5, с. 19.

⁷³ *Киекбаев Дж. Г.* Вопросы башкирской топонимики, с. 232—236; *он же.* Башкирские диалекты и краткое введение в их историю, с. 67—74.

⁷⁴ *Малов С. Е.* Древние и новые тюркские языки. — «Изв. АН СССР», 1952, т. IX, вып. 2, с. 137.

⁷⁵ *Киекбаев Дж. Г.* Вопросы башкирской топонимики, с. 233, 236; *он же.* Башкирские диалекты и краткое введение в их историю, с. 67—71.

⁷⁶ *Киекбаев Дж. Г.* Введение в урало-алтайское языкознание, с. 22—23.

идей — это продолжительное самостоятельное развитие башкирского языка.

В плане выяснения древнейших истоков (связей) формирования башкирского языка важное значение приобретают исследования М. А. Ахметова об особенностях языка орхоно-енисейских памятников письменности, проведенные в последние годы. Подвергнув специальному анализу категории глагола в сравнительном плане с башкирским языком, автор пришел к тем же выводам, которые были сделаны Дж. Г. Клекбаевым на материалах фонетики, что башкирский язык близко стоит к языку памятников. В частности, он отмечает, что 95% глагольных корней языка памятников употребляется в современном башкирском языке.

Сославшись на мнение Э. Р. Тенишева о том, что язык памятников тюркского рунического письма является отшлифованным литературным, М. А. Ахметов допускает значительную архаичность его уже к VIII в.⁷⁷ Следовательно, этот факт предполагает наличие более ранних связей башкирского языка с языком орхоно-енисейских памятников, чем VII—VIII вв. Также небезынтересно сохранение у башкир исторических преданий, согласно которым тангаурские башкиры генеалогию своих предков возводят к Кюль-Тегину — одному из правителей тюркского каганата⁷⁸.

Археологический аспект. По сравнению с предыдущими данный аспект изучался однопланово. Археологи проявили почти полное единодушие в том, что памятники Южного Урала VII—IX вв. оставлены ближайшими предками тех башкир, которые стали известны по самым ранним письменным источникам. В таком плане, например, высказывались Р. Б. Ахмеров⁷⁹, К. В. Сальников⁸⁰ в отношении этнической принадлежности уфимских погребений. Р. Б. Ахмеров является автором первой работы, где рассматривается археологический аспект вопроса этногенеза башкир. Развивая вышеприведенное мнение, он высказал предположение об участии в процессе этногенеза башкир местных кочевых сармато-аланских и оседлых финно-угорских племен⁸¹. При этом он исходил из допущения, что на Южном Урале ираноязычная сарматская культура развивалась более одной тысячи лет и на ее базе сложилась позднеаланская культура (Стерлитамакский могильник) VIII—IX вв., тесно связанная с синхронной салтовской культурой Северного Кавказа и Дона общими корнями⁸².

Такая постановка вопроса неизбежно предусматривала в конечном результате значительный удельный вес ираноязычных сарматских племен в происхождении ранних башкир. Следует подчеркнуть, что данный

⁷⁷ Ахметов М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). — Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970; *он же*. Дееспричастие в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. — «Советская тюркология», 1974, № 3.

⁷⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 137.

⁷⁹ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. — КСИИМХ, 1951, вып. 40, с. 137.

⁸⁰ Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, с. 136.

⁸¹ Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. — СЭ, 1952, № 3.

⁸² Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака. — СА, 1955, вып. XXIII.

взгляд первоначально разделяли многие (А. П. Смирнов, Н. А. Мажитов, С. М. Васюткин), он нашел отражение в обобщающих исследованиях⁸³.

Более сложным представлял себе ранние этапы этногенеза башкирских племен А. П. Смирнов. Местные кочевые позднесарматские и оседлые финно-угорские (потомки пьяноборцев, бахмутинцев) племена он вслед за Р. Б. Ахмеровым и С. И. Руденко рассматривал как основной компонент в формировании этнического облика ранних башкир, особенно северной группы. Однако собственно башкирские племена на Южном Урале, согласно мнению А. П. Смирнова, являются пришельцами — тюрками по языку, переселившимися сюда не ранее VII—IX вв.⁸⁴ В процессе тюркизации активную роль сыграли болгарские племена — выходцы из Приазовья, оставившие здесь памятники типа Стерлитамакского могильника⁸⁵.

Как уже отмечалось, в результате развернувшихся с 50-х годов полевых работ неизмеримо вырос объем археологического материала, на котором исследователями были реконструированы различные культуры, типы или группы памятников раннего средневековья. Но вопрос об их этнической интерпретации оказался настолько сложным, что стал объектом дискуссии между археологами. Суть ее сводится к следующему.

С различной степенью аргументации в литературе сейчас поставлен вопрос о пребывании на Южном Урале в V—VIII вв. следующих этнических групп: а) финно-угров: романовцы, имендишевы, бахмутинцы, мазунинцы (Г. И. Матвеева, С. М. Васюткин, К. В. Сальников), позднемазунинский и бахмутинский археолого-этнический типы (В. Ф. Генинг); б) угров: бахмутинцы (А. В. Шмидт, Н. А. Мажитов), имендишевский АЭТ (В. Ф. Генинг), кушнарниковцы, кара-якуповцы (Г. И. Матвеева); в) ираноязычных сармато-аланов: турбаслинцы (Г. И. Матвеева, С. М. Васюткин); г) тюркизированных сармато-аланов: турбаслинцы (Н. А. Мажитов); д) тюрков: романовцы (В. Ф. Генинг, Н. А. Мажитов), уфимские погребения, Шареевский и Куштирякский могильники и т. п. (А. Х. Халиков)⁸⁶, Маякский могильник, кара-якуповцы (Н. А. Мажитов); е) тюрков-угров: турбаслинский АЭТ (В. Ф. Генинг), часть бахмутинцев и турбаслинцев, кушнарниковцы (В. А. Могильников)⁸⁷; ж) племен палеосибирского происхождения: чандарский АЭТ (В. Ф. Генинг); з) самодийских племен: куштирякский, кара-якуповский АЭТ (В. Ф. Генинг).

Если посмотреть на эту мозаику взглядов в плане общей постановки вопроса, то в них нетрудно обнаружить одну общую линию: расхождения между археологами носят частный характер, так как все они сходятся в одном: разноязычные и разнотульные племена Южного Урала V—VIII вв. составили субстрат, на базе которого в следующих веках

⁸³ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1. Уфа, 1956.

⁸⁴ Смирнов А. П. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58, с. 45—46, 105.

⁸⁵ Там же, с. 50.

⁸⁶ Халиков А. Х. Общие вопросы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 33—34.

⁸⁷ Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. — АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 153—155.

шел процесс этнической консолидации башкир. Пожалуй, единственным исследователем, который конкретизировал этот общий тезис, был автор настоящей работы. В ряде работ им высказывалась мысль, что среди сложного по этническому составу населения Южного Урала V—VII вв. главенствующую роль сыграли турбаслинские племена, составившие ядро древнебашкирского этноса⁸⁸. Других сторонников этого прямолинейного этнического построения не нашлось, и оно заслужило справедливую критику в литературе⁸⁹.

Неодинаков также подход археологов к определению этнической принадлежности и роли поздних кочевников-пришельцев на Южный Урал в процессе формирования башкирского народа. Автор склонен был видеть в них поздние тюркские компоненты, вошедшие в состав башкирского народа. В отношении этнической интерпретации таких памятников, как Мрясимовские, Старо-Халиловские, Лагереvские, Ишимбаевские и Каранаевские курганы, автор придерживался точки зрения, что они, будучи самыми поздними, оставлены населением, которое явилось ближайшим предком северо-восточной группы башкир XVI—XVII вв.⁹⁰

Согласно мнению В. Ф. Генинга, в числе этих поздних пришельцев (IX—X вв.) были собственно башкирские тюркоязычные племена. Некоторые археологи часть пришельцев считают либо уграми-мадьярами⁹¹, либо уграми-самоедами⁹². Из контекста их работ подразумевается вхождение последних в состав башкирского народа. Археологами постоянно подчеркивалось, что во все века раннесредневековой истории население Южного Урала в этнокультурном отношении было чрезвычайно пестрым, что предопределило сложный этнический состав башкирского народа. Таково общее состояние разработки вопроса происхождения ранних башкир в исторической науке.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что сейчас представляется крайне заманчивой, перспектива соотнести выводы специалистов различных наук и попытаться нарисовать некую общую линию, или модель, происхождения башкир. Такое стремление к комплексности при различной степени изученности указанных аспектов сопряжено с риском преувеличить значение данных отдельных наук, получивших большее развитие в данный момент⁹³.

⁸⁸ Мажитов Н. А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ).— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 13—14.

⁸⁹ Краснов Ю. А., Смирнов А. П. Уфимская конференция по этногенезу башкир.— СА, 1970, № 2, с. 295; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 383—384, 389—396.

⁹⁰ Мажитов Н. А. Происхождение башкир, с. 14—16; он же. Новые материалы по ранней истории башкир.— АЭБ, Уфа, 1964; он же. Тайны древнего Урала. Уфа, 1968, с. 152—180; Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение.— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV, с. 44—45.

⁹¹ Халикова Е. А. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Болгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников).— АЭБ, Уфа, 1971, т. IV; она же. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3.

⁹² Могильников В. А. К вопросу о связях..., с. 157.

⁹³ Кузеев Р. Г. Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир.— В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971, с. 13.

Имея это в виду, однако, нельзя не обратить внимание на то, что в выводах антропологов, этнографов, лингвистов и археологов есть много общих моментов, которые мы имеем право в настоящий момент рассматривать как надежно установленные факты по исследуемому вопросу. Это — разнотеннентность этнического и антропологического состава башкир XVI—XX вв. Таким же сложным представляется этнический состав населения края в конце I и начале II тысячелетий. Однако данное положение находится в некотором противоречии с выводами лингвистов, которые фиксируют тесное единство башкирского языка. Выделяемые лингвистами локальные особенности не выходят за пределы одного устойчивого языка и тесно связывают башкирский язык с той этнической средой, в которой возник язык орхоно-енисейских памятников письменности. Лишь на топонимическом материале выявляются определенные древние пласты, указывающие на обитание на Южном Урале в дотюркский период угорских и праноязычных племен.

Если исходить из результатов нашей классификации и хронологии новых материалов, то изложенная выше реконструкция археологами этнической истории раннесредневекового Южного Урала в отдельных частях кажется уже устарелой. Так, например, ошибочной оказалась исходная позиция многих исследователей о ранней дате (V—VII вв.) таких групп памятников, как бахмутинская, кара-якуповская, романовская, турбаслинская, кушнаренковская. Современный уровень источников позволяет поставить вопрос о том, что VII век для них является лишь примерной ранней датой и почти все они продолжали существовать до конца I, а некоторые из них даже в начале II тысячелетий.

На несколько веков омолаживается возраст Мрясимовских, Старо-Халиловских, Каранаевских и других курганов, а также Кушупевского грунтового могильника, связываемых нами с определенными группами ранних башкир, но датированных в предварительных публикациях не ранее IX—X вв. Накоплено сейчас много нового материала и по истории племен Южного Урала более древних периодов, что значительно облегчает оценить роль населения края предшествующих веков в формировании культур и этнических общностей раннего средневековья.

Как видно из содержания глав, эта роль пока представляется очень скромной. Сейчас на археологическом материале вклад местных племен прослеживается в сложении только двух культур раннего средневековья: бахмутинской и турбаслинской.

Несмотря на отмеченные выше различия в керамике, культурная близость между бахмутинскими племенами, с одной стороны, и пьяноборско-кара-абызскими — с другой остается реальной. Об этом свидетельствуют: 1) обитание тех и других на одной общей территории, 2) сходство в антропологическом типе (М. С. Акимов), 3) традиционная преемственность в устройстве могильников (большие размеры кладбищ, преобладание захоронений в мелких могилах простой конструкции, отсутствие или редкое нахождение в них керамики) и в украшениях (височные подвески, фибулы бабочковидной формы, поясные ремни и т. п.)⁹⁴. Учитывая

⁹⁴ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968, с. 49—61; Матвеева Г. И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э. — АЭБ, Уфа, 1971,

все эти факты, наиболее объективным кажется мнение о том, что бахмутинская культура VII—VIII вв. и, возможно, последующих веков возникла как результат смешения местных пьяноборско-кара-абызских племен финно-угорского происхождения с пришельцами из степей Южной Сибири. В последних В. А. Могильников склонен видеть тюрков-угров⁹⁵.

Такой же, очевидно, двух- или многокомпонентной, была турбаслинская культура, где роль местной подосновы сыграли кочевые племена южноуральских степей. Как доказательство такой преемственной связи мы рассматриваем 4—6, 11, 12 типы керамики, некоторые формы могил (типы II—IV), а также антропологический тип турбаслинцев, характеризующийся той же ярко выраженной европеоидностью⁹⁶, что и у сарматов. Но имеющийся хронологический разрыв между сопоставляемыми культурами в 400—500 лет заставляет быть очень осторожным в трактовке указанных параллелей и особенно на них не настаивать. В целом же в культуре турбаслинцев много таких признаков, которые генетически мало связаны с известным материалом кочевников южноуральских степей рубежа нашей эры: 9, 10, 12 типы керамики, некоторые варианты типа 11 (например, Д). Все, вместе взятое, вероятно, свидетельствует, что турбаслинские памятники в среднем течении р. Белой появились в результате переселения сюда большой группы родственного населения около рубежа VI—VII вв.

М. С. Акимов, исходя из своеобразия физического облика носителей культуры, исключает Южную Сибирь из числа возможных районов раннего пребывания турбаслинцев и в качестве таковых указывает на южные степи вообще⁹⁷. С ее заключением в какой-то мере перекликаются данные археологии: они позволяют наметить некоторую культурную близость турбаслинцев с населением южноказахстанских степей в широком смысле слова, где ему принадлежат многочисленные курганные могильники больших размеров (типа Борижары) и оседлые поселения.

В этническом отношении они могли быть потомками саков-усуней, господствовавших в южных степях в эпоху ранних кочевников. Такое более южное происхождение турбаслинских племен предопределило смешанный характер не только археологического материала, но и физического облика. М. С. Акимов в составе турбаслинцев отмечает ярко выраженные индивиды с монголоидными чертами⁹⁸. В период развитого Тюркского каганата в последних логичнее всего видеть собственных тюрков, возможно, самых ранних в бассейне р. Белой. На этих фактах строится наше предположение о тюркоязычности всего турбаслинского населения⁹⁹.

ч. IV; Васюткин С. М. К дискуссии по бахмутинской культуре.— СА, 1971, № 3, с. 101—105.

⁹⁵ Могильников В. А. К вопросу о связях..., с. 152—154.

⁹⁶ Акимов М. С. Этногенез башкир по данным антропологии, с. 42; она же. Антропология древнего населения Приуралья, с. 64—74.

⁹⁷ Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 71.

⁹⁸ Там же, с. 74.

⁹⁹ Мажитов Н. А. Происхождение башкир..., с. 12, он же. Тайны древнего Урала, с. 104—105.

Приведенные соображения касаются главным образом вопроса о происхождении турбаслинцев. Что касается их этнической принадлежности, то весьма привлекательной является идея В. Ф. Генинга о возможном прямом отношении их к буртасам, локализуемым им в лесостепях Поволжья, Южного Прикамья и частично Западного Приуралья. Правда, он имеет в виду лишь носителей плоскодонной керамики (именьковский тип), широко представленной как в Приуралье, так и в Поволжье.

Хотя противопоставление плоскодонной и круглодонной керамики из памятников Западного Приуралья как будто не оправдано, но вхождение турбаслинцев в буртасское этническое объединение является вполне вероятным. В таком случае мы получаем ясное толкование отмеченного сходства археологического материала Среднего Поволжья и Западного Приуралья. Мысль о принадлежности указанных памятников буртасам интересна еще в одном: она подтверждает позднюю дату приуральских памятников типа городища Уфа II, Кушнаренковского могильника. Последние существовали как раз в то время, когда буртасы были известны как самостоятельный народ (IX—X вв.)¹⁰⁰.

В Западном Приуралье VII—VIII вв. выделяется еще третья этническая группа, с которой мы связываем памятники с керамикой кушнаренковской и кара-якуповской группой (рис. 20). В отличие от бахмутинцев и турбаслинцев эти племена в культурном отношении никак не связаны с местным населением предшествующих веков и являются пришельцами из южносибирских степей. Хронологическое расчленение их памятников показывает, что ранний этап пребывания их на Южном Урале представлен одиночными или малочисленными курганными захоронениями (Новобиккино, Булгары, II Красногор, Синтыштамак и др.), территориально занимающими лесостепную часть Западной Башкирии.

Случайный характер этих памятников, очевидно, свидетельствует не только о раннем, но и подвижном периоде жизни указанных племен на Южном Урале, когда кочевой быт оставался еще мало приспособленным к местным особенностям. О том, что кушнаренковско-кара-якуповские племена в VII—VIII вв. в Западном Приуралье соседствовали с бахмутинцами и турбаслинцами, свидетельствуют единичные факты обнаружения кушнаренковских сосудов в их могильниках (Бирск, Ново-Турбаслы, Кушнаренково, Бахмутино). Скорее всего они говорят нам о наличии тесных этнокультурных (включая брачные) связей между представителями указанных племенных объединений, в результате которых в могилах попадались предметы (горшки), не свойственные в массе тому или иному памятнику, т. е. коллективу людей.

В VII—VIII вв. зауральская часть Южного Урала, вероятно, была заселена племенами бакальской культуры, которым принадлежат многочисленные городища, где основное содержание культурных остатков составляют обломки керамики, имеющей близкое сходство с кара-

¹⁰⁰ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (Проблема этноса и его происхождения). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 288—292.

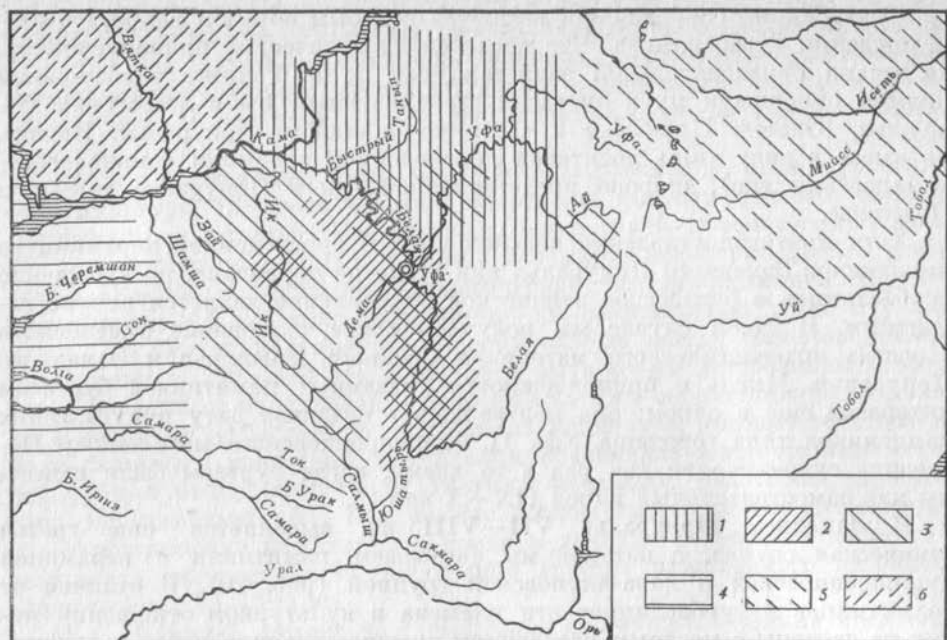

Рис. 20.

Карта расселения племенных групп Южного Урала в VII—VIII вв. по известным археологическим данным

1 — бахмутинские племена; 2 — турбаслинские племена; 3 — кара-якуповские племена;
4 — именьковские; 5 — бакальские племена; 6 — азелинские племена

якуповской Западного Приуралья¹⁰¹. Следует также сказать, что большинство бакальских памятников, судя по хорошо датированным западным аналогиям, существовали на рубеже I и II тысячелетий. В этом смысле бакальские памятники в Зауралье могли появиться примерно в одно время вместе с кушнаренковской и кара-якуповской керамикой в Западном Приуралье, имея общее южносибирское происхождение.

Таким образом, следует, что восточная и западная части Южного Урала в VII—VIII вв. были заселены родственными по культуре и происхождению племенами, которым принадлежат памятники с керамикой кушнаренковской и кара-якуповской групп и бакальского типов. Надо ли объединять их в одну археологическую культуру или нет — покажут будущие исследования, но уже сейчас несомненна их принадлежность к одной этнокультурной общности. Территориально эти памятники перекрывают бахмутинскую и турбаслинскую культуры, что говорит о сравнительной многочисленности их обитателей.

¹⁰¹ Сальников К. В. Исетские древние поселения. — СА, 1956, вып. 25.

IX—X века явились новым этапом в развитии культуры населения Южного Урала. Особенность этому времени придают повсеместно распространенные памятники типа Хусаиновских курганов (Ямаши-Тау, I и II Бекешево, Чишмы, Больше-Тиганово, Лагерево), объединяемые такими характерными признаками, как: захоронения в гробах с войлочной и циновочной подстилкой, богато украшенные серебром поясные ремни с длинными подвесками, оголовья и седла, женские украшения, в том числе нагосники с шумящими подвесками на длинных цепочках, своеобразные серьги салтовского облика и др.

Особый интерес здесь представляют пояса, которые являются близкой копией поясов, изображенных на тюркских изваяниях Тувы, Южной Сибири и Алтая. Это поразительное совпадение считать случайным, учитывая массовость поясов в погребениях, очень трудно, поэтому приходится допускать, что погребенные в южноуральских курганах имеют прямое родственное отношение к тюркам, изображенным на каменных статуях.

В свете сказанного важное значение приобретает вопрос об отношении материала курганов IX—X вв. к памятникам VII—VIII вв. с кушнаренковско-кара-якуповской керамикой в плане их генетической преемственности. Как видно из анализа археологического источника, то наряду с различиями между ними есть и много общего. Оно проявляется прежде всего в керамике, которая является дальнейшим развитием ранних типов кушнаренковских сосудов и нахождением кара-якуповских в памятниках обеих хронологических групп. Следовательно, ранние и поздние курганы одинаково тесно связаны с поселениями типа Старо-Калмашевского городища.

Интересна еще одна деталь: памятники VII—VIII вв. (курганы с керамикой кушнаренковской и кара-якуповской групп) преимущественно одиночны или состоят из двух-трех насыпей, а памятники IX—X вв. отличаются значительными размерами. На фоне этих фактов возникает вопрос о том, не отражают ли материалы курганов IX—X вв. такой период жизни одного и того же населения, когда границы межплеменных территорий на Южном Урале стали более упорядоченными и появились явные признаки оседлости. При любом решении вопроса культурная близость населения указанных памятников (курганов), а также южносибирское (?) его происхождение останется неоспоримым.

Судя по материалам городищ Уфа II, Имендзешевское, а также романовских поселений, в IX—X вв. на среднем течении р. Белой продолжали обитать потомки турбаслинских племен. Очевидно, в это время их контакт с носителями кара-якуповской керамики стал более тесным, о чем говорит появление на сосудах романовского типа орнамента из «жемчужин».

Труднее решается вопрос о судьбе бахмутинских племен. Как видно из содержания глав, один из главных выводов нашего исследования состоит в том, что бахмутинские памятники в действительности не датируются тем временем, каким они до сих пор датировались, а являются значительно поздними. Приведенные нами единичные, но конкретные факты заставляют думать о существовании бахмутинских памятников даже вплоть до начала II тысячелетия. Лишь при такой постановке во-

проса можно объяснить «загадочное исчезновение» большой группы племен с ярко выраженной оседлой культурой и сотнями поселений.

Теперь мы можем ответить на узловую вопрос — об отношении племен Южного Урала VII—X вв. к башкирам.

Во всех своих предшествующих работах автор при его освещении исходил из того, что эти племена полностью вошли в состав башкир, известных уже по письменным источникам. Именно в таком контексте по отношению к ним употреблялось название ранние башкиры¹⁰². Как известно, впоследствии к сходному же мнению пришел В. Ф. Генинг¹⁰³. Рассуждения о языковой принадлежности указанных племенных групп в этом случае уже приобретают второстепенное значение. Поскольку в литературе они носят дискуссионный характер, постольку здесь даем краткое изложение своих наблюдений.

Автор по-прежнему придерживается мнения об угорском или финно-угорском характере бахмутинской культуры. Хотя она формировалась при заметной роли южносибирских племен, в ее основе лежит культура местного населения предшествующих веков, представленная памятниками пьяноборско-кара-абызской культуры. По-видимому, только с ним могла быть связана сохранившаяся в Западном Приуралье угорская топонимика, локализуемая, кстати, примерно на той же территории. В итоге мы подтверждаем правомерность выводов М. С. Акимовой о большой роли бахмутинцев в происхождении северной группы башкир¹⁰⁴.

Выше нами неоднократно было подчеркнуто особое место турбаслинской группы племен в этнической истории Южного Урала рассматриваемого времени. Как свидетельствует материал, они вошли в состав башкир как потомки кочевников южных (Урал, Казахстан) степей эпохи древности. Можно допустить прямую генетическую связь их с сако-усуньским культурным миром.

Одним из важных моментов в раннесредневековой истории Южного Урала и в раннем этногенезе башкир был приход сюда около VII в. новой группы населения из районов южносибирских, казахстанских степей. Если учесть всю проблематичность хронологии раннесредневековых древностей, то указанную дату следует принимать очень условно: лишь будущее накопление материала позволит уточнить время этого события. Тогда же станет более ясным, было ли это одновременным или имело несколько этапов.

Ярко выраженные этнографические особенности пришлого населения (керамика кушнаренковской, кара-якуповской групп, небольшие земляные насыпи с мелкими грунтовыми могилами, состав оружия и т. п.) позволяют нам четко проследить характер расселения: им принадлежала

¹⁰² Мажитов Н. А. Об этническом составе населения Северной Башкирии в конце I тысячелетия н. э. — В кн.: Итоги научной сессии ИИЯЛ БФ АН СССР за 1967 г. Уфа, 1968; *он же*. Керамика памятников VIII—X вв. на Южном Урале. — В кн.: V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967; *он же*. Тайны древнего Урала, с. 126—135.

¹⁰³ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 295.

¹⁰⁴ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 96—97; *она же*. Этногенез башкир по данным антропологии, с. 42, 43; *она же*. Антропологические исследования в Башкирии, с. 93.

вся территория Южного Урала. Западная группа этих племен непосредственно граничила с Волжской Болгарией, доказательством чему служат упомянутые Больше-Тигановский и Чишминский могильники.

В настоящее время есть полное основание считать, что кушнаренковско-кара-якуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале. Одним из веских археологических аргументов в пользу сказанному является то, что начавшийся в VII—VIII вв. этап в этнической истории края привел к сложению на рубеже I и II тысячелетий качественно новой культуры, которая, традиционно развиваясь, примыкает к культуре башкир XIX — начала XX вв. Это особенно хорошо видно в прикладном искусстве башкир. В нем этнографами выделено шесть основных орнаментальных комплексов, из которых первый, самый древний¹⁰⁵, полностью сходен с орнаментацией керамики кушнаренковской и кара-якуповской групп. В плане постановки вопроса интерес представляет полное совпадение тамг на кушнаренковских сосудах с родо-племенными тамгами башкир, детально изученных Р. Г. Кузеевым. Обращает на себя внимание и такой факт: почти во всех известных случаях на кушнаренковских сосудах повторяется один основной вид тамги в виде крестиков. Учитывая, что эти сосуды встречены на различных памятниках, распространенных по всему Приуралью, можно предполагать, что указанными тамгами пользовался большой коллектив людей¹⁰⁶.

Говоря о мадьярской проблеме в раннесредневековой археологии Южного Урала, следует подчеркнуть, что имеющийся материал пока конкретно не говорит о контактах древних мадьяр с населением Западного Приуралья. Тем самым приходится признать, что ранние предположения автора о возможных связях бахмутинцев с древними мадьярами не подтвердились. Исходя из сказанного, можно допустить, что древние мадьяры пребывали в степной части, и в этом отношении, очевидно, ближе к истине Р. Г. Кузеев¹⁰⁷. Наши наблюдения не противоречат определению Р. Г. Кузеева о степени болгаро-мадьярского компонента в древнебашкирском этносе¹⁰⁸. Вопрос об участии древнеугорского населения Урала в формировании венгерского союза сейчас остается открытым.

Широкая степь с конца I тысячелетия сыграла роль питательной среды, откуда в горно-лесные и лесостепные районы Южного Урала проникали новые этнические группы, приносившие с собой дополнительный импульс тюркской культуры для дальнейшего развития башкирского этноса в этом регионе.

С учетом сказанного, по-видимому, следует понимать своеобразие материала археологических памятников края XI—XII вв. (Мрясимовские, Старо-Мусинские, Житимакские, Лагереvские курганы). В нем ясно вид-

¹⁰⁵ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир, с. 235—237.

¹⁰⁶ Данная тамга имеется также на кушнаренковском сосуде, обнаруженном на территории именьковской культуры. См.: Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. — САИ, Д1 — 32. М., 1967.

¹⁰⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 400—413.

¹⁰⁸ Там же, с. 413—425.

но продолжение развития культуры племен края предшествующих трех-четырех столетий (керамика, сходство в устройстве курганов), но эта традиционность сопровождается рядом новых черт, тесно связанных с культурой кочевников широких евразийских степей. Сюда можно отнести повсеместное распространение среди южноуральского населения племени, предметов конской сбруи и др. Все это свидетельствует о новом этапе в этнической истории населения края.

Среди известных памятников Южного Урала XI—XII вв. особую локальную группу составляют Каранаевские и Старо-Халиловские курганы, отличающиеся наличием больших курганов с множеством групповых и выпускных, а также наземных захоронений. Охарактеризованная выше керамика, где преобладают открытые чаши и сосуды со шнуровым орнаментом, дает некоторое основание полагать о возможном южно-сибирском происхождении людей. Вероятна их угро-самодийская принадлежность.

По заключению Р. Г. Кузеева, XIII—XIV века сыграли важную роль в этнической консолидации башкир. В эти века в среду башкир проникают новые кочевые племена (например, табынцы, катайцы и др.), на базе взаимодействия и синтеза происходит формирование и вызревание тех этнокультурных признаков, которые характеризуют башкир сегодня¹⁰⁹. Археологический материал, подтверждая сказанное, показывает особое место периода XIII—XIV вв. в развитии культуры Южного Урала.

В указанное время в связи с завоеванием татаро-монголами Восточной Европы и возникновением государства Золотой Орды в археологическом материале заметны существенные изменения. Окончательно забрасываются городища, уменьшается число курганов, значит, население повсеместно либо переходит в мусульманскую религию, либо под ее влиянием вносит коррективы в традиционный погребальный обряд. На территории Башкирской АССР сейчас раскопано пять небольших курганных могильников, где погребение производилось без вещей, в глубоких могилах, ориентированных на запад, лицом на юг, что полностью соответствует канонам мусульманства. На этом основании названные курганы можно рассматривать как один из видов памятников переходного периода от язычества к новой религии.

Появляются памятники и принципиально нового типа. В Оренбуржье и Западной Башкирии сейчас выявлена компактная группа курганов, состоящих из небольших земляных насыпей, и, как правило, глубоких могил с заплечиками вдоль длинных стенок и захоронениями в колодах или двойных ящиках (ящик: гроб или колода). Оригинальным по форме захоронениям сопутствует не менее устойчивый инвентарь, состоящий из предметов типично золотоордынского времени (головной убор бокка, височные подвески, зеркала и т. д.).

Аналогии этим своеобразным курганам в Восточной Европе немногочисленны, и все они приписываются исследователями группе племен, этнически однородной, которая пришла сюда в составе татаро-монголов. Сейчас трудно сказать, было ли это монголо- или тюркоязычное насе-

¹⁰⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 472.

ление, но имеющиеся некоторые аналогии не исключают и второго предположения.

К числу памятников нового типа также относится Ново-Аккулаевский курган на р. Дёме. Он содержал захоронение в глубоком подбое вдоль длинной стенки, что очень характерно для раннемусульманского времени. Найденные при костяке височная подвеска и ножницы позволяют датировать курган XIII—XIV вв. Данный памятник служит для нас источником, указывающим на приток сюда второй группы племен южного происхождения.

Остальные памятники XIII—XIV вв. принадлежат местным кочевым племенам, жившим здесь с предшествующего времени. Судя по Сынтыш-Тамакским, Кушулевскому, Охлебининскому могильникам, здесь налицо некоторая тенденция унификации инвентаря, направленная в сторону сближения с культурой пришлых степняков. М. С. Акимов отмечает, что по антропологическим особенностям население Кушулевского могильника существенно отличается от похороненных в курганах (Турбаслы, Старо-Халилово) и составляют особую группу¹¹⁰. Сказанное вполне согласуется с археологическим материалом. Кушулевский могильник является грунтовым; в нем преобладали узкие мелкие могилы с захоронениями детей, подростков без вещей.

Появление в Западном Приуралье в XIII—XIV вв. памятников Сынтыш-Тамакского и Кушулевского типов, по-видимому, связано с определенными передвижениями этнических групп в пределах широкого региона Южного Урала. Об этом красноречиво еще говорит появление в Пермском (Кунгурском) крае могильников (курганых?) с составом вещей, характерных для кочевников именно этого времени. Безусловно, прав Р. Г. Кузеев, который считает, что приход башкирских племен в данный район произошел очень поздно, в XIV в.¹¹¹ Исходя из археологического материала, данное событие, видимо, следует датировать XIII—XIV вв.

Возможности археологов проследить характер развития культуры башкир прерываются пока XIV—XV вв. Появившийся повсеместно на Южном Урале новый тип надгробных памятников — *кэшэнэ* свидетельствует о начале нового этапа в их истории, связанного с принятием и окончательным утверждением мусульманской религии. В этническом плане это, видимо, завершение формирования башкирской народности¹¹².

Как видно из вышеизложенного, в комплексном изучении древней и средневековой истории Южного Урала сейчас достигнут такой уровень, когда ликвидированы существующие большие разрывы между различными источниками (археологическим, антропологическим, этнографическим и т. п.). Это позволило преодолеть принципиальные расхождения во взглядах специалистов смежных наук относительно выделения важнейших этапов этнической истории края и основных слагающих компонентов в процессе формирования башкирского народа. Так, например, установленный этнографами и антропологами многосоставный и смешанный

¹¹⁰ Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья, с. 80—83.

¹¹¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 472.

¹¹² Там же, с. 481—506.

характер культуры и физического облика современных башкир легко объясним археологически, т. е. он является логическим результатом развития многочисленных культур и типов памятников средневековой эпохи.

Будучи зоной активных контактов оседлых, лесных и кочевых племен, Южный Урал по существу являлся составной частью огромного степного мира. Его население в этнокультурном отношении было тесно связано с племенами Алтая, Казахстана, Приуралья и Южной Сибири. Важным фактом, способствующим установлению культурного единства в данном регионе, было кочевое хозяйство, нормальное ведение которого требовало постоянного передвижения многочисленных народов в широтном и меридиональном направлениях.

Археологический материал показывает, что уже в эпоху раннего железа их сближало единство религиозных представлений, основанных на зороастрийско-маздейских принципах, и многие черты материальной культуры (могильные сооружения, оружие и т. п.). По-видимому, на этой общей этнической основе возникли наиболее древнейшие общие черты в культуре, быту и в антропологическом типе, прослеживаемые исследователями у башкир и народов широкой территории от Алтая до Приаралья.

Но отмечаемая культурная близость приобретает более конкретную форму в начале раннего средневековья, когда на Южный Урал переселяются массы кочевых племен Южной Сибири и Казахстана (носители турбаслинской, кушнаренковской, кара-якуповской керамики). Эти же племена, вероятно, принесли с собой южносибирский и центральноазиатский антропологические типы, сохранившиеся у башкир поныне. Следует подчеркнуть, что данное переселение одновременно было процессом оседания кочевников, наблюдаемым тогда повсюду в степном мире.

Говоря о существовании на Южном Урале начиная примерно с VII—IX вв. древнебашкирского этноса и наиболее прослеживаемых сейчас этапах его развития, следует иметь в виду, что этнос как историческое явление не был неизменным, а развивался, приобретая на каждом из этапов новые оттенки. Археологический материал сейчас сравнительно точно фиксирует, что начало его формирования связано с массовым переселением южносибирских, казахстанских в широком смысле слова кочевых племен и ассимиляцией ими местного населения. Это древнебашкирское этническое ядро по численности и территории, безусловно, было гораздо меньше, чем в X—XII вв., когда в их среду вливались новые группы кочевых племен.

На этнографическом материале (родо-племенные тамги, данные этнонимии) удалось довольно полно восстановить родо-племенной состав башкир в XVII—XIX вв., а также обрисовать общую картину этногенеза башкирского народа предшествующих веков.

Этнографически выделяемые самые древние башкирские этнические образования состояли из ряда самостоятельных племенных групп (бурзяне, усергане, тангауры, тамьяне и др.)¹¹³. Хотя они были носителями башкирского этноса, они имели собственные названия, которые имеют широкое территориальное распространение у тюркских народов. Но на-

¹¹³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 425—441.

звания эти не объясняют происхождения самоназвания башкирского народа (башкорт), возникновение которого, надо полагать, связано с реально существующим этносом. Рассуждения в этом направлении в сочетании с археологическими материалами приводят к мысли, что фиксированная в науке башкирская этнонимия отражает в основном сравнительно позднее явление, не восходящее к периоду существования древнебашкирского этноса на Южном Урале.

В связи с этим возникает предположение о том, что все указанные племена башкирами становились в результате прихода в страну башкир, но сохранив при этом свое племенное название. Примеры из истории кочевых народов показывают, что в ходе переселения названия племен менялись очень быстро. Например, гуннские племена часто меняли свои названия, принимая названия более сильных объединений¹¹⁴. Следовательно, вполне возможно, что уже в IX—X вв., когда, согласно Р. Г. Кузееву, начали проникать на Южный Урал племенные группы с современными названиями, этноним башкорт уже в определенной степени приобрел не только этническое, но и территориальное значение.

¹¹⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
БАС	— Башкирский археологический сборник
БРЛ	— Башкирия в русской литературе
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНИ	— Журнал Министерства народного просвещения
ИА	— Исторический архив
ИИЯЛ БФ АН СССР	— Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИОИАИЭКУ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КНВ	— Культура народов востока
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
Сообщ. ГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
САИ	— Свод археологических источников
ТВОРАО	— Труды восточного отделения императорского русского археологического общества
УЗМГУ	— Ученые записки Молотовского государственного университета
УЗБГУ	— Ученые записки Башкирского государственного университета

© 2004 Blackwell Publishing Ltd, *Journal of Internal Medicine* 255: 103–110

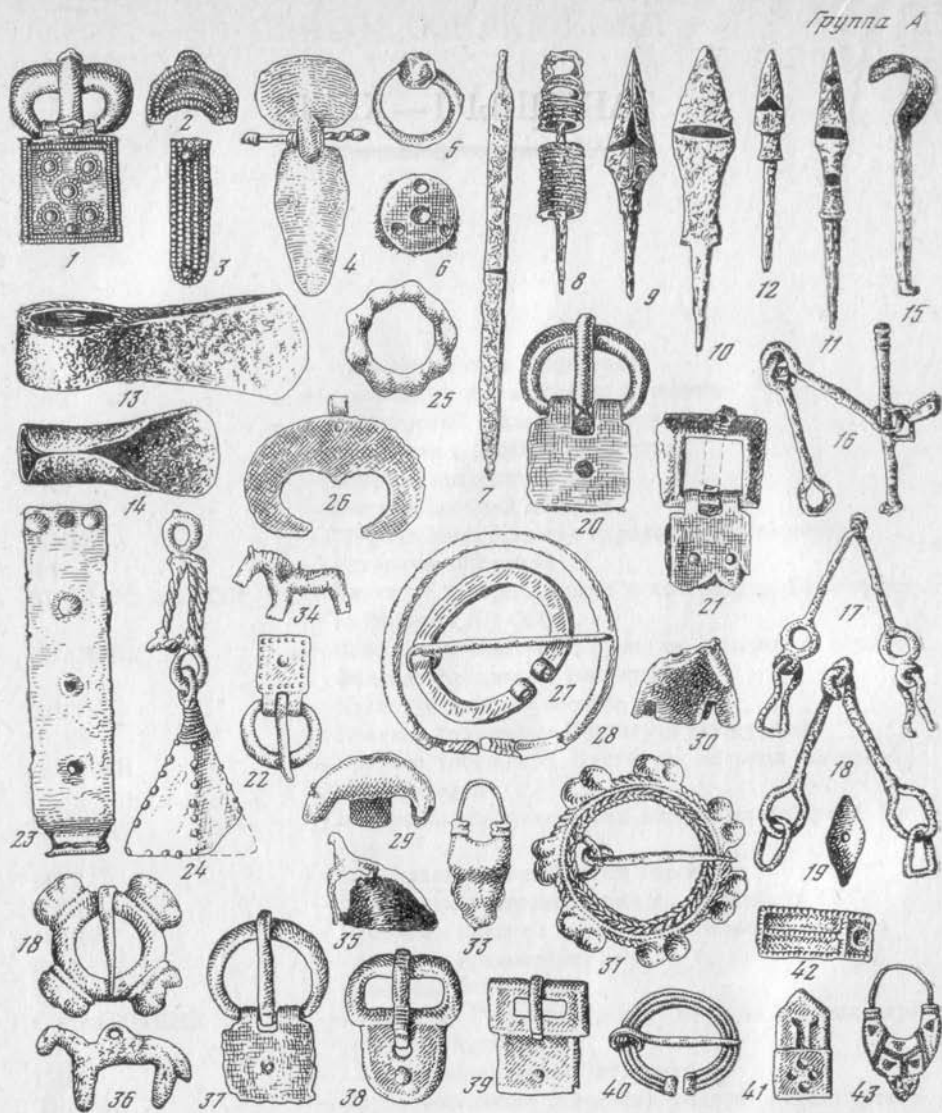

Таблица I.

Основные признаки хронологических групп средневековой археологии Южного Урала
 Группа А. Бирский могильник (1—36, 61—68); Ново-Турбаслинские курганы (37—42, 44—48, 54—60); Дежневские курганы (43); Сынтыш-Таманские курганы (49—52); Ново-Биккинский курган (53); Уфимские погребения (69—76); Кушнаренковский могильник (77—86). Масштаб не соблюден

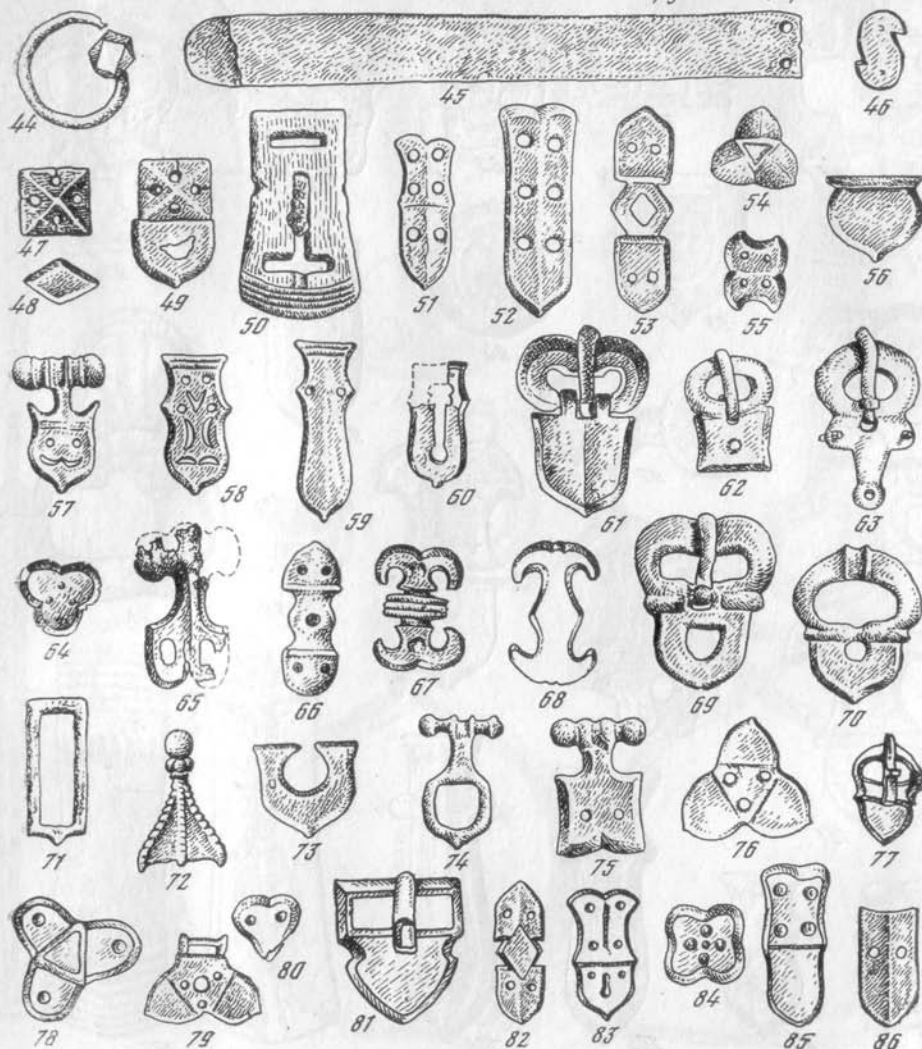

Таблица I (продолжение)

Ново-Турбаслы: 37 — курган 27, погребение 4; 38 — курган 23, погребение 1; 39 — курган 32, погребение 2; 40, 44 — курган 22, погребение 1; 41 — курган 21, погребение 1; 42 — курган 32, погребение 1; 45, 55—59 — курган 27, погребение 9; 46, 48 — курган 18, погребение 1; 47 — курган 13, погребение 1; 54 — курган 13, погребение 2; 60 — курган 10, погребение 2. Сынташево: 49 — курган 1, погребение 2; 50, 52 — курган 3; 51 — курган 10. Погребение из-под здания Медиаинститута в г. Уфе: 69—76, Кушнаренково: 77, 79, 82, 83, 86 — погребение 2; 78, 81, 84 — погребение 17; 80, 85 — погребение 21. Масштаб не соблюден

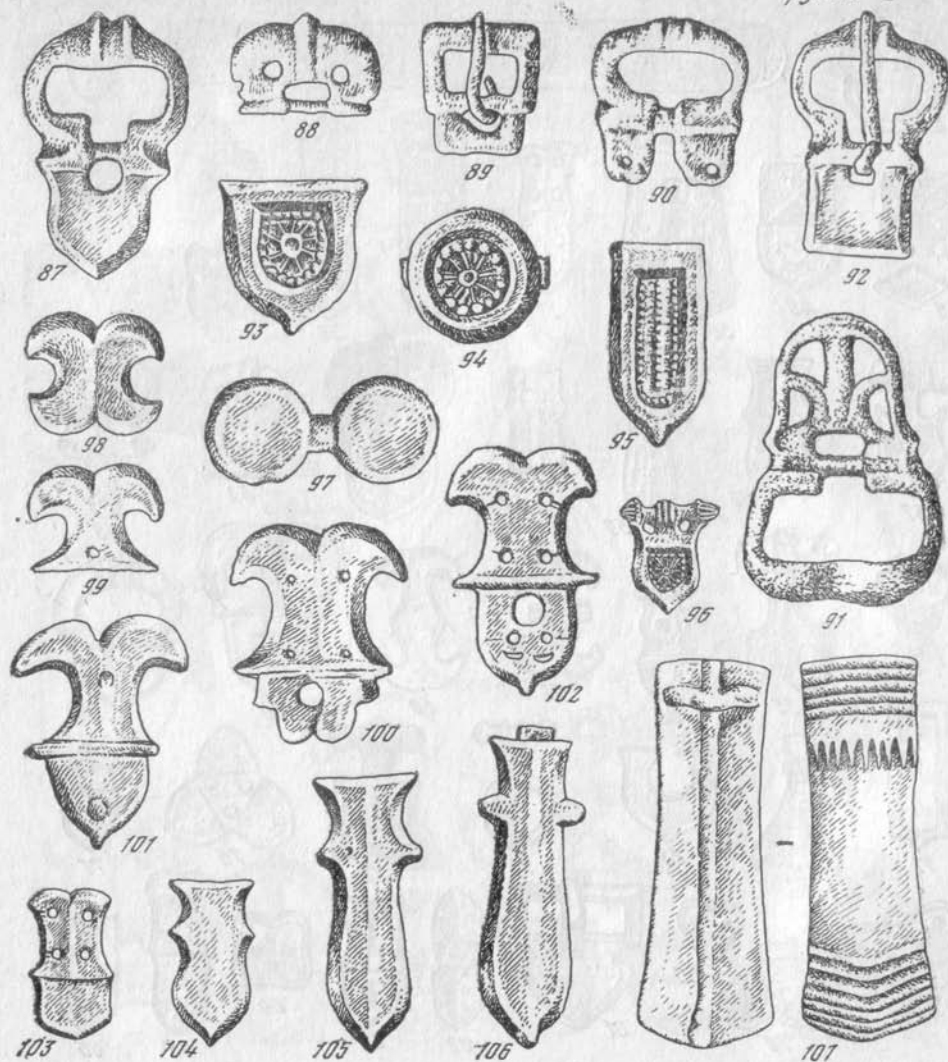

Таблица I (продолжение)

Группа Б. Манякский могильник (87—101, 103—128); Лагереvские курганы (102). Масштаб не соблюден. Маняк: 87 — погребение 4 (раск. II); 88, 90 — погребение 11 (раск. II); 89, 101 — погребение 9 (раск. II); 92—96, 126 — погребение 1 (раск. I); 97, 108—110, 127 — погребение 3 (раск. II); 98, 122, 124 — погребение 22 (раск. I); 99, 113—117, 119, 121 — погребение 10 (раск. II); 100, 112 — погребение 2 (раск. II); 103, 111 — погребение 9 (раск. I); 104—106, 120 — погребение 25 (раск. I); 107, 123, 125 — погребение 26 (раск. I); 128 — погребение 1 (раск. II); 118 — погребение 7 (раск. II); Лагерево: 102 — курган 55

Группа Б (продолжение)

Таблица I (продолжение)

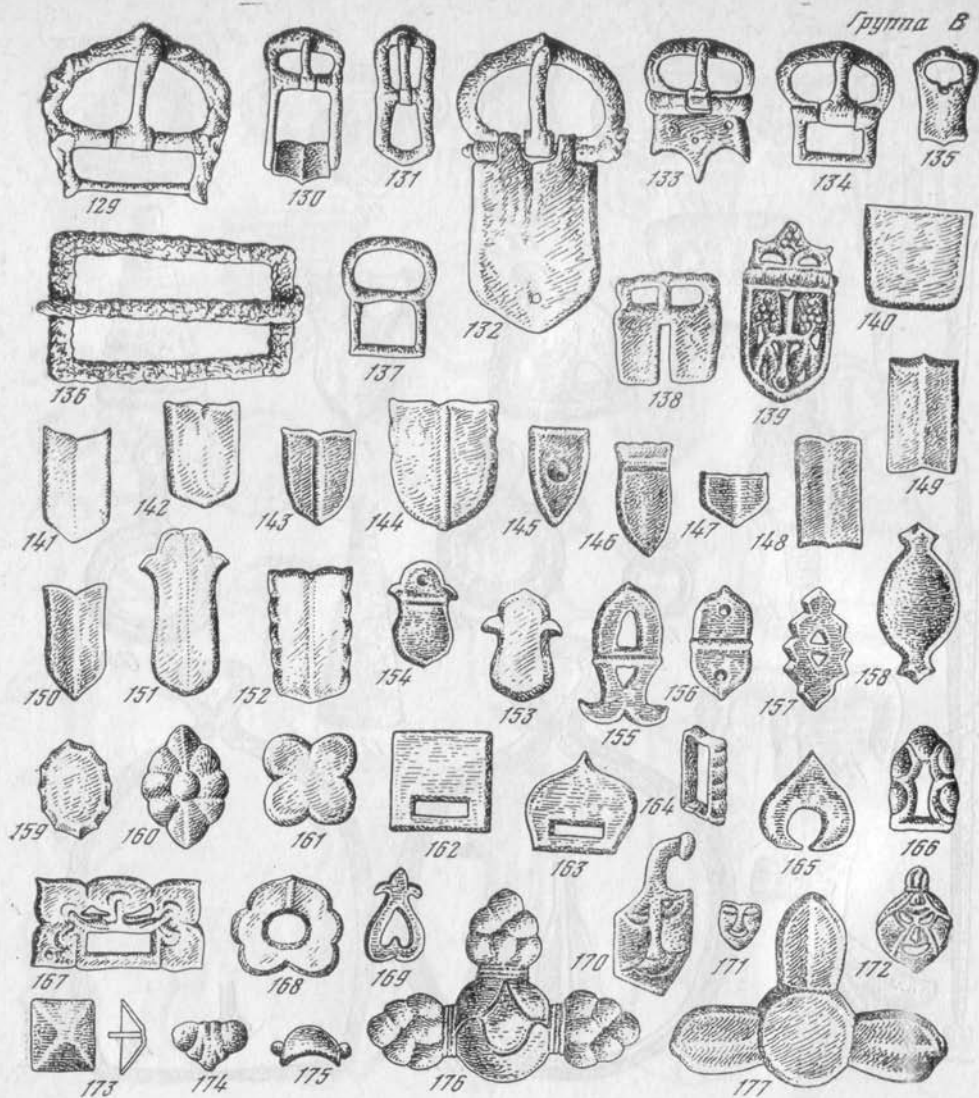

Таблица I (продолжение)

Группа В. Хусаиновские курганы (129, 133, 139—143, 145—154, 156, 160, 162—166, 168, 175—180, 182—183, 185, 190, 192—196, 198—201); II Бекешевские курганы (132, 134, 135, 137, 157—159, 161, 169, 173, 174, 181, 184, 186, 188, 189); Стерлитамакский могильник (130, 131, 136, 138, 144, 153, 167, 170—172, 187, 191, 197). Масштаб не соблюден

Группа В (продолжение)

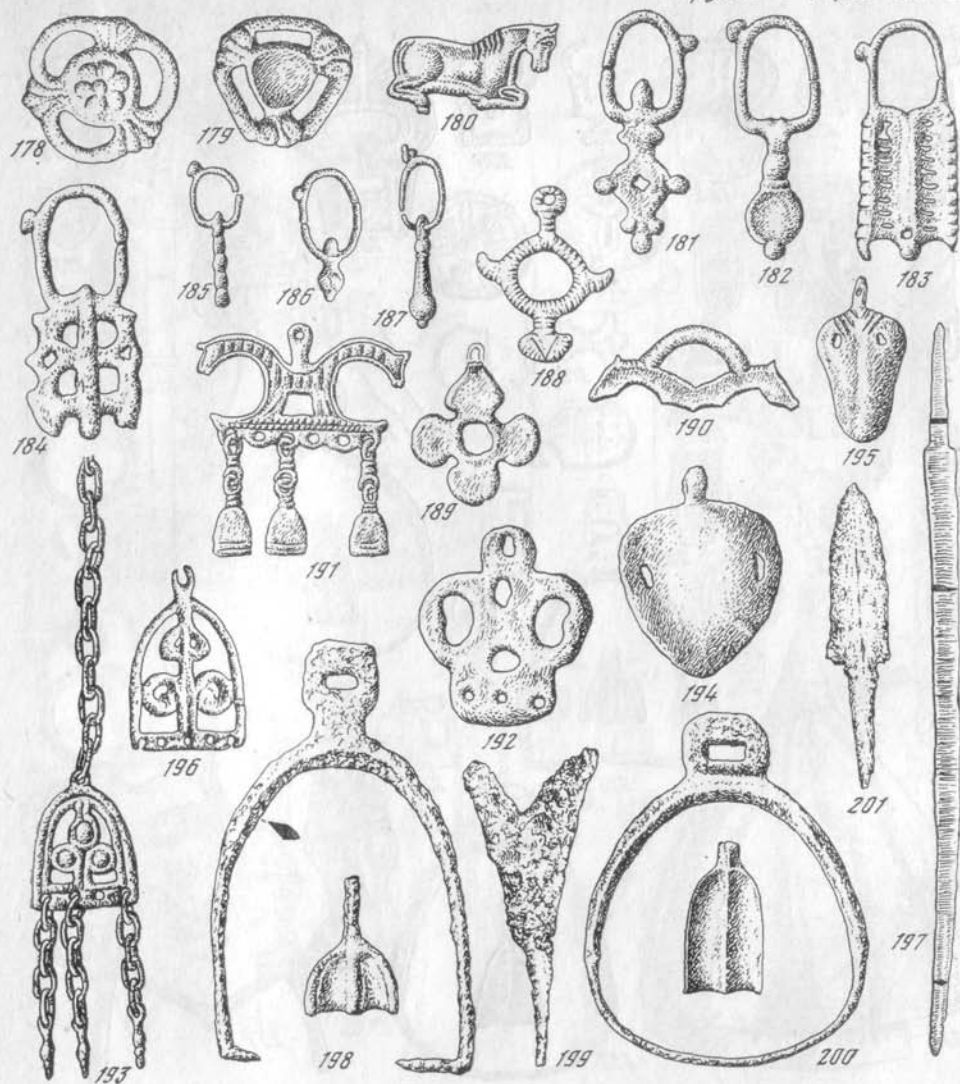

Таблица I (продолжение)

Хусаиново: 129, 133, 139—143, 145—150, 154, 156, 160, 162—166, 175—177, 180, 182, 183, 190, 192—195, 198—201 — курган 12, погребение 1; 151—153, 196, 237 — курган 8, погребение 1; 168 — курган 7, погребение 3; 178 — курган 4, погребение 1. II Бекешово: 132, 159 — курган 1, погребение 2; 134, 135, 173, 174, 181, 184, 186, 189 — курган 1, погребение 9; 137 — курган 1, погребение 8; 157, 158 — курган 1, погребение 3; 161 — курган 2, погребение 6; 169 — курган 2, погребение 1; 188 — курган 1, погребение 5

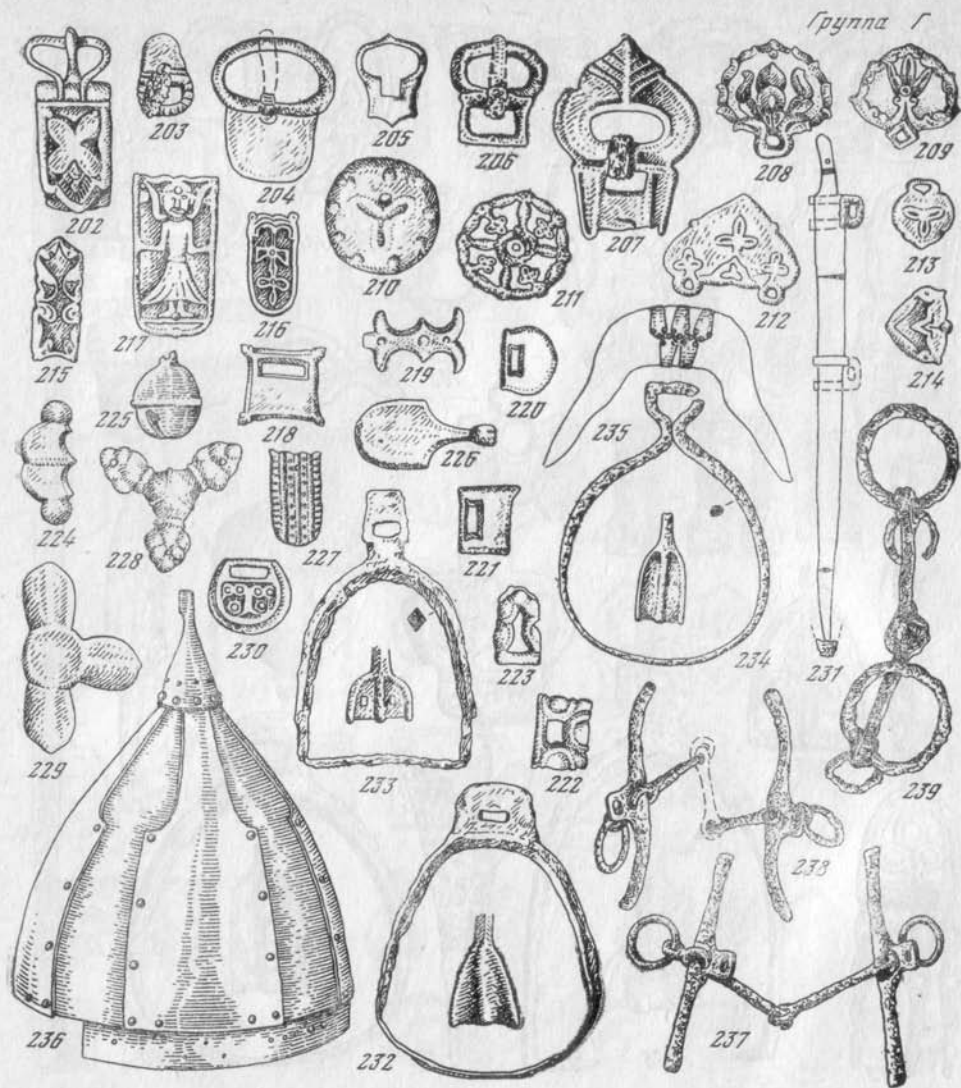

Таблица I (продолжение)

Группа Г. Ишимбаевские курганы (202, 204, 207—211, 215—217, 225, 231, 232, 235); Лагеревские курганы (203, 226, 227, 230, 233, 236, 239); Хусановские курганы (205, 212, 213, 218). Ишимбай: 202, 214—216, 225 — курган 1, погребение 2; 204, 208—211, 217, 231, 232, 235 — курган 3, погребение 3; 207 — курган 1, погребение 1. Хусаново: 205, 218—224 — курган 3, погребение 3; 212, 213, 229 — курган 1, погребение 2; 237 — курган 6, погребение 1. Лагерево: 203, 233, 239 — курган 7; 226, 227, 230, 236 — курган 31

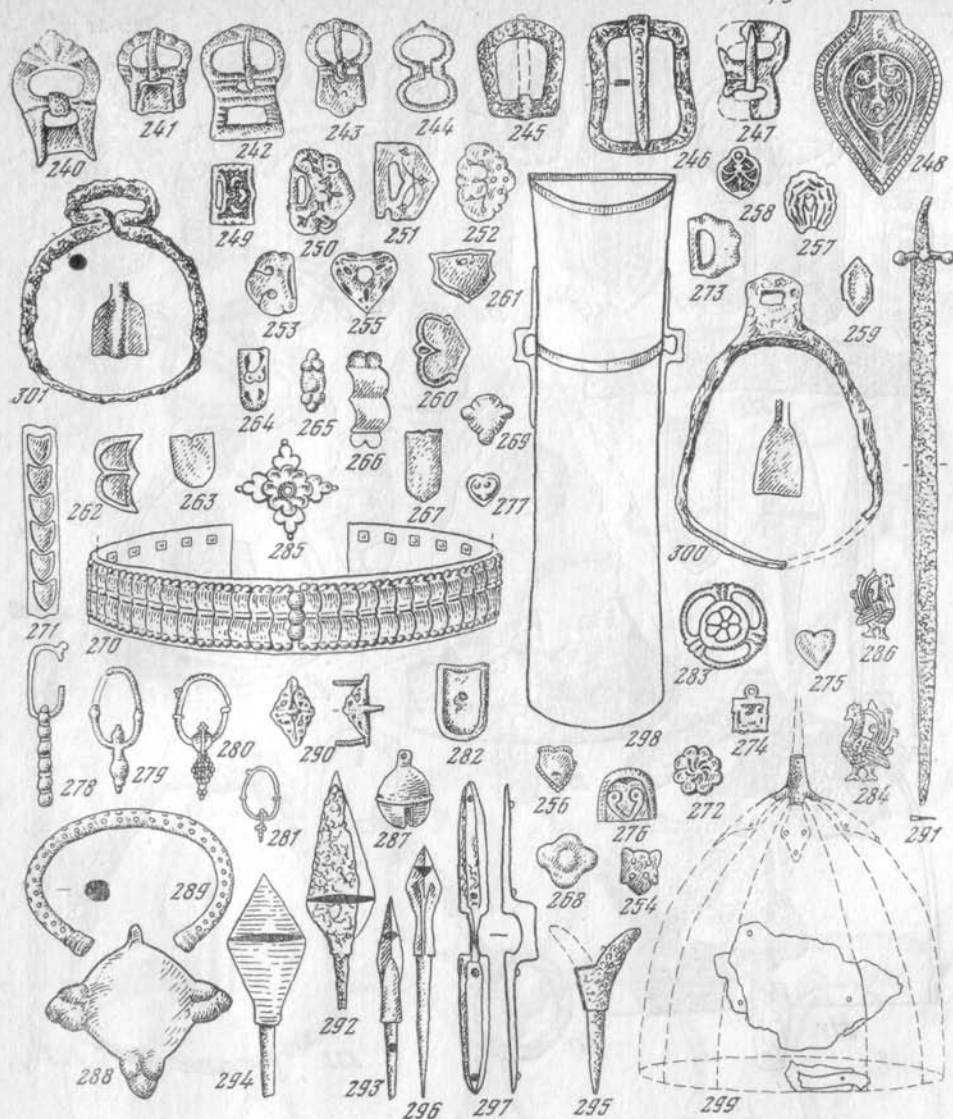

Таблица I (продолжение)

Группа Д. Каранаево: 240, 245, 246, 297, 298 — курган 7, погребение 4; 241 — курган 3, погребение 11, 242 — курган 6, погребение 1; 243, 261, 266, 287 — курган 3, погребение 2; 248, 258, 259 — курган 3 (насыпь); 250—252, 256—258, 271, 278 — курган 3, погребение 29; 255 — курган 4, погребение 5; 260, 262—265, 267, 268, 280, 289, 295 — курган 3, погребение 16; 300 — курган 7, погребение 5. Житимак: 244, 247, 254, 299 — курган 1; 253 — курган 3, погребение 5; 290, 291 — курган 2. Старо-Халилово: 272, 274—277, 281, 283—286 — курган 6, погребение 15; 273 — курган 4; 279 — курган 6, погребение 8; 282 — курган 6, погребение 3. Ишимбай: 288 — курган 3, погребение 2. Старо-Мушино: 270 — курган 1, погребение 2; 292—294, 296 — курган 3. Лагерево: 301 — курган 4, погребение 1

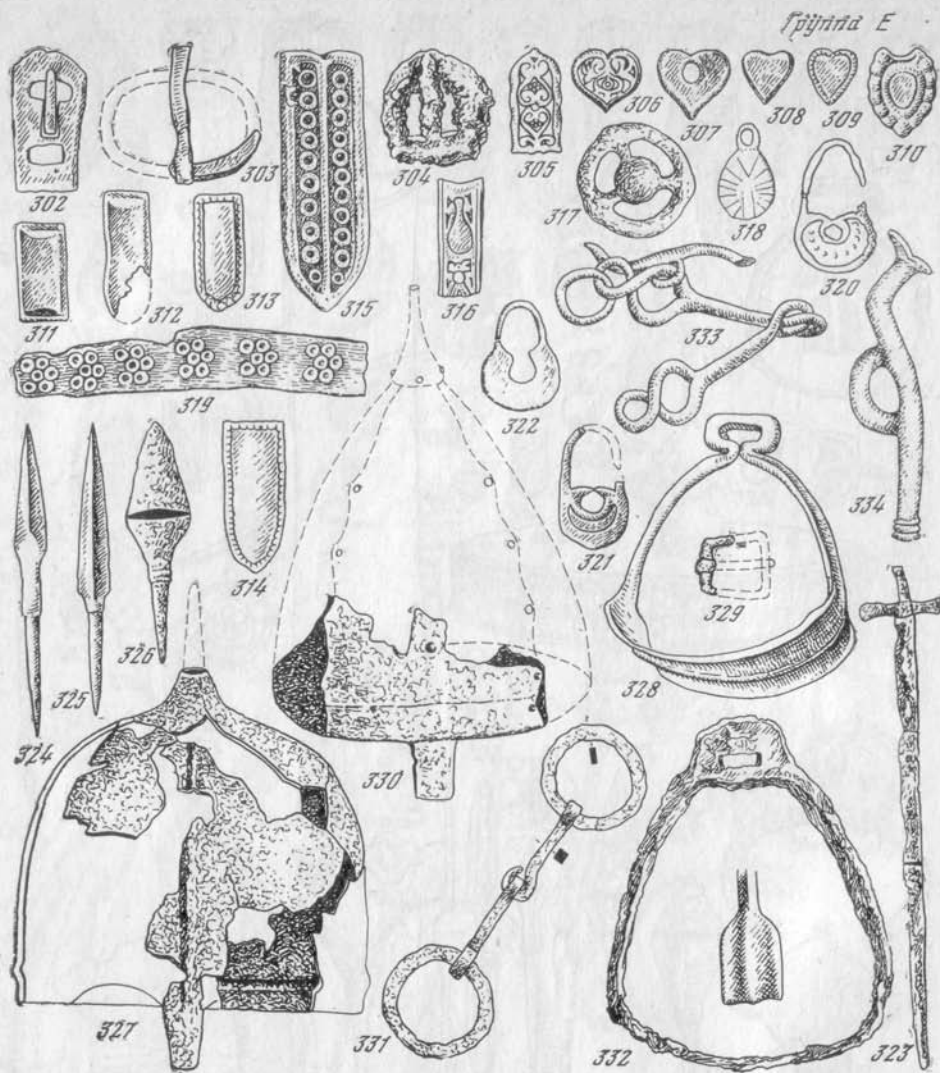

Таблица I (продолжение)

Группа Е. Муракаево: 302 — курган 3, погребение 2; 303, 328, 333 — курган 1; 304 — курган 11; 305, 325 — курган 6, погребение 2; 306—308, 311, 315, 316, 323, 324 — курган 9; 313, 314, 319 — курган 3, погребение 3; 317, 324 — курган 3, погребение 2; 325, 326 — курган 8. Каранаево: 309, 310, 321 — курган 6, погребение 4; 330 — курган 6 (насыпь). Ишимбай: 318, 320, 332, 334 — курган 3, погребение 1. Лагерево: 332 — курган 16

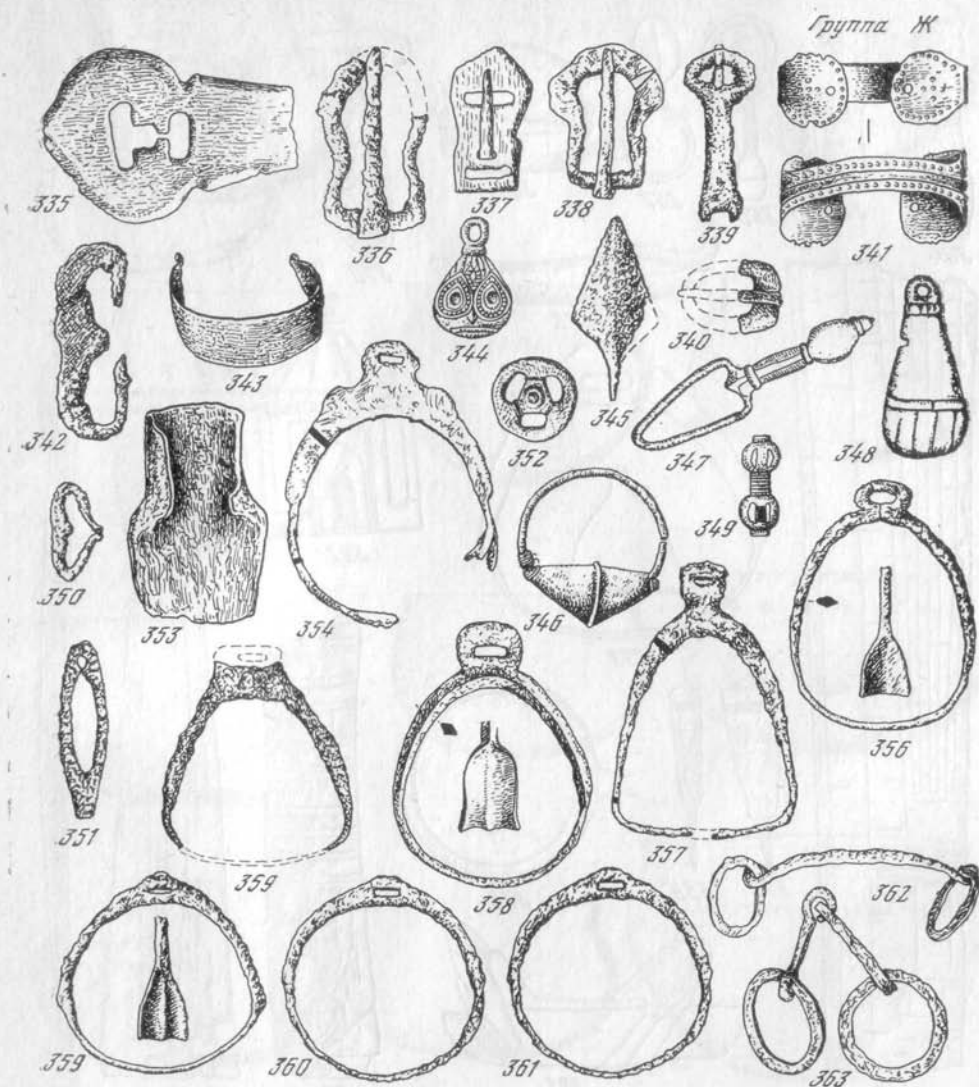

Таблица I (продолжение)

Группа Ж. Мрясиново: 335, 357 — курган 17, погребение 3; 336, 340, 350, 359 — курган 1; 337, 342, 345, 356 — курган 5; 338 — курган 22; 339 — курган 15; 341, 344, 354 — курган 10, погребение 4; 355, 360 — курган 14; 361 — курган 21. Кушулево: 343 — погребение 10; 347, 348 — погребение 1 (раскопки 1957); 349, 351, 353 — погребение 1; 346, 352 — погребение 21. Лагерево: 358, 363 — курган 49; 362 — курган 21

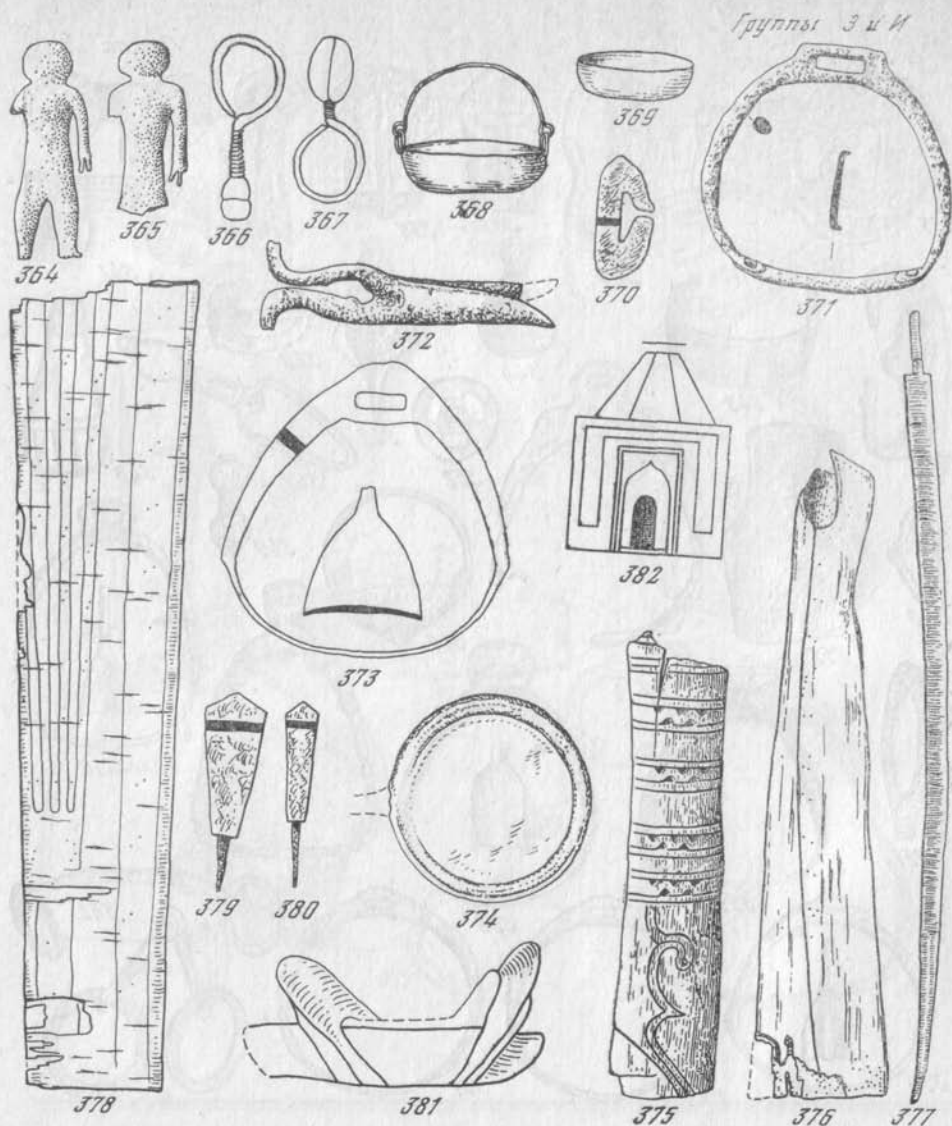

Таблица 1 (окончание)

Группа 3 и И. 382 — реконструкция мавзолея Бэндэбинэ. Сыныштамакские курганы: 364, 365. II Жанаталапский курган: 366. Каменноозерный курган: 367—369, 372, 381. Погребение Шах-тау: 371, 375. Алабайтальский курган: 370, 379, 380. Башкир-беркутовские курганы: 373, 374, 376. IV Ивановский курган: 377, 378

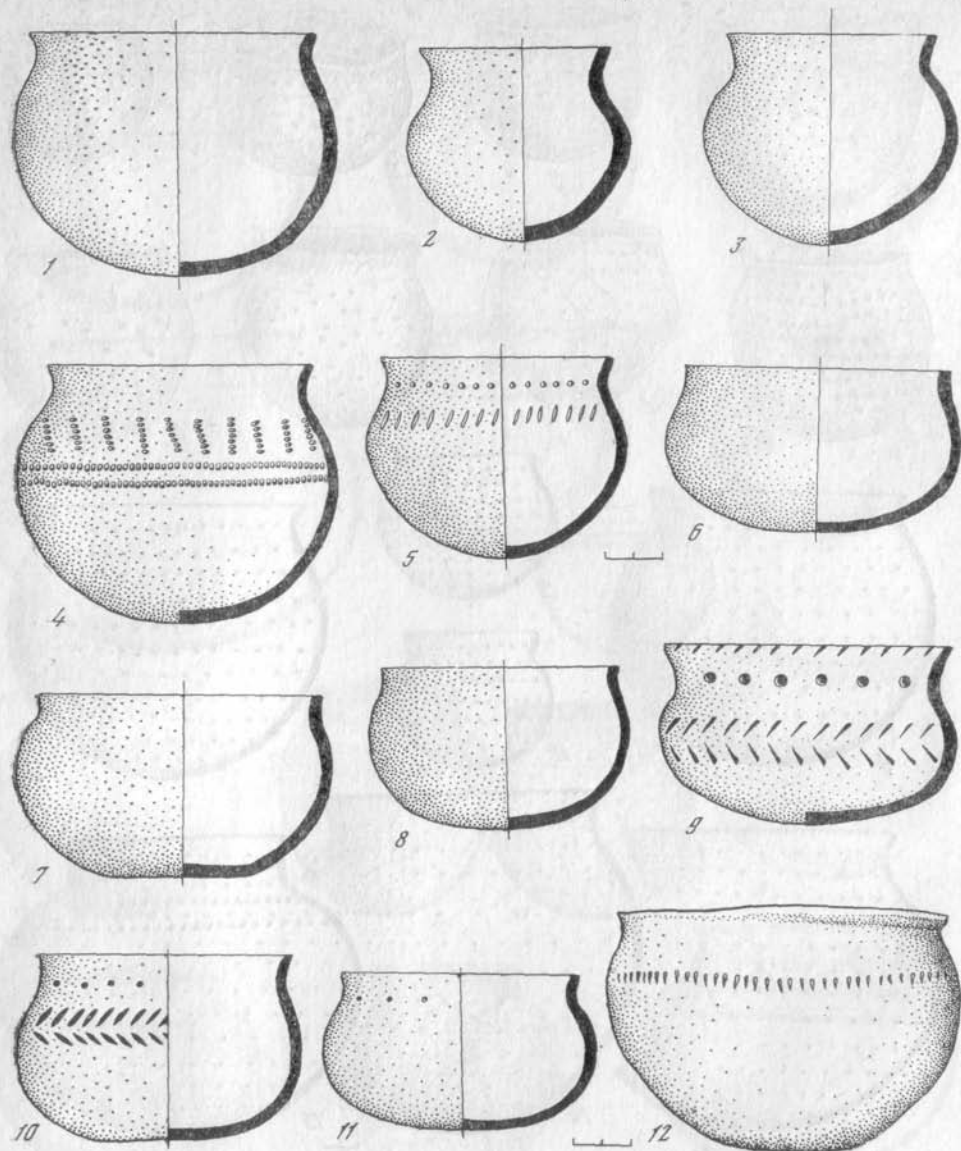

Таблица II.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Базмутинская группа (тип I)

Бирский могильник: 1 — погребение 52; 2 — погребение 2; 3 — погребение 19; 4 — погребение 4; 5 — погребение 53; 6 — погребение 64; 7 — погребение 35; 8 — погребение 31; 9 — погребение 18; Юмакаевское городище: 10, 11. Салиховский курган 13: 12. Дата — периоды А и, возможно, Б

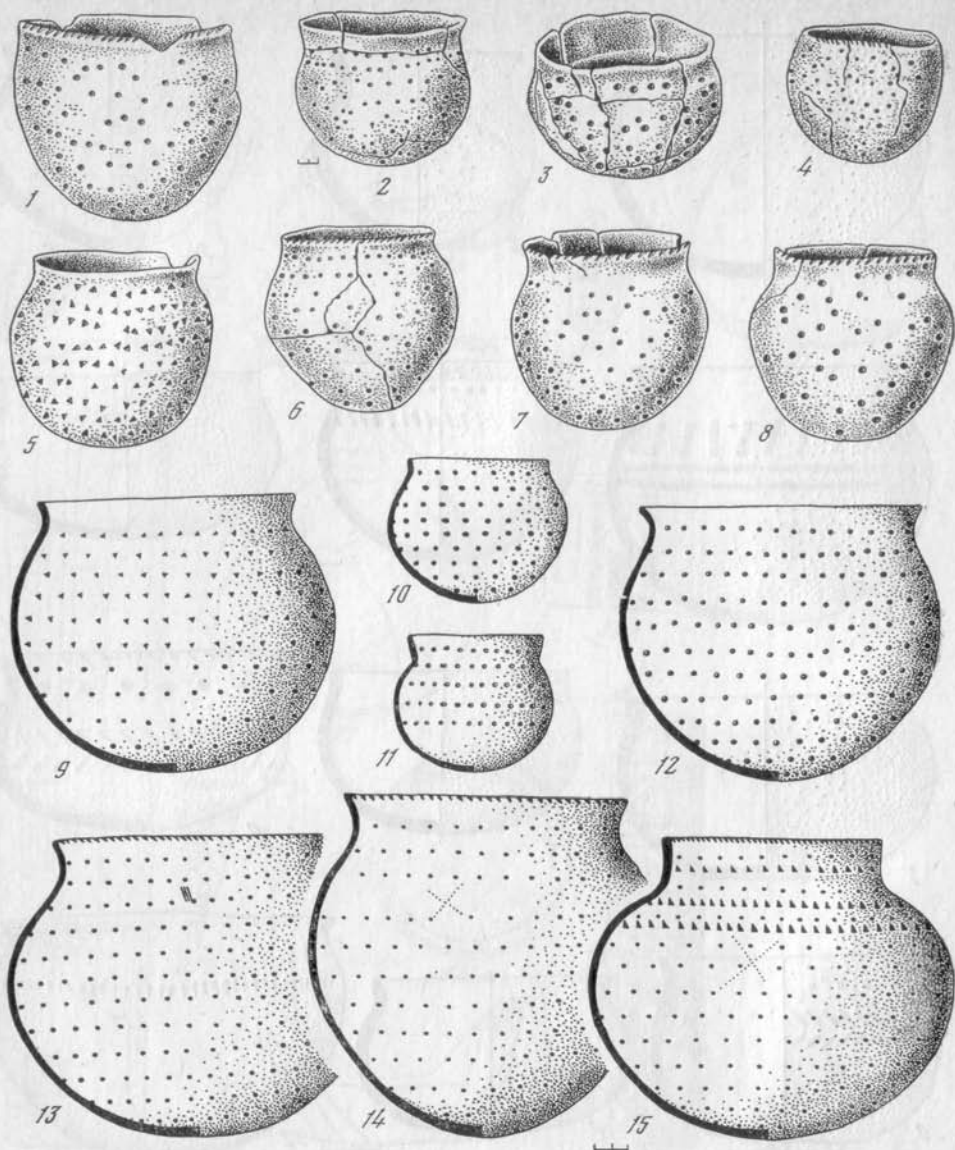

Таблица III.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Бахмутинская группа (тип 2)

Бирский могильник: 1 — погребение 118; 2 — погребение 95; 3 — погребение 62; 4 — погребение 150; 5 — погребение 186; 6 — погребение 190; 7 — погребение 172; 8 — погребение 2 (раскоп IV); 9 — погребение 197; 10—11 — погребение 1 (1958 г.); 12 — погребение 152; 13 — погребение 115; 14 — погребение 170; 15 — погребение 189. Дежневский курган 16, погребение 2:10. Дата — период В(8), остальное без узкой даты (периоды А и В —?)

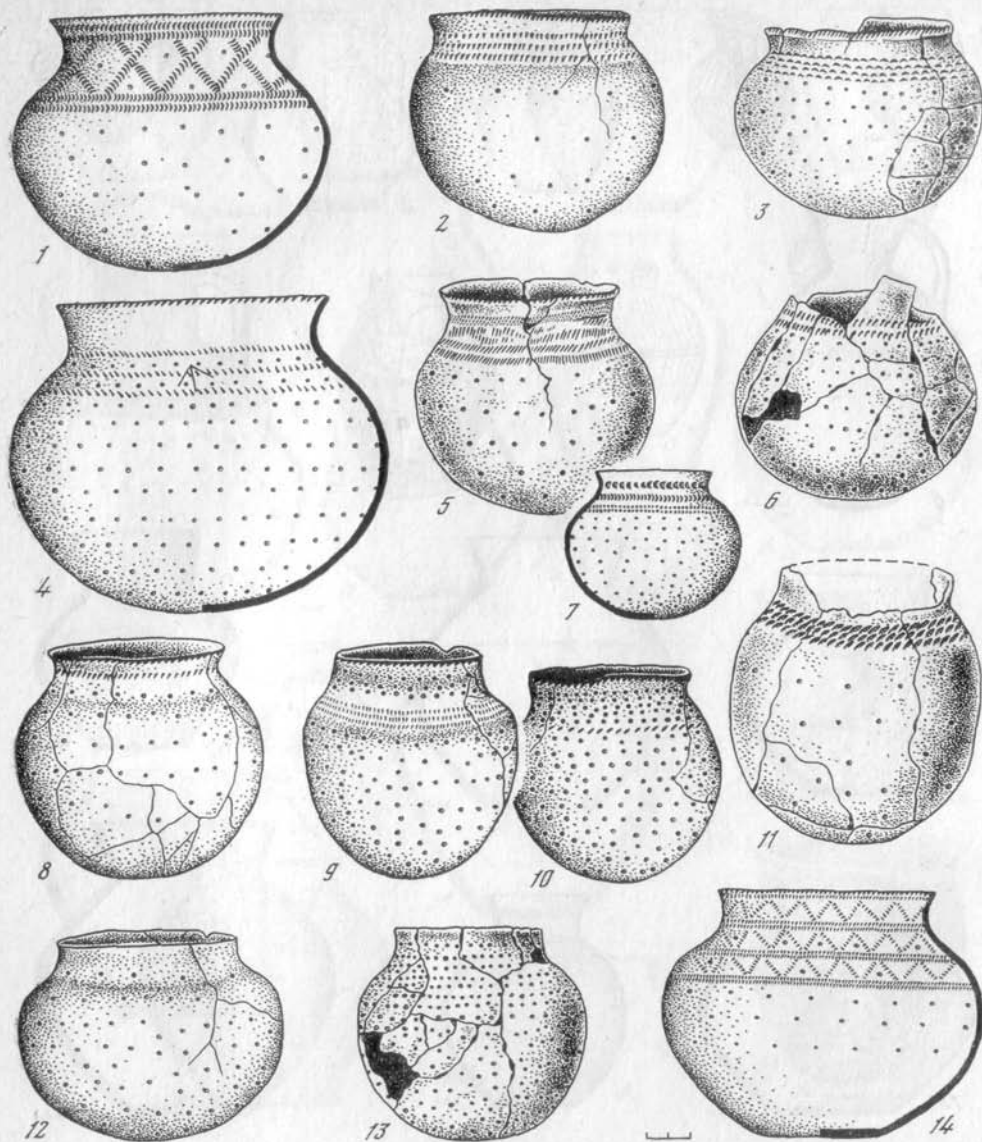

Таблица IV.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Бахмутинская группа (тип 3)

Бирский могильник: 1 — погребение 79; 2 — погребение 179; 3 — погребение 145; 4 — погребение 106; 5 — погребение 188; 6 — погребение 141; 7 — погребение 94; 8 — погребение 166; 9 — погребение 193; 10 — погребение 182; 11 — погребение 119; 12 — погребение 103; 13 — погребение 183; 14 — погребение 89. Дата — все без узкой даты (периоды А и Б)

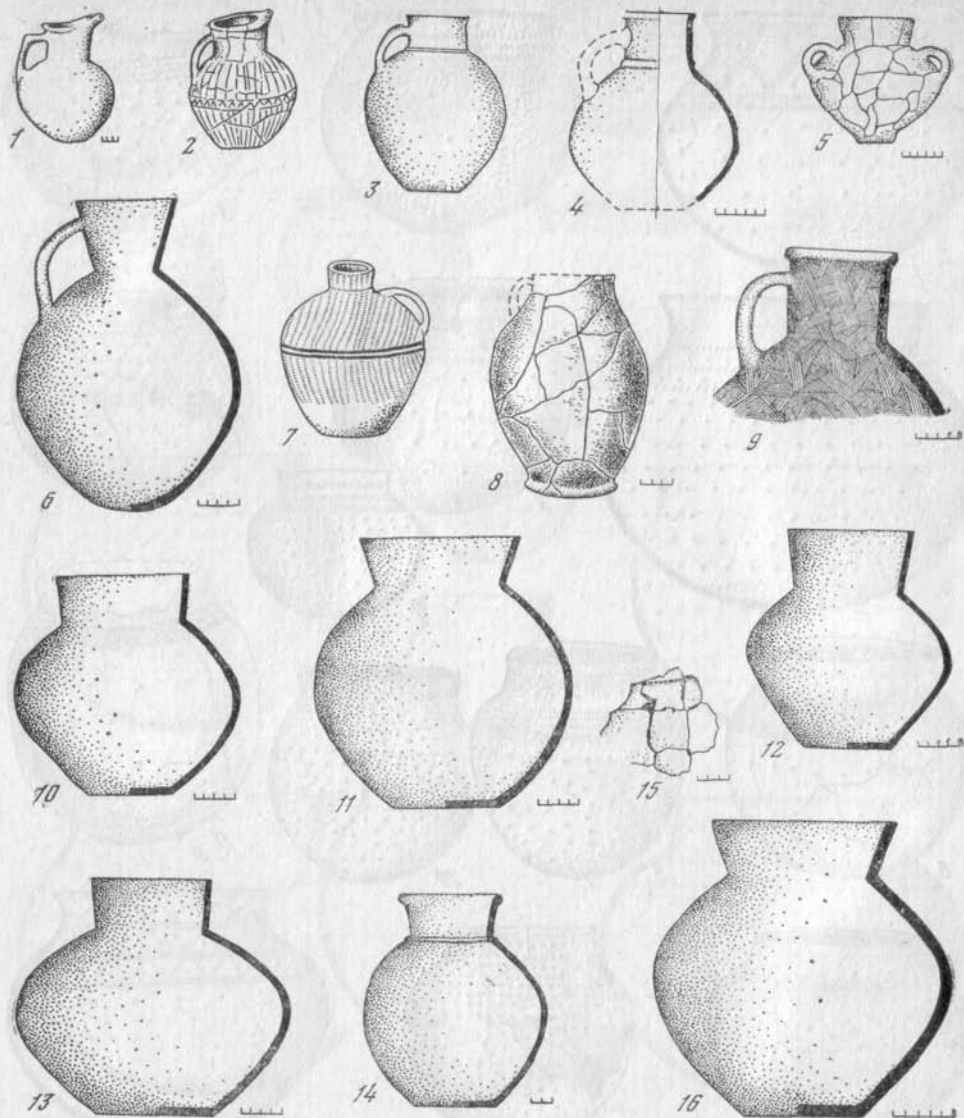

Таблица V.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Турбаслинская группа (типы 4—8)

Дежневские курганы: 1 — курган 8 (1969 г.); 2 — курган 29 (1966 г.); 3 — курган 33 (1968 г.); 4 — курган 35 (1968 г.); 10 — курган 18, погребение 2 (1961 г.); 11 — курган 18; погребение 1 (1961 г.); 12 — курган 16, погребение 2 (1961 г.); 13 — курган 32 (1968 г.); 14 — курган 9 (1969 г.); 16 — курган 1 (1974 г.). Кушнарешковский могильник (1959 г.); 5 — погребение 21; 8 — погребение 6 (совместно с рис. 3, табл. VII). Уфимские погребения: 6, 7. Сакмарское городище: 9. Ново-Турбаслинский курган 14, погребение 1—15. Дата — период А, возможно, начало Б (1—8, 10—16); период В или Г (9). (Дежневские курганы 1968, 1969 гг. — раскопки М. Х. Садыковой)

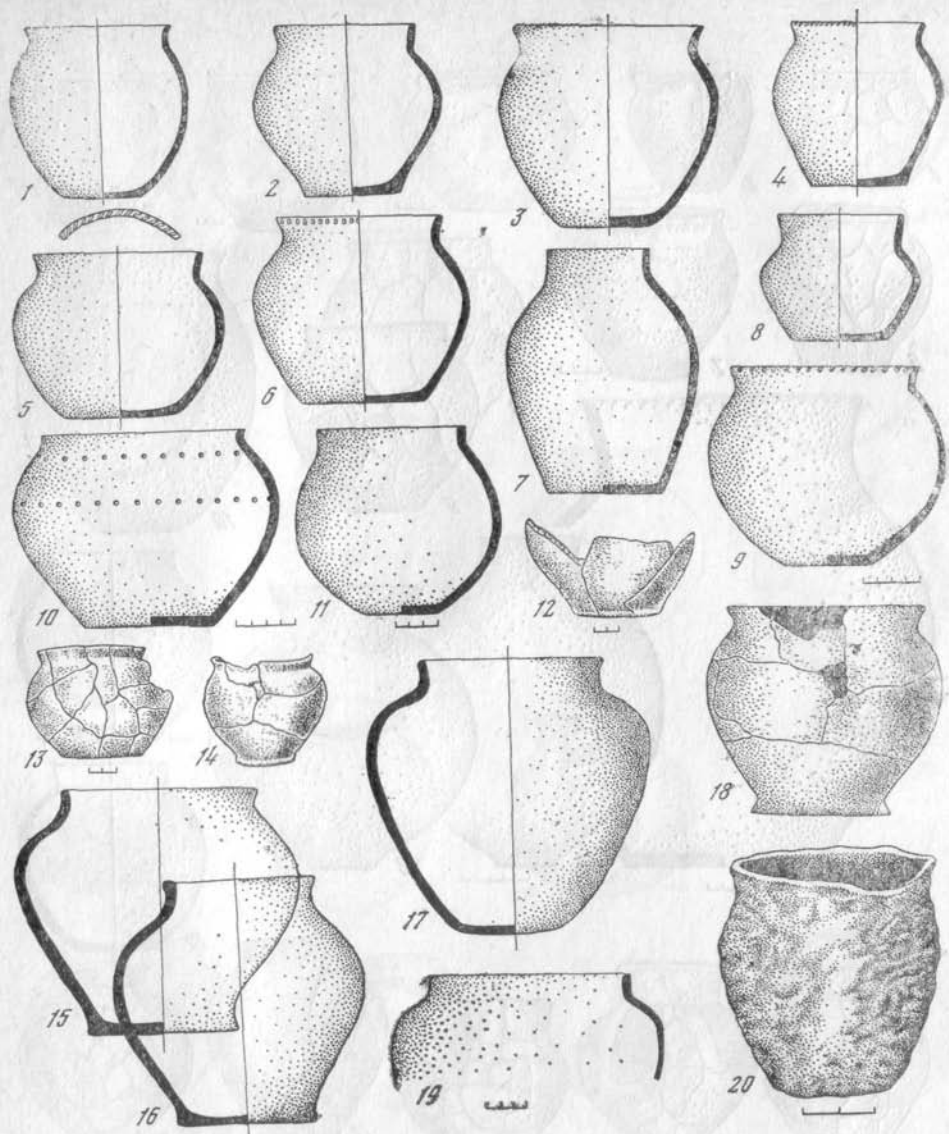

Таблица VI.

Керамика из раннесредневековых могильников Южного Урала. Турбаслинская группа (тип 9)

Дежневские курганы: 1 — курган 26 (1969 г.); 2 — курган 15 (1969 г.); 3 — курган 16, погребение 3 (1961 г.); 4 — курган 17 (1969 г.); 5 — курган 31 (1968 г.); 6 — курган 32 (насыпь, 1968 г.); 7 — курган 4 (группа Б, 1969 г.); 8 — курган 18, погребение 1 (1961 г.); 9 — курган 31 (1968 г.); 11 — курган 8 (1968 г.); 12 — курган 13 (1966 г.); 13 — курган 11 (1966 г.). Погребение на ул. Слободская (г. Уфа) — 10. Уфимские погребения — 14, 18. Кушнаренковский могильник; 15 — погребение 6 (раскопки А. И. Шокурова 1957 г.); 16 — погребение 7 (1967 г.); 17 — погребение 8 (1957 г. совместно с рис. 15, табл. XVII). Шареевский могильник: 19. Ново-Турбаслинские курганы: 20 — курган 23, погребение 2. Дата; период А, возможно, начало Б (1—18), период Б (19), период В (20). (Дежневские курганы 1968, 1969 г. — раскопки М. Х. Садыковой)

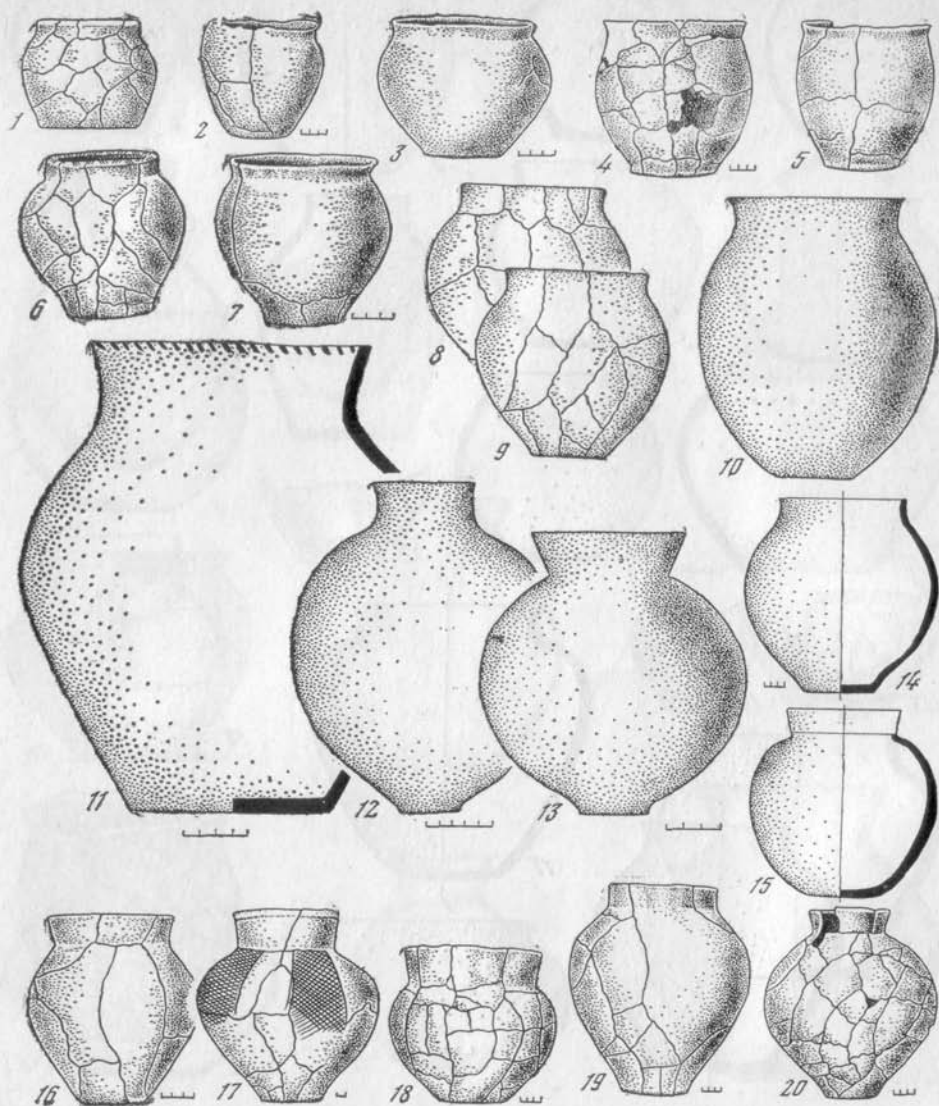

Таблица VII.

Керамика из раннесредневековых могильников Южного Урала. Турбаслинская группа (типы 9, 10)

Кушнаренковский могильник (1959 г.): 1 — погребение 9; 2 — погребение 17 (совместно с рис. 15, табл. VIII); 3 — погребение 6 (совместно с рис. 8, табл. V); 4 — погребение 11; 5, 16 — погребение 10; 6 — погребение 7; 7, 19 — погребение 16; 8 — погребение 25; 9 — погребение 23; 17 — погребение 28; 18 — погребение 2; 20 — погребение 27. Ново-Турбаслинские курганы: 12 — курган 26, погребение 2; 13 — курган 26, погребение 1; 14 — курган 10, погребение 2; 15 — курган 5, погребение 1 (совместно с рис. 12, табл. X). Дежневские курганы: 10 — курган 10 (1969 г.); 11 — курган 9 (1969 г.). Дата: период А, возможно, начало Б

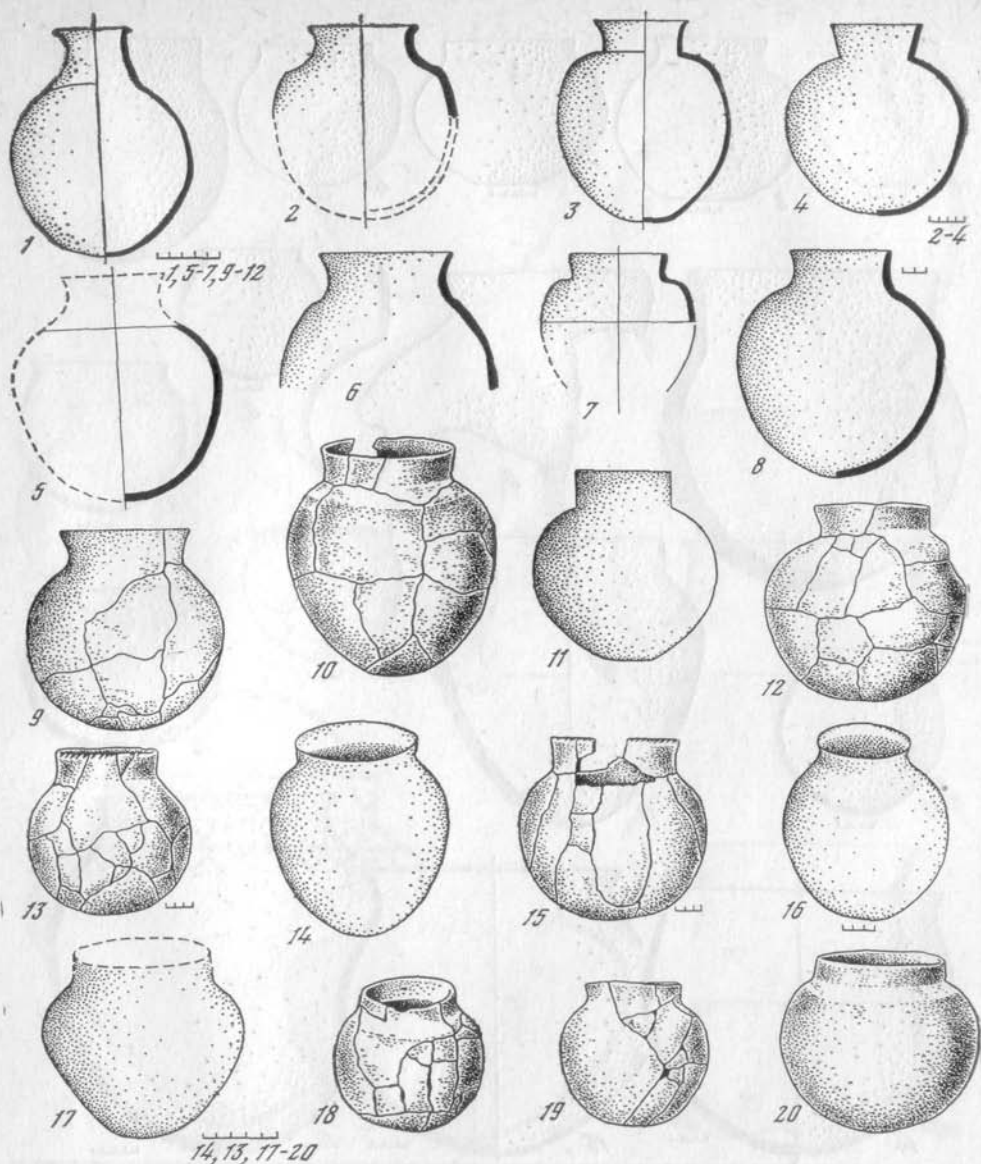

Таблица VIII.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Турбаслинская группа (тип 11)

Ново-Турбаслинские курганы: 1 — курган 15; 2 — курган 6, погребение 1; 3 — курган 7, погребение 1; 5 — курган 8, погребение 2; 6 — курган 20, погребение 7; 7 — курган 8, погребение 1; 8 — курган 5, погребение 2 (совместно с рис. 1, табл. XI); 11 — курган 3, погребение 2; 14 — курган 3, погребение 1; 16 — курган 20, погребение 2; 18 — курган 22, погребение 1; 19 — курган 7, погребение 2 (совместно с рис. 2, табл. XI). Дежневские курганы: 4 — курган 8, погребение 1 (1968 г.); 9 — курган 16, погребение 4 (1961 г., совместно с рис. 13, табл. IX). Кушнаренковский могильник (1959 г.): 13 — погребение 4; 15 — погребение 17 (совместно с рис. 2, табл. VII). Бирский могильник: 17 — погребение 90. Уфимские погребения: 10, 12, 20. Дата: период А, возможно, начало Б

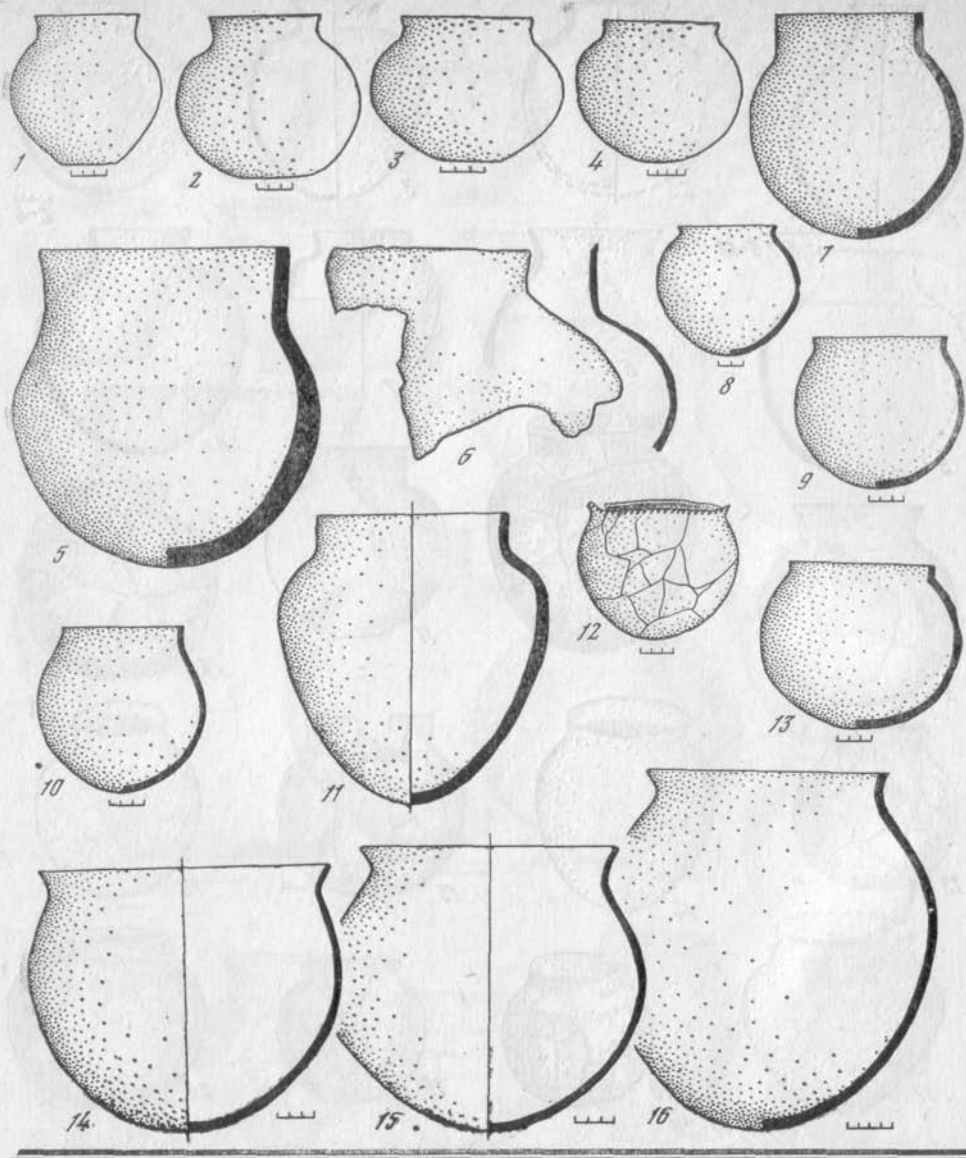

Таблица IX.

Керамика из раннесредневековых могильников Южного Урала. Турбаслинская группа (типы 11, 13)

Ново-Турбаслинские курганы: 1 — курган 1; 16 — курган 2. Бирский могильник: 2 — погребение 180; 3, 14 — почвенный слой; 4 — погребение 173; 15 — погребение 188. Шареевский могильник: 5—7, 11. Дежневские курганы: 8 — курган 5 (1961 г.); 9 — курган 35 (1969 г.); 10 — курган 16, погребение 1 (1969 г.); 13 — курган 16, погребение 4 (совместно с рис. 9, табл. VIII). Кушнарниковский могильник: 12 — погребение 1 (1959 г.). Дата: период А (1—4, 8—10, 12—16), период Б (5—7, 11)

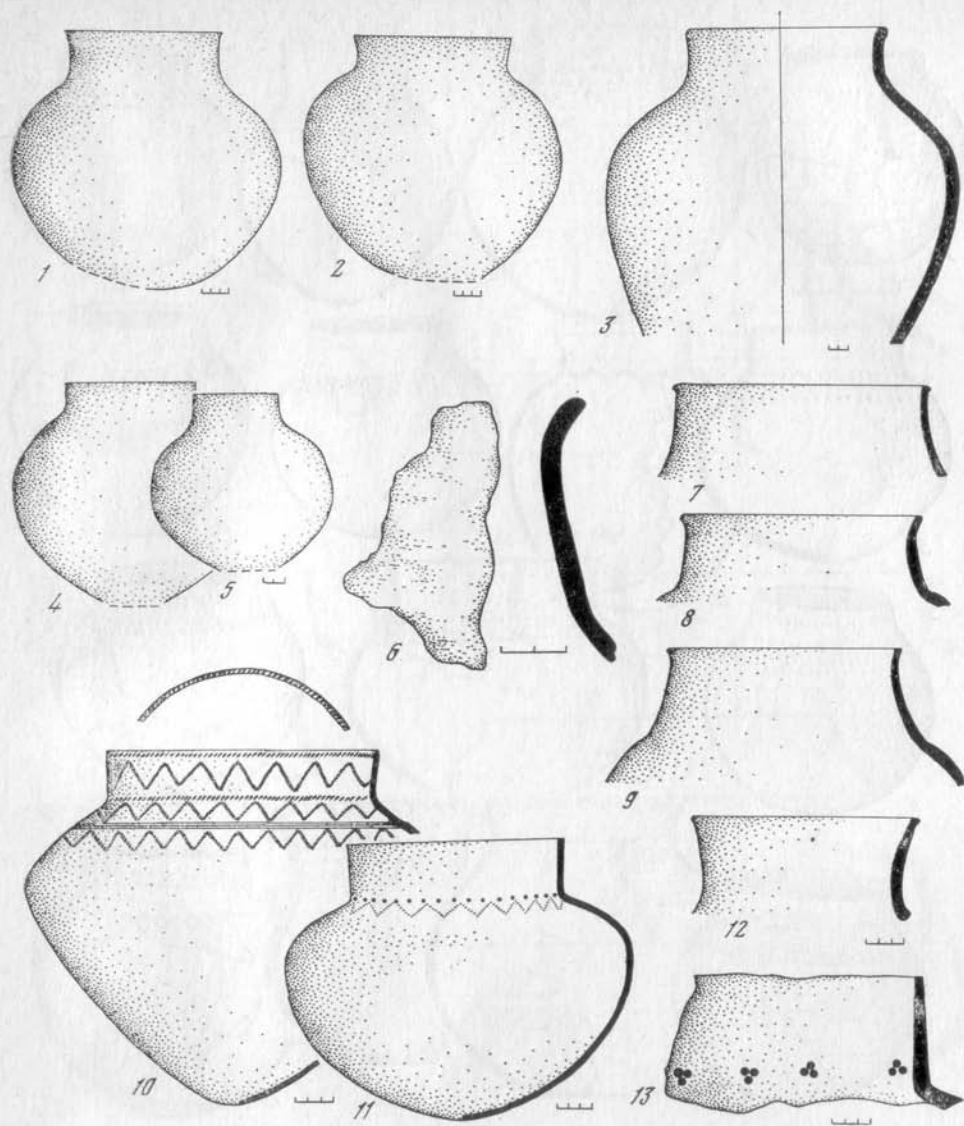

Таблица X.

Керамика из раннесредневековых могильников Южного Урала. Турбаслинская группа (типы 11, 14, 15)

Дежневские курганы: 1 — курган 1, погребение 1 (группа Б, 1969 г.); 2 — курган 1, погребение 3 (группа Б, 1969 г.). Погребение из-под здания Мединститута (г. Уфа) — 3. Ново-Турбаслинские курганы: 4 — курган 9, погребение 1; 7 — курган 14, погребение 7; 8 — курган 6, погребение 2; 9 — курган 9, погребение 2; 12 — курган 5, погребение 1 (совместно с рис. 15, табл. VII). Галановский могильник: 5 — погребение 3. Бирский могильник: 10 — погребение 1 (раскоп IV, 1962 г.). Шареевский могильник: 6. Кувыковский могильник: 11. Стерлитамакский могильник: 13. Дата: период А, возможно, начало Б (1–5, 7–12), период Б (6), период В (13)

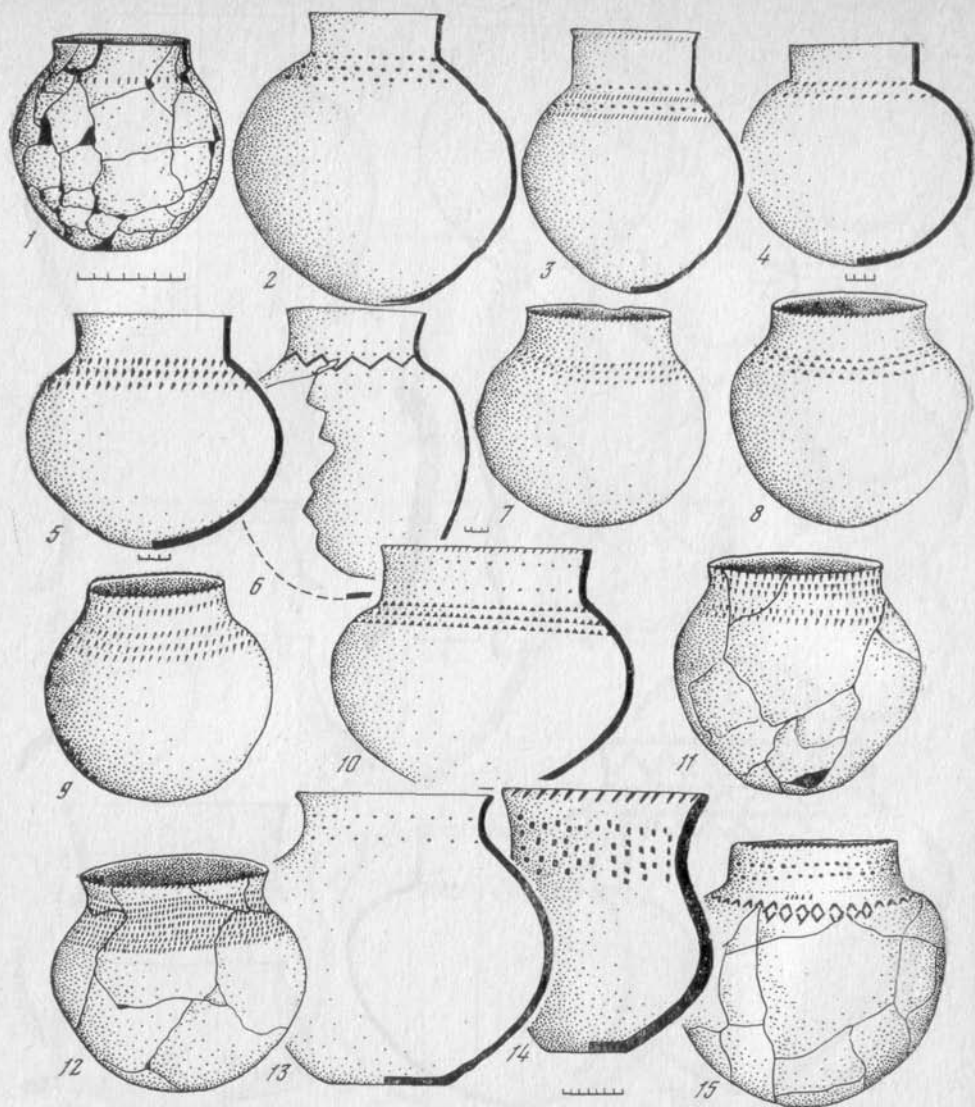
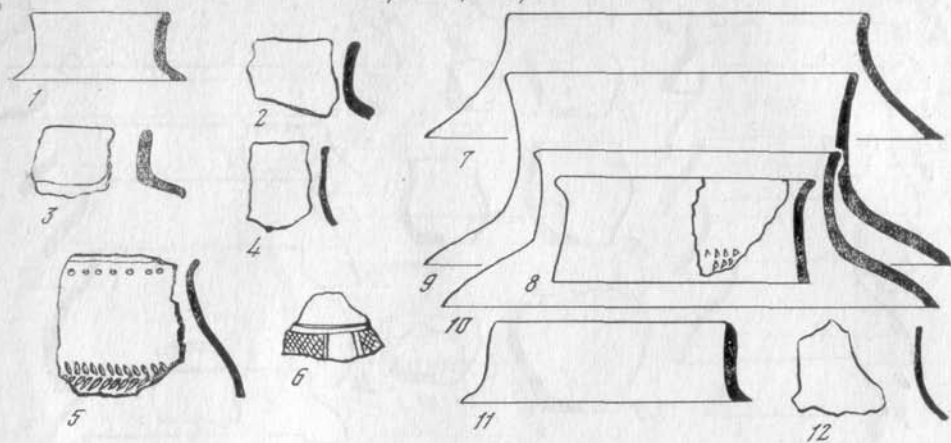

Таблица XI.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Турбаслинская группа (тип 12)

Ново-Турбаслинские курганы: 1 — курган 5, погребение 2 (совместно с рис. 8, табл. VIII); 2 — курган 7, погребение 2 (совместно с рис. 19, табл. VIII); 3 — курган 29; погребение 1; 14 — курган 14, погребение 2. Бирский могильник: 4 — погребение 92; 5 — погребение 155; 6 — погребение 199; 7 — погребение 164; 8 — погребение 143; 9 — погребение 168; 10 — погребение 148; 11 — погребение 177; 12 — погребение 196; 13 — погребение 112. Кушнаренковский могильник (1959 г.): 15 — погребение 5. Дата — период А, возможно, начало Б

Городище Уфа II

Поселение Романовка II

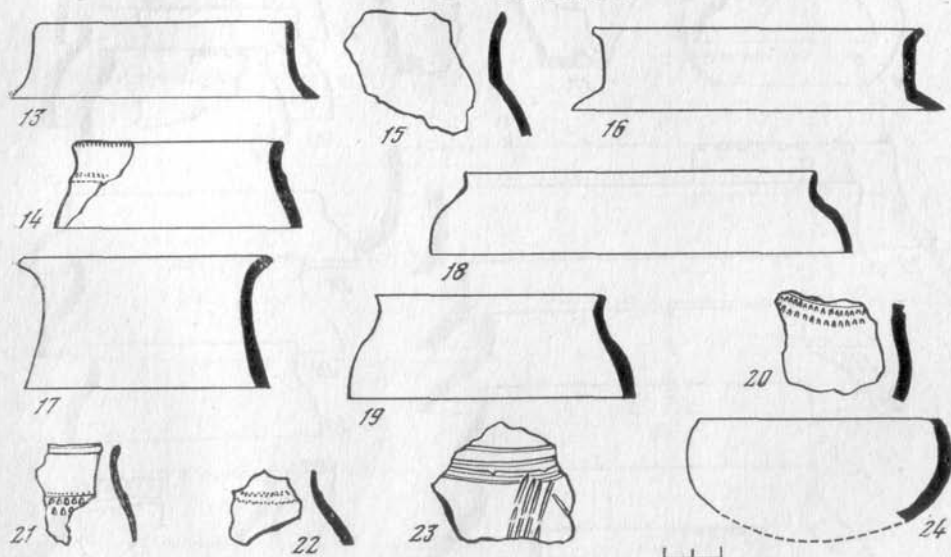

Таблица XII.

Керамика из поселений Южного Урала. Дата — рубеж I и II тысячелетий

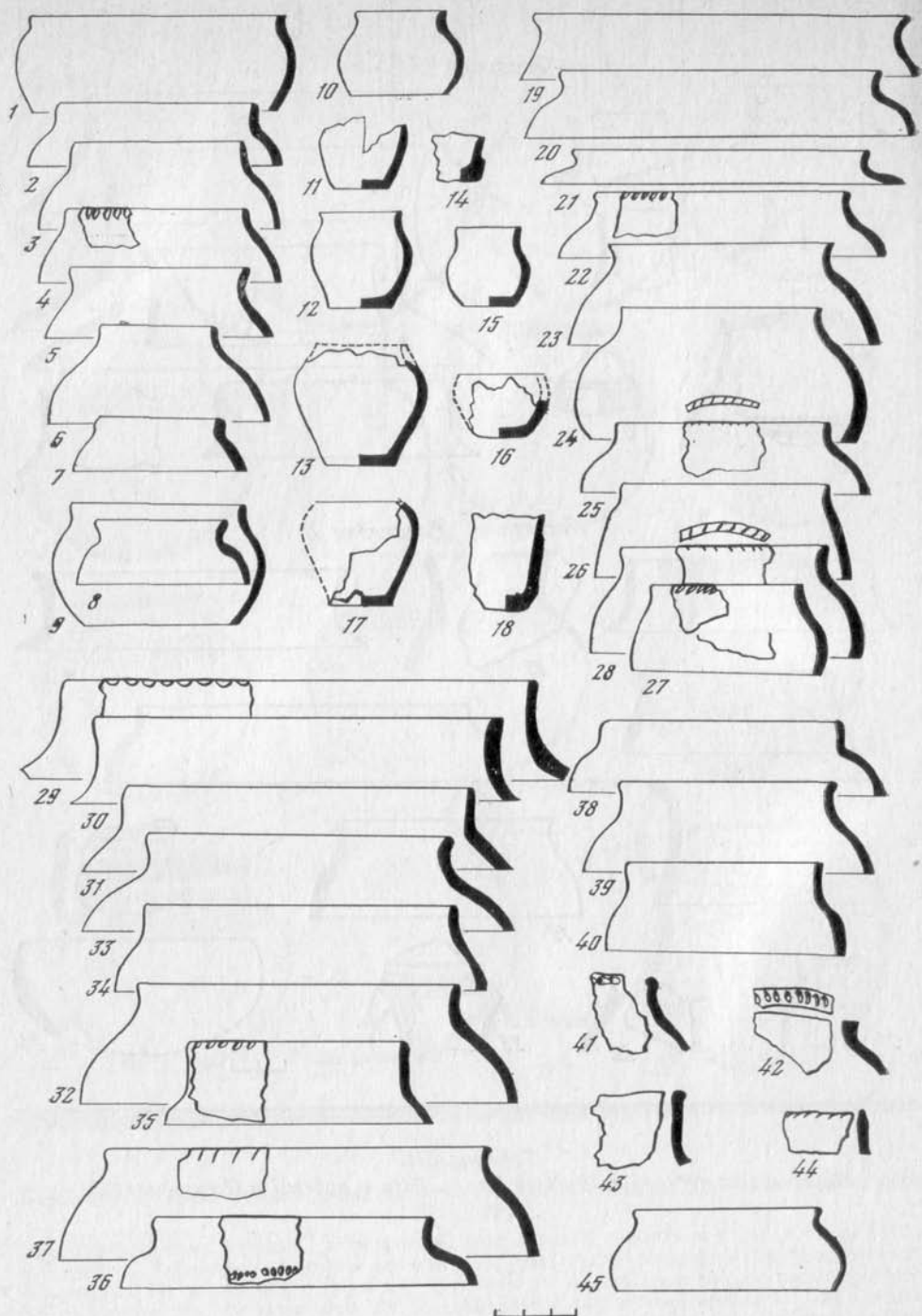

Таблица XIII.

Керамика из поселений Южного Урала. Дата — рубеж I и II тысячелетий.
Городище Уфа II.

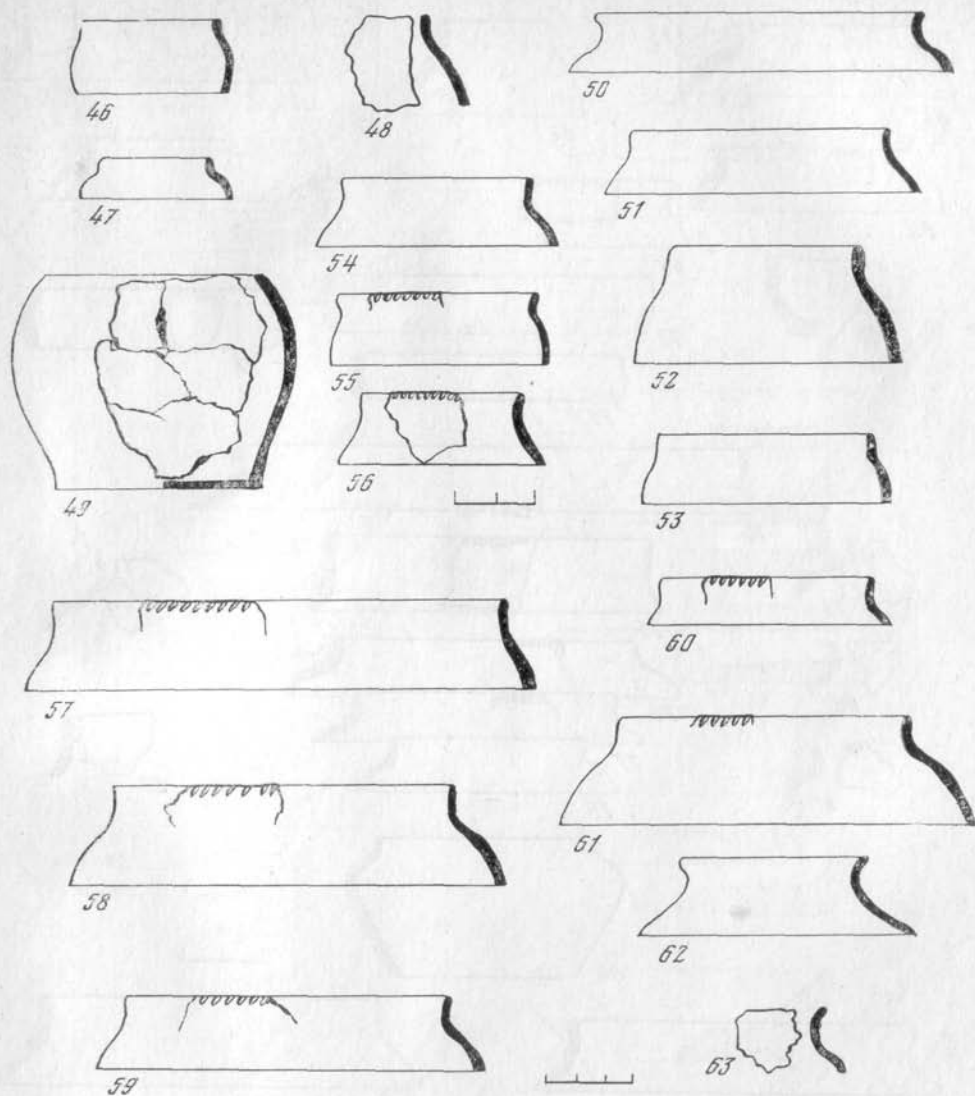

Таблица XIII (продолжение)

Поселение Ново-Турбаслинское II: 46—49 — Городище Уфа II: 50—63

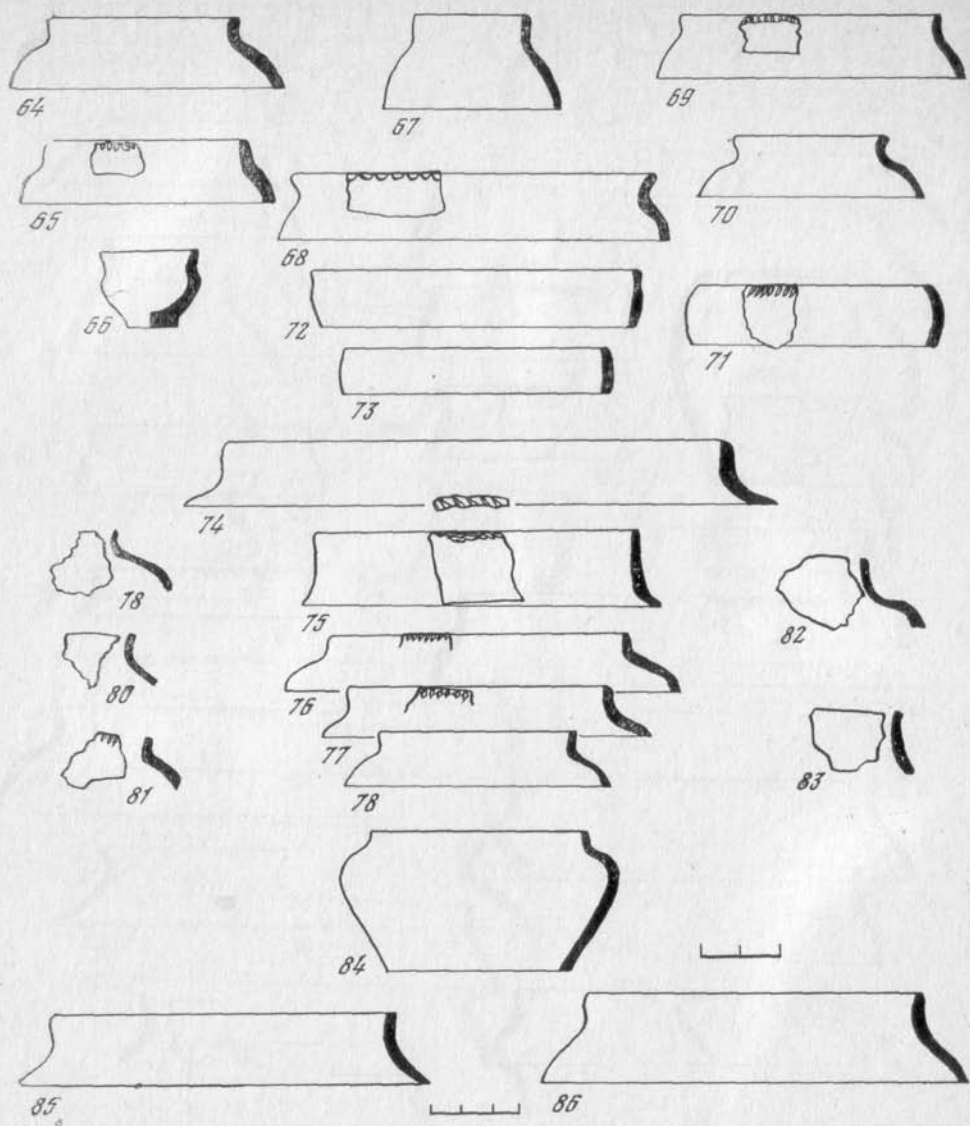

Таблица XIII (окончание)

Поселение Романовка II: 64—83. Поселение Кушнаренковское: 84—86

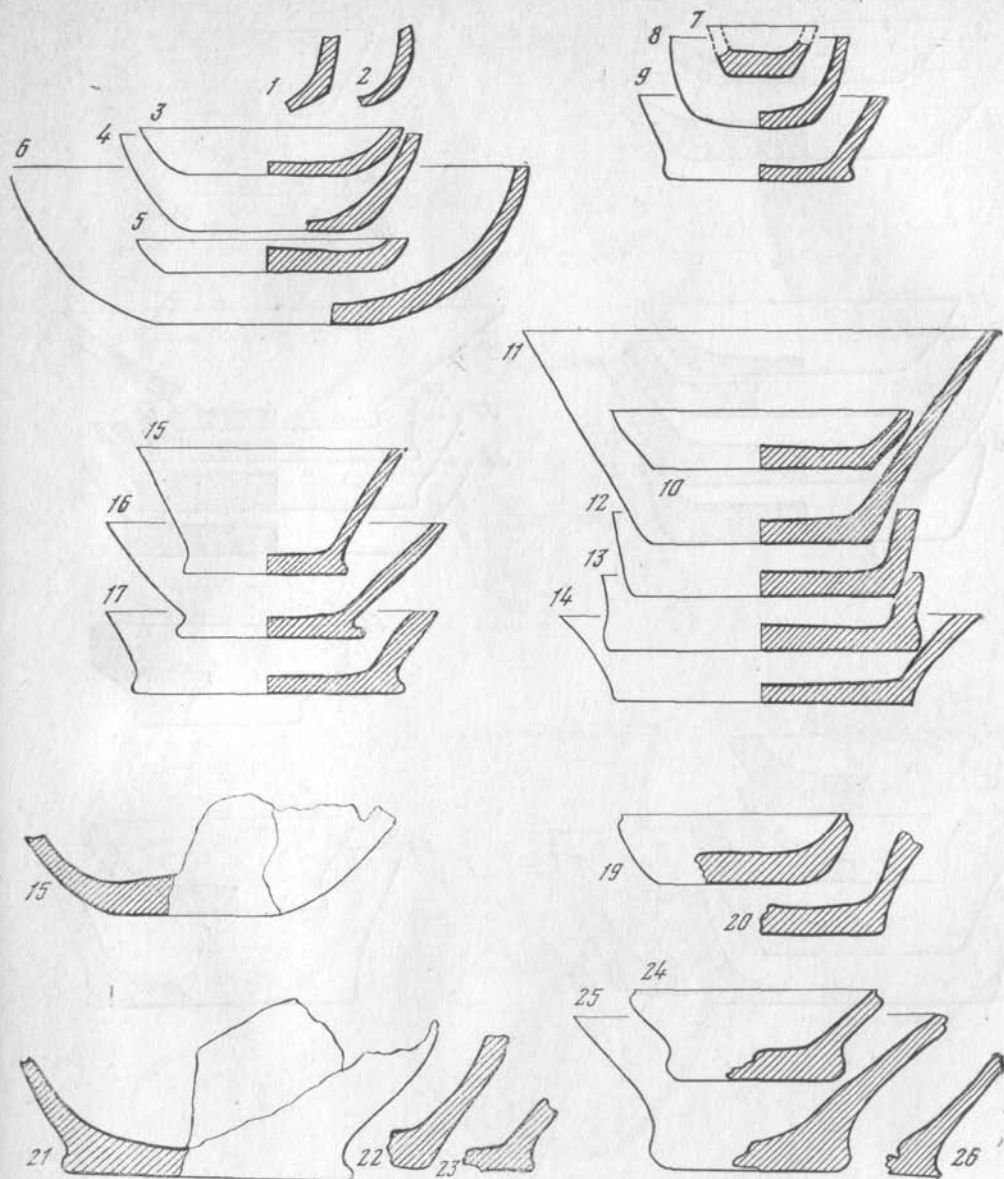

Таблица XIV (начало)

Образцы доньев глиняных сосудов из поселений Южного Урала. Дата — рубеж I и II тысячелетий

Городище Уфа II: 1—17. Поселение Ново-Турбаслинское II: 18—26

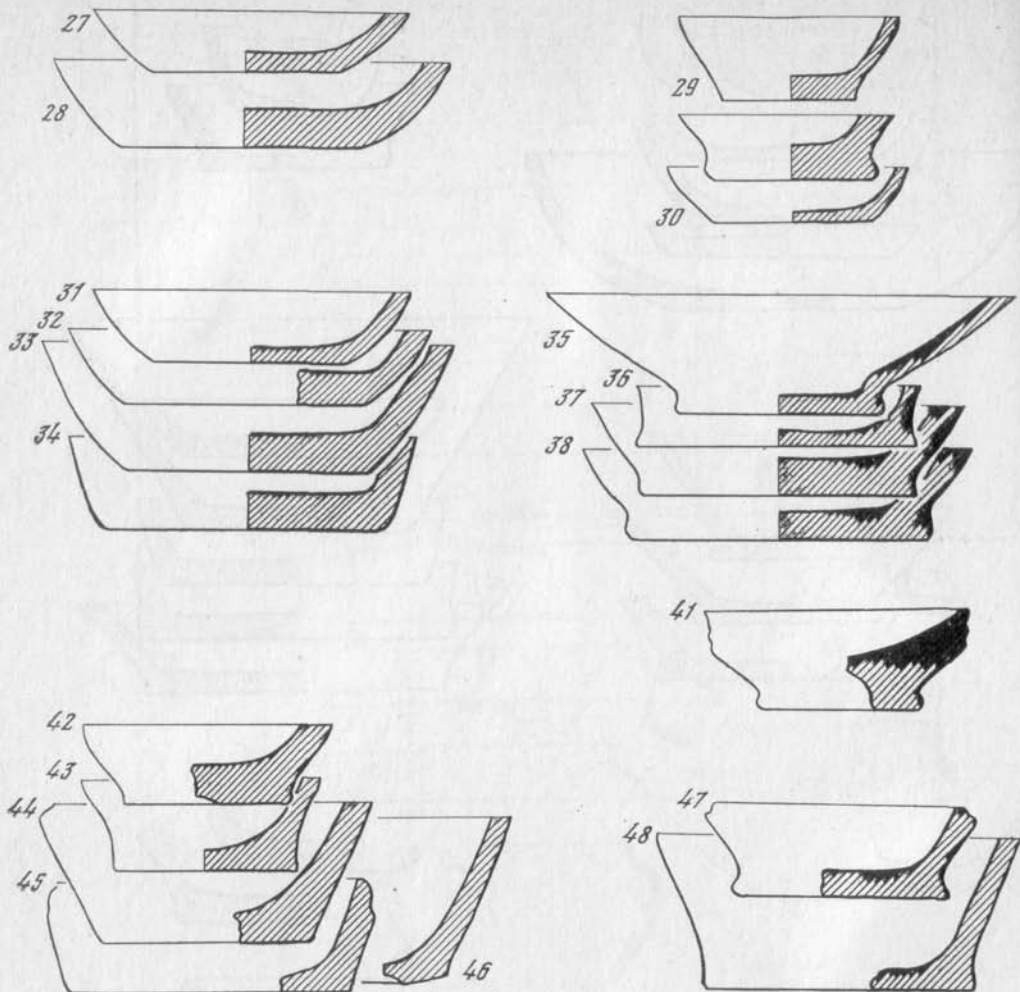

Таблица XIV (окончание)
Поселение Романовка II: 27—38. Поселение Кушнарениковское: 41—48

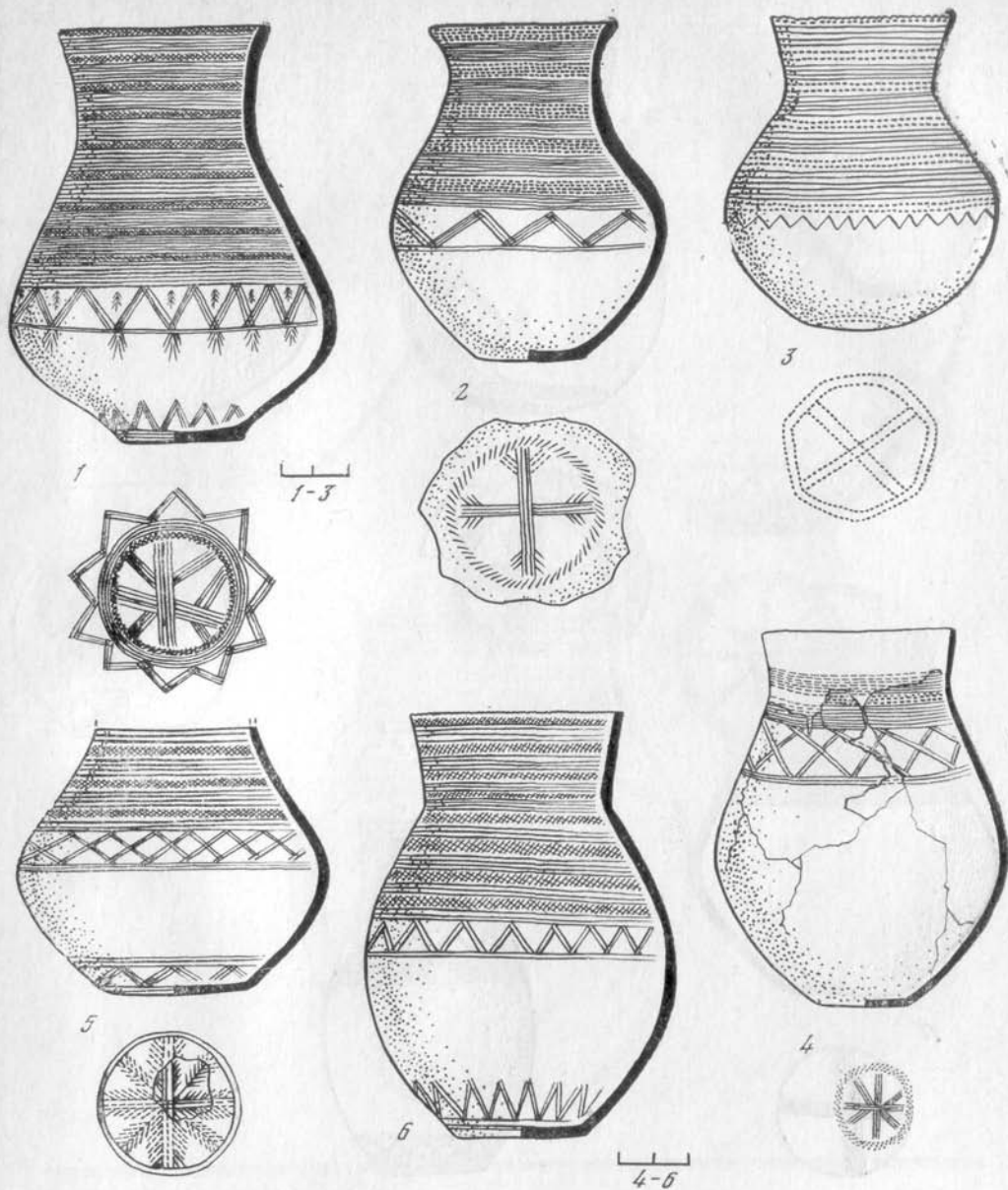

Таблица XV (начало)

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Кушнаренковская группа (тип 18)

Мацянский могильник: 1, 7 — погребение 10 (раскоп II); 2, 4, 5 — погребение 21 (раскоп I);

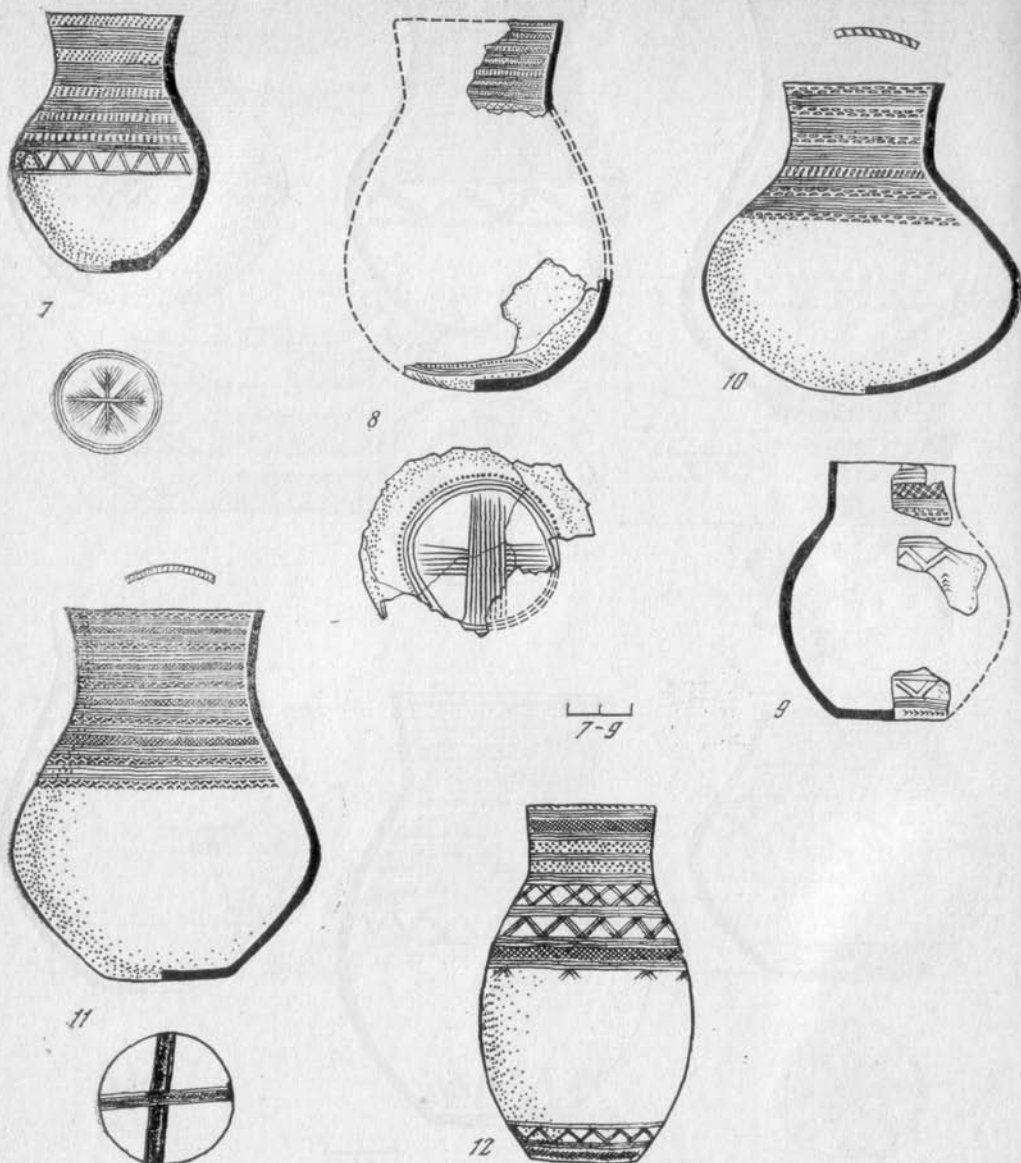

Таблица XV (окончание)

3, 8 — погребение 17 (раскоп I, совместно с рис. 9, табл. XVI); 6 — погребение 22 (раскоп I, совместно с рис. 1, табл. XVI). Бахмутинский могильник: 9, 12. Бирский могильник: 10 — погребение 196. Сынтыштамакский курган 10—11. Дата: рубеж периодов А и Б (9—12), период Б (1—8)

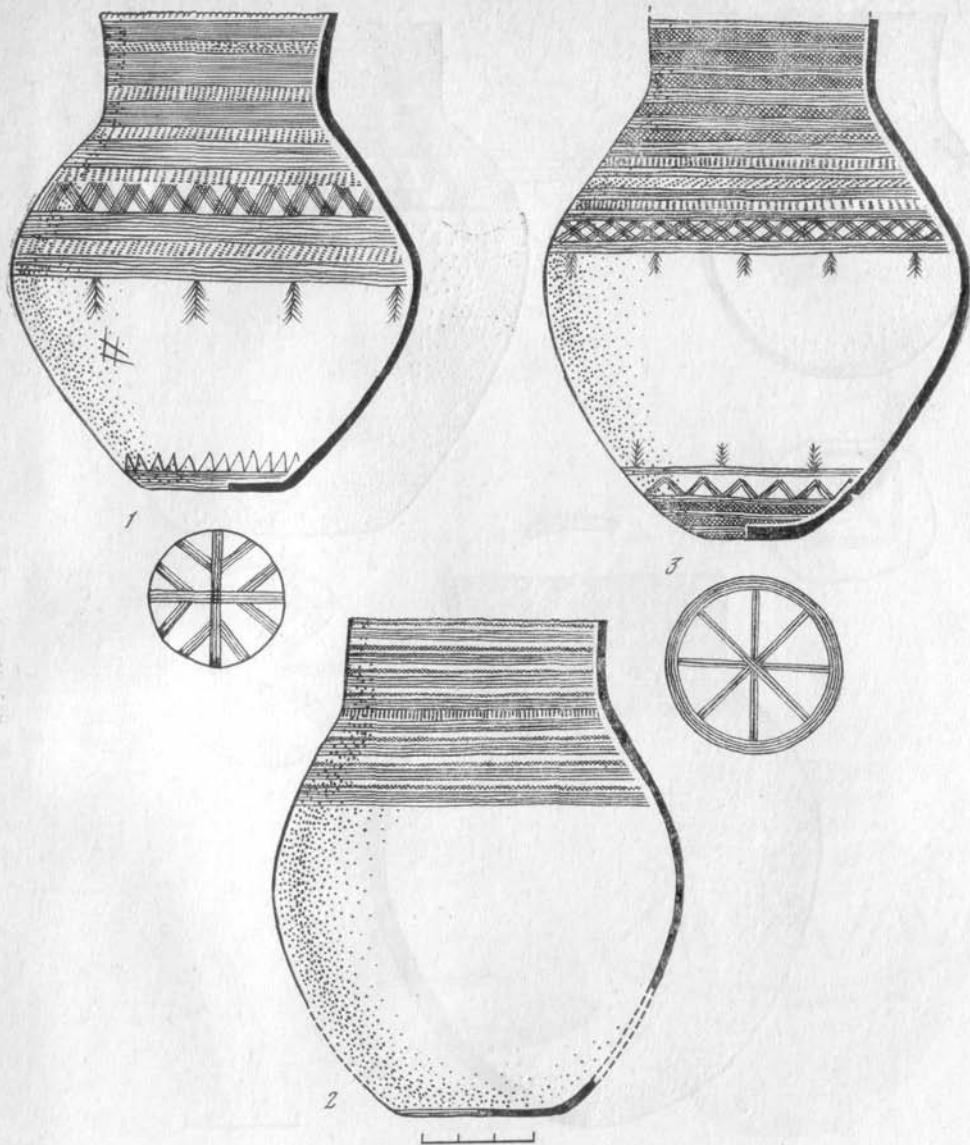

Таблица XVI.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Кушнарковская группа (тип 18)

Маянский могильник: 1 — погребение 22 (раскоп I, совместно с рис. 6, табл. XV); 3 — погребение 9 (раскоп II); 3 — погребение 8 (раскоп II, совместно с рис. 7, табл. XVIII); 9 — погребение 17 (раскоп I, совместно с рис. 3, 8, табл. XV); 10 — погребение 12 (раскоп I);

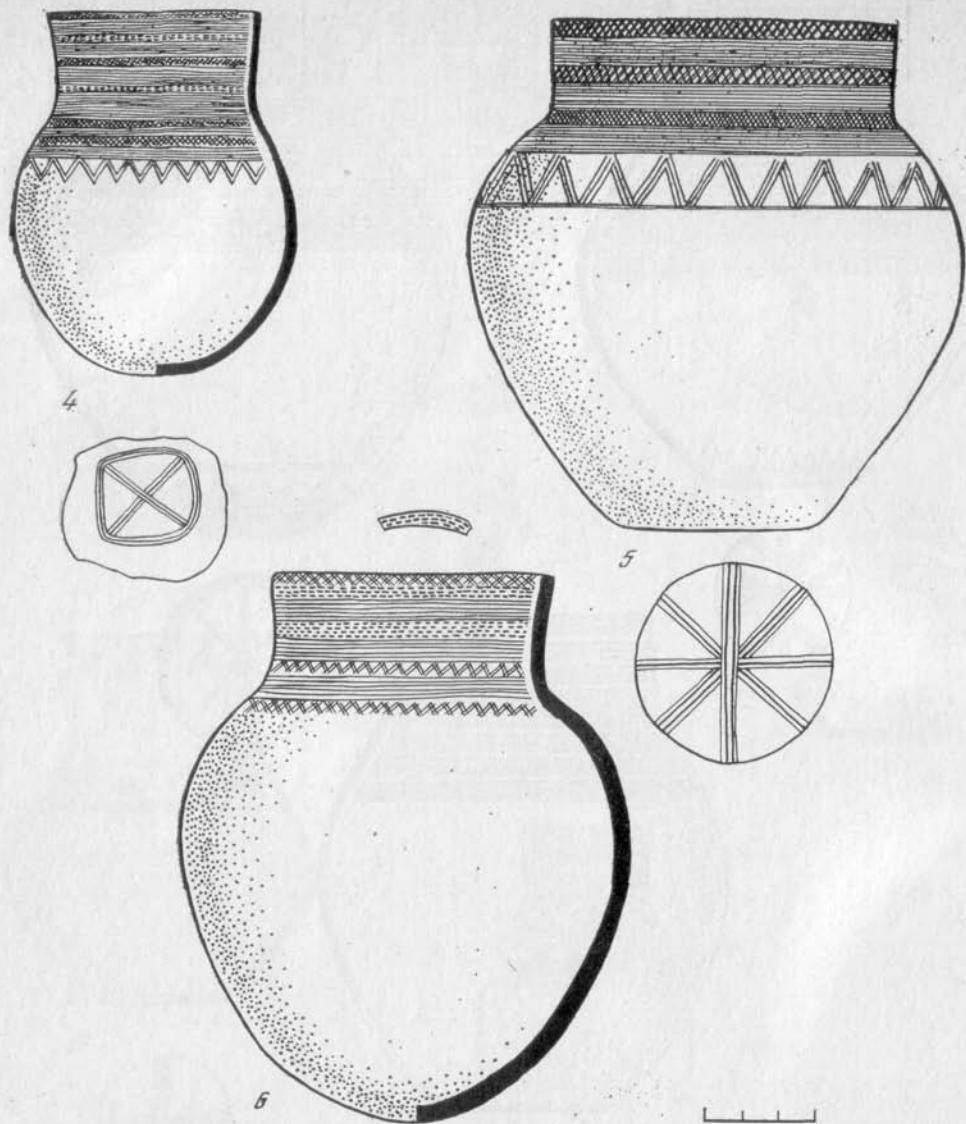

Таблица XVI (продолжение)

13 — погребение 11 (раскоп II, совместно с рис. 3, 4, табл. XVII). Ново-Биккинский курган: 2, 4. Ново-Турбаслинский курган 10, погребение 1—5. Кушнарниковский могильник: 6 — погребение 9 (1957 г.). Сынтыштамакский курган 3—7. II Красногорский курган 2—11. Ишим-баевский могильник: 12. Муракаевский курган: 3—14. Шареевский могильник: 15. Уфимское погребение: 16. Дата: рубеж периодов А и Б (5, 6), период Б (1—4, 7—13, 15). Без узкой даты (14, 16).

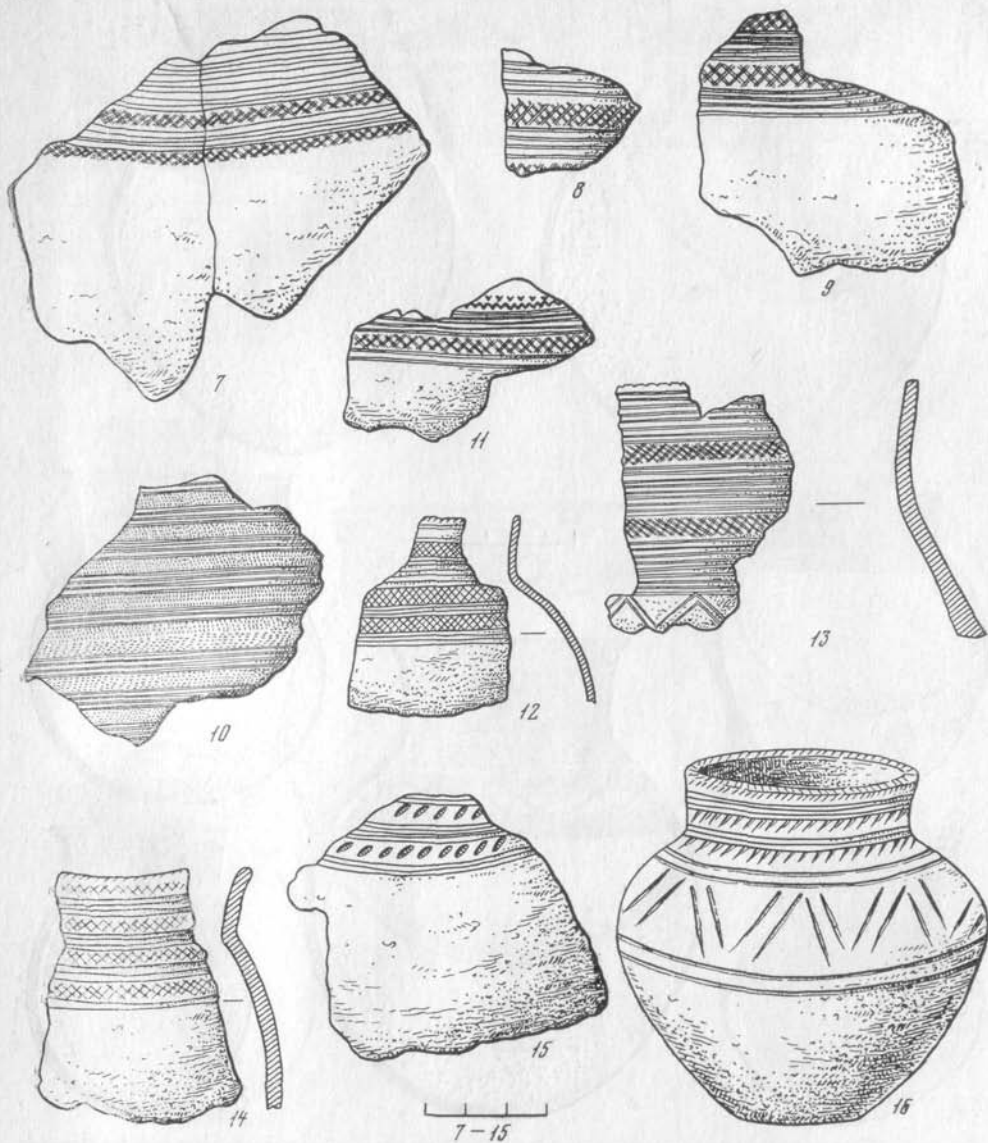

Таблица XVI (окончание)

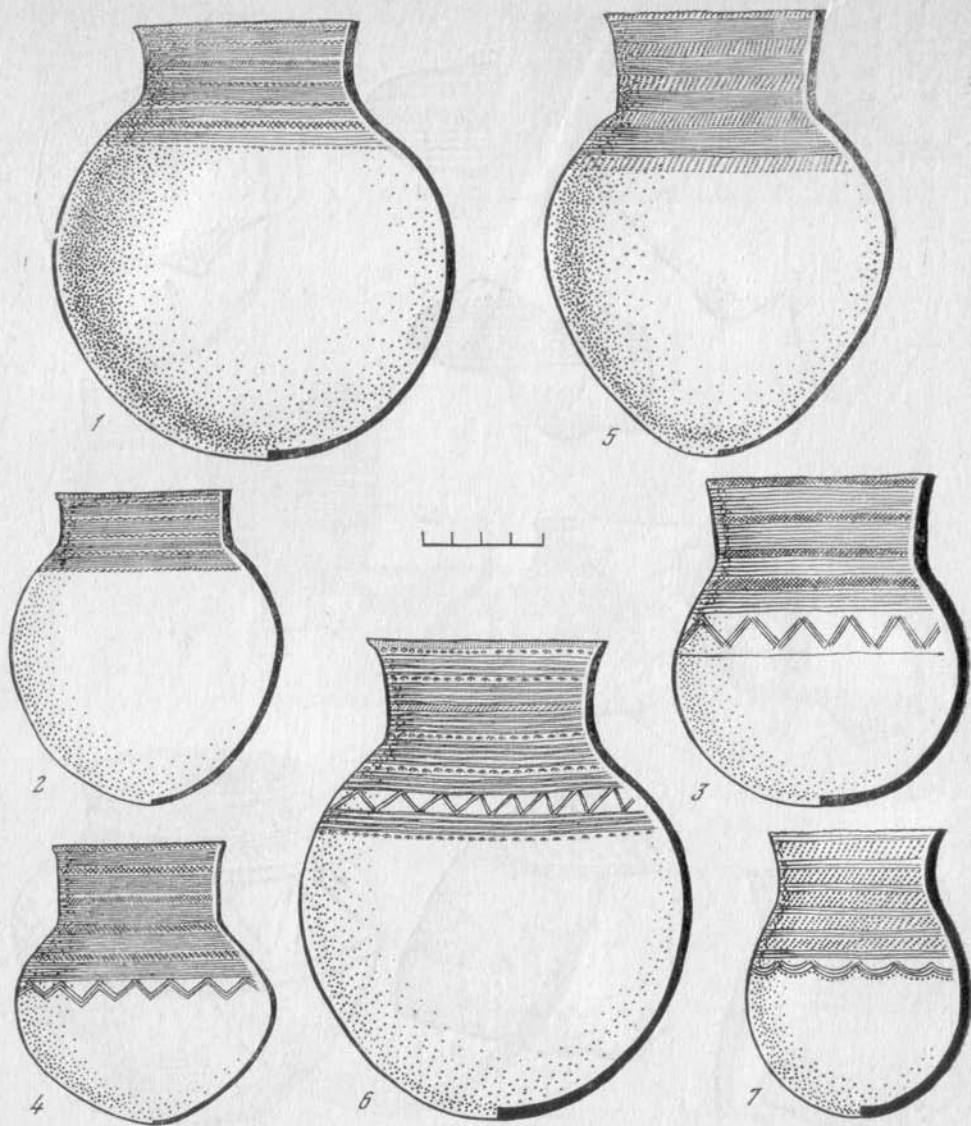

Таблица XVII.

Керамика из памятников раннего средневековья Южного Урала. Кушнарениковская группа (тип 19)

II — Красногорский курган 1. Манякский могильник: 3, 4 — погребение 11 (раскоп II, совместно с рис. 13, табл. XVI); 5 — погребение 1 (раскоп I, совместно с рис. 1, табл. XX); 7 — погребение 8 (раскоп II, совместно с рис. 8, табл. XVI). Лагереvские курганы: 6 — кур-

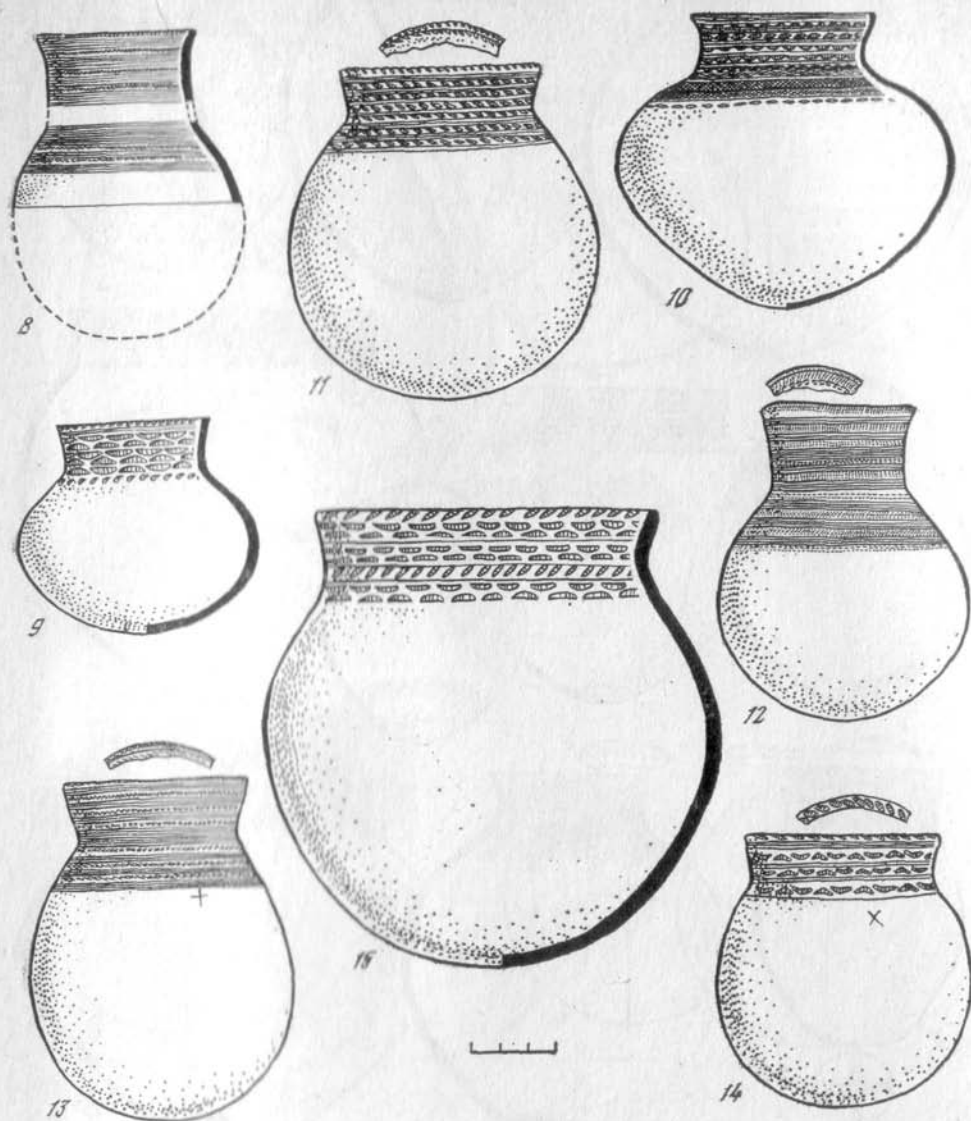

Таблица XVII (продолжение)

ган 38; 8 — курган 16, погребение 2; 11 — курган 10; 12 — курган 27, погребение 1; 13 — курган 36, погребение 1; 14 — курган 48. Бирский могильник: 9 — погребение 78. Сынтыштамакский курган 1, погребение 2—10. Кушнарниковский могильник: 15 — погребение 8 (1957 г., совместно с рис. 17, табл. VI). Дата: рубеж периодов А и Б (9, 10, 15), период Б (1—5, 7, 11), без узкой даты (6, 8, 12—14).

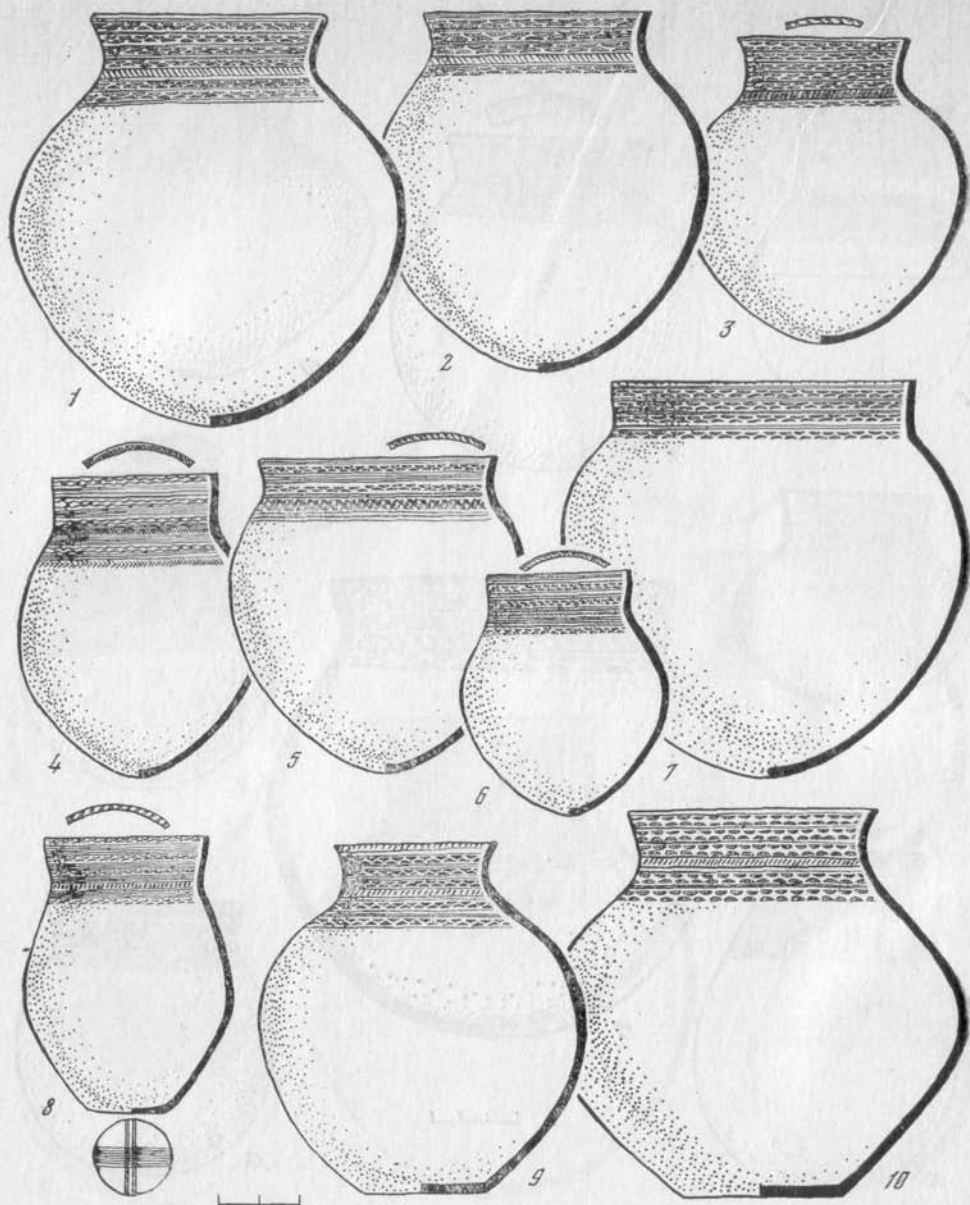

Таблица XVIII.

Керамика из памятников раннего средневековья Южного Урала. Кушнарниковская группа (типы 20, 21)

Бирский могильник: 1 — погребение 165; 2 — погребение 104; 3 — погребение 107; 5 — погребение 176; 6 — погребение 195; 9 — погребение 91 (совместно с типом II, табл. III); 10 — погребение 92. Булгарский курган: 4, 8 — Старо-Янзигитовский могильник: 7. Дата — рубеж периодов А и Б

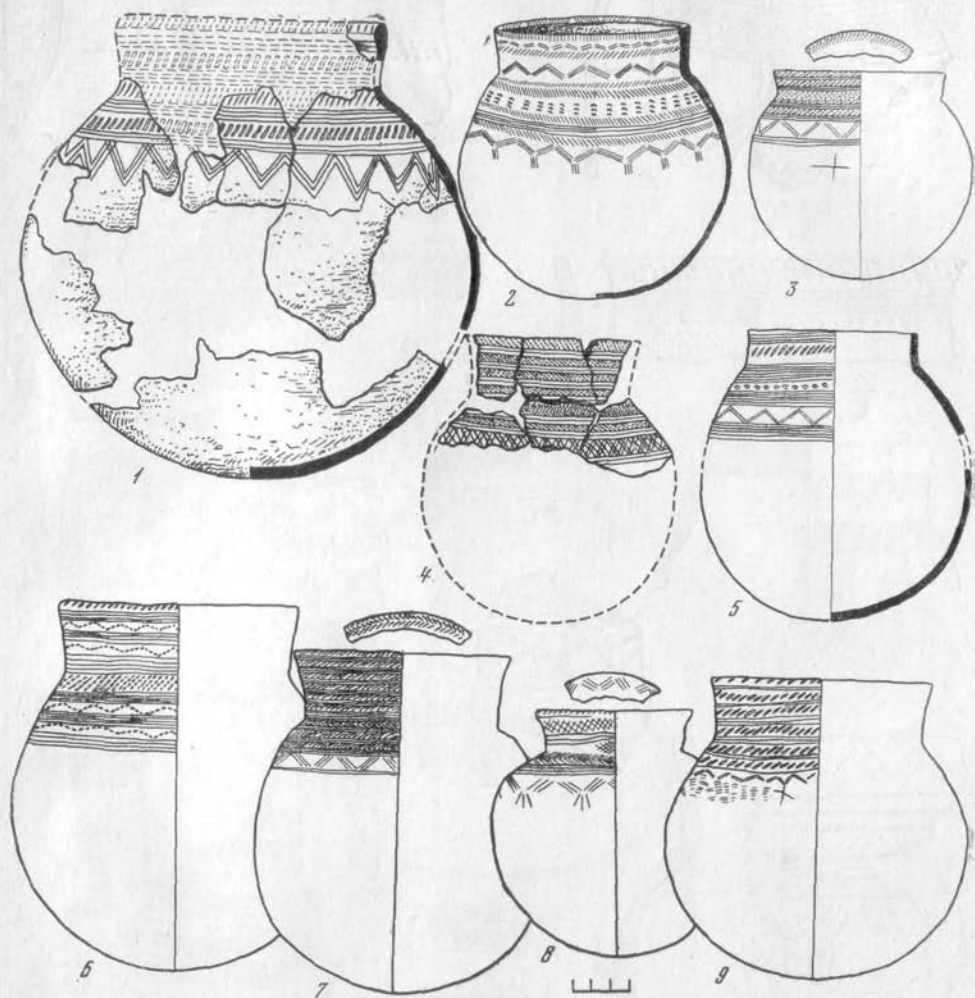

Таблица XIX (начало)

Керамика из памятников раннего средневековья Южного Урала. Кушнаренковская группа (тип 22)

Манякский могильник: 1 — погребение 1 (раскоп II). Старо-Халиловский курган 6—2. Лагереvские курганы: 3 — курган 8; 4 — курган 50; 5 — курган 11, погребение 1; 6 — курган 35, погребение 1; 7 — курган 14, погребение 1; 8 — курган 22, погребение 3; 9 — курган 57; 13 — курган 13, погребение 1; 15 — курган 31, погребение 2. II Бекешевские курганы: 10 — курган 1,

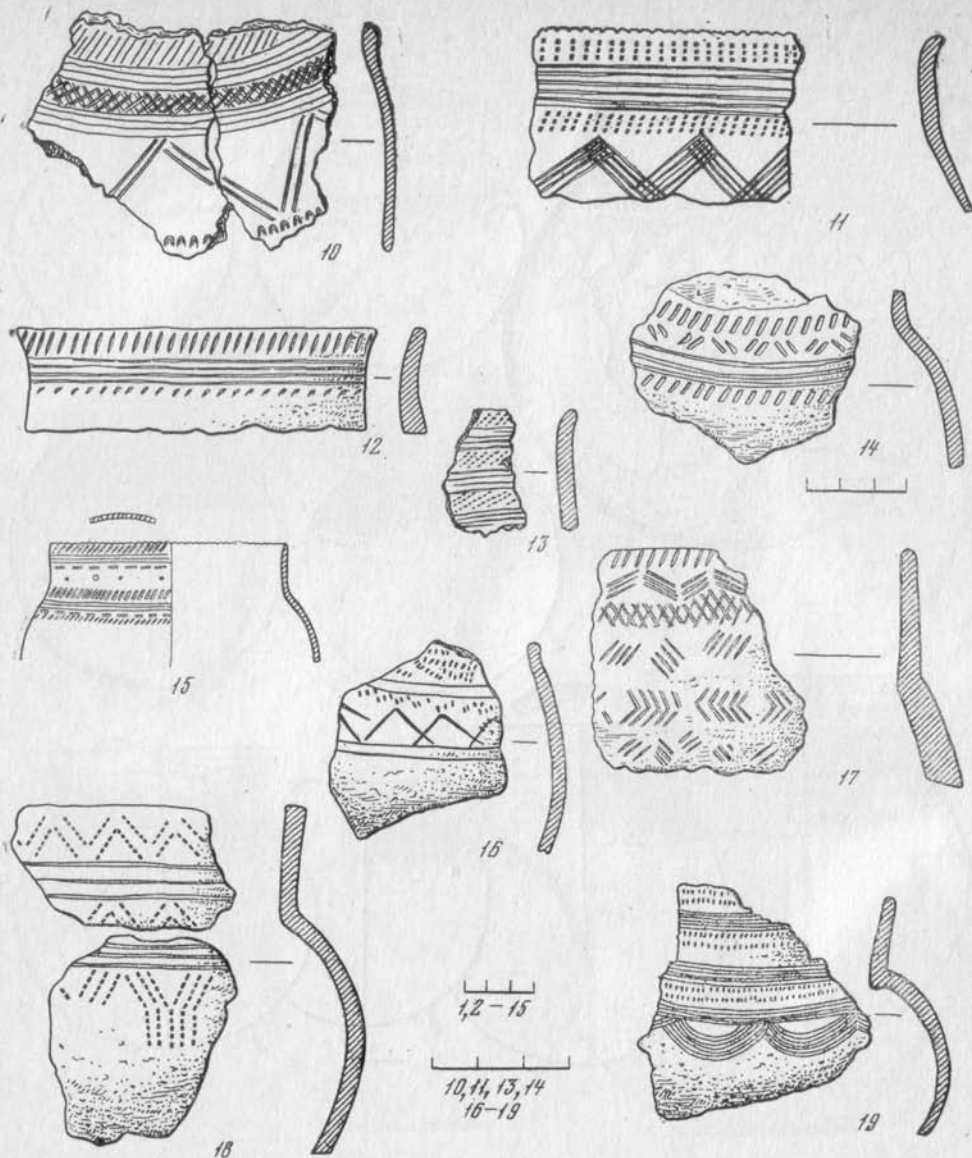

Таблица XIX (окончание)

погребение 8 (совместно с рис. 3, табл. XX); 11 — курган 2, погребение 5; 12 — курган 1, погребение 7. Стерлитамакский могильник: 14. Шареевский могильник: 16. Каранаевские курганы: 17, 18 — курган 11; 18 — курган 3, погребение 32. Дата — период Б (1, 16); период В (2, 10—12, 14, 16); период Д (3—9, 13); период Е (17, 19)

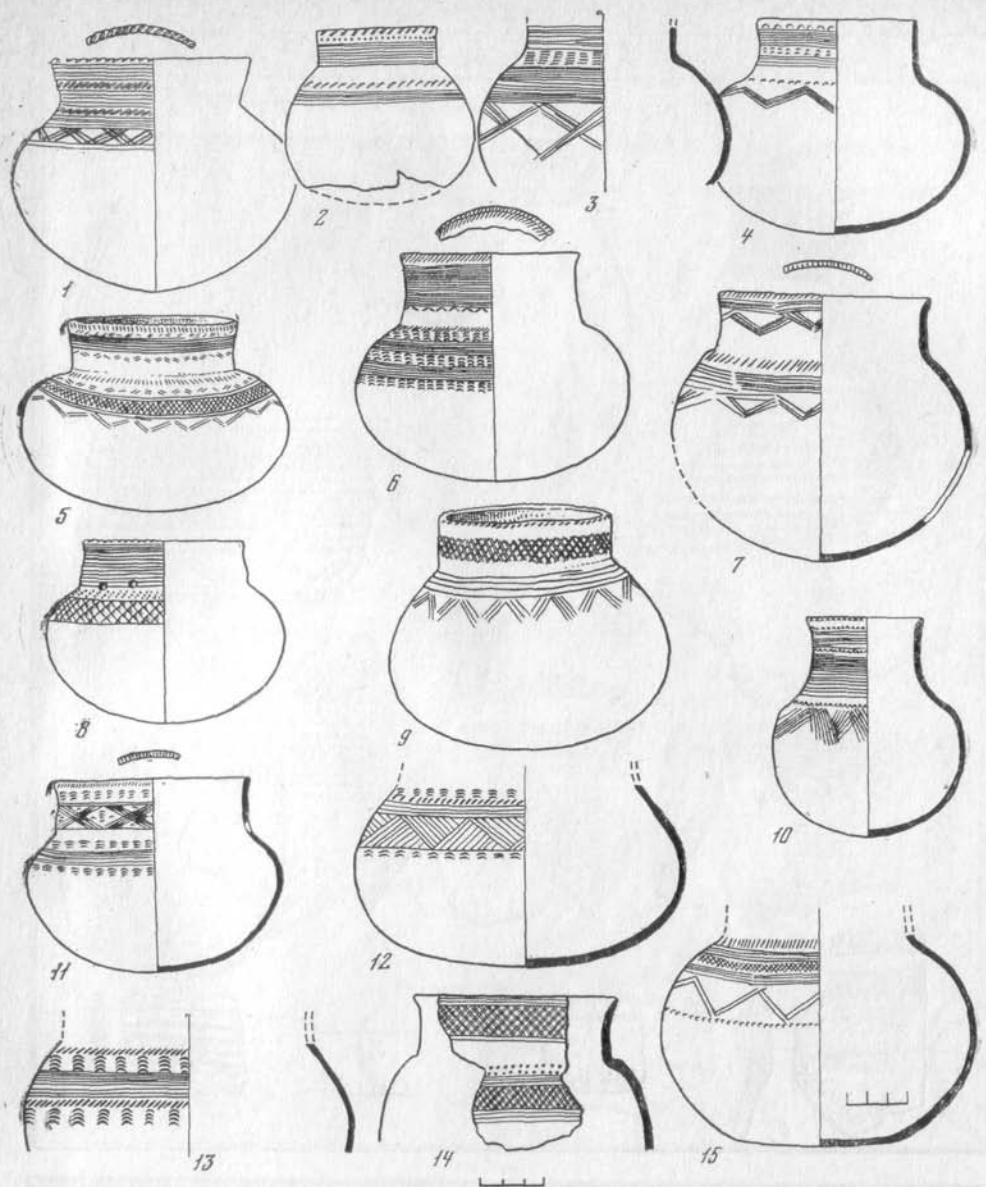

Таблица XX

Керамика из памятников Южного Урала эпохи раннего средневековья. Кушнаренковская группа (тип 22)

Маянский могильник: 1 — погребение 1 (раскоп I, совместно с рис. 1, табл. XVII). Хусаиновские курганы: 2 — курган 2, погребение 1; 5 — курган 6, погребение 3; 9 — курган 12, погребение 1 (совместно с рис. 1, табл. XXIV); 12 — курган 8, погребение 1; 13 — курган 6, погребение 1. II Бекешевские курганы: 3 — курган 1, погребение 8 (совместно с рис. 10, табл. XIX); 4 — курган 1, погребение 5; 6 — курган 5, погребение 1; 7 — курган 4, погребение 1; 8 — курган 2, погребение 8; 10 — курган 1, погребение 9 (совместно с рис. 11, табл. XXIII; рис. 10, табл. XXIV); 11 — курган 1, погребение 6; 15 — курган 1, погребение 3. Стерлитамакский могильник. 14. Дата — период В

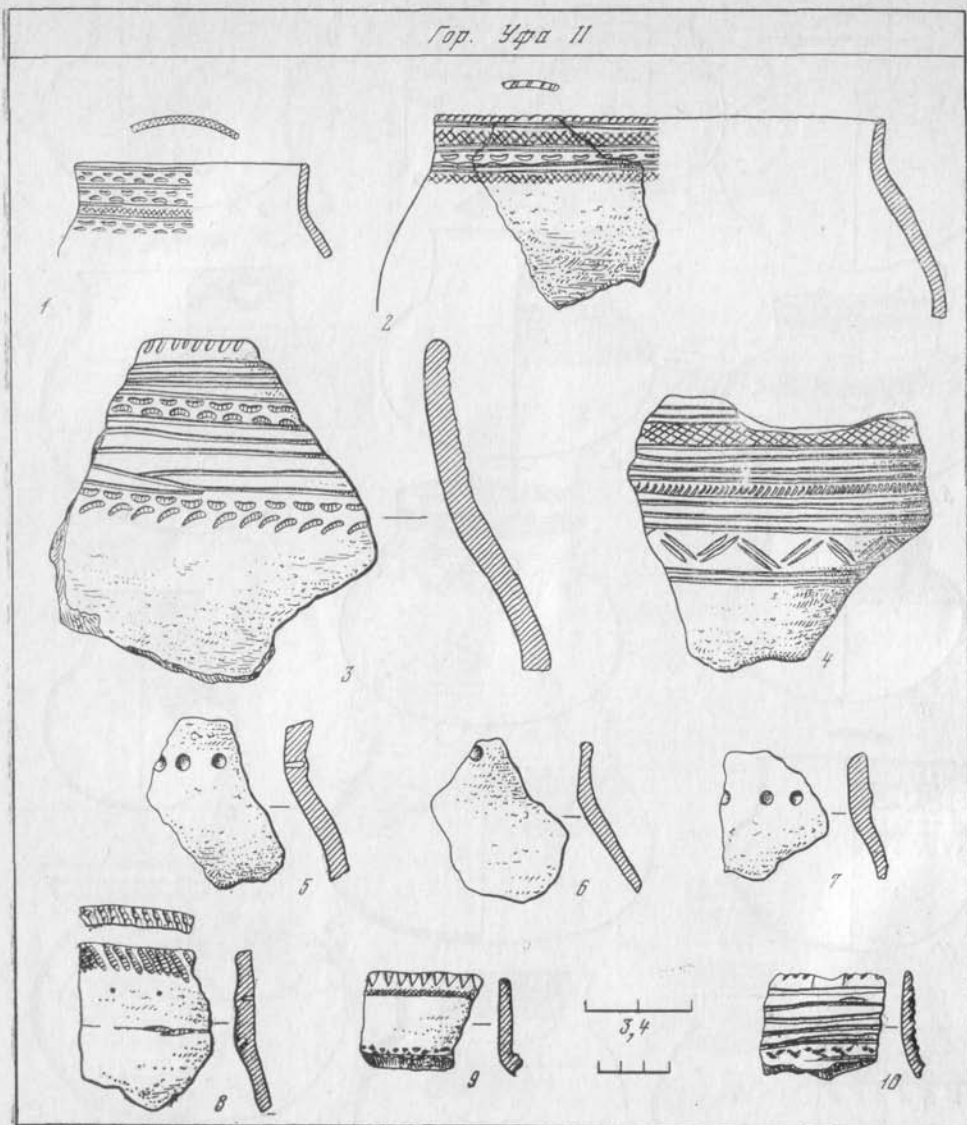
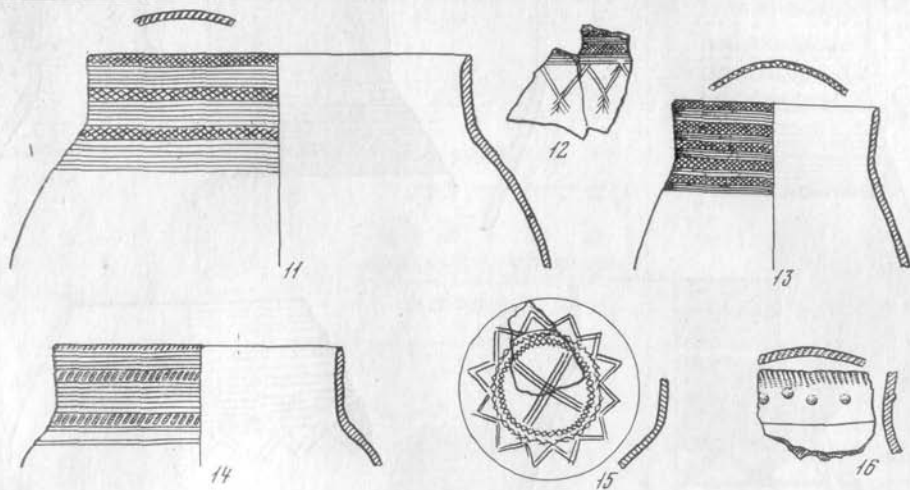

Таблица XXI

Керамика из поселений Южного Урала рубежа I и II тысячелетий. Кушнарниковская группа

пос. Набо-Турбаслинское II

пос. Романовла II

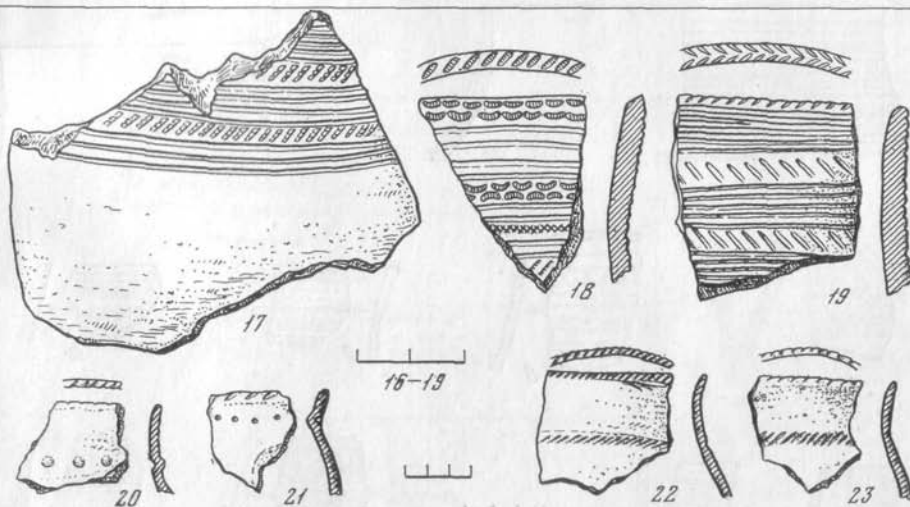

Таблица XXI (окончание)

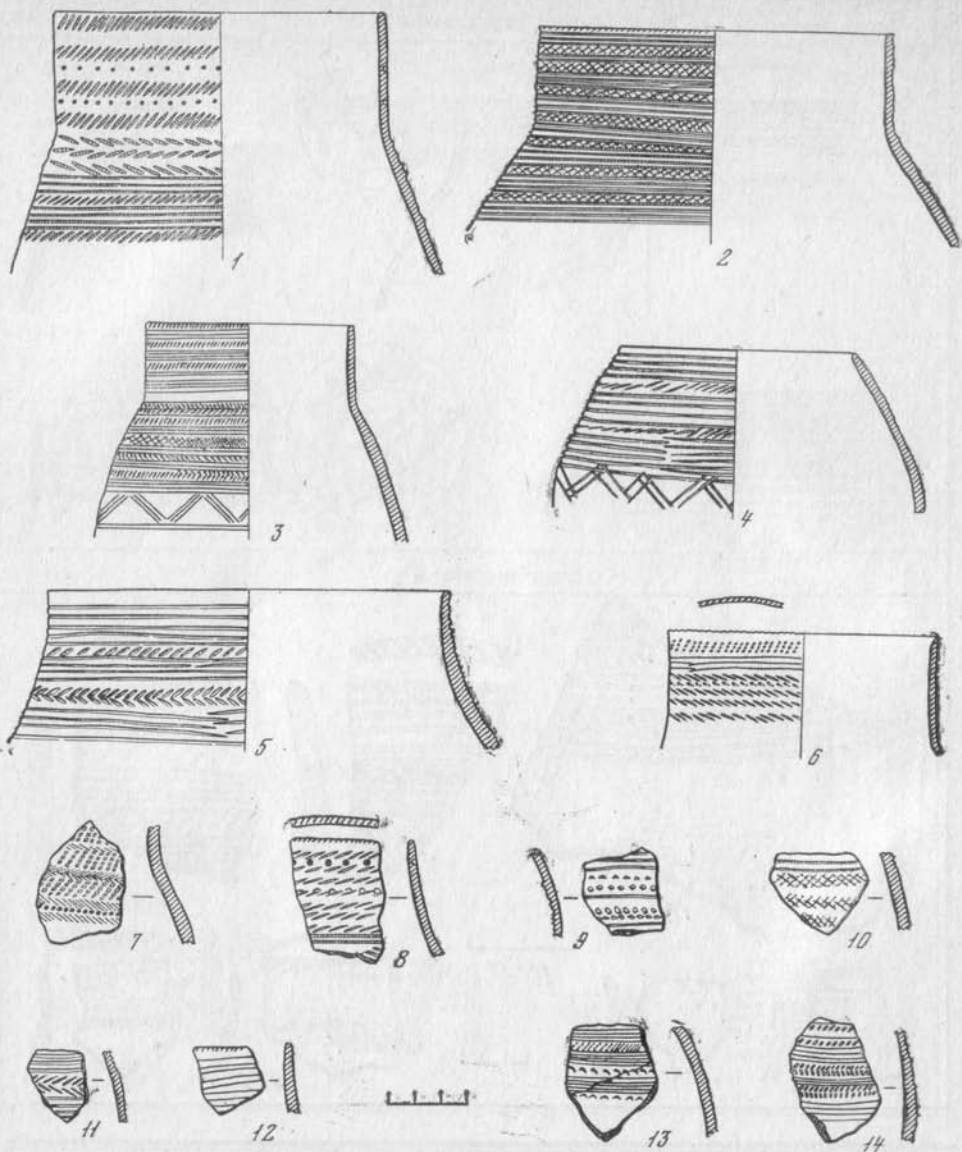

Таблица XXII
 Керамика из поселений Южного Урала рубежа I и II тысячелетий. Кушнарников-
 ская и кара-якуповская группы
 Старо-Калмашевское городище

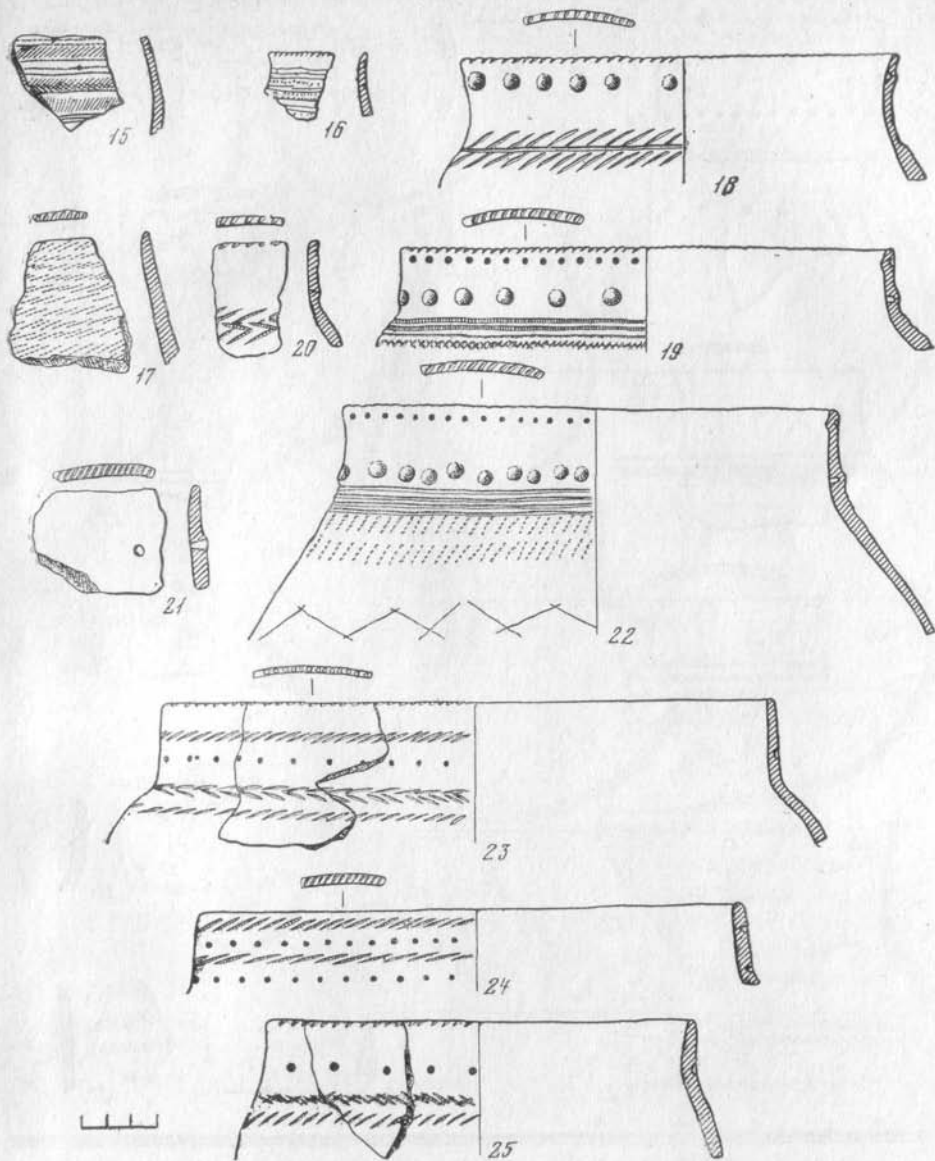

Таблица XXII (продолжение)

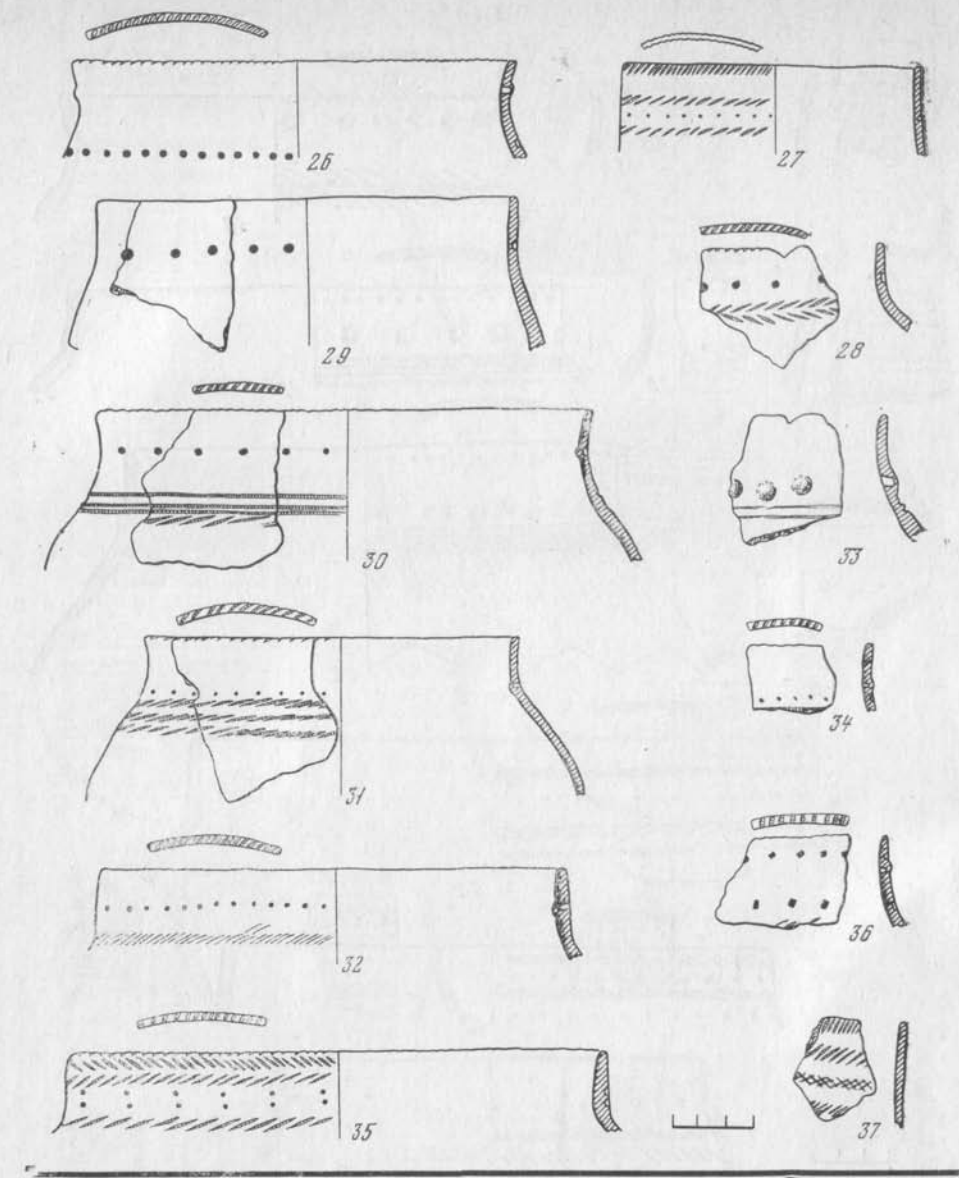

Таблица XXII (окончание)

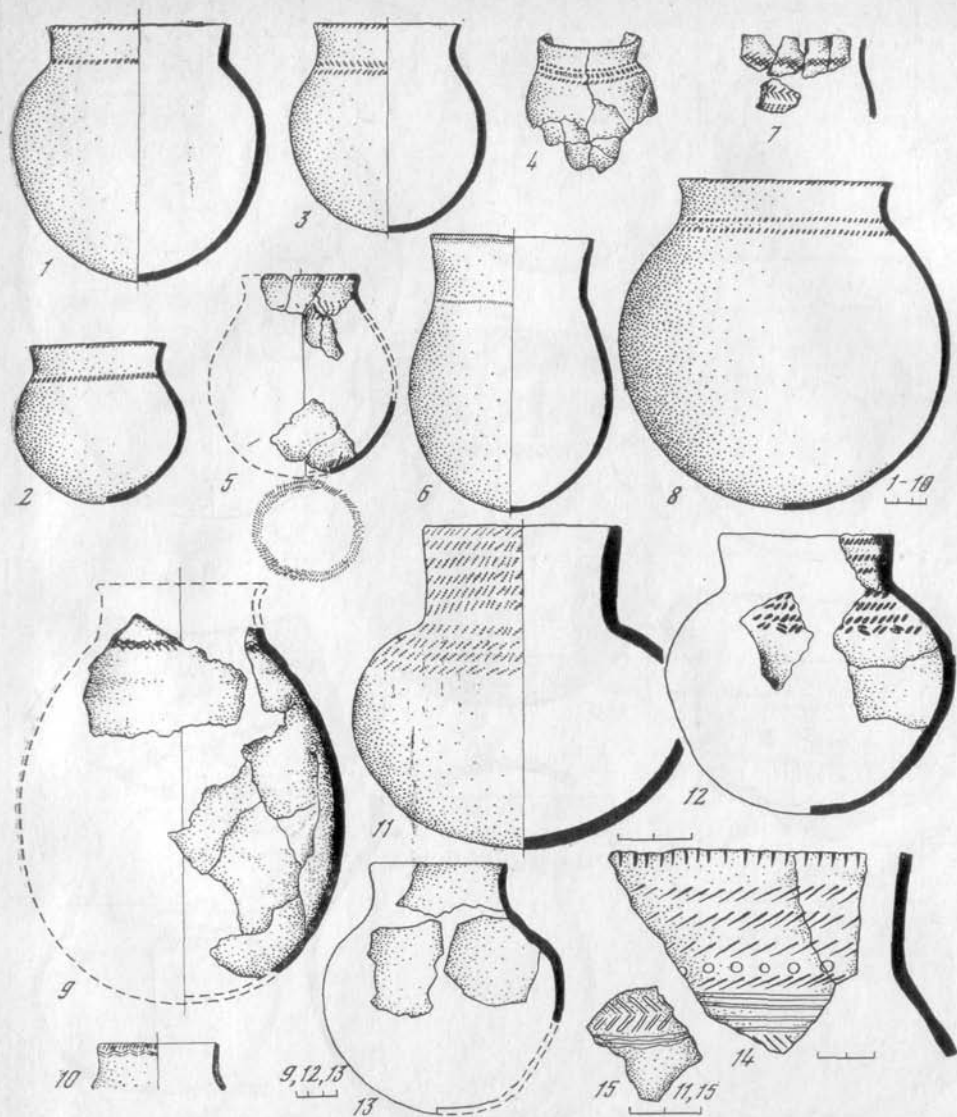

Таблица XXIII.

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Кара-якуповская группа (тип 23)

Маянский могильник: 1, 3 — погребение 14 (раскоп I); 2 — погребение 9 (раскоп I); 4 — погребение 2 (раскоп II); 5, 7 — погребение 3 (раскоп II); 6 — погребение 9 (раскоп II); 8 — погребение 4 (раскоп II, совместно с рис. 3, табл. XXV); 9 — погребение 21 (раскоп I). II Бекешевский курган 1, погребение 9—11 (совместно с рис. 10, табл. XX; рис. 10, табл. XXIV). Хусаиновский курган 6, погребение 4—10. Стерлитамакский могильник: 12—14. Каранаевский курган 6—15. Дата: периоды В, В (1—14), период Е (15)

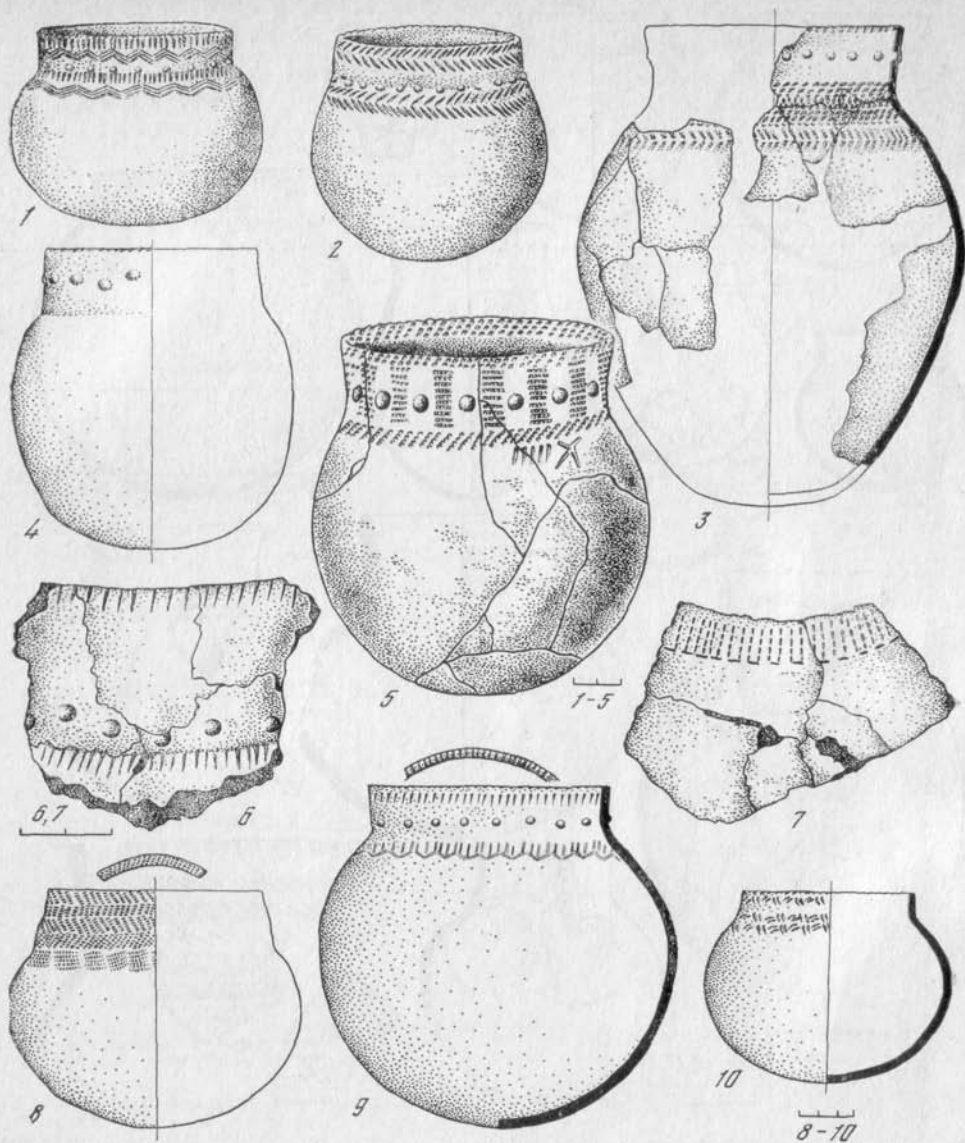

Таблица XXIV

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Кара-якуповская группа (типы 23—25)

Хусаиновские курганы: курган 12, погребение 1—1 (совместно с рис. 1, табл. XX). Каранаевский курган 12—2. Манякский могильник: 3 — погребение 5 (раскоп II); 5 — погребение 8 (раскоп I). II Бекешевские курганы: 4, 8 — курган 2, погребение 3; 10 — курган 1, погребение 9 (совместно с рис. 10, табл. XX; рис. 11, табл. XXIII). Идельбаевские курганы: 6, 7 — курган 4, погребение 3; 9 — курган 3. Дата — период Б, В (1—5), период Д (6, 7, 9)

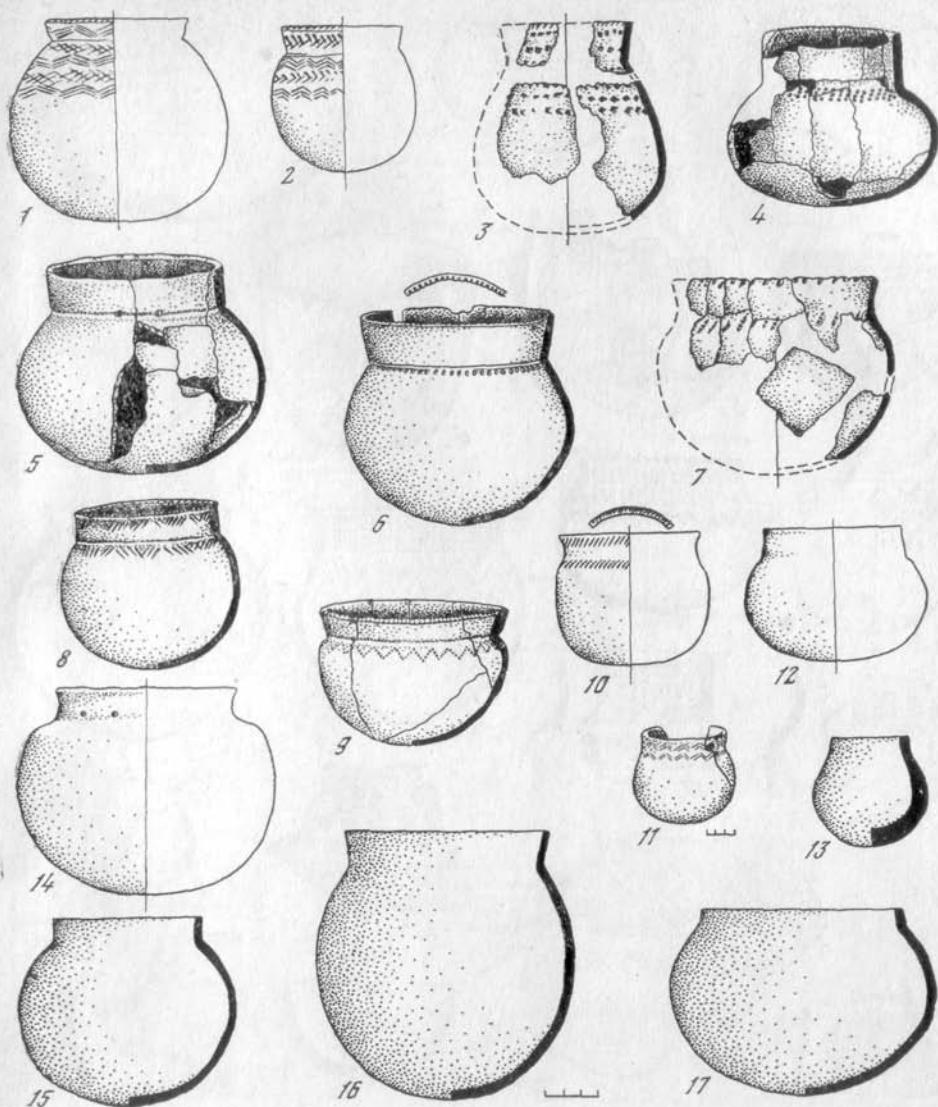

Таблица XXV

Керамика из раннесредневековых памятников Южного Урала. Кара-якуповская группа (типы 26, 27)

1 Бекешевский курган 2, погребение 3—1, 2. Манянский могильник: 3 — погребение 4 (раскоп II, совместно с рис. 8, табл. XXIII); 7 — погребение 10 (раскоп I); 13 — погребение 6 (раскоп I). Старо-Халиловские курганы: 4—6, 8, 9. Бекешевские курганы: 10 — курган 2, погребение 9; 12 — курган 4, погребение 2; 14 — курган 2, погребение 2. Идельбаевские курганы: 11 — курган 6, погребение 1; 15 — курган 4, погребение 1. Лагереvский курган 8 — 16. Хусанновский курган 6, погребение 3—17. Дата: периоды Б, В (1—3, 7, 10—14, 17), периоды Г—Е (4—6, 8, 9, 16)

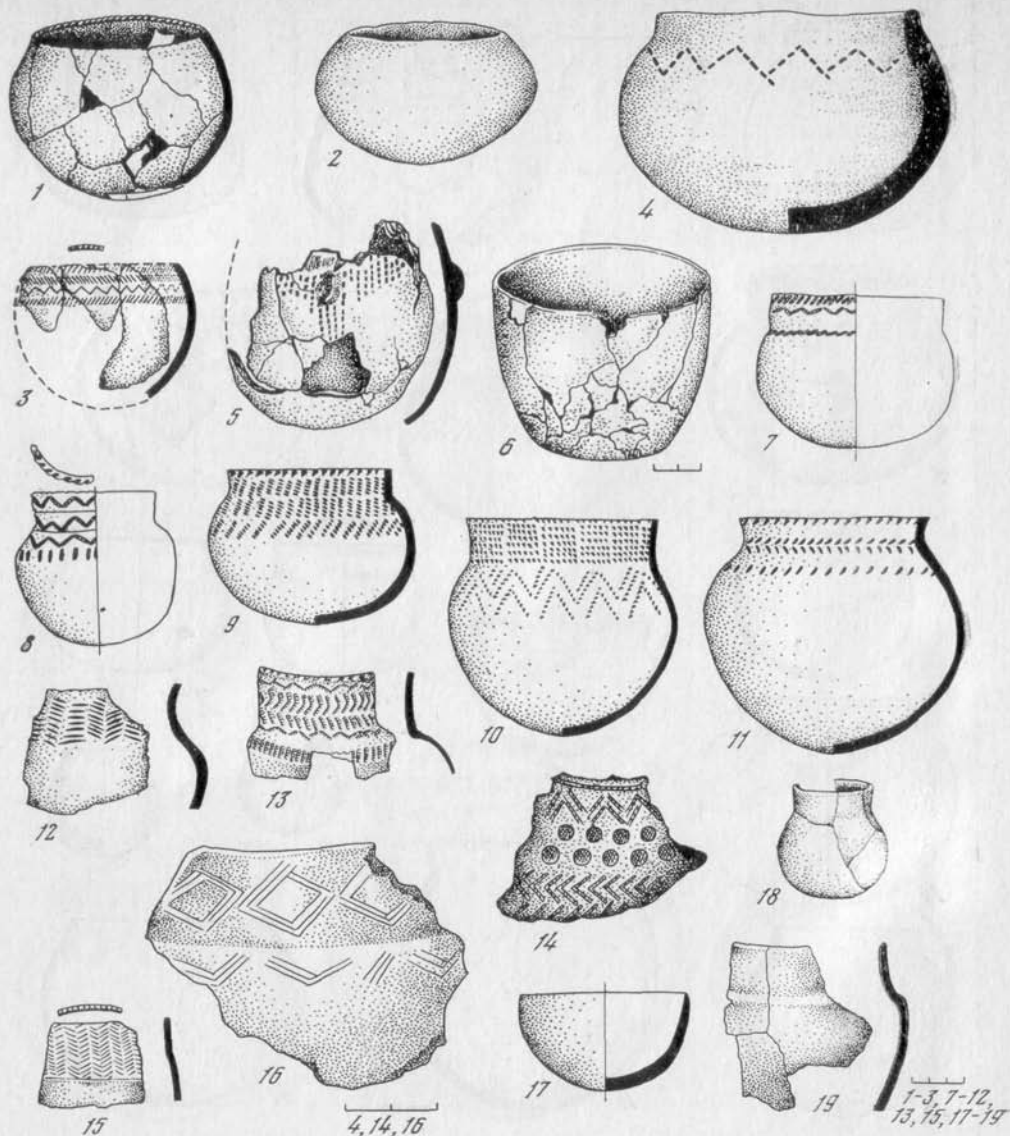

Таблица XXVI

Керамика из средневековых памятников Южного Урала (типы 27, 36)

Старо-Халиловские курганы: 1, 3. Идельбаевский курган 7—2; Каранаевские курганы: 4, 14, курган 6 (насыпь); 9—курган 3, погребение 13; 11, 15—курган 11, погребение 1 (совместно с рис. 21, табл. XXVIII); 12—курган 9, погребение 1; 13—курган 3, погребение 30; 15—курган 11, погребение 1; 16—курган 8. Кушулевский могильник: 5, 6, 10, 17, 18. Лагереvские курганы: 7—курган 27, погребение 2; 8—курган 17, погребение 2. Мрясимовский курган 28—19. Дата: периоды Г—З.

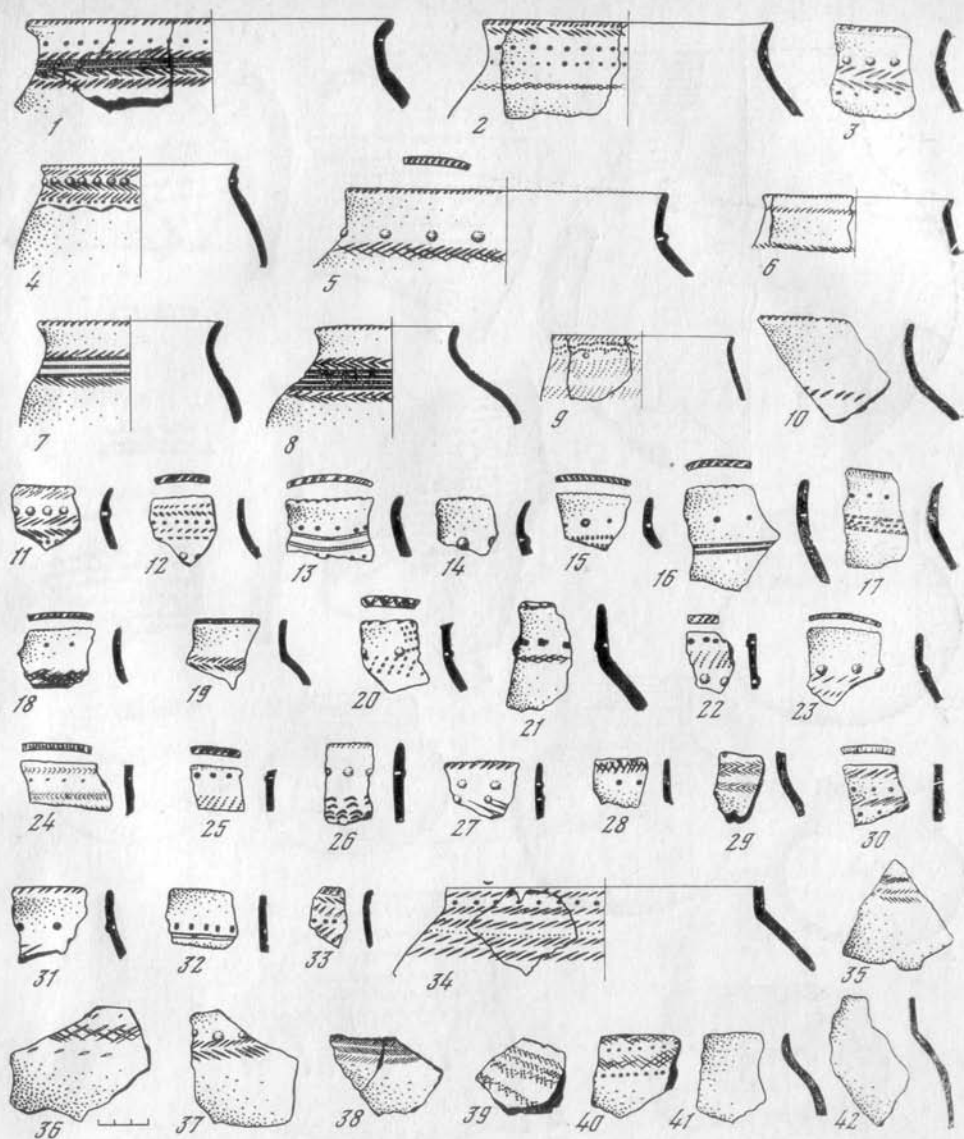

Таблица XXVII

Керамика из поселений Южного Урала. Рубеж I и II тысячелетий. Кара-якуповская группа (типы 29, 30)
Старо-Калмашевское городище

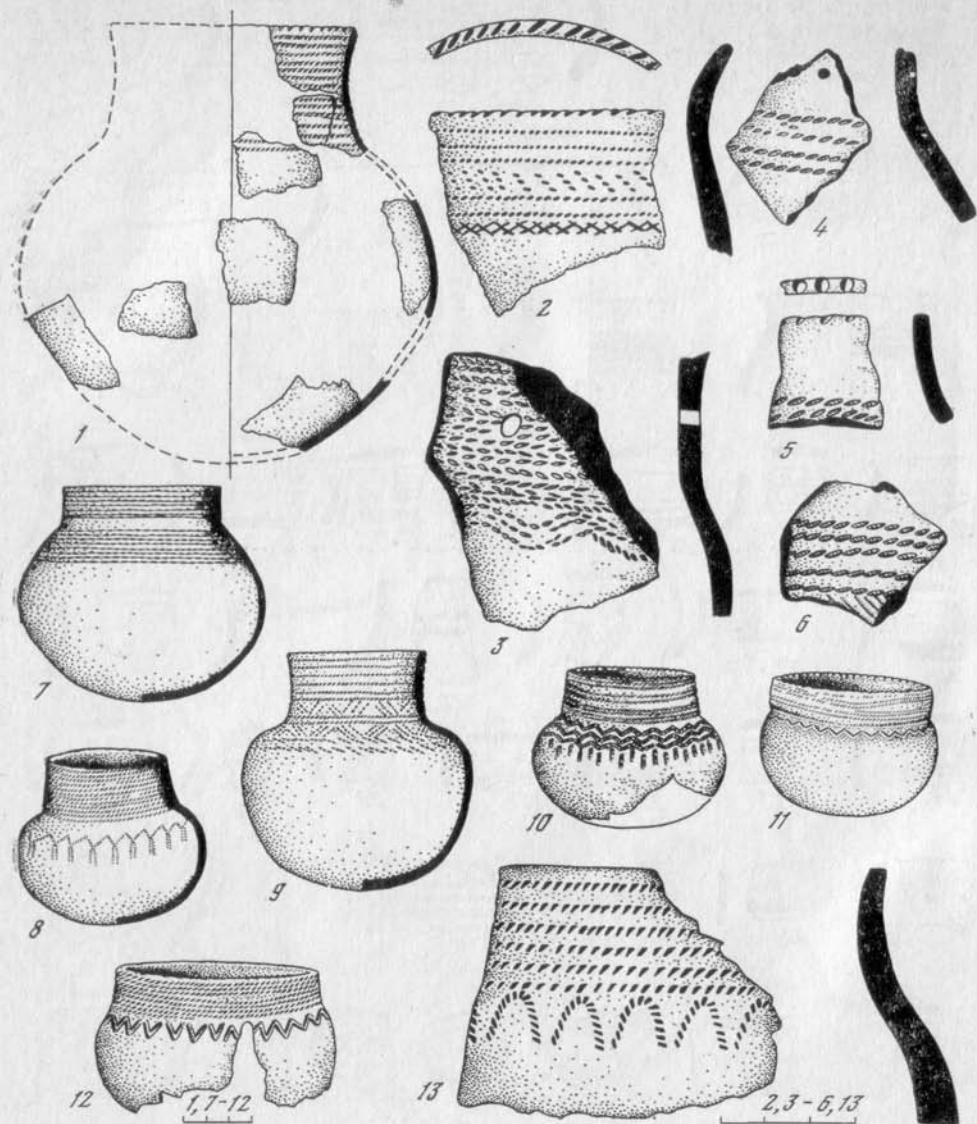

Таблица XXVIII

Керамика из средневековых памятников Южного Урала. Группа со шнуровым орнаментом

Манякский могильник: 1 — погребение 7; 2 — погребение 27 (раскоп I). Старо-Калмашевское городище: 3—6. Идельбаевский курган 7—7. Мрясимовский курган: 8 — курган 3; 12 — курган 10, погребение 1. Каранаевские курганы: 9 — курган 3, погребение 7; 10, 14 — курган 7

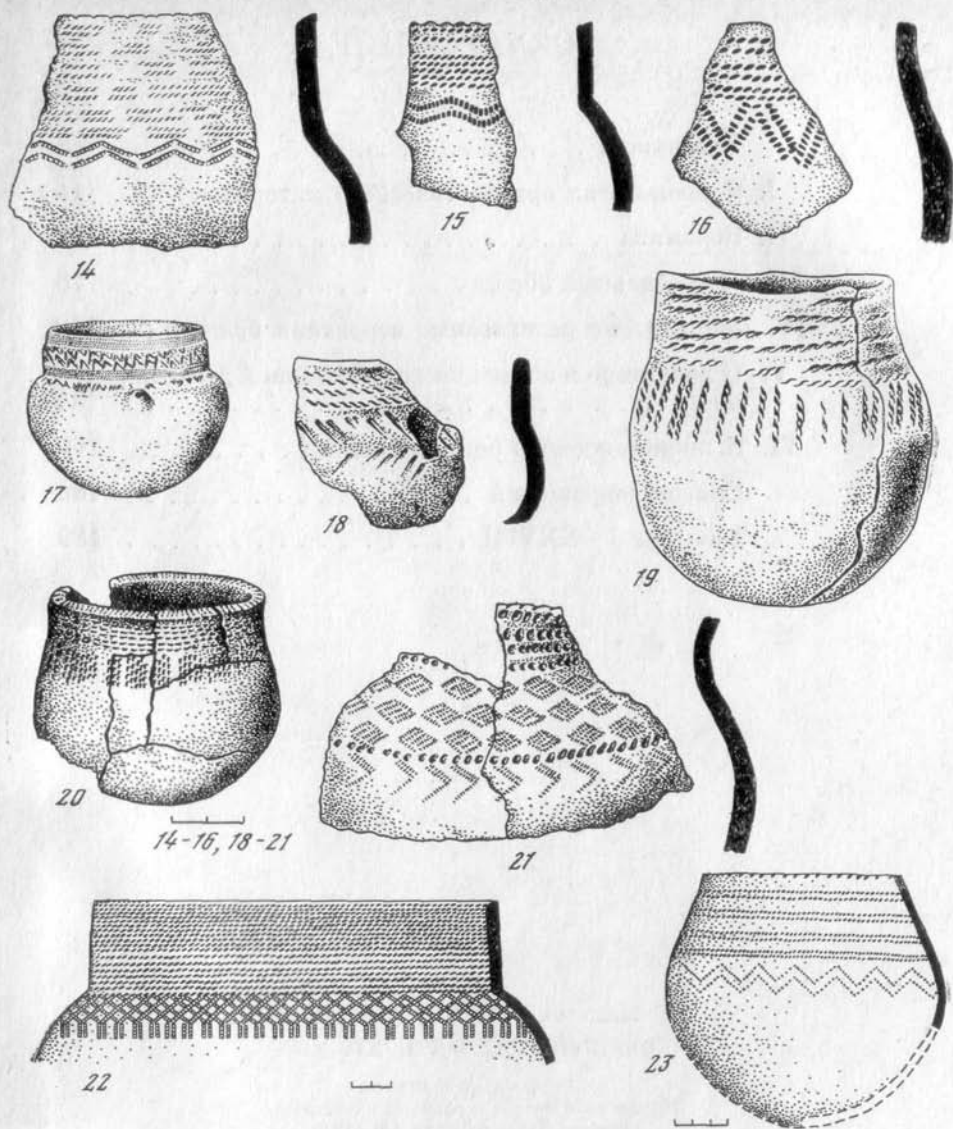

Таблица XXVIII (окончание)

(насыпь); 11 — курган 2, погребение 6; 15 — курган 3 (насыпь); 16 — курган 17 (насыпь); 17 — курган 6, погребение 4; 21 — курган 11, погребение 1 (совместно с рис. 11, 15, табл. XXVI); 23 — курган 4, погребение 1. Кушудевский могильник: 13, 18—20. Бакальский курган: 22.

Дата: XII—XIV вв.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. К хронологии археологического материала . . .	11
II. Керамика	39
III. Погребальный обряд	78
IV. Доисламские религиозные верования башкир . .	119
V. О характере и эволюции хозяйственной деятельности	134
VI. К происхождению ранних башкир	160
Список сокращений	188
Таблицы I—XXVIII	189

Мажитов Нияз Абдулхакович
ЮЖНЫЙ УРАЛ В VII—XIV ВВ.

Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
Башкирского филиала АН СССР

Редактор издательства Л. С. Кручинина. Художник Т. В. Буткевич
Художественный редактор Ю. П. Трапаков. Технический редактор Р. М. Денисова
Корректоры С. А. Андреева, Н. И. Казарина

Сдано в набор 17/III 1977 г. Подписано к печати 21/VI 1977 г. Формат 70×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 19 Тираж 2000 экз.
Т-10242. Тип. зак. 2000. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЕ

На корешке и обложке должно быть VII—XIV вв.

Зак. 2000. Н. А. Мажитов